

Тимофей Щербинин

СТРАТАГЕШЫ ЗАГОВОРЩИКА

Из поколения в поколение хранители преданий выбирали среди детей Удела Духов новое воплощение древнего вождя и пророка, известного как Смотрящий-в-ночь. Хранители следили, чтобы жизнь народа текла в согласии со священными ритуалами, а могущественный Орден Стражей защищал людей от древних чудовищ и злых колдунов. Но из-за моря пришли чужеземные захватчики и принесли с собой ветер перемен. Теперь молодой Смотрящий-в-ночь стремится по-настоящему править страной, жрецы разрешённых и запретных культов плетут интриги и готовят восстания, а Стражи готовятся нанести своим соперникам в борьбе за власть сокрушительный удар. Сумеет ли горстка недавних выпускников школы шаманов-чиновников уцелеть в этой буре, сохранить близких и распутать коварный заговор? Чью сторону им выбрать, если каждый по-своему прав?

Действующие лица

Двор Прозорливого:

Джал Канур, двадцать второй Смотрящий-в-ночь, Прозорливый — правитель Удела Духов;

Дарсен Тагар — командующий гвардией правителя;

Улагай Дамдин — личный прорицатель правителя, его агент по особым поручениям.

Шаманы Бириистэна:

Аюш Токта, бириистэнский законоучитель — правитель провинции и верховный шаман городского святилища;

Улан Баир, первый гранильщик — руководитель сургуля, т. е. училища шаманов-чиновников, и главный советник Токты;

Темир Буга, первый плавильщик — главный наставник воинов в бириистэнском сургуле, второй советник Токты;

Айсин Алдар — наставник внешней гармонии шестого ранга, куратор постройки парового буксира, отец Айсин Тукуура.

Бэргэн Найрана — жена Айсин Алдара из древнего шаманского рода Бэргэнов.

Кумац — младший плавильщик, офицер городского гарнизона.

Лучшие выпускники бириистэнского сургуля — "избранники Дракона":

Айсин Тукуур — сын Айсин Алдара, знаток церемоний третьего ранга;

Улан Холон — сын Улан Баира, дозорный Ордена Стражей;

Дзамэ Максар — оружейный наставник третьего ранга, ученик Темир Буги.

Дети и домочадцы Темир Буги:

Темир Илана — знаток внутренней гармонии (т. е., лекарь) третьего ранга, выпускница толонской медицинской школы, член толонского революционного подполья;

Темир Айяна — девушка с колдовскими способностями, за которой охотится Улагай Дамдин;

Высокий Пятый — островитянин-вольноотпущенник, бывший начальник телохранителей Темир Буги.

Прочие:

Аман Дарга — один из главарей восстания «Детей Грома».

Брат Ринчен — офицер Ордена Стражей.

Ган Бэлиг — законоучитель Баянгола.

Гурбан — хранитель священного сада в Улюне.

Ветер перемен

Усталое Светило тяжело оперлось об острые зубцы Гребня Дракона, торопливо выливая остатки света и тепла на гранитные скалы, лесистые склоны и кремово-жёлтые глинобитные стены Внешнего города, чтобы тронуться дальше налегке. Генерал Дарсен Тагар, первый полководец Смотрящего-в-ночь, привычным взглядом наблюдал, как тени хребта тянут свои жадные пальцы к обитым медью воротам, а вдоль дороги, силясь разорвать их объятья, загораются факелы и костры. Скоро они сольются в узкий огненный ручей, ползущий вопреки природе вещей не вниз, но вверх по крутым склонам пика Уединённого Созерцания.

Строительство башни Небесного Узора не прекращалось ни днём, ни ночью, пожирая камень, бронзу, железо, драгоценный корабельный лес и жизни рабочих. Уже три раза конструкция обваливалась, не выдерживая веса огромной подзорной трубы, которую строители силились втащить на верхний, тринадцатый, ярус. Инструмент весил около тридцати тонн — гораздо меньше, чем главный колокол Святылища, но его вытянутая форма неумолимо смещала центр тяжести конструкции. Трое наставников внешней гармонии лишились из-за этого головы, а их семьи отправились в шахты восполнять потери казны.

Генерал горько покачал головой. Ему не нравилось увлечение правителя мистикой и расплодившиеся из-за него во дворце проходимцы и шарлатаны. По мнению Тагара для войны с внешним врагом вполне хватало видимых примет и знамений, работавших десятилетиями. Чего было явно недостаточно — так это хороших ружей, крепких пушек и быстрых кораблей. Когда-то это понимал и Джал Канур, нынешний Смотрящий-в-ночь. Когда-то они понимали друг друга с полуслова, сражались с заморскими колдунами плечом к плечу и стали названными братьями. Но потом, на далёких островах, случилось проклятое чудо, разбудившее в душе правителя ненасытную жажду тайных знаний. Жажду, которой тут же воспользовались Трое Ближайших, чтобы оплести разум Канура паутиной лукавых слов и одурманить его тело миазмами ядовитых эликсиров. Мог ли тот, кто называл себя Прозорливым, не замечать этого? Порой генералу казалось, что Канур всё видит, и специально позволяет прочим мухам — всем этим прорицателям, созерцателям и книжникам — отвлекать троих пауков своим жужжанием. Порой Дарсен Тагар терял надежду, и только клятвы, данные на поле боя, удерживали его от бунта.

В конце концов, вся эта возня угрожала мирским и духовным основам государства. Разве не покарал Великий Дракон горделивых предков, чьи дворцы и обсерватории парили прямо в небесах? Многими знаниями кичились те люди, но это не спасло их разум от чар живых камней, а дома от огненной ярости падающих звёзд. Старый мир рухнул, от него остались лишь волшебные сказки, переплетённые с наставлениями первого Смотрящего-в-ночь. Теперь его называли Стальным Фениксом, этого посланника Дракона, что говорил с духами, поднимал людей на битву с живыми камнями, отбил у них Священную Столицу и обещал возвращаться вновь и вновь, чтобы вести человечество к новым свершениям. Двадцать одно воплощение Прозорливого успело с тех пор прийти и вернуться в страну духов, нынешний правитель считался Двадцать Вторым. Каждый раз Трое Ближайших искали возрождённого по всей стране, ведь именно в них жила память ближайших соратников Первого... Или так они говорили.

Видя дела троих высших сановников, Дарсен Тагар часто в том сомневался. А если трое пауков были самозванцами, что мешало им выбрать обычного слабовольного человека,

которым удобно управлять, оставаясь в тени трона? Когда-то генерал Тагар верил, что этого не допустит Лазурный Дракон. Но не была ли его вера столь же наивной, как страх простолюдинов перед живыми камнями — неповоротливыми морскими зверями, любящими погреться на прибрежных валунах? Тагар убил достаточно этих существ, чтобы сомневаться в колдовских способностях, о которых твердили хранители заветов. Уродливые твари, пожалуй, были смыслённей водяных буйволов и метко швырялись камнями, но...

— Мой генерал, — прервал бег его мыслей почтительный полушёпот ординарца, — ритуал близится к концу.

Генерал непроизвольно сморщил нос. Одна мысль о едких испарениях киноварных снадобий, смешанных с дымом благовонных палочек, рождала тошноту. Обычно Прозорливый разрешал начальнику своей стражи появляться в самом конце алхимических ритуалов, чтобы вынести полубесчувственного правителя из Зала Созерцания. Но сегодня Тагару было велено вернуться раньше.

— Солдаты готовы? — буркнул Дарсен Тагар.

— Да, храбрейший! — отчеканил ординарец.

Первый полководец сжал губы и повернулся к садам Внутреннего города, из тёмной чащи которых вздымалась в алеющее небо рукотворная скала древнего Святилища. Вырезанные забытыми мастерами из твёрдого гранита склоны были на две трети покрыты кружевными барельефами, на которых, среди величественных стволов и гибких лиан, в благоговейных позах застыли люди, звери и духи — существа одновременно прекрасные и жуткие в своей непохожести на все, что генерал когда-либо видел. Выше, там, где природные скалы укрывала ледяная шапка, сверкал серебристый металл, увенчанный россыпью прозрачных кристаллов. Бурный поток вытекал из резной арки у подножия скалы и, закрутившись спиралью вокруг святилища, исчезал в туннеле под неприступной стеной Внутреннего города, чтобы вновь пробиться из земли сотней фонтанов среди поместий и лачуг города внешнего. Говорили, будто в сердце скалы скрыт и другой источник — источник бессмертия и непреодолимой мощи, которой духи наделили великих предков. Но вход в древнюю святыню был запечатан по приказанию Тринадцатого воплощения, а, может, и задолго до него. Потомкам приходилось довольствоваться малым. Двадцать Второй практиковал внешнюю и внутреннюю алхимию, которой его увлекли старые советники, в Малом Павильоне, полностью скрытом под кронами вековых сосен древнего парка.

Солдаты, заскучавшие было у его дверей, встряхнулись при виде командующего и синхронно приложили к груди правые кулаки, левыми удерживая на плечах ручные картечницы-огнеплюи. Тагар коротко кивнул им и, набрав воздуха словно перед прыжком в воду, погрузился в вязкое марево церемониального зала.

Огоньки восковых свечей тщетно пытались разогнать мрак, бросая дрожащие отсветы на бесстрастное лицо правителя, сложные узоры из цветного песка у его ног, булькающее в котлах варево и суесящихся прислужников. В этом призрачном свете лоснящееся лицо Двадцать Второго само казалось слепленным из мягкого воска. Не открывая глаз, Смотрящий-в-ночь водил пальцами по изгибам песчаной картины, низким вибрирующим голосом выводя гортанные куплеты Песни Шаманов. Один из старших советников аккомпанировал ему на варгане, двое других склонились над толстостенным тиглем, в котором выплавлялись пилюли долголетия. Едва видные в полумраке младшие знатоки церемоний вполголоса бормотали слова молитв, такие же пустые и удушливые, как дым благовоний.

Генерал усмехнулся. Его веру в ритуалы погубило то, что для большинства стало незыблемым доказательством заступничества духов и чудесных способностей Смотрящего-в-ночь. Люди быстро забывают, что произошло на самом деле и вспоминают так, как хотят вспомнить. Но в его, Тагара, память битва за Черепаши острова вгрызлась раскалённым клеймом. Стоило только закрыть глаза, вдохнуть отдающий порохом дым благовоний, и его беспокойный дух тут же перенёсся в развалины древнего святилища на вершине уродливой серой скалы, похожей на кабанью голову. Отчётливо, как наяву, генерал видел, как бурые от водорослей волны в бессильной ярости бьются в утёсы, как вспыхивают один за другим корабли Смотрящего-в-ночь, и крики раненых влетают в пение шаманов.

— Канур! — хотел прореветь генерал, но его крик зазвучал отвратительно тонко, почаячи. — Бросай камлать! Мы должны ударить по ним от берега, пока не поздно!

Правитель обернулся, на юном лице застыла маска гнева и отчаяния.

— Ты ослеп, Тагар?! Эти демоны владеют огнём, как нам и не снилось! Каждый выстрел попадает в цель! Нас спасёт только чудо, и я, клянусь Драконом, его совершу!

Он машет рукой слугам.

— Тащите это лисово отродье на алтарь и принесите фарфоровый нож!

И чудо произошло. Эта сцена возвращается к Тагару каждую ночь. Животный страх на лице пленного колдуна, спутанные серебристые волосы, прилипшие к мокрому лбу. Алый туман, вырывающийся из древнего алтаря. Корчащиеся в приступе удушья служители. И, вдалеке, среди огнедышащих кораблей вражеского флота — огромный, обросший водорослями и моллюсками панцирь древнего боевого чудовища, поднявшегося из глубин. Великая морская черепаха снова пришла на помощь Смотрящему-в-ночь. Но что было бы, если бы Тагар метким выстрелом не оборвал жизнь беловолосого варвара?

Усилием воли полководец вернулся в полумрак павильона. Дым сегодня был особенно резким. На мгновение генералу показалось, что он уловил в этой какофонии запахов нотку чего-то странно знакомого, но, стоило ему принюхаться, как в носу отчаянно засвербело. Сосредоточившись на том, чтобы не чихнуть в присутствии Прозорливого, Дарсен Тагар едва не упустил момент, когда тигель выплюнул облачко пара прямо в лицо одному из Трёх Ближайших. Старик сделал быстрый вдох, но опоздал на доли секунды и, вместо того, чтобы задержать дыхание, втянул ядовитые пары. Страшно выпучив глаза, сановник беспомощно взмахнул руками и рухнул на пол, как тряпичная кукла.

Смотрящий-в-ночь вскочил словно кот, учуявший добычу.

— Измена! — прорычал он. — Сколько дней вы кормили меня ядами, выдавая их за эликсир долголетия?!

Второй сановник выронил варган, со страхом и изумлением глядя на правителя.

— Мой господин, — пролепетал он, — мы никогда...

Генерал осклабился. "Чтобы увидеть трясущиеся щёки этого хомяка стоило потерпеть немного алхимического зловония", — подумал он. Но как бы не радовало Тагара то, что Смотрящий-в-ночь решил восстать против лживых советников, за происходящим в павильоне чувствовалась рука ещё одного проходимца. Как видно, это осознал и третий из сановников. Этот жилистый старик в чёрно-красных одеждах книгохранителя ордена Стражей быстро шагнул к своему товарищу и звонкой пощёчиной прервал его жалобное бормотание.

— Молчи! — бросил он. — Не видишь, что всё это подстроено? Не иначе, проклятый предатель Дамдин отравил сердце правителя злой ложью!

Ближайший выпрямился и твёрдо произнёс, глядя в глаза правителю:

— Мой повелитель! Ради жизни твоей души и блага государства прошу тебя — одумайся! Помни, что мы призваны защищать тебя от врагов и проклятий — и от самого себя!

"У этого крепкие нервы", — признал Тагар. — "Как и у всей чернокафтанной братии. Только зря он начал угрожать".

— Убить бунтовщиков! — холодно приказал Двадцать Второй.

Старый сановник с тяжёлым вздохом вытащил из трости стилет.

— Увы нам, правитель обезумел! — горестно воскликнул он. — Добдобы, ко мне!

Не дожидаясь, пока ошалевшие храмовые стражи придут на помощь хранителю заветов, генерал разорвал шёлковую ленту, на которой висело заточенное золотое кольцо — знак его ранга. Слегка пригнувшись, он отвёл правую руку назад, скручиваясь всем корпусом, за затем резко распрямился, посылая смертоносный снаряд в сановника. Старик на удивление ловко отбил диск своим клинком.

— Зря, — всё с той же грустью сказал он.

Дарсен Тагар пожал плечами: его бросок был лишь жестом преданности. Зал загудел от топота обутых в грубые ботинки ног, и шеренга одетых в серые кафтаны солдат отгородила Смотрящего-в-ночь от хранителя и его немногочисленных сторонников.

— Целься! — скомандовал Тагар.

Строгие черты старого сановника исказила гримаса отвращения, какую полководец нередко видел на лицах врагов, глядящих в лицо смерти.

"Сто один, сто два, сто три", — отсчитал про себя Дарсен Тагар, прежде чем бросить короткое:

— Пли!

Кремни защелкали о кресала, и огнеплюи глухо рывкнули, выбрасывая веера горячей картечи. "Всего три осечки, неплохо", — отметил про себя генерал.

Удостоверившись, что выживших не осталось, он подошёл к Двадцать Второму, почтительно сложив руки.

— Твоя воля исполнена, Прозорливый!

Правитель устало кивнул и плавно повёл рукой, приглашая Тагара следовать за ним. Выйдя из дверей павильона, они едва не столкнулись с рослым вельможей, за спиной которого возбуждённо подпрыгивал небольшой светящийся шар.

— Я слышал выстрелы, — обеспокоенно произнёс сановник. — Надеюсь, мой повелитель невредим?

Дарсен Тагар неприязненно хмыкнул: его догадка полностью подтвердилась.

— Дамдин, — коротко кивнул прорицателю Двадцать Второй. — Ты говорил, что сегодняшний вечер благоприятен для великих свершений. Я последовал совету.

— Прозорливый преувеличивает значение моего скромного таланта, — согнулся в поклоне Улагай Дамдин. — Уверен, мой господин видит благие и неблагие знамения каждого мгновения...

— Дамдин! — прервал его генерал. — С каких пор ты пасешь задних? Я ожидал увидеть тебя внутри!

Прорицатель растянул губы в хищной улыбке, похожей на кошачий оскал. В памяти тут же всплыла картинка: Улагай Дамдин с похожей миной стоит у ворот лагеря, на глазах у потрясённых солдат вытряхивая из складок грязного халата сплюснутые пули. "Настоящий

шаман-оборотень!" — шепчет кто-то, — "Железо ему не страшно, только синяя киноварь и горное стекло!"

— Как и предвидел Прозорливый, — слегка растягивая слоги ответил прорицатель, — в личной библиотеке старшего из троих нашёлся текст, о котором я рассказывал.

Он отвязал от пояса тяжёлый свёрток, в котором оказалась стопка испещренных знаками летящего письма медных табличек.

— Значит, он существует, — удовлетворённо произнёс Двадцать Второй и, поймав недоумевающий взгляд генерала, пояснил: — "Следы на снегу" — тайная летопись ордена Стражей.

— Я слышал, что эта книга — фальшивка, написанная мятежником Доржбатыром под диктовку его союзника — толонского колдуна, — скептически процедил Дарсен Тагар.

— В ней много такого, что могло быть на руку колдунам-правителям народа джунглей, — согласно кивнул Улагай Дамдин. — Но книга подлинная, и написана уже после смерти Доржбатыра. Вот, посмотрите, как они пишут о Тринадцатом Смотрящем-в-ночь.

Генерал взял из его рук пластины. На каждой из них были выгравированы короткие нумерованные строки. На первый взгляд, книга была написана обыденной прозой, но читая странные строки, Дарсен Тагар не мог избавиться от ощущения, что изначально они были написаны на другом языке и, возможно, читались нараспев.

- 1. Зная, что ожидает нас, мы трудились не покладая рук, но едва успели к сроку.*
- 2. От клятвы до истребления — пятьсот лет.*
- 3. От истребления до начала царства царств — двести лет.*
- 4. От начала до господства — двести пятнадцать лет.*
- 5. От господства до лунного щита — семьсот сорок лет.*
- 6. От щита до меча — тридцать лет.*
- 7. От меча до падения звёзд — семнадцать лет.*
- 8. Потом мы потеряли связь с братьями,*
- 9. Вернулись к тому, с чего начали,*
- 10. Трудясь среди дикарей и безумцев*
- 11. В стенах крепости, сложенной изо льда*
- 12. Рядом с проклятой святыней,*
- 13. Где бьются в вечном диссонансе сердца двух богов.*
- 14. От падения звёзд до прихода духовидца из долин — сто сорок лет.*
- 15. Белолицые посланцы древних богов,*
- 16. Увенчанные серебром, янтарём или аквамаринном,*
- 17. Кажутся нам прекрасными — для того отбирали нас тысячи лет,*
- 18. Чтобы мы шли за ними, влюблялись в них, стремились их защитить.*
- 19. Это нелегко преодолеть.*
- 20. Но человеколюбие укрепило наши руки*
- 21. И мы сразили безумца, в ком боролись голоса сразу двоих,*
- 22. За воротами проклятой святыни.*
- 23. Трое храбрецов укрылись в сияющих коридорах*
- 24. Чтобы преградить путь духовидцу*
- 25. И врата затворились за ними — никто не вернулся назад.*

26. Но дикари ждали его возвращения
27. От входа в святилище до возведения следующего — двадцать пять лет.
28. И следующий, кого они назвали перерождением предыдущего,
29. Рассказывал им о Лазурном Драконе
30. О новом пути и новой судьбе
31. Но не мог слышать зова и биения сердца и не понимал, о чём говорит.
32. Для тех же, кто слушал,
33. Дракон был духом ледников и утёсов,
34. Рождающейся из них великой реки,
35. Что несёт бурные воды к далёкому морю
36. Мимо городов долины, кичащихся своим богатством...

Генерал подавил в себе желание оглянуться на рукотворную гору Святылища. Он знал, что с этого ракурса должен быть виден Шрам — уродливая полоса, наискось пересекающая барельефы на уровне примерно двух третей высоты. Легенда гласила, что осколок великой Драконьей Ладьи пробил здесь отверстие во время Падения Звёзд, но стены сами собой затянулись. "Небесная ладья, которую создал Дракон из собственной плоти", — вспомнил командующий слова священной книги. Мог ли этот осколок быть сердцем бога? Дарсен Тагар любил думать, что не боится злых духов и не верит в дурные приметы кроме уж совсем очевидных, но после слов Дамдина у генерала появилось неприятное ощущение, как будто за ним следят.

— Мерзость и ересь, — проворчал Тагар, брезгливо возвращая пластины прорицателю. — Я даже не хочу спрашивать, с чего ты взял, что это — о Тринадцатом.

— Так нам говорили наставники, — ответил прорицатель. — Всем, кто прошёл испытание.

Тагар мысленно отметил это "нам". Когда это было выгодно, Дамдин утверждал, что ушёл из Ордена потому, что Стражи разнежались и стали трусами. Когда нет — намекал, что всё ещё действует от имени и по поручению Капитула. Люди Ордена вяло ругали его, называя предателем и святотатцем, но не слишком стремились заполучить его голову. Улагай Дамдин шпионил на всех и всех обманывал, тонко улавливая перемены погоды в столичной политике. Таких людей Дарсен Тагар не любил. В мире интриг и шпионажа они были необходимым, но неудобным оружием, которое рано или поздно обращалось против своего владельца. "Понадобится ли мне синяя киноварь когда ты станешь проблемой?" — хмуро подумал генерал. — "Или тебе хватит серебряной пули?"

— Не вижу, что нам это даёт, — сказал он вслух. — Улику против Ордена? Это будет наше слово против их слова. И гражданская война, если никто не уступит.

— Вы помните "Заветы Прозорливого"? — вкрадчиво спросил сановник. — "Тогда, на пороге Святылища, он повернулся и сказал троим ближайшим: "не скорбите, ведь я никуда не уйду, и не покину вас, пока мой народ не познает благоденствия, ныне доступного лишь бессмертным духам".

Тагар выразительно поднял бровь. Этот отрывок читали у алтарей во время каждой церемонии, на которой присутствовал правитель. Вопрос Дамдина был или риторическим, или оскорбительным, но командир гвардии не хотел затевать ссору в присутствии государя.

— В этой орденской книге, — как ни в чём не бывало продолжил прорицатель, — прямо сказано, что Стражи убили Тринадцатого внутри Святылища. Их стараниями, а не по

приказу истинного Прозорливого, запечатана от нас святыня и сокрытая в ней тайна бессмертия! В этом они признаются сами.

Улагай Дамдин прикрыл глаза и продекламировал наизусть неспешным речитативом:

Так наступила эра благоразумия

Когда были исправлены священные книги

И отдана власть духовная и мирская

В руки тех, кто не мог слышать зова

И чувствовать биения древних сердец.

От гибели Доржбатыра до Собора — три года.

От Собора до исправления книг — три года,

От исправления книг до похода Арата — пять лет.

Кое-где Дамдин смещал ударения, чтобы придать словам непривычную протяжённость и ритм, чем-то напоминающие говор пришельцев из-за моря. "Мятежный горец писал бы по-другому", — признал Дарсен Тагар.

— Всё это время хранители заветов кормили меня ложью, смешанной с жалкими крупичками подлинных знаний, — неожиданно пылко воскликнул Смотрящий-в-ночь. — А когда поняли, что я ищу большего, то решили медленно убить мой разум ядовитыми эликсирами, превращая нашу страну в безвольную медузу! А ведь новый флот заморских демонов, уверен, уже в пути, и они не остановятся, пока не получат вот это! — он махнул рукой в сторону древнего Святилища.

Тагар хмуро кивнул. Пусть, по его мнению, заморские «демоны» были в большей степени людьми, чем заросшие рыжей шерстью обитатели островов или безволосые люди моря с их мерзкими осьминожьими глазами, главная мысль оставалась верной: новое вторжение не за горами, а солдаты бубнят молитвы вместо того, чтобы учиться стрелять.

— Великий Дракон благоволит Вам, мой повелитель! — горячо поддержал Двадцать Второго прорицатель. — Построенные Вами прекрасные храмы и обелиски радуют его взор, а бесчисленные приношения услаждают нюх! В ответ на это он дарит Вам ключ к своим тайнам, приглашает в своё обиталище, чтобы разделить с Вами священный нектар бессмертия! Ведь не может быть сомнений в том, что Первый открыл вход в Святилище той же силой, которой мой повелитель призвал Великую Черепаху!

Дарсен Тагар поджал губы. Еретическая книга недвусмысленно намекала, что Тринадцатый был белолицым колдуном, как жрецы и правители городов побережья или командиры заморских захватчиков. Но таких уже несколько поколений преследовал Орден, истребляя сильных и обращая в свою веру слабых. У Двадцать Второго не было и не могло быть таких способностей, и тайны Святилища для него были, скорее всего, бесполезны или даже губительны. Указания на это несложно было найти в том же тексте. Но как бы ни огорчала генерала избирательная слепота правителя, он не мог позволить проходимцу вроде Дамдина узнать о бессилии Смотрящего-в-ночь.

— Такая сила не даётся без жертвы, — сухо произнёс генерал. — Жаль только пленные колдуны закончились, а своих вы очень тщательно извели.

Дарсен Тагар бросил это "вы" небрежно, почти случайно, но внутри собрался, пристально наблюдая за реакцией. Дамдин мог оговориться по привычке, но что он скажет, когда кто-то другой напомнит о его связях с Орденом? Но прорицатель лишь снова хищно

осклабился, поглядывая на Смотрящего-в-ночь. Правитель благосклонно кивнул.

— Я никогда не рассказывал, почему ушёл из Ордена Стражей? — промурлыкал Улагай Дамдин.

Командир гвардии изобразил на лице вежливое любопытство.

— Нам стало известно, что одна из правнучек толонского правителя пережила чистку, выйдя замуж за сельского лекаря, — начал рассказ Дамдин. — Этот проклятый род отличался особой силой, поэтому на охоту отправили факельщиков, — тут он усмехнулся одновременно горделиво и презрительно, — считавшихся лучшими мастерами боя. Зная коварство бледных колдуний, мы были готовы к поединку разумов. Но сражаться пришлось не с ней. Против нас вышел мальчишка, зелёный выпускник школы военных чиновников. Двоих мастеров он проткнул мечом, третий сбежал как последняя крыса, а я получил вот этот шрам, — Дамдин показал на тонкую белёсую полоску на щеке, — и хромал ещё полгода. А когда перестал хромать, ушёл из Ордена и записался в армию. Но все эти годы, как только у меня появлялось время или деньги, я искал того мечника и его любовницу-ведьму. Их следы ведут в портовый город Бириистэн и, говорят, что недобитых сторонников правителей-колдунов теперь тянет в этот город словно магнитом.

— Значит, местные Стражи — лентяи, взяточники или еретики, — фыркнул генерал Тагар. — И это в пяти днях пути от Прибрежной цитадели Ордена!

— Этого нельзя так оставлять, — вдруг промолвил Двадцать Второй.

Правитель снял с пояса одну из резных каменных пластин и протянул своему прорицателю.

— Прими этот оберег с моим благословением, — торжественно произнёс Смотрящий-в-ночь. — Он даст тебе силы искоренить несправедливость и покарать богохульников в Бириистэне. Если схватишь ведьму и разгромишь её сообщников, провинция будет твоей!

Улагай Дамдин рухнул на колени и жадно схватил нефритовый оберег обеими руками, будто ожидал, что Двадцать Второй тотчас же заберет его обратно.

— Я не подведу, мой повелитель! — горячо заверил он.

Смотрящий-в-ночь скрестил руки над его головой в благословляющем жесте, а затем развернулся и зашагал в сторону палат Морозной Красоты. Дарсен Тагар, пользуясь своим положением командира гвардии, коротко махнул своим солдатам и последовал за правителем. Некоторое время он молча шёл позади, слушая шелест церемониальных одежд Двадцать Второго, а затем, когда коленопреклонённая фигура Дамдина скрылась из виду, негромко спросил:

— Мой повелитель доверяет своему прорицателю?

Джал Канур негромко вздохнул.

— Ты достаточно долго служишь мне, Тагар, чтобы знать ответ на этот вопрос, — проворчал он. — Я бросил старому лису жирную кость, не дожидаясь, пока он вцепится мне в горло. Пусть подминает под себя Бириистэн — так я избавлюсь от его интриг, а бириистэнский законоучитель Токта не сможет вредить мне на Великом Соборе.

— Великом Соборе! — эхом повторил генерал.

Перед его внутренним взором снова пронеслись долгие и расточительные стройки Прозорливого, но эти два слова словно ключ к шифру меняли всю картину. Оставляя в тени высеченные на скалах лики посланников Дракона,obelisks с молитвами о долголетьи, ритуальные рвы и ограды, они теперь освещали только то, что имело значение — новые святилища в городках и посёлках по всему Уделу Духов. Новые должности для шаманов-

чиновников, новые провинциальные округа и школы-сургули, не основанные Орденом и управляемые верными людьми... Если только в Уделе найдётся столько людей, верных Джал Кануру.

— На Соборе я возведу в сан Законоучителя пять человек, — подтвердил его мысли Смотрящий-в-ночь. — Ещё добрая сотня шаманов уже стала наставниками моих новых храмов. Все эти соратники благодаря мне получили долгожданное признание и достаток. Возможно, кто-то из них окажется неблагодарен, но остальные поддержат мои начинания.

— По крайней мере, они поддержат обвинение Трех Ближайших в ереси и помогут выбрать на их место менее властолюбивых людей, — кивнул Тагар. — Но я боюсь, что Орден не простит Вам убийство одного из своих книгохранителей. Рано или поздно яд, кинжал или колдовство оборвут Вашу жизнь, а новое безвольно "воплощение" обратит в прах Ваши труды.

Джал Канур гневно сжал кулаки.

— Знаю! — зло бросил он. — Поэтому я обязан сломать самую основу этой системы. Меня называют воплощением самого Стального Феникса, бессмертного духа-посланника Дракона, но небо и земля не откликаются на мой призыв. И чтобы скрыть свою ложь, Ближайшие объясняют моё бессилие тем, что я, дескать, теряю память о предыдущих жизнях. А они, не будучи ничьими воплощениями, каким-то образом её хранят. Но если я смогу войти в Святилище и вернуться живым, уже не нужно будет ничьих слов, чтобы подтвердить мою власть. И тогда я смогу сам "узнавать" своих ближайших соратников. Кем ты хотел бы называться, брат Тагар? Крокодилом-рыболовом? Скальным лисом? Красноликим громовержцем? Мы могли бы "узнавать" друг друга по очереди, ставя преемниками себе лишь достойных. Тех, кто не посрамит Удела Духов, кто продолжит наше дело и принесёт славу нашим потомкам! Что ты скажешь?

Дарсен Тагар пристально посмотрел на правителя. Если бы эти слова были сказаны пять лет назад, когда они бились плечом к плечу с пришельцами из-за моря, Тагар принял бы их с искренней радостью. Но паутина лжи и лицемерия, выросшая вокруг них на это время, не желала рваться в одночасье.

— Прекрасные слова, мой повелитель, — осторожно ответил генерал. — Но чтобы они стали делом Вам нужно не просто чудо, как тогда, на острове, но и правильное восприятие этого чуда.

— Чудо я совершу, — непреклонно заявил Смотрящий-в-ночь. — Любой ценой, в этом не сомневайся. Но что с восприятием чуда?

— Вам нужны могущественные сторонники, — пояснил Тагар. — Кроме тех, которых Вы создадите своими руками. И как можно больше. В думали о месте проведения Собора?

— Конечно, — усмехнулся правитель. — Я ведь собираюсь бросить вызов самому Ордену! Ордену, который хранит знания и оберегает покой государства, строит сургули и воспитывает их будущих учителей! Мне нужен город, где недовольны этими привилегиями. Поэтому не подойдёт ни моя столица, ни торговый город Толон, хотя именно в нём по какому-то недоразумению проводил предыдущий Собор Двадцатый.

Дарсен Тагар мысленно усмехнулся, услышав из уст правителя столь еретические слова. Не «я в Двадцатом воплощении», а «Двадцатый». В самом деле, между Джал Кануром и потомственным книгохранителем Ордена Двадцатым было немного общего.

— Вольнодумные философы и богатые купцы Толона слишком разобщены чтобы быть силой, — задумчиво произнёс генерал, — и мой повелитель бесконечно прав, избегая

приобщения к дурной славе города жрецов Безликого, древних врагов Лазурного Дракона.

— Поэтому остаются два варианта, — подытожил правитель. — Белая Крепость и Баянгол. Выбор очевиден, не так ли?

Дарсен Тагар склонил голову. В Белой Крепости, на берегу океана, со времён войны с заморскими колдунами стоял самый крупный гарнизон верных ему солдат. Но Смотрящему-в-ночь не было нужды подчёркивать единство со своей армией, и никто не мог предсказать, какую позицию в грядущем споре займут люди моря. Собрать всех духовных и светских наставников страны на границе их владений было попросту неразумно. Нет, правителю нужен был Баянгол — древний соперник Толона, родина Тринадцатого Смотрящего-в-ночь. Город, где поклонялись упавшим с неба чешуйкам Дракона, где хранили предания не менее древние, чем те, которыми гордился Орден Стражей.

— Баянгол, — пробормотал генерал.

— Баянгол, — подтвердил Прозорливый. — Приготовь людей и лёгкий обоз. Мы выступим на завтра в полночь, когда Стальной феникс вернётся, чтобы сразиться с Царькамнем. Не хочешь давать родственникам убитых время для кровной мести.

Дарсен Тагар приложил кулак к груди, глядя в след уходящему правителю. Союз с драконьими жрецами Баянгола был очевидным решением. Но как они воспримут желание Прозорливого войти в древнее Святилище, да ещё с помощью бледной колдуньи? Как храбрость или святотатство? И на какой исход рассчитывает Улагай Дамдин?

Генерал поднял взгляд на темнеющий небосвод, где мчался к зубчатой стене гор Стальной Феникс — меньшая из двух лун Среднего мира. Сейчас, на границе дня и ночи, силы героя были ещё невелики, и он спешил скрыться от гнева царя живых камней, медленно втаскивавшего уродливую, изрытую оспинами кратеров тушу на другой край небосвода. Но позже, когда станет видна фиолетовая Вуаль, и на её фоне взойдут, словно чёрные звёзды, обломки Драконьей Ладьи, Феникс вернётся, чтобы сразиться с древним врагом.

Смотрящий-в-ночь, признанный всеми воплощением древнего героя, сейчас собирался повторить эту мистерию на земле. Но помнил ли он, что каждые восемь лет, сойдясь в ближнем бою, две луны порождают приливную волну, грозящую неисчислимыми бедами всему побережью?

Стратегема 1. Бить по траве чтобы спугнуть змею

Сезон засухи близился к концу. Дух морского ветра, виночерпий и казначей Лазурного Дракона, возвещал начало нового года, выгоняя на небесные пастбища своих длиннорунных овец. Пушистые облака, светло-серые с золотистой каймой, нарисованной лучами молодого Светила, резвились в пронзительно-синих вышних лугах, а внизу наперегонки с ними бежали по улицам портового Бириистэна сухие листья, куски кровельного тростника и маленькие пыльные смерчи. Высокий голос ветра звучал из каменных флейт городского Святилища, и ему вторили большие и малые бронзовые колокола, созывая горожан на праздник Дозорных. В этот день духи тумана и пара возвращались с далёких островов, чтобы пролиться дождём в Великую Реку и рассказать Дракону обо всём, что они видели и слышали. Надеясь на благосклонность Дозорных, подданные Смотрящего-в-Ночь привязывали к бельевым верёвкам и козырькам крыш разноцветные шёлковые вымпелы, расшитые священными символами и словами молитв, и если те стремились к небу, развеваясь на ветру, значит, духи тумана внимательно читали прошения людей, чтобы передать их правителю Великой Реки.

Айсин Тукуур вместе с другими выпускниками бириистэнского сургуля стоял на площади перед главным алтарём духов, глядя, как слуги законоучителя натягивают толстые канаты, увешанные молитвенными знамёнами. Он с удовольствием помог бы младшим служителям, чтобы размять затёкшие ноги и отвлечься от ожидания, но будущему соратнику Прозорливого не подобало суетиться. Оставалось только бормотать вполголоса мантры, слушая, как тревожно трепещут на ветру знамёна, словно домашние птицы, увидевшие стаю диких собратьев. Но всё же, несмотря на скуку и боль в ступнях, Тукуур испытывал огромное облегчение от самого факта, что он находится здесь, у подножия рукотворной скалы в центре городского Святилища. Это значило, что гранильщики и плавильщики сургуля сочли его достойным восьмого, а может — чем не шутит речной дельфин — и седьмого ранга превосходства. С высоты этого осознания дурным сном казались дни изматывающей подготовки к экзаменам, когда он едва не сломался, сражаясь со страхом неудачи.

Этот страх, многократно усиленный чувством сыновнего долга, тяжким грузом давил на плечи каждого из них — детей соратников Смотрящего-в-ночь. Стоило провалить экзамен, и вся семья опозоренного лишалась рангов и должностей. Для большинства мелких чиновников, не успевших накопить на собственный земельный надел, это означало голодную смерть. Их дети вгрызались в камень науки с остервенелым упорством, с чёрной завистью и затаённой враждой поглядывая на вальяжных и жизнерадостных учеников-богачей, чьи родители могли нанять личных наставников. Кому-то эта вражда дарила силы, но у большинства отнимала, и они не выдерживали гонки. Убегали в горы, топились, принимали яд. Друзья старались забыть их имена, боясь привлечь обозлённых духов, и только поредевшие ряды выпускников напоминали о том, что не каждому удаётся перепрыгнуть первую расселину на пути соратника.

Каменные флейты внезапно смолкли, перекрытые потайными заслонками, и толпа радостно загудела, приветствуя процессию Лазурного Дракона. Впереди и по бокам чинно шагали рослые добдобы в бордовых кафтанах, подпоясанных жёлтыми кушаками. Они синхронно ударяли о землю окованными концами своих тяжёлых палиц, отпугивая ретивых охотников за благодатью, жаждущих прикоснуться к одеянию законоучителя. Правитель области в богато украшенной усатой и клыкастой маске изображал самого духа Великой

Реки. Его шёлковые одежды блестели и переливались на солнце всеми оттенками синего. Восемь младших знатоков церемоний несли за ним пятнадцатиметровый плащ-хвост, украшенный кованым серебряным гребнем и перламутровыми чешуйками. Следом четверо плавильщиков, облачённые в древнюю фарфоровую броню, несли на парчовых подушках священные предметы: свиток Речей Прозорливого, серебристый венец духовидца, ларец тайн и ритуальную чашу. За ними, печатая шаг, шли солдаты местного гарнизона, держа наперевес неказистые картечницы-огнеплюи с короткими коническими стволами. Замыкали колонну домашние рабы законоучителя из мохнатых островитян, колотящие на ходу в свои деревянные барабаны, и служители сургуля с молитвенными знамёнами.

Дойдя до площади, солдаты и добдобы разделились на две колонны, отгородив жрецов от народа. Верховный шаман подошёл к лестнице, ведущей на вершину алтаря. Зарокотали барабаны. Четверо старших гранильщиков вышли ему навстречу из круглого павильона, венчающего рукотворную скалу. За ними четверо служителей тащили высокий трон со спинкой в виде дельфиньего хвоста. Они установили сидение на небольшой площадке, где законоучителя могли видеть собравшиеся богомольцы. В тот же миг снова протрубили каменные флейты, и правитель области медленно двинулся вверх по ступеням. Остановившись перед троном, он повернулся к народу и ученикам, подняв руки в благословляющем жесте, а затем осторожно сел, стараясь не помять плащ. Плавильщики поставили у его ног ритуальную чашу и соединили её витым серебристым шнуром с древним ларцом тайн. Гранильщики по очереди выложили на крышку ларца драгоценные камни: топаз, рубин и два изумруда. Законоучитель снял тяжёлую маску, и старший плавильщик осторожно возложил ему на голову венец духовидца, следя за тем, чтобы серебряные пластинки-чешуйки плотно прилегали к гладко выбритой по древним канонам коже на висках. Один из четырёх гранильщиков протянул верховному шаману листок с символом призыва, другой опустился на колени, держа за цепочки небольшую курительницу с раскалёнными углями. Законоучитель закрыл глаза, бормоча напев единения. В какой-то момент листок выпал из его руки, и гранильщик ловко поймал его курительницей. Пропитанная ароматным маслом бумага ярко вспыхнула. Второй гранильщик убрал с ларца рубин, а затем все наставники выстроились по бокам трона и переливчато загудели в ритме песни шамана.

Некоторое время правитель сидел неподвижно, но затем вдруг резко вскочил, взмахнув руками как крыльями.

— Слушайте слово Дракона! — громогласно произнёс он.

— Слушайте! Слушайте! — проревели добдобы и солдаты.

Горожане и ученики сургуля привычно повалились в пыль. Наставники снова запели, прославляя щедрость и силу покровителя реки, обещая от его имени вознести усердных и покарать нерадивых. Острый кусочек камня больно впился в грудь Айсин Тукуура, прогоняя остатки того радостного благоговения, которое он испытывал на праздниках в детстве. Оно ещё посещало его, несмотря на годы учёбы в сургуле, способные превратить в циничного нигилиста даже самого пламенного неопита. Не решаясь пошевелиться, будущий соратник сочувственно глядел на небольшую гусеницу, пытающуюся убраться с шумной площади.

— Великий дух Реки призывает своих новых слуг! — возгласил кто-то из гранильщиков. — Дзамэ Максар, Бодоо Боргут, Улан Холом, Айсин Тукуур! Предстаньте перед Драконом!

Не веря своим ушам, Тукуур неуклюже поднялся, путаясь в полах кафтана. Радость и

страх, гордость и стыд сплелись в его сердце. "Избранник Дракона! Один из четырёх лучших! Всего на ранг младше отца! Мог ли ты мечтать о таком?!" — восторженно вопила страстная часть его разума. "Только потому, что закололся кинжалом Морин, утопился Эрдэ, потерял разум Аюка" — ворчала рассудочная часть, — "И теперь тебя отправят в столицу другой провинции. Радуйся, если увидишь родителей лет через десять".

Поднявшись по каменным ступеням, четверо учеников снова упали ниц.

— Ноша слуги дракона тяжела, — глубоким басом прорычал верховный шаман. — Если сомневаетесь в своих силах, лучше отступите сейчас.

Снова расселина на пути, снова внутреннее противоборство. Айсин Тукуур любил своих родителей и хотел бы навещать их чаще. Как и многие сверстники, он любил помечтать о приключениях, но не слишком хотел пережить их в действительности. К тому же, ему досталась от отца тяга к уединению, приведшая в своё время Айсин Алдара в Бириистэн — тогда не более чем рабочий посёлок у верфей Прозорливого. Но в сердце Тукуура жило и доставшееся от матери стремление к славе, путешествиям и подвигам. Её рассказы о чудесах страны Смотрящего-в-ночь и его священной Столицы помогли ученику перепрыгнуть первую пропасть. А потому, надеясь увидеть гордость в глазах матери и зная, что отец примет его выбор, Айсин Тукуур поднялся с земли и, без робости глядя на законоучителя, произнёс:

— Я принимаю иго духа Реки и ищу прибежища в его мудрости, ищу прибежища в его беспристрастности, ищу прибежища в его мастерстве!

Бледная улыбка тронула сухие губы верховного шамана, и он провозгласил:

— Стань же причастником его славы, стань причастником его могущества, стань причастником его красоты!

Один из младших слугителей одел на шею Тукуура плоскую лазуритовую пластину на синей шёлковой ленте. Выгравированные на ней строчки крылатого письма складывались в символ Равновесия.

— Выбери своё оружие, — негромко сказал один из гранильщиков, протягивая новоиспечённому соратнику парчовую подушку.

На ней лежали обычная кисть для письма и остро заточенный стилос, именуемый кистью судьи загробного мира. Айсин Тукуур не раздумывая взял кисть для письма, привычно сжав тростниковый черенок между пальцами. Подростком он, как и все, зачарованно слушал сказания о подвигах Смотрящего-в-ночь, первых соратников и бессмертных воителей прошлого, но занятия с плавильщиками сургуля быстро показали разницу между военной романтикой и военным делом. Из последнего Тукууру нравилась, пожалуй, только наука о строительстве крепостей. Но среди его друзей были те, кто вступил на путь доблести с первого года обучения. Даже не поворачивая головы, молодой знаток церемоний знал, что Максар и Холон взяли с подушек стальные стилосы.

— Войдите же в дом духов, вознесите молитвы, и пусть они решат вашу судьбу! — торжественно провозгласил законоучитель.

На вершине рукотворной скалы, в маленьком круглом павильоне с резными каменными стенами и золочёной остроконечной крышей, царствовал ветер. Он то тихо гудел в стропилах, то взвизгивал, как щенок, прорываясь сквозь каменное кружево. Серебряные бубенцы, подвешенные к балкам крыши, непрерывно звенели, словно стая мелких птиц. На мозаичном полу, в геометрических узорах которого угадывалась схема Трёх Миров, стоял бронзовый сосуд для жребия и вокруг него восемь шкатулок, расставленных парами по

сторонам света. Напротив входа в стену было вделано огромное серебряное зеркало — волшебный портал в мир духов. В древних святилищах сквозь него можно было увидеть самого Лазурного Дракона и его спутников, но здесь в полированном серебре виднелись лишь слегка размытые отражения четверых соратников Прозорливого. Дзамэ Максар, сын начальника порта, рослый крепыш с широким улыбчивым лицом. Он легко набирал вес, и давно превратился бы в шар, если бы не ежедневные тренировки с тяжёлой боевой киркой. Статный красавец Улан Холом, сын первого гранильщика, с вечной маской горделивого безразличия, за которой пряталась настороженная чуткость бдительного — человека, способного за сто шагов учуять биение сердца колдуна. От самого рождения он был обещан Ордену Стражей, и сейчас искренне не понимал, зачем ему тянуть жребий. Флегматичный Бодоо Боргут, младший сын одного из провинциальных наставников, чьи старшие братья предпочли святости богатство и основали первую на юге ткаческую мануфактуру. Худощавый гибкий Айсин Тукуур с рассеянным взглядом больших, как у его пернатого тезки-филина, светло-карих глаз. Бедняк среди богачей, но отнюдь не чужак в их кругу: Бэргэны, клан матери Тукуура, потеряли богатство и влияние, но не длину родословной, а это ценилось едва ли не больше ароматных дощечек, заменявших в стране Смотрящего-в-Ночь перламутровые раковины и золотые монеты.

Максар ободряюще улыбнулся Тукууру и хлопнул его по плечу.

— А ты молодец, — весело сказал он. — Даман и Хобоо бились об заклад, что ты откажешься. Теперь они должны мне по две щепки каждый.

— Последнее пари слуги Дракона? — хмыкнул Боргут.

— Пф, — фыркнул Максар. — Сам Прозорливый в пятом воплощении благословил тех, кто почитает удачу!

— А ещё приморскую кухню и любовные стихи, — ехидно заметил Холом.

Тукуур тихо вздохнул. Он недолюбливал болтовню в алтаре, но, увы, ей не брезговали даже старшие гранильщики.

— Если бы по стороне, в которой лежит шкатулка, можно было угадать своё назначение, — мечтательно произнёс Максар. — Я, не раздумывая, выбрал бы юг.

— Южнее Бириистэна что-то есть? — поднял брови Холом.

— Нет, и в этом главная прелесть, — ухмыльнулся сын моряка.

— Первая флотилия? — понимающе улыбнулся Тукуур. — Высокие пальмы, говорящие птицы, ловцы жемчуга и океан приключений вокруг?

— В десятку! — расплылся в довольной улыбке Максар.

— Куда бы я не отправился, — пожал плечами Холом. — Я буду служить Ордену. Указ, который лежит в моей шкатулке, пропадёт зря.

— Довольно о мирском! — сердито оборвал его Тукуур. — Покровительство одного из четверых посланников Дракона неизмеримо ценнее и важнее всего, что может лежать внутри шкатулок!

Холом едва заметно усмехнулся и с легким поклоном пригласил Тукуура пройти к бронзовой урне.

— Тогда соверши для нас гадание, наставник церемоний. Помолимся, братья-соратники!

Избранник Дракона медленно обошёл сосуд и остановился между друзьями и зеркалом в том месте, где на полу были выложены четыре звезды Врат Верхнего мира и их чёрные тени — обломки Драконьей Ладьи.

— О бессмертные посланники, по слову Дракона освободившие людей из рабства Безликого и указавшие нам путь из тьмы Нижнего мира к звёздам мира Верхнего! — нараспев произнёс он, воздев руки. — Ныне явитесь и поднимите для нас фиолетовую Вуаль, отделяющую мир смертных от мира духов! Выберите среди нас, собравшихся здесь, по одному наиболее угодному каждому из вас! Дайте нам хотя бы малую часть своей мудрости, чтобы усилия наши принесли процветание государству, величие правителю и гармонию народу!

Опустившись на колени перед бронзовой урной, он положил дрожащие от волнения руки на крышку и закрыл глаза. Улан Холом шагнул к нему и склонился, держа перед собой сложенные руки.

— Лента Вуали размечает путь, и голос Дракона прорекает из пустоты! — необычно глубоким и серьёзным голосом провозгласил воспитанник Ордена.

Судорожно вздохнув, Айсин Тукуур откинул крышку и вынул из глубины сосуда медную пластинку.

— Первый из них — сияющий воин, подобный расплавленной стали, непобедимый на свету и во тьме, вошедший в неприступную крепость, святая святых Безликого, и посвятивший её Лазурному Дракону, — прочёл он и положил пластину в руки Холома.

Глаза юноши округлились. Он молча прижал пластину ко лбу, поклонился до земли и отошёл в тень, освобождая дорогу товарищам.

— Высокая честь! — пробормотал Максар.

В его голосе Тукууру почудилась обида на то, что Стальной Феникс, покровитель воинов, выбрал не его, а юного стража. Сын моряка замешкался, и Бодоо Боргут шагнул к урне.

— И третий, чьё сердце прозрачно как чистая вода, а натиск сокрушительен как бросок крокодила, — прочёл Тукуур на его табличке.

Боргут поклонился и отошёл в тень. Дзамэ Максар занял его место перед урной. Повинуясь внутреннему импульсу, Айсин Тукуур молча отдал ему табличку.

— Лицо же четвёртого внушало благоговейный трепет, и молнии были подвластны ему! — торжественно прочёл воин и, победно улыбнувшись, отошёл.

Знарок церемоний вынул из сосуда последнюю пластину.

— Второй — мудрец, быстротой ума подобный лису, чьи речи были звонки как серебро, — смущённо прочёл он.

— Возблагодарим же духов и примем их дар, — пробасил Максар.

Айсин Тукуур осторожно взял в руки шкатулку, украшенную изображением Скального Лиса и пером — символом пути мудрости. Внутри лежал листок плотной бумаги с аккуратно выведенными синей тушью строками крылатого письма:

Буря внезапная

Рушит расчёты людей

Воля правителя

— Как нам это понимать? — холодно спросил Холом.

Третий ученик раздражённо покрутил в руках свой листок, украшенный точно таким же стихотворением, и уронил его на пол. Остальные мрачно переглянулись.

— Право удержания, — пробормотал Тукуур, словно пробуя слова на вкус. Они казались

горькими. — Неужели снова война?

— Здесь написано "спуститесь и слушайте", — сказал Максар, перевернув листок. — Пожалуй, лучшее, что мы можем сделать.

Они одолели половину ступеней, когда один из гранильщиков подал знак.

— Слушайте! Слушайте! — снова прокричали солдаты.

Законоучитель встал и развернул небольшой свиток.

— Прозорливого избранника духов, связывающего воедино Три Мира, вечно бодрого стража Удела Духов, неустанно Смотрящего-в-ночь, держащего слово, вернувшегося из Верхнего Мира в двадцать второй раз, священное повеление! — провозгласил он, а затем поцеловал печать и поднял свиток над головой.

Четверо товарищей скатились по лестнице до ближайшей площадки и снова упали в пыль, совершая положенные три простирания.

— Открылось Нам, — продолжил читать законоучитель, — что некоторые злодеи, потерявшие истинную веру, пользуясь высоким званием наших соратников, исказили основы учения, неоднократно на протяжении многих лет удаляя и добавляя знаки и символы так, чтобы это казалось незначительными ошибками. Но сейчас множество этих проступков сложилось в великое бедствие, ослабляя духов-хранителей. Узнав, что духи открыли Нам это, святотатцы впали в безумие, решив между собой убить нас и солгать народу, будто бы они нашли нас в двадцать третий раз, но под именем нашим поставить одного из своих детей. С великой болью в сердце мы пресекли зло, исходящее от них, обрубив ствол и удалив корни до мельчайшего кусочка. Но ныне предстоит нам великий труд, и к нему призываем мы всех своих соратников, старших и младших, учёных и доблестных. Повелеваем наставникам и законоучителям извлечь из хранилищ драгоценные рукописи наших заветов и прибыть с ними на Великий Собор, которому мы определили быть в Баянголе — священном городе, где никогда не прерывалась проповедь учения Дракона. Пусть те, кого несут реки, отправляются в сезон дождей, когда они полноводны. Те же, кто шествует по суше, пусть отправляются в путь с началом засухи. Но, когда бы ни шли вы, берегите священные страницы как зеницу ока, от влаги ли, жара, плесени или моли. Зная верность вашу, не напоминаю об ужасах Нижнего Мира, уготованных нерадивым.

Правитель области передал свиток одному из гранильщиков и продолжил:

— Повинуясь мудрости Прозорливого, мы отправимся в путь с началом первых дождей, как только соберутся по моему зову наставники малых святилищ. Первый плавильщик Темир Буга займёт мое место на время Собора. Заботиться о вас ему помогут эти четверо избранников Дракона, которых я удерживаю в Бириистэне властью, завещанной мне неустанно Смотрящим-в-ночь. Повинуйтесь им как самому Прозорливому, помня, что помогающий неопытному наставнику возрасти в мудрости тысячекратно увеличивает свои благие заслуги.

По знаку Законоучителя Темир Буга вышел вперёд, и правитель области с плохо скрываемым облегчением расстегнул тяжёлое облачение Лазурного Дракона. Младшие служители споро натянули его на старшего плавильщика, прямо поверх фарфорового панциря. Затем настал черед четверых товарищей. Максару досталась рыжая косматая шуба и щекастая маска Всепобеждающего Громовержца — гневного бога мохнатых островитян. Боргуту — зеленая пупырчатая кожа Крокодила-рыболова. Холому — плащ из посеребрённых перьев птицы-бегуна и боевые веера Стального Феникса. Тукууру — бархатный халат, пушистая метёлка-хвост и хмурая остроухая личина Скального Лиса.

Зарокотали барабаны, запели боевые раковины, и начался Танец Духов. Скальный Лис, верный герольд Дракона, бежал первым. Он то замирал, прислушиваясь, то стремительно бросался вперёд или в сторону, высоко подпрыгивая, кружась на месте, подметая пушистым хвостом путь Правителю Реки. Под тяжёлым парчовым халатом пот градом катился с Тукуура, заливая глаза, а маска то и дело сбивалась, закрывая обзор, но зато он мог выбросить из головы грядущие проблемы, полностью сосредоточившись на лисьей пляске. Оборачиваясь, он видел, как струится за ним тело Лазурного Дракона. Темир Буга не бежал, а словно перетекал с места на место, идеально выдерживая темп, чтобы не сбились с шага восемь знатоков церемоний, несущих его хвост на посеребрённых шестах. Казалось, что древний доспех не сковывает движений пожилого плавильщика, а, как в старинных сказаниях, помогает ему, удваивая силы. Воин не стал надевать тяжёлую маску, и его седая грива развевалась на ветру, сплетаясь с длинными тонкими усами и бородой, точь-в-точь как на изображениях Дракона. Справа от него притопывал, жонглируя тяжелой палицей, косматый царь островитян, а слева вышагивал, взмахивая крыльями-веерами Стальной Феникс. Боргут в образе Крокодила-рыболова неспешно плыл за хвостом Дракона, обрызгивая народ освящённой водой. Процессия обогнула главный алтарь и двинулась по широкой спирали к воротам Святилища, окружённая храмовой стражей и толпами ликующих горожан. Там, за воротами, их всех ждал Средний Мир с его тяготами, тревогами, опасностями и грузом долга, но пока можно было смеяться и плясать вместе с Лазурным Драконом, хотя бы на время отрешившись от земных забот.

Не каждый был способен на это, не каждому это было позволено. Шагая размеренной птичьей походкой рядом с извивающимся телом Дракона, Холм знал, что его темп, как и широкие прорезы для глаз в клювастой маске, специально предназначен для того, чтобы оставаться настороже. Ему выпало жить в тяжёлое для страны время. Множество солдат утонуло вместе с кораблями у Черепаховых островов, не успев сделать ни единого выстрела. Многих из вернувшихся уволили со службы только для того, чтобы через два года погнать их и их близких на строительство новых Святилищ и обелисков Смотрящего-в-ночь. Трескались и протекали плотины на рисовых полях в обезлюдевших посёлках. На восточном побережье посева убивала какая-то новая плесень. Смутьяны всех мастей поднимали головы и выходили на улицы для проповеди или грабежа. Вольнодумные философы обвиняли шаманов в косности и глупости, требуя у правительства больше власти для мирян. Жрецы и шаманы ругали Орден за то, что в сургулях духовные практики пришли в упадок, зато процветают сомнительные теории, придуманные мирянами. Недобитые фанатики Безликого грозили гневом и мстью полузабытого бога, а бродячие предсказатели пророчили новое Падение Звёзд. Неграмотные крестьяне легко покупались на такое: всегда легче обвинить в своих бедах кого-то другого, чем помнить, что зло прорастает из собственного сердца. Нижний Мир тянул свои когти к душе каждого, цепляясь за любую шероховатость, обвивая человека толстыми лианами страстей, наконец — выливаясь из глаз огнём злобы и алчности. Эти глаза и искал в толпе Холм, позволяя телу самостоятельно шагать в заданном ритме. Добдобы то и дело поглядывали на него, готовые по сигналу стального веера броситься в толпу. Они тоже чувствовали, что сегодня Смотрящий-в-ночь толкнул народ на путь перемен, и, возможно, древнее праздничное перемирие между преступниками и стражей уже не действует.

Враг был многолик, но неизменно хитёр и опытен. На короткий миг Холм выхватил из толпы однорукого человека, во взгляде которого горела жажда мести. Стоило моргнуть — и

тот исчез словно призрак. Юный страж сердито сжал губы. Шанс вновь заметить незнакомца был невелик. Конечно, доброды не выпустят никого из Святилища, пока шаманы не снимут облачения и не уйдут в большой зал сургуля, но убийце несложно будет затеряться в толпе. В портовом городе после войны за острова хватало калек. Улан Холом прикрыл глаза, воссоздавая в памяти лицо бунтовщика. Обветренная загорелая кожа, выступающие скулы, тонкий шрам на щеке... Что ещё? Почему юный Страж вообще успел посмотреть в его сторону?

Оказавшись за воротами, Холом быстро сбросил плащ и маску на руки младшего служителя, но веера сложил и спрятал в рукава. Служитель — один из домашних слуг его отца — молча отдал ему свою потёртую плетёную шляпу и поспешил в сторону трапезной. Прислонившись к ограде рядом с воротами, юный страж спрятал под одежду лазуритовый талисман избранника и приготовился ждать. В запылённом от многочисленных простираций светло-коричневом кафтане он мало чем отличался от многочисленных храмовых служек и небогатых горожан.

Ожидание тянулось мучительно долго, и только шанс раскрыть заговор в самом начале карьеры удерживал Холома на месте. В том, что это был заговор, он почти не сомневался. Если бы человеческий взгляд мог убивать, Темир Буга уже превратился бы в обугленный скелет. Но человек с таким взглядом не бросился врукопашную, не метнул в плавильщика кинжал, не бросил пороховую бомбу, не выстрелил из карманного огнестрельного оружия. Незнакомец затаился, а, значит, у него были сообщники, и время покушения ещё не настало.

Внезапно страж ощутил лёгкое покалывание в шее и левом предплечье, и почти одновременно с этим увидел знакомую сутулую фигуру. "Неужели?!" — довольно ослабившись, подумал он. В одноруком слабо, но отчётливо бился пульс грозы. Холом тихо выдохнул и начал складывать в уме простые числа, пряча от врага собственный пульс. В сказках всё было просто: в сердце колдуна прячется маленькая гроза из Нижнего Мира, а в сердце бдительного — один из духов-дозорных. Он-то и указывает стражу на колдуна. На деле же и чувствительность, и пульс были частью одного и того же проклятого наследия. В сердцах великих предков бушевали бури, недоступные фантазии нынешних людей. С помощью этого дара они читали мысли, оживляли стальных и фарфоровых чудовищ, оказывались одновременно во многих местах, исцеляли смертельные болезни. Но тот же дар открыл дорогу в их души мстительным духам живых камней и злым божествам Нижнего Мира, которым поклонялись морские чудовища. Поэтому и завещал Смотрящий-в-ночь: дети, которые могут чувствовать сердечную грозу, обязаны стать Стражами, чтобы оберегать народ от древнего ужаса. Тех же, чья буря выплёскивается наружу, должно убивать без пощады.

В сердце Холома гроза едва тлела, как, похоже, и в сердце однорукого бунтовщика. Незнакомец мог оказаться как пережившим чистки колдуном, так и покинувшим Орден стражем. Всё реже рождались опасные дети, почти не осталось древних боевых чудовищ, и стражи всё глубже погружались в трясины бюрократии и политических интриг. Неудивительно, что бойцы старой закалки зачастую предпочитали бумажному болоту азарт и наживу преступного мира или призрачные идеалы какой-нибудь бунтовской секты.

Однорукий шёл быстрым пружинистым шагом человека, привычного к долгим переходам. Время от времени он останавливался, внимательно осматривая окрестности, а затем резко менял направление. Сначала Холом подумал, что бунтарь почувствовал слежку, но потом понял, что тот не слишком хорошо знает город.

Они прошли по широким мощёным улицам квартала соратников Прозорливого, мимо каменных заборов, за которыми скрывались ухоженные сады и просторные поместья городских жрецов-чиновников, и углубились в переулки ремесленного города. Большинство лавок было ещё закрыто, и только некоторые продавцы уличной еды разогревали свои жаровни, готовясь встретить проголодавшихся почитателей Лазурного Дракона. На полупустой рыночной площади несколько слуг законоучителя старательно оттирали с памятной стелы грубо намалёванные соком клейкой лианы идеограммы "разум" и "справедливость". До сих пор доморощенные революционеры не заходили дальше мелкого вандализма, но очень скоро всё могло измениться.

Брусчатка сменилась утоптанной глиной. Однорукий явно вёл своего преследователя вглубь Птичьего Базара — переплетения кривых улочек, зажатых с обеих сторон плетёными заборами бедняцких лачуг. Полагаясь на своё чутьё, Холлом позволил незнакомцу скрыться из поля зрения. В детстве он с ватагой приятелей нередко искал в трущобах приключений, а потому знал местность куда лучше пришедшего бунтовщика.

Однорукий ходил кругами, то ускоряясь, то замедляясь. Пыль и сор Птичника сменились склизкой грязью Порты, а потом снова брусчаткой центральных кварталов. Юный страж начинал терять терпение. Неужели этот болван заметил слежку? Или он убивает время, не желая возвращаться в свою зловонную лачугу до темноты? Холлом едва сдерживался от того, чтобы обогнать однорукого и устроить ему засаду. Но в чём он может обвинить оборванца? В том, что тот злобно таранился на правителя, да ещё в образе Дракона? Двадцать плетей вряд ли сильно повредят дублёной шкуре старого волка, и после них однорукий надолго заляжет на дно. Нет, дичь домой приносит только терпеливый охотник.

И терпение юного стража было вознаграждено. Совершив круг почёта по нищим кварталам, однорукий вернулся на рыночную площадь. Служители власти уже победили крамольную надпись, и, рассевшись на камнях, курили длинные трубки. Горожане толпились вокруг лотков с засахаренными орехами, жареной в масле рыбой и маринованными побегами золотистого тростника. Холлом ожидал, что незнакомец присоединится к ним, ведь уже давно пора было подкрепить силы, но тот неожиданно направился к двухэтажному чайному домику с высоким резным крыльцом.

«Вот оно!» — с радостным возбуждением подумал избранник Дракона. Чайная старого Сампая обслуживала младших соратников и прочую чистую публику, портовым голодранцам в ней было не место. Значит, однорукого ждут.

Бунтовщик, как и следовало ожидать, вошёл через вход для прислуги, а Холлом, чтобы не привлекать внимания, поднялся по ступеням парадного крыльца. В просторном зале чайной царил тишина. Косые лучи утреннего солнца падали сквозь узкие окошки прямо в небольшой бассейн с зеркальными карпами, разбегаясь оттуда тысячами зайчиков по деревянным колоннам, украшенным резьбой в виде драконьей чешуи. Рыбы, смирившиеся с неизбежной участью чьего-то обеда, едва шевелили плавниками, предаваясь созерцанию мира духов. Старший слуга чайного мастера, невысокий круглолицый парень по имени Арбай, вышел ему навстречу из-за своей ширмы. Он грозно нахмурился, глядя на пыльный кафтан гостя, но, увидев лазуритовую пластинку избранника, тут же расплылся в широкой улыбке.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, доблестный соратник! — часто кланяясь затараторил он. — Желаете чашечку напитка шаманов? Или сытный обед после дальней

дороги?

— Быть может, чуть позже, — с улыбкой ответил Холом. — А пока скажи, любезный, что за однорукий тип только что вошёл через чёрный ход?

Арбай заморгал и пожал плечами.

— Не видел, доблестный господин. Но, если тебе угодно, узнаю у поваров.

— Будь добр, — кивнул Улан Холом, протянув слуге несколько клеймённых дощечек — чуть больше, чем стоил обед.

Слуга вернулся быстро, на его лице застыла маска вины и скорби.

— Я невероятно сожалею, доблестный господин, но твоему нерадивому слуге не удалось ничего узнать. Никто не видел однорукого, увы!

Страж вздохнул и прислушался. Где-то на верхнем этаже чайной приглушённо бился знакомый пульс. «Неужели эти негодяи мне врут?» — подумал Холом. — «Или... Ну конечно! Увечье ненастоящее! Ладно, продолжим охоту».

Отпустив слугу, Улан Холом поднялся на верхнюю галерею. Здесь, в тишине небольших комнат с обитыми войлоком стенами, любили обсуждать крупные сделки работорговцы и плантаторы с ближних островов. Пульс зазвучал с новой силой. Повинуясь своему чутью, юный страж зашёл в переход, ведущий к небольшим комнаткам, которые мастер Сампай сдавал приезжим. Он осторожно скользил вдоль запертых дверей, надеясь подслушать что-нибудь важное, когда одна из них резко запахнулась и из неё вышел высокий человек в потёртом светло-сером чиновничьем кафтане. Холом вежливо скрестил кисти рук в жесте четырёх сторон света, пристально глядя на незнакомца. Метаморфоза поражала. Исчезла болезненная сутулость, затушёванный ореховым маслом тонкий шрам едва виднелся на гладко выбритом лице, и только пульс внутренней грозы указывал, что юный страж не ошибся. Бунтовщик бросил на него быстрый жёсткий взгляд и поднял палец к небу. Улан Холом почтительно склонил голову и пошёл дальше по коридору, запомнив дверь незнакомца. Свернув за угол, он дождался, когда под ногами заговорщика заскрипит лестница, а затем быстро прокрался на галерею. Незнакомец подошёл к двери, протянул Арбаю несколько дощечек и вышел на улицу.

Холом вернулся к двери и достал из кармана отмычку. Хлипкая деревянная преграда, способная защитить только от хозяйских котов, легко поддалась, и юный страж шагнул было в комнату, но тут же отпрянул назад, прошипев матросское ругательство. В дверном проёме, угрожающе жужжа, завис болотный огонёк — самый маленький, но всё равно опасный слуга великих предков. Светящийся шар замерцал, наливаясь красным. Холом замер. В его мозгу одновременно родились желание бежать и нечто невыразимое словами. Волна возбуждения и уверенности в победе прокатилась от затылка к левому предплечью и вовне, усиленная незримыми веригами. Шар испуганно пискнул и погас. Боевой транс прервался, только саднила кожа там, где с ней срасталась воплощённая воля Ордена.

Страж быстро прошёл мимо обездвиженного колдовского слуги. Кто же такой этот незнакомец? Кто настолько дерзок, что привёл в город болотный огонь? Комната не давала ответов. Узкая кровать, застеленная армейским одеялом, грубый столик, таз для умывания и мутное бронзовое зеркало — пристанище мелкого чиновника или торговца средней руки. Присев, Холом заглянул под кровать. Там, скрытый от глаз свисающим одеялом, притаился добротный дорожный сундук. Вместо замка в крепкое дерево была врезана восьмиугольная пластина с гравировкой в виде снежинки — герб Ледяной Цитадели. "Значит, всё-таки, Страж", — решил Улан Холом, — "Но бывший или действующий?"

Он положил руку на пластину, и вновь тёплая волна прокатилась от незримых вериг к кончикам пальцев. Снежинка вспыхнула белым, раздался чёткий щелчок. Холом быстро выдвинул сундук из-под кровати и откинул крышку. Внутри лежал дорогой тёмно-синий кафтан с вышитым на груди символом Трёх Миров, а на нём, бережно завернутая в бархатный платок, покоилась резная нефритовая пластина. Искусно вырезанные слова гласили: "Силой Великого Дракона, Моя воля живёт в носителе нефритового оберега, Моё слово изрекают его уста, и увиденное им от Меня не скроется. Противящийся Моему посланнику умрёт и дух его низвергнут будет в пепельные ямы Нижнего Мира". Юный страж побледнел и дрожащими пальцами начал заворачивать пластинку обратно в кроваво-красный бархат. Посланник самого Прозорливого! Если он застанет Холома здесь... Предательский платок снова развернулся, из него выпало "зеркало души" — табличка из золотистого дерева, на которой искусным придворным мастером был вырезан портрет мужчины лет тридцати пяти — сорока и нанесены изящные строки летящего письма. "Улагай Дамдин, милостью Дракона личный прорицатель Смотрящего-в-ночь, соратник третьего ранга на пути доблести, удостоенный титула "Разящий без промаха" в год крапчатой мыши, девятнадцатый от возвращения Смотрящего-в-Ночь в двадцать второй раз", — быстро прочёл Улан Холом. Юноша глубоко вдохнул и заставил себя три минуты сидеть без движения, пока звенящие вопли его страха не превратились в тихое поскуливание. Выдохнув, он быстро и аккуратно завернул в платок обе пластины, захлопнул сундук и задвинул его под кровать. Где-то внизу хлопнула дверь, на лестнице послышались шаги. Распрямившись словно пружина, Улан Холом подлетел к окну и нырнул в него, больно ударившись о лакированную черепицу покатою крыши. Зрение помутилось, а когда страж пришёл в себя, он уже стоял во внутреннем дворе трактира, прижавшись к стене сарая. Где-то над ним с гневным треском распахнулось окно. Холом затаил дыхание, считая удары сердца. Окно захлопнулось, послышался сердитый возглас: незнакомец звал слуг. Воспользовавшись суматохой, страж выскочил за ворота и нырнул в толпу. Нужно было срочно рассказать об увиденном отцу.

Украшенные чеканными цветами ворота храма-жилища первого гранильщика были широко открыты. Казалось, войти в дом сановного шамана мог любой мирянин, но Холом знал, что это впечатление обманчиво. Войдя в арку, он поднял голову и просвистел короткую трель. Ветви растущего у ворот раскидистого добана зашевелились, и из кроны высунулась щекастая голова Меткого Третьего — одного из вольноотпущенников его отца. Бронзовый мех на подбородке островитянина был заплетён множеством мелких косичек.

— Отец дома? — спросил охранника Холом.

Меткий Третий утвердительно раздул защёчные мешки и издал короткий трубный звук.

— Хорошо, — улыбнулся избранник дракона, сплетя пальцы в жесте благодарности.

Охранник потряс косичками и исчез среди ветвей.

В доме царила суэта. Слуги проветривали сундуки с дорожным платьем, секретари носились с письмами и поручениями. Хотя отцу предстояло отправиться в Баянгол не раньше, чем через месяц, готовиться к этому и передавать дела заместителям следовало уже сейчас.

У двери кабинета Улан Баира застыл телохранитель в стальном нагруднике. Он предостерегающе поднял руку и покачал головой. Холом кивнул и приготовился ждать, хотя внутри него всё кипело от нетерпения. Из-за стены раздавались голоса, но мягкая обивка стен скрадывала звук, сохраняя тайны хозяина дома от посторонних. Через некоторое время

голоса смолкли, и охранник, выждав ещё несколько долгих минут, отступил в сторону.

К удивлению юного стража, в кабинете кроме отца никого не оказалось. Первый гранильщик сидел в кресле, потирая тронутые сединой виски. Глубокие морщины на лбу, отвислые щёки и опущенные уголки губ придавали его лицу слегка обиженное выражение, которое могло бы показаться комичным, если бы не цепкий взгляд водянисто-зелёных, как у речного ястреба, глаз.

— Посланник Прозорливого в городе! — с порога выпалил Холом.

Отец метнул в него быстрый взгляд из-под полуопущенных век и едва заметно пожевал губами.

— Посланник... — пробормотал первый гранильщик. — Ты уверен? Нас никто не предупреждал...

— У него в сундуке нефритовый оберег! И халат высшего соратника с символом Трёх Миров...

Улан Баир резко поднял голову.

— В сундуке? — резко спросил он. — А что, позволь узнать, *ты* делал у него в сундуке? Холом глубоко вдохнул, пытаясь сосредоточиться.

— Я заметил этого человека в святилище, во время Пляски. Он следил за Темир Бугой, и в его взгляде читалась ненависть. Я решил, что он готовит покушение, и решил выследить его. Почувствовал, что он — носитель бури, проклятая кровь, как и я. Выглядел он при этом как обычный оборванец, однорукий матрос...

Первый гранильщик хмурился, слушая рассказ сына, но не перебивал, и только вертел на пальце фамильный перстень-печатку. Когда Холом дошёл до появления болотного огня, Улан Баир болезненно прищурился и вздохнул.

— ...Воля Ордена укрепила меня, и я сбежал через окно, — закончил Холом.

Его отец сгорбился в кресле и устало помассировал глаза.

— Плохо, — мрачно сказал он.

Какое-то время он молчал, и юный страж решил было, что отец не станет делиться своими мыслями, но учитель сургуля в его душе всё же взял верх над хитрым политиком.

— Чем именно плохо, сын? Как думаешь? — словно нехотя спросил Баир.

Улан Холом нахмурился. В детстве такие вопросы нередко оканчивались наказанием, которое он должен был выбрать сам. Это оставило в душе неприятный отпечаток, хотя и делалось — как понимал Холом — для его же блага.

— Прибытие посланника означает, что Прозорливый видит изъяны в управлении городом, — осторожно подбирая слова, ответил он.

Отец кивнул и молча загнул один палец.

— Человек, которого прислал Смотрящий-в-ночь, по какой-то причине затаил зло на временного градоначальника, и не будет беспристрастен.

Два пальца. Холом вздохнул и опустил голову.

— Я своими действиями разозлил столичного чиновника и окончательно испортил его мнение о городе, — признал он.

— Если было что портить, — хмыкнул первый гранильщик. — Близко, но подумай лучше.

— Его болотный шар мог запомнить меня, и это принесёт неприятности нашей семье, — глухо произнёс юный страж. — Хотя я был при исполнении обязанностей и действовал по воле Ордена.

— Верно, — сухо кивнул его отец. — Якое-что знаю об этом Дамдине. Говорят, он вступил в Орден ради почёта и власти, но провалил важное задание. Тогда он предпочёл предать обеты и искать славы на войне, где втёрся в доверие к Прозорливому. Такой человек захочет либо выместить на нас обиду, либо заставить нас задабривать его подарками и услугами.

— Мне следует сознаться, — решительно сказал Холом. — Лучше если я пострадаю, чем вся семья окажется в долгу у такого человека!

Улан Баир покачал головой.

— Я верю, что у тебя большое будущее, сын, — спокойно произнёс он. — Не спеши им жертвовать раньше времени.

Юноша удивлённо моргнул. Отец редко хвалил кого-либо, тем более — его.

— Я беспокоюсь о тебе, — продолжил Улан Баир, — и поэтому хотел бы, чтобы в сундук к Дамдину залез кто-то другой. Но не пойми меня неправильно. Я рад, что ты раскрыл маскарад посланника и рассказал об этом мне. Теперь он не сможет заставить нас расплюх, и я постараюсь, чтобы у этого Дамдина не было времени для мелкой мести.

— Как я могу помочь тебе, отец? — растроганно спросил юный страж.

— Пока что выбрось посланника из головы, — с лёгкой улыбкой ответил Баир. — Сегодня вечером законоучитель устраивает званый ужин для именитых людей города. Я хочу, чтобы ты был там и обратил внимание на дочь нашего временного градоначальника, Илану. Она только что вернулась из Толона...

— Отец, ты же знаешь, что я намерен принести обет безбрачия! — удивлённо воскликнул Холом.

Первый гранильщик досадливо вздохнул.

— Ни на минуту не забываю этого прискорбного факта, — раздражённо процедил он. — Как можно быть в один миг таким догадливым, а в следующий столь бестолковым? Разумеется, я не собираюсь её за тебя сватать! Мне донесли, что она — опасная нигилистка, член зловредной секты, запустившей свои щупальца даже в ряды Ордена. Возможно, это клевета, и тогда я приму меры, чтобы репутация её отца не пострадала. Если же это правда, я придумаю, как обезвредить её с наименьшими потерями для города. Так что прими ванну, надень лучший кафтан и будь готов цитировать поэтов и обсуждать природу. В беседе с ней используй фразу "око тайфуна" и посмотри, что из этого выйдет.

— Слушаюсь! — по-военному отчеканил Холом и, не оглядываясь, вышел.

Но если бы он оглянулся, то заметил бы, как отеческая улыбка расцвела на губах Баира и тут же увяла, сменившись гримасой затаённой скорби.

**

Когда Стальной Феникс в четвёртый и последний раз за день воспарил над Средним миром, морской ветер утих и воздух сразу стал тяжёлым и жарким, немногим прохладнее пара над кипящим котлом. В такую погоду толонские модницы надевали разрезные хитоны из тонкого шёлка, украшая запястья и плечи витыми браслетами. Несомненно, добрая половина знатных дочерей Бириистэна и не меньшее число их взрослых братьев хотели бы сегодня увидеть Илану в таком наряде. Их родители и, в первую очередь, её отец — главный из учителей, готовивших в бириистэнском сургуле шаманов-воинов — надеялись, что она появится на праздничном ужине в традиционном горском платье с цветной бахромой и

крупными лазуритовыми бусами, как подобает дочери знатного рода. Но Темир Илана была одной из немногих женщин в Уделе Духов, кто мог себе позволить совершенно иной наряд — парадный кафтан мастера внутренней гармонии, белый с сине-серебряной вышивкой. Это тоже был традиционный горский костюм, с длинными рукавами и жёстким стоячим воротником, плотный и жаркий, хоть его цвета и символизировали снег и лёд — стихию, убивающую болезни и останавливающую гниение. Но чиновничий кафтан словно орлиные крылья поднимал девушку высоко над провинциальной ярмаркой невест, на которой ещё не так давно она даже не собиралась появляться.

Дочь первого плавильщика невесело усмехнулась своему отражению, поправила кушак и повесила на него "зеркало души". "Темир Илана, милостью Дракона одобренный лекарь, соратница седьмого ранга на пути мудрости, удостоенная титула "Исправленная резцом" в год серой чайки, двадцать четвёртый от возвращения Смотрящего-в-Ночь в двадцать второй раз". Это или распугает всех желающих просить её руки, или от них, наоборот, отбоя не будет. Какой старый шаман или купец не захочет, чтобы его невестка была профессиональным врачом? Такой поворот мог способствовать примирению Иланы с отцом, хотя она сомневалась, что они оба готовы к этому. Девушка всё ещё винила плавильщика в смерти матери, а отец её — в предательстве тех идеалов, за которые его жена, якобы, отдала жизнь.

Мир, где люди с особыми талантами занимают положенное им высокое место. Изгнание захватчиков-горцев, гибель злого хищника, которому они поклоняются, и исцеление Великого Певца, которого завоеватели называют безликим демоном. Многие были готовы умереть за такие вещи, но отец лгал: Темир Аси была не из их числа. Мать боялась вторых родов, убивших её, и радовалась тому, что её первая дочь не унаследовала ни бледной кожи, ни колдовского таланта. Аси хотела спокойно жить в Бириистэне и лечить людей, и в этом — о, злая ирония мира — у неё было больше общего с книгохранителями Ордена, чем с фанатиками Безликого, благоговейным шёпотом произносившими её имя — имя правнучки последнего из просвещённых правителей древнего Толона. На беду Аси, Иланы и многих подобных им, имена знаменитых предков в этом мире значили куда больше, чем все желания и усилия отдельного человека.

Илана тряхнула головой, прогоняя горькие и опасные мысли. Сегодня ей следовало быть как никогда собранной и внимательной. Ещё раз придирчиво осмотрев своё отражение, дочь первого плавильщика вышла из комнаты. Увидев её, старая служанка огорчённо всплеснула руками.

— Молодая госпожа снова нарядилась в мужское платье! Какой благодетельный юноша возьмёт Вас после этого замуж?!

— Я вернулась сюда, чтобы продолжить дело матери, — спокойно ответила Илана. — Что скажет об этом яснее одежды лекаря?

Это было правдой лишь отчасти. Темир Аси лечила людей, богатых и бедных, но сейчас в лечении нуждалась вся страна. После войны с пришельцами из-за моря Удел Духов был похож на ослабевшего от голода и ран человека, внутри которого одна за другой просыпаются застарелые язвы. Если не вскрыть эти нарывы, не отделить острым скальпелем больную плоть от здоровой, всё тело погибнет в муках от злой гангрены. В этом она была убеждена так же, как и другие члены общества друзей Разума, собравшегося вокруг Дзана Бадзара — знаменитого врача, поэта и философа, бывшего книгохранителя Срединной Цитадели.

Один из таких нарывов зрел здесь, на юге. Донесения о массовых побегах рабов, участвовавших в нападениях бандитов на речные караваны и стычках с солдатами местных гарнизонов говорили о том, что в густых джунглях вокруг Бириистэна собралась небольшая армия. Стоит немного промедлить, и этой силой воспользуются фанатики Безликого, чтобы снова погрузить страну в пучины кровавой междоусобицы, или братья Ордена Стражей, чтобы укрепить свою и так чрезмерную власть. Поэтому Илана, в чьих жилах текла кровь и полководцев гор, и правителей джунглей, вызвалась стать тем скальпелем, что вскрыет нарыв и обрежет нити, управляющие бунтовщиками. Друзья надеялись, что в её руках восстание сможет стать очищающей силой, подобной порошку, который искусственно вызывает горячку, чтобы победить затяжную болезнь.

Дочь плавильщика размышляла об этом всё время, пока четверо крепких островитян несли её закрытый паланкин к воротам городского Святилища. По слухам, именно беглые рабы-островитяне, называющие себя "Детьми Громовержца" были основой грядущего бунта. Связан ли кто-то из четверых носильщиков с восстанием? Возможно. Имеет ли к нему отношение то, что несколько доверенных вольноотпущенников её отца, включая главного телохранителя, в последний год оставили службу? Вероятно. Связан ли с бунтовщиками сам Темир Буга? Определённо. Человек, стремившийся вернуть власть пророков Великого Певца, просто не мог упустить такую возможность. Значит, Илане предстоит битва с отцом, его должниками и союзниками. Положение одобренного лекаря могло дать ей хорошую возможность приобрести своих, но дочь плавильщика не знала, сколько у неё на самом деле осталось времени.

В этом году правитель области пригласил своих гостей в павильон Вечерней Прохлады. Как и большинство общественных зданий на юге страны, это был просто обширный помост, над которым, опираясь на резные деревянные колонны, покоилась покатая крыша из лакированной черепицы. В павильоне не было ни стен, ни перегородок, чтобы не мешать даже малейшему движению воздуха. Натянутые между колоннами гирлянды разноцветных бумажных фонариков с написанными на них пожеланиями изобилия и долголетия придавали незатейливому строению нарядный праздничный вид. В центре павильона на небольшом возвышении девушка лет пятнадцати в расшитом белыми лотосами платье, сосредоточенно хмурясь, играла на двадцатиструнном ягане нежную мелодию. Именитые горожане в просторных светлых одеждах негромко переговаривались, изредка подходя к доскам из мягкой пальмовой древесины, в которые были воткнуты заострённые палочки с насаженными на них ломтиками ароматного мяса или сваренными в меду фруктами. Бесшумные и предупредительные служители время от времени наполняли их высокие пиалы травяным чаем или лёгким ягодным вином.

Отец ждал Илану в тени деревьев недалеко от павильона. Увидев наряд дочери, он на мгновение смутился, но быстро сориентировался и вместо того, чтобы предложить ей руку, как делали другие отцы и мужья, широким жестом пригласил следовать за ним. Законоучитель ждал их на верхней ступени помоста. С учтивой улыбкой он приветствовал каждого вновь прибывшего, обмениваясь с ними парой вежливых фраз. Подойдя к первой ступени, отец и дочь сложили руки в жесте четырёх ветров и поклонились правителю.

— Нохор Буга, — весело произнёс тот. — Я рад видеть, что Ваша прелестная дочь завершила своё обучение! Но, кажется, Вы забыли сказать ей, что идёте на ужин, а не на совет!

— Увы, мудрейший, — вздохнул плавильщик, — в молодости я слишком часто

повторял, что нет одежды лучше мундира. Боюсь, Илана слишком хорошо это запомнила!

Девушка решила подыграть отцу, изобразив на лице застенчивую улыбку. Законоучитель негромко рассмеялся, по этикету прикрывая рот левой ладонью.

— Я всегда мечтал, чтобы нашему городу служили талантливые молодые люди, — сменил тему он. — Благодаря Вам, нохор, эта мечта исполняется!

— Вы слишком любезны, билгор Токта, — покачал головой первый плавильщик. — Ваша семья делает для этого куда больше, и пример тому — прекрасная игра Вашей старшей внучки!

— Ох, это Вы слишком любезны, доблестный соратник! Ей ещё многому предстоит научиться! Но проходите, прошу Вас! Внутри Вас ждут вещи куда более приятные, чем беседа со стариком!

Законоучитель ошибался. Они едва сделали несколько шагов по направлению к столам, когда Бугу перехватил сутулый мужчина в светло-кофейной мантии с подвязанными шёлковой лентой седыми волосами. Илана едва узнала в обрюзгшем старике с отвислыми щеками Улан Баира — первого гранильщика, то есть старшего из учителей, готовящих в бириистэнской школе гражданских чиновников. Десять лет назад Баир горделивым молодцем, быстрым как лесной кот, по которому тайком вздыхали городские красавицы. Увы, он предпочёл им племянницу Токты, девушку скромную и не слишком чарующую взгляды, а по словам завистниц — ещё и с ведьмовским прошлым. Учитывая, что единственного сына Баир отдал на воспитание в Прибрежную цитадель Ордена, сплетни вполне могли оказаться правдой. Как бы то ни было, законоучитель доверял этому человеку как родному сыну, и Баир правил пока Токта царствовал.

Гранильщик скользнул по лицу Иланы быстрым взглядом из-под тяжёлых век и, слегка дёрнув щекой, вполголоса прошептал её отцу:

— Нохор Буга, не хочу портить Вам аппетит делами, но дело спешное.

С этими словами он сунул Темир Буге маленькую грифельную доску. Отойдя чуть в сторону, первый плавильщик дважды пробежал текст глазами. Он держал доску так, чтобы никто и, в первую очередь, Илана, не мог разобрать, что там написано, но девушка увидела, как напряглось и потемнело его лицо.

— Ты уверен? — глухим голосом спросил он.

— Позже! — недовольно бросил Улан Баир.

Буга яростно стёр текст рукавом и бросил дощечку гранильщику. Тот на удивление ловко поймал её и спрятал в рукав. Быстро поклонившись Илане, Улан Баир скрылся среди гостей.

— Что-то не так? — участливо спросила девушка у отца.

Тот мрачно покачал головой.

— Городские дела. Ничего... ничего, с чем ты могла бы помочь.

Илана отметила про себя эту заминку. Что хотел, но не смог сказать Буга? Ничего важного? Вряд ли. Ничего, что её касается? Увы, она слишком долго не видела отца, чтобы понимать сейчас ход его мыслей.

Тем временем все приглашённые прибыли, и законоучитель поднялся на возвышение. Его внучка завершила игру изящной импровизацией, привлекая внимание собравшихся.

— Все вы хорошо замечаете приметы, — хорошо поставленным голосом начал речь Токта, — И можете не хуже меня судить, что через три, самое большее — через пять дней прольётся первый ливень нового сезона дождей. Это значит, что очень скоро, скорее, чем

мне бы хотелось, я оставлю родной город, повинувшись призыву неустанно Смотрящего-в-Ночь. От имени всех вас я принесу горячие молитвы перед священными чешуйками Лазурного Дракона, которые покоятся на дне нерукотворного пруда в Баянгольском Святилище. В моём сердце радость скорой встречи со святыней смешивается с тоской по родному городу — ведь Собор может продлиться не один год. И наш прозорливый правитель, зная мои чувства даже на большом расстоянии, поспешил снять тяжесть с моих плеч и прислал в Бириистэн своего полномочного посланника!

Удивлённые вздохи и возбуждённый шёпот волной прокатился по залу. Токта взмахнул рукой, требуя тишины. За его спиной сосредоточенно хмурился Улан Баир.

— К сожалению, мудрейший Дамдин утомился после долгого пути и попросил меня преподать вам благословение от его имени, — продолжил законоучитель. — Но зная, что многим из вас не терпится узнать о чудесах Священной Столицы, я упрямил присоединиться к нам доблестного Цэрэна из гвардейского знамени "Снежных Барсов".

Он легко поклонился стоявшему неподалёку крепко сложенному человеку с круглым, окаймлённым короткой бородой, лицом. Столичный офицер, как и большинство приглашённых, предпочёл официальному кафтану просторные одежды южан.

— Но прежде чем позволить вам сполна насладиться беседой, я обязан представить всем вам своего временного заместителя и его помощников. Нохор Буга, прошу!

Темир Буга поднялся на возвышение, пытаясь придать своему лицу беззаботное праздничное выражение.

— Для меня это огромная честь, но так же и тяжёлое бремя, — хрипловато произнёс плавильщик. — Я просил мудрейшего Токту назначить на этот пост нашего друга и соратника Улан Баира, несомненно, куда более достойного. Но его мудрость и знание древнего Баянгола — ведь он вырос и учился в священном городе — станут большой поддержкой для нашего дорогого наставника во время Собора. Поэтому пост получил я, грубый солдат без опыта подобных дел, и я прошу вас, достойные сограждане, быть ко мне снисходительными.

Горожане учтиво закивали, но от Иланы не укрылось несколько саркастических усмешек. Этикет требовал от чиновника преувеличенной скромности, но собравшиеся хорошо знали, что не Буга, а Токта неопытен в делах и служит расписной ширмой для двух своих советников. В своё время на высокий пост его протолкнул Орден, чтобы бириистэнский законоучитель не мешал братьям из Прибрежной Цитадели проворачивать в городе торговые махинации. Пока все стороны жили в мире, но Илана подозревала, что бесхарактерность правителя области в любой момент может вылезти Стражам боком.

— К счастью, — продолжил Темир Буга, — я буду не один. Уверен, что посланник Прозорливого не откажет мне в наставлении, а юные избранники Дракона, которых наш правитель великодушно оставил в городе, поддержат мои дряхлеющие руки. Вот они, перед вами!

Повинуясь взмаху руки первого плавильщика, четверо юношей приблизились к возвышению. Один из них был точной копией молодого Улан Баира, остальные трое не показались Илане знакомыми.

— Дзамэ Максар — самый способный из оружейных мастеров, которых мне довелось учить, — указал её отец на невысокого парня, шириной плеч не уступавшего столичному гвардейцу. — Он будет совмещать должности начальника городской стражи и третьего плавильщика сургуля. Улан Холом, чьи таланты не нуждаются в похвалах, возглавит

канцелярию по делам мирян. Бодоо Боргут будет ведать делами рынка и торговых гильдий. Наконец, Айсин Тукуур, за право именоваться наставником которого мы поспорим с многомудрым Баиром, станет моим прорицателем и начальником духовной канцелярии.

Худощавый юноша в слегка великоватом парадном кафтане низко поклонился отцу и собравшимся, бормоча слова вежливого самоуничижения. Илана нахмурилась. Перед отъездом в Толон они с Тукууром посещали занятия у одного наставника, готовившего чиновничьих детей к поступлению в сургуль. Тогда он был общительным и любознательным мальчиком, увлечённым историей и географией. Откуда теперь в нём взялось столько подобострастия? Покопавшись в памяти, она вспомнила одну деталь: Тукуур был из бедной семьи, его отец тогда был всего на один ранг выше чем сын сейчас. Стоило догадаться, что не он, а Темир Буга по каким-то причинам оплатил обучение юноши.

Заметив взгляд Иланы, новый прорицатель отца повернулся к ней, и его лицо осветилось радостью узнавания. Юноша смущённо поклонился. Илана удивлённо сложила руки в жесте приветствия. Она едва вспомнила Тукуура, а знаток церемоний, похоже, узнал её сразу. Кажется, в те далёкие годы он был ей слегка увлечён. Могли ли эти чувства сохраниться так долго? Неужели в этом захолустье так мало красивых девушек? Илана задумалась, почти не слушая речь отца. Пожалуй, она могла бы использовать это, чтобы привлечь на свою сторону доверенного человека своего отца. Но после утончённого толонского общества ей совсем не хотелось морочить голову мальчишке-провинциалу. К тому же, кто знает, как сильно он и его семья обязаны Темир Буге? Такой человек мог легко оказаться кинжалом без рукояти. В любом случае, ей требовалось время, чтобы это обдумать.

Не желая давать молодому чиновнику ложных надежд, Илана поспешила присоединиться к группе горожан, обступивших столичного офицера.

— Как много воинов прибыло с Вами, доблестный Цэрэн? — как раз спросил кто-то.

— Всего двое, — спокойно ответил тот.

— Разве это не опасно? — ахнула одна из знатных дам.

Гвардеец ухмыльнулся, довольный произведённым впечатлением.

— Снежный барс в бою стоит десятка солдат, — хвастливо ответил он. — Да и славный Дамдин, наш дворцовый прорицатель, не робкого десятка. На войне с заморскими демонами его копьё защищало Прозорливого справа, а меч Дарсен Тагара — слева!

— Но ведь чиновнику такого высокого ранга полагается эскорт не меньше полусотни? — осторожно спросил глава гильдии ювелиров.

— Конечно, — подкрутил усы Цэрэн. — Но комендант гарнизона в Речных Вратах попросил у мудрейшего Дамдина помощи в поимке опасных разбойников, поэтому остаток пути мы проделали вчетвером. Ведь для посланника самое важное — безопасность государства! Как он мог отказать? Но не переживайте! Если ваша городская стража не успевает ловить воров, то одно письмо — и полусотня через три дня будет здесь! И тогда вы увидите, как работает столичная гвардия!

Слушая похвальбу гвардейца, Илана краем глаза заметила, как Улан Баир и Темир Буга выскользнули из павильона. Девушка многое бы дала за то, чтобы узнать, о чём будут говорить эти двое, но она не могла просто так покинуть павильон, тем более — в одиночку. Дочь плавильщика окинула взглядом собравшихся, пытаясь понять, кто из сановных дам мог бы составить ей компанию. Несколько раз она ловила на себе взгляд Тукуура, но юный чиновник так и не решился заговорить с ней до того, как их снова представит друг другу

отец. А вот его коллега сумел найти подходящий предлог.

— Билгэ Илана, я прошу разрешения обратиться к Вам как к врачу, — тихо произнёс Улан Холом, скрестив руки в жесте четырёх сторон света.

Она ответила вежливым полупоклоном, настороженно глядя на затянутого в чёрный орденский кафтан секретаря. Внимание этого человека могло означать всё что угодно, и дочь плавильщика ещё раз порадовалась тому, что не унаследовала даже малой доли способностей матери.

— С детства меня мучит неприятный недуг, — выждав паузу, продолжил Холом. — Мне вечно не хватает слёз. Глаза быстро пересыхают и воспаляются от пыли. Я хотел бы выбрать путь доблести, и плавильщики сургуля считают меня способным учеником...

"Путь факельщика, ты хочешь сказать", — неприязненно подумала девушка. — "Стремишься убивать колдунов, а не только вынюхивать их".

— Я полагала, что воины Ордена Стражей чаще вступают в поединки разумов, чем в рукопашный бой, — сказала она вслух.

— Так говорят легенды, — склонил голову чиновник. — На практике же разбойники встречаются куда чаще колдунов, а их жертвам некогда различать юрисдикции.

— Вы ведь сын первого гранильщика, верно? — уточнила Илана. — Я слышала, что Вашей семье служит один из лучших лекарей этого города. Что он Вам назначил?

— Бальзам из живицы каменных яблок, смешанной с соком алоэ и настоем трёх летних трав, разбавленный смесью морской и пресной воды три к одному, — без запинки ответил страж. — Я стараюсь постоянно держать его при себе, но надеялся, что ученица мудрейшего Бадзара знает более действенное средство.

— К сожалению, поскольку недуг врождённый, я не знаю способов его исцелить, — покачала головой Илана. — Мне известны два рецепта более эффективных бальзамов, но Ваш врач, вероятнее всего, специально использует тот, в который входят только местные травы, и который можно быстро изготовить в нужном количестве. Ведь, насколько я понимаю, Вы не отказались от тренировок?

— Вы правы, — ответил Холом и задумчиво оглядел зал. — Все вокруг безмятежны, но мне кажется, будто мы замерли в оке тайфуна. Вокруг бушует стена всепоглощающей стихии, но мы старательно не замечаем её, продолжая заниматься своими делами.

Дочь плавильщика слегка нахмурилась, сбитая с толку странными словами молодого чиновника. Ей показалось, что он выделил слова «оке тайфуна», как будто они были тайным паролем.

— Спокойствие ока тайфуна даёт Вам время подготовиться, — осторожно ответила она, решив проверить свою догадку. — Осознать своё место и двигаться вслед за тайфуном.

Страж быстро посмотрел ей в глаза, и тут же снова склонил голову. В его взгляде читалось любопытство.

— Вы почти цитируете мудрость Ордена, — заметил он.

— Вы удивлены? — подняла бровь Илана.

— Зная, кем был Ваш учитель, пожалуй, нет, — пожал плечами Холом. — Но я не думал...

— Что покинув ваши стройные ряды он перестал ценить собранные Орденом крупницы мудрости? — с вызовом продолжила дочь плавильщика.

— Вы правы, это... — Улан Холом замялся, подбирая слово. — Неразумно с моей стороны.

— Как и вся наша беседа, — язвительно сказала Илана. — Не бойтесь, что она повредит Вашей репутации?

— Я — доверенный секретарь Вашего отца, — спокойно ответил страж. — Ему пришлось оставить Вас в одиночестве, и мой долг исправить ситуацию. Что касается моих обетов, то Орден всегда видит правду моего сердца.

При этих словах он инстинктивно коснулся левого рукава чуть ниже локтя. Илана мысленно отметила эту деталь. До её друзей доходили смутные слухи о таинственных приспособлениях, с помощью которых мастера Ордена подчиняли себе волю воспитанников из знатных семей. Кто-то говорил об особых кандалах, кто-то — о браслетах. Достоверно было известно только то, что нескольких чиновников и крупных землевладельцев, строивших планы против Ордена, без колебаний и сожалений выдали суду собственные дети. Было ли здесь действительно замешано колдовство, или наследники просто решили, что родители подзадержались в Среднем мире, никто не знал. "В любом случае, если Холому промыли мозги в Цитадели, то это — проблема Улан Баира, а не моя", — решила Илана. Вместо того, чтобы забивать этим голову, стоило использовать подвернувшуюся возможность.

— Раз так, то не будете ли Вы любезны проводить меня к беседке Розовых Кувшинок? — спросила она. — Хотелось бы проветрить голову перед новой порцией учтивых банальностей.

— Всегда к Вашим услугам, — поклонился Холом.

Они направились к выходу, сложив руки на животе в жесте созерцания и стараясь идти в одном темпе, как подобает соратникам Прозорливого равного ранга. Илане было приятно, что молодой чиновник принял её ранг как должное, без всех этих хмурых взглядов или снисходительных ужимок. Большую часть пути он молчал, не мешая её мыслям, и лишь изредка ненавязчиво указывал на новые изваяния мифических птиц и зверей, весьма неплохие для глухой провинции. Дочери плавильщика пришлось несколько раз напомнить себе, что рядом с ней не просто симпатичный молодой человек, а опасная ищейка Ордена. Все знали, что подобные Холому воспитанники умеют чувствовать присутствие колдуна. Но учат ли их языку тела обычного человека? Умеет ли её спутник замечать мимолётное волнение или страх, отличать искренние слова от лжи? Увы, Орден умел хранить свои секреты.

— Как Вы оцениваете художественные качества памятной стелы на рыночной площади, нохор Холом? — спросила она как можно более беззаботным голосом.

Страж недоверчиво покосился на неё.

— Вы, должно быть, шутите, мудрая соратница! — воскликнул он. — Вот уже неделю с этой стелы каждый день счищают крамольную надпись, но по сравнению с тем, что остаётся, она кажется изысканной каллиграфией!

Илана прыснула со смеху, но Холом вдруг нахмурился и предупреждающе поднял руку. Из-за деревьев послышались сердитые голоса.

— ...понять, как он узнал меня?! Весь большой круг прошёл и ещё четвёрка! Ни я, ни ты уже не выглядим так, как двадцать четыре года назад!

— Он видел, как ты танцуешь с мечом. Это, поверь, изменилось мало. Но я далёк от мысли, будто он оказался здесь случайно.

— Проклятая крыса! И как не вовремя: ещё год или полтора... Но столько нам не выгадать!

— Рад, что ты это понимаешь. Его люди в Речных Вратах...

— Занесённый топор. Вижу. Пусть оставит себе сказки о разбойниках! Придётся...

Темир Буга резко оборвал фразу, увидев дочь. Улан Баир хмуро уставился на сына.

— А вы двое что здесь делаете?! — зло рявкнул первый плавильщик.

— Я попросила твоего помощника отвести меня в беседку Розовых Кувшинок, — быстро ответила Илана. — Не знала, что это запрещено!

Её отец досадливо поморщился.

— Прости. Дурные вести. Я сам тебя провожу: другу Баиру как раз нужно поговорить с сыном.

Некоторое время они шли в напряжённом молчании.

— Много услышала? — проворчал, наконец, Буга.

— Почти ничего, — тряхнула головой его дочь. — Для чего тебе нужен год, отец?

Темир Буга, похоже, успел придумать ответ.

— Навести порядок в проклятом городе! — сердито бросил он. — В округе бандит на бандите, а Прозорливый прислал своего человека, да ещё и моего старого врага! Ты вернулась в тяжёлое время, дочь. Зачем?

Вопрос едва не застал её врасплох. Илана поморщилась.

— Я заметила, что ты не рад меня видеть.

— Не увливай! — рыкнул плавильщик.

— Из дочерней почтительности, — раздражённо ответила девушка. — От ностальгии. Из-за того, наконец, что в Толоне я лечила бы от любовной тоски богатых дам, чьи мужья боятся доверить их попечению другого мужчины, даже такого же седобородого...

— А здесь будешь зашивать резаные раны портовым грузчиком? — фыркнул её отец. — Я растил тебя воительницей! Надеялся, что ты продолжишь мою борьбу, но ты предпочла спрятать голову в песок, как твоя мать!

— Наконец ты это признал, — прошептала Илана.

— Ах вот в чём дело! — осклабился Буга. — Мечь? Ты отвергла то, что мне дорого, а теперь что?

Он внезапно остановился, сжав кулаки.

— Может это ты, — свистящим шёпотом спросил он, — привела врага к моему порогу? Меня предупреждали о такой возможности!

— Не оскорбляй меня, отец! — холодно ответила девушка. — Думаешь, я для того десять лет изучала яды, чтобы теперь достать из нафталина какого-то твоего врага, о котором не имела понятия?! Если бы я хотела отомстить, то сделала бы это сама, тут мы похожи! Но я не хочу, — чуть мягче сказала она. — Мы были теми, кем были, и делали то, что делали. Нужно двигаться дальше. Верить ты мне или нет, я приехала открыть практику. Но пойму, если ты не захочешь, чтобы я принимала пациентов под твоей крышей.

— Пф, — фыркнул плавильщик. — Под моей крышей я хотя бы буду видеть, с кем ты общаешься. Шпион в моём ближнем круге... Возможно, он попытается привлечь тебя на свою сторону.

Илана нахмурилась.

— Кто предупредил тебя, отец? Улан Баир?

— Нет, — покачал головой Буга. — Кто-то прислал письмо. «В Вашем ближнем круге шпион, и прошлое более не является тайной. Бойтесь человека, которого ранили в Улюне. Его имя — Улагай Дамдин». И подпись — Лис.

— Скорее кличка, — пробормотала Илана. — Хотя и имён таких немало. Унэг, Унэгжаб, Унэгбадзар... Я буду настороже.

— Спасибо, — устало вздохнул плавильщик. — Но лучше не путайся под ногами.

— Милая семейка, — пробормотал Холом, бесшумно вынырнув из кустов на поляну, где ждал его отец.

Улан Баир молча устремил на него вопросительный взгляд. Юный страж покачал головой.

— Смутные обвинения и полуприкрытые угрозы. Очень мало конкретики. Буга решил, что это Илана навела на него Дамдина. Кто-то предупредил, что среди его людей шпион, — добавил он. — Анонимным письмом.

— Око тайфуна, — напомнил Улан Баир.

— Почти ничего, — нахмурился его сын. — Лёгкое волнение когда я произнёс слова, и только.

Его отец задумчиво пожевал губами.

— Всё-таки, она подозрительна. Да и Буга, если разобраться, тоже. Теперь ты и Тукуур будете жить в доме Буги. Это даст больше шансов разобраться.

— Конечно, — сухо кивнул страж. — Но для этого я должен знать, что происходит. Тем более, что ты уезжаешь, а я теперь — глава мирской канцелярии.

— В окрестностях города действует радикальная секта, — неохотно ответил Баир. — На днях на одного из моих людей вышел вербовщик. Пока всё, что мы знаем — пароль. «Око тайфуна». Но ещё мой человек получил вот это.

Улан Баир достал из рукава лазуритовый амулет в виде рыбьей чешуйки. На поверхности камня были искусно вырезаны завитки и прожилки, в центре тускло поблёскивало включение из более светлой породы.

— Кажется, я видел такой же у тебя, — задумчиво сказал страж, разглядывая вещицу.

— Верно, — кивнул Баир. — Знак избранника Баянгольского сургуля. Но присмотришься, и увидишь разницу.

Холом взял странный амулет. Камень был странно холодным на ощупь, и страж тут же почувствовал лёгкое онемение ниже локтя, где срастался с его кожей браслет незримых вериг. Присмотревшись, он заметил, что серебряная цепочка не продета в отверстие, а будто бы вплавлена в толщу камня. То, что он сначала принял за лазурит или драгоценный синий жадеит, было полупрозрачной стеклянистой массой, в глубине которой светились фиолетовые и серебряные искорки. Самая крупная, похожая на светло-голубое сердце, теперь мерцала в такт его пульсу. Постепенно чешуйка потеплела, и стражу вдруг показалось, что кто-то далёкий и близкий одновременно бросил на него внимательный взгляд. Ощущение встревожило Холома

— Это называют истинной чешуёй Дракона, — тихо сказал гранильщик. — Они очень редки и способны влиять на разум. А люди, способные раздавать их вот так очень опасны.

Страж хотел вернуть амулет, но Баир покачал головой.

— Оставь себе. Эта вещь и болотный огонь Дамдина — две противоположности. Если прорицатель попробует затуманить твой разум, амулет поможет. Но не касайся его открытой кожей без крайней нужды!

— Я понял тебя, отец, — ответил страж. — Я буду предельно осторожен. И предельно

ВНИМАТЕЛЕН.

Стратегема 2. Скрываться на виду у всех

Айсин Тукуур проснулся от назойливого стука в дверь. Было ещё темно, мерный шорох капель дождя в густой листве за окном убаюкивал, мягкой лапой утаскивая назад в яркий и красочный, но совершенно бестолковый сон. В нём стук превращался в грохот деревянных барабанов, мохнатые островитяне плясали вокруг толстых деревьев, пытаясь сбить длинными палками мягкие плоды медовой лозы. Какая ерунда! Мохнатые отлично лазают, зачем им палки?

— Вставайте, юный господин! Беда! — послышался из-за двери голос Джалура, старого слуги его отца.

Остатки сна улетели прочь, и Тукуур заворочался на жёсткой подстилке, выпутываясь из тонкого льняного покрывала.

— Уже встал, Джалур, погоди немного! — заспанно пробормотал юный знаток церемоний, спешно натягивая штаны.

Накинув на плечи мятый кафтан, он быстро отпер дверь. Старик стоял на пороге, дрожащей рукой держа толстую восковую свечу. Горячие капли падали прямо на высохшую кожу его руки, но слуга не замечал этого. В его выцветших слезящихся глазах застыли страх и скорбь.

— Беда, господин! Беда! — охрипшим голосом повторял Джалур.

Тукуур мягко забрал у старика свечу и свободной рукой обнял его за плечи.

— Что стряслось?

— Нашего благодетеля, господина Темир Бугу... — его голос сорвался.

Сердце Айсин Тукуура неприятно сжалось, но одновременно пришло и облегчение: беда пришла не в его дом... Пока ещё.

— Убили, — наконец, смог выговорить Джалур, и всхлипнул. — Прямо в кабинете. Что же делается-то?! С самой войны не было в городе разбойников, и вот...

— И сейчас не будет, — твёрдо заверил его Тукуур, хотя внутри не ощущал и десятой доли этой уверенности. — Преступников найдут и накажут.

Старик судорожно вздохнул:

— Господин Буга был сильный воин, лучший в городе. Имел двадцать телохранителей. И убили... Что же про нас говорить?

— Мы не так близко к власти, — криво усмехнулся избранник Дракона.

— Они ж разве смотрят, эти безбожники... — горько махнул рукой Джалур. — Вы собирайтесь, там господин Максар, он все расскажет.

Когда Айсин Тукуур, едва причёсанный, но в парадном светло-синем кафтане с лисьей головой, вбежал в гостиную, Дзамэ Максар тяжело поднялся с табурета, опираясь на свою боевую кирку. Древний фарфоровый доспех, похожий на панцирь морского чудовища, глухо щёлкнул. Тукуур помнил эту броню, на церемонии посвящения в неё был облачён третий плавильщик. Теперь Максар получил эту должность и обязанности начальника стражи в придачу. "Как быстро мы все взлетели", — подумал знаток церемоний, — "а я ведь боюсь высоты".

— Ожидал ли ты, дружище, на излёте карьеры ухнуть мордой в дерьмо бегунов? — вместо приветствия проворчал молодой воин.

— Как это случилось? — напряжённо спросил Тукуур.

— Сам как думаешь? — зло ответил Максар. — Расслабились. Проворонили Опозорились! Избранники Дракона курам на смех! Давно ты проводил гадание о благополучии господина Буги?!

Тукуур открыл рот и тут же его закрыл, повесив голову.

— Кто мог подумать... — прошептал он.

— Да уж могли бы! — рыкнул воин. — Могли бы понять, что Прозорливый не стал бы так просто присылать сюда своего посланника! И что мы делали? Ты со своими свечами, я со своими стражниками... Холом со шпионами, наконец!

Знаток церемоний сжал губы. Слова товарища больно жгли его совесть. Стражники могли не заметить убийцу, шпионы — не донести вовремя, но что толку от прорицателя, который не способен предвидеть столь явную угрозу? Он мысленно встряхнулся. Нельзя предаваться унынию. Если они заслужили наказание, так тому и быть, но сейчас нужно собраться и исправить ошибку.

— Успокойся! — дёрнул щекой Тукуур. — Мы делали ровно то, что приказал нам нохор Буга. Принимали дела. И в делах этих не было ни намёка на такой исход. Должны ли мы обвинять ещё и предшественников? Или, может, лучше забыть об этом и искать убийцу?

— Следствие взял на себя посланник Прозорливого, — мрачно ответил Максар. — Это не какое-нибудь неудачное ограбление. На лице покойного убийца вырезал два символа. Те, которые пишут на стеле. Это бунт, понимаешь? Который мы в упор не видели! Так что полетят головы. С предшественников — как пить дать, а там и до нас доберутся. Радуйся, что не успел переселиться в резиденцию плавильщика!

— Да уж, — хмуро кивнул знаток церемоний. — Раз всё так мрачно, надо бы попроситься с родителями.

— Нет времени, — мотнул головой юный воин. — Тем более, билгор Алдар уже в порту, готовит «Огненного буйвола» к испытаниям. А госпожа Найрана будет молиться за тебя духам.

Тукуур вздохнул. Он хотел бы попроситься с матерью, но заходить на женскую половину перед визитом к убитому было, как минимум, неприлично. Говорили, так можно привлечь озлобленный призрак покойного, и знаток церемоний не горел желанием проверять истинность этих слов.

Надев широкополые чиновничьи шляпы и привязав к ногам деревянные кабкабы на высокой подошве, товарищи вышли на улицу. Крупные капли дождя выбивали на черепице торжественный марш, с гордостью сообщая, что город отныне во власти водной стихии. Где-то в порту били в гонг, возвещая начало дня, но за плотным покровом сизых туч не было видно ни неба, ни солнца. Грязные ручейки разбегались во все стороны от переполненных ливневых канав, таща за собой всякий мусор. Не хотелось даже думать, что сейчас происходит в порту или на Птичьем Базаре. Небо прорезала белая вспышка, и над городом прокатился тяжёлый рокот — мохнатый Громовержец снова хвастался своей алмазной палицей.

— Кто в подозреваемых? — громко спросил Тукуур, перебивая шум дождя.

— Кроме тебя и Холома? Илана и Санджар-телохранитель. Хмурый такой парень со сломанным носом. Вроде, воевал вместе с Бугой где-то на восточном побережье.

— Один из всей прислуги? — нахмурился знаток церемоний. — Где же были остальные?

— Спали в своих конурах, — отмахнулся Максар. — Охранники клянутся, что ничего не

слышали, пока Санджар не поднял тревогу. К тому же, пятеро из них вынуждены постоянно дежурить в восточном крыле, где билгэ Илана изволит принимать всякий сброд!

— Не гневи духов, злословя работу лекаря! — раздражённо одёрнул его Тукуур.

Воин снова фыркнул.

— Тебе всё ещё нравится эта взбалмошная девчонка? Как друг тебе советую: пожертвуй Крокодилу белую курицу! Или приготовь себе отворотного зелья. Тебе лучше знать, какой ритуал более действенный!

— Это почему ещё? — с затаённым гневом спросил знаток церемоний.

— Сам подумай! Она приехала из Толона — этого гнезда разврата и вольнодумия...

— Ты когда успел заделаться ханжой, дружище? — ядовито осведомился Тукуур. — Не ты ли праздновал начало урожая в "Шёлковой Орхидее"? Гнездо разврата, надо же! Чтобы ты знал, в Толоне под Звёздным Куполом хранится величайшая библиотека Ордена Стражей, а на месте разрушенного капища Безликого выстроена лучшая медицинская школа в Уделе Духов!

— Которую Илана закончила в том же ранге, что и мы свой сургуль, — спокойно согласился Максар. — И после этого наша блестящая выпускница вернулась в захолустный Бириистэн. Почему?

— Желание поддержать отца в старости...

— Они жили как кошка с собакой! — не дал ему закончить воин. — Не говори, что не заметил!

Знаток церемоний сжал кулаки, намереваясь ответить что-то резкое, но Максар продолжил, не обращая на это внимания.

— Дальше. Вместо того, чтобы прийти на помощь жёнам первых людей города — а это основная причина, по которой женщинам открыт путь внутренней гармонии — она начала лечить бедняков, у которых никогда не будет денег, чтобы оплачивать её услуги, да ещё и учить их детей грамоте! Это добродетельно, не спорю! — отмёл он рвущиеся возражения Тукуура. — Но лекарства недёшевы. Особенно те, которые она покупает у Морь Эрдэни.

— Морь Эрдэни? — переспросил Тукуур. — Управляющего "Медовой Лозы"?

— Его самого! — кивнул Максар. — Эрдэни способен достать всё, что угодно, но никто никогда не уличал его в благотворительности. Если он дерёт свою обычную цену, то откуда у Иланы такие деньги? Если же нет, почему он делает для неё скидки? Это подозрительно, друг мой, очень подозрительно. И для всех нас будет лучше, если ты не позволишь любовному томлению загуманить свой разум. Тем более, тогда ты заметишь, что чувства твои не взаимны.

Молодой воин умолк, но его слова болезненным эхом продолжали звучать в сердце знатока церемоний. Максар был несомненно прав, хотя Тукуур помнил и другие времена. Он впервые встретил Илану семь лет назад. Отношения между их семьями были достаточно теплыми, чтобы Буга позволил Тукууру приходить на занятия к учителю, который готовил дочь плавильщика к поступлению в толонскую школу медицины. И будущий знаток церемоний, конечно, влюбился. Могло ли быть иначе? Ведь острый ум Иланы словно резец скульптора подчеркивал её благородную красоту, и была в ней некая глубина, тогда пониманию Тукуура недоступная. Но постепенно, в беседах с дочерью первого плавильщика и её учителем, окреп разум Айсин Тукуура, в нем разгорелась жажда знаний, и вскоре он мог уже на равных спорить с ней об устройстве Трёх Миров, движении звёзд и повадках зверей. Порой в глазах Иланы ему виделось нечто большее, чем вежливая симпатия или учёный

интерес.

Тогда её глаза были мягкими и задумчивыми, как глубины теплого океана, но Тукуур, сын мелкого чиновника, и думать не смел о том, чтобы просить её руки. Ведь брак — инструмент власти. Он дарит могущественных союзников или помогает распространить свое влияние за пределы родного города. Союз двух родов — это не песня о любви и верности, хотя и ей порой находится место в его каменных стенах. Тукуур мог только хранить память об Илане, или мечты о ней — кто отделит одно от другого? И если других учеников мечты о девушках уводили из классов на ночные улицы и в тенистые рощи, то образ дочери Темир Буги гнал Тукуура в пыльные чертоги священной библиотеки и к холодным камням алтаря Духов.

Теперь он — знаток церемоний, избранник Дракона, будущий наставник или судья. Мечты могли бы стать реальностью, вот только глаза Иланы холодны как черный лёд горного озера. Что случилось с ней в далёком Толоне? Что ожесточило её? Тукуур терялся в догадках, и лишь одно было ясно: по-настоящему он не знал даже ту Илану-ученицу, Илану-исследовательницу, и уж тем более не знакома ему вернувшаяся из древней столицы Илана-бунтарка.

Двухэтажный особняк, в котором жил Темир Буга, был одновременно его рабочей резиденцией и даровался чиновнику только на время прохождения службы. Как и все дома старших шаманов Бириистэна, он был окружён плотной и колючей живой изгородью, за которой росли кряжистые добаны с пышными кронами — наблюдательные посты телохранителей-островитян. Выложенная крупной белой галькой дорожка вела к господскому дому, сложенному из смолистых сосновых брёвен, привезенных чуть ли не из самой Священной столицы. На первом этаже располагалось присутствие и комнаты секретарей, на втором — спальни, библиотека и кабинет. Позади особняка стыдливо прятались в тени деревьев домики слуг из обмазанного глиной плетёного тростника. В саду уже хозяйничали добдобы и солдаты армии Дракона. Перекинувшись с ними парой фраз, Максар ввёл Тукуура в дом.

В присутствии было темно и тихо. Несколько оплывших свечей освещали проход к лестнице на второй этаж, их отсветы падали на судейское кресло и небольшой домашний алтарь. У прохода застыл армейский копейщик в серо-жёлтом кафтане.

— Это последний, — сказал ему Максар. — Дознаватель здесь?

— Он в саду, нохор Максар, — полусшёпотом ответил солдат, опасливо косясь на алтарь. — Приказывал проводить всех в кабинет.

Где-то в доме скрипнула половица, и копейщик непроизвольно сложил пальцы в жест изгнания. Максар тихонько вздохнул.

— Пойдём наверх, — буркнул он Тукууру.

— Что, прямо в кабкабах? — удивился тот.

— Скаты и акулы... — проворчал воин. — И ты хорош, знаток церемоний! Идём, разуемся у крыльца, как приличные люди.

— И четыре простиранья алтарю, — хмуро кивнул юный шаман.

— И четыре простиранья, — обречённо вздохнул Максар.

Покончив с церемониями, они поднялись по лестнице, прошли через полутёмную библиотеку и оказались в просторном кабинете хозяина дома. Одну из стен полностью закрывал книжный стеллаж, на второй в образцовом порядке были развешены богато украшенные мечи, кинжалы и клевцы. Темир Буга лежал на спине возле массивного

письменного стола, в его груди зияла глубокая колотая рана. Свежие шрамы на щеках нехотя складывались в символы «разум» и «справедливость», словно понимая, насколько далеки эти понятия от случившегося. Судорожно вздохнув, Айсин Тукуур сложил руки в жесте прощания и тихо пропел слова мантры последней мудрости:

— О, ведущая, уводящая за пределы, переводящая через пределы пределов, пробуждающая, славься!

Знарок церемоний шагнул было к телу, но один из солдат, дежуривших в комнате, предостерегающе поднял руку.

— Не велено!

— Уступи эту честь дворцовому прорицателю, — с грустной иронией в голосе произнёс Улан Холом.

Молодой страж облокотился на стену в углу кабинета. Напротив него, у книжного стеллажа, подобно натянутой тетиве замерла дочь убитого. Дрожащие огоньки канделябров причудливыми бликами отражались в серебряной вышивке на груди её кафтана. Сейчас эта вышивка — составленный из множества снежинок силуэт журавля — казалась живее лица Иланы, неподвижного, словно чеканный профиль бронзовой статуи. Белки тёмно-карих глаз от горя и бессонницы покрылись алой паутиной. Глаза достались ей от отца, как и густые чёрные волосы, и кожа лишь на полтона светлее, чем у кочевников степного нагорья. Только мягкий овал лица напоминал о Темир Аси, бледной светлоглазой дочери побережья, слишком похожей на проклятых колдунов из-за моря.

Чуть поодаль, между двумя дюжими добдобами ссутулился невысокий, но мускулистый и широкоплечий телохранитель Санджар, чьи глубоко посаженные глаза и искалеченный нос давали ему мимолётное сходство с лесным кабаном.

— Итак, все в сборе, — раздался от двери незнакомый гортанно-певучий голос.

Первой в комнату впорхнула серебристая фосфоресцирующая сфера, а за ней неторопливо вплыл высокий дородный господин с аккуратно заплетёнными в три косы по столичной моде усами и бородой. Его роскошный парчовый кафтан был подпоясан серебряным кушаком, а на украшенном чеканкой широком ремне висели кисточки, кости, гадательные пластинки и прочие инструменты опытного прорицателя. Довершала наряд щегольская лакированная шляпа из крокодиловой кожи с серебряными заклёпками в виде звёзд и планет. Разглядывая столичного франта, Тукуур едва не забыл про серебряную сферу, но та, подлетев к самому его лицу, угрожающе щёлкнула и замерцала гнилостно-белым светом.

— Нохор Дамдин, — вкрадчиво произнёс Холом, — допустимая дистанция для оживлённого древнего слуги — три метра. Мне придётся доложить о Вашей небрежности.

Дознаватель театрально щёлкнул пальцами, и сфера, недовольно жужжа, отлетела к центру комнаты и застыла над телом покойного.

— Для начала разберём ваши проступки, нохор Холом, а затем, возможно, дойдём и до моих, — прогудел прорицатель. — Кто старший над караулом?

— Я, мудрейший! — по-военному отчеканил Максар. — Дзамэ Максар, временный третий плавильщик.

— Хорошо, — благосклонно кивнул Дамдин, — доложите о случившемся, нохор Максар.

— Сегодня, между третьей и четвёртой стражами ночи телохранитель Санджар, обходя дом, услышал звуки борьбы из кабинета. Дверь была заперта изнутри, поэтому он поднял

тревогу и поспешил на улицу, намереваясь со своими товарищами влезть по бревенчатой стене. Когда он выбежал из дома, то заметил одетую в чёрное фигуру, убегавшую в сторону сарая с садовым инвентарём. Догнать неизвестного не удалось. Тем временем госпожа Илана запасным ключом отперла дверь и обнаружила тело. Она немедленно отправила гонцов к законоучителю и начальнику гарнизона. Мы прибыли к середине четвёртой стражи и немедленно оцепили поместье. Первым делом я проверил балки подоконника, стены и землю под окном. В комнату действительно кто-то влезал, но внизу так натоптано, что сам Скальный Лис ничего не разберёт. А вот с сараем непорядок...

— Вы тоже заметили, — одобрительно улыбнулся прорицатель. — Но не будем забегать вперёд. Кто последним видел убитого?

— Билгор Тукуур и нохор Холом.

— Возражаю, — тут же откликнулся Улан Холом. — Последним перед убийством доблестного Бугу должен был видеть его слуга. Он каждый вечер приносит ему чашку питья духов войны.

— Военский отвар перед сном... Весьма экстравагантно, — протянул Улагай Дамдин. — Может быть, госпожа Илана прописала его в качестве лекарства?

Взгляд девушки отрешённо скользнул по лицу прорицателя и вернулся к центру комнаты. Повисла неловкая пауза.

— После назначения временным правителем нохор Буга постоянно работал по ночам. Занимался самыми скучными, рутинными делами, до которых не доходили руки днём, — сдержанно произнёс Тукуур. — Напиток помогал ему отогнать сон.

— Билгор Тукуур, — кивнул ему дознаватель. — Продолжайте.

— Вчера в девять вечера я и нохор Холом по заведенному порядку подали нохору Буге отчёты своих канцелярий и несколько черновых указов. Господин Буга принял их, отпустил Холома и наедине преподал мне несколько наставлений о том, как следует решать споры между мирянами. Я покинул его в половине десятого.

— Он был ещё жив, — слова Дамдина прозвучали как утверждение.

— Да, — коротко ответил Тукуур.

— Кто может это подтвердить? — неожиданно вступил в беседу Максар.

Улан Холом насмешливо поднял бровь. «Выслужиться? Ты? Вот уж не ожидал!» — читалось в его взгляде. Столичный прорицатель тоже едва заметно усмехнулся, но снисходительно кивнул.

— Я, два стражника, старший слуга,... - загибая пальцы, начал перечислять Холом.

— Он сказал, что ты ушёл раньше! — прервал юного стража Максар.

— Я его дождался, — пожал плечами страж.

— С какой целью? — заинтересованно спросил Дамдин.

— Я хотел совершить торжественное приношение Стальному Фениксу, и попросил Тукуура рассчитать благоприятную дату, — спокойно ответил Улан Холом.

— Хм, — покрутил ус дознаватель. — Вы ведь оба — отличники сургуля, и оба имеете силу и способности предсказывать благие и неблагие даты? Или я неправ?

— Правы, билгор Дамдин, — с легким поклоном ответил Холом. — Но я завален работой в мирской канцелярии правителя, а билгор Тукуур ведаёт духовной, и высчитывать даты — его прямая обязанность.

— Допустим, — с ироничной усмешкой согласился Дамдин. — Затем Вы проводили билгора Тукуура до дверей, он ушёл домой и вернулся только сейчас. Боюсь, правда, это

будет доказать немного сложнее.

— Вы правы, билгор Дамдин, — не стал отпираться Тукуур. — У моего отца нет телохранителей, а его слуга и служанка матери спали так же крепко, как и я. Но в своё оправдание могу сказать, что вряд ли способен вскарабкаться на эту стену.

— Скрывать свои способности может каждый, — чуть отрешённо произнёс прорицатель.

Он говорил нарочито спокойно, даже буднично, но в воздухе неуловимо запахло угрозой. Айсин Тукуур внезапно понял, что кричащая роскошь одежды и бренчащие магические атрибуты превосходно отвлекали окружающих от главного — неприметного, невыразительного лица дознавателя. Оно тут же изглаживалось из памяти, оставались только шляпа, которую можно снять, да усы, которые можно сбрить. Если они уже не накладные.

— Впрочем, другие улики свидетельствуют в вашу пользу, — помолчав, добавил Дамдин. — Так что можете ничего не опасаться.

«А вот этого-то делать и не стоит», — подумал Тукуур.

— Вряд ли это возможно, учитывая обстоятельства, — вежливо ответил он, бросив выразительный взгляд на покойника.

— Продолжим историю нохора Холома, — невозмутимо произнёс Улагай Дамдин. — Старший слуга показал, что Вы, проводив своего коллегу, спустились на кухню. Зачем?

— Чтобы приготовить себе травяной настой. В отличие от господина Буги, я предпочитаю на ночь изгонять из головы работу и приманивать сон, — Холом криво усмехнулся. — Предваряя ваш следующий вопрос, благодаря этому снадобью я спал без сновидений и ровным счётом ничего не слышал до тех пор, пока в мою комнату не вломилась стража.

— Удобно, — холодно прокомментировал Дамдин. — Вы не видели, как госпожа Илана готовит пресловутый напиток шаманов?

Улан Холом бросил на дознавателя удивлённый взгляд.

— Она его не готовила, — сухо ответил он.

— Неужели? — промурлыкал столичный прорицатель. — Странно, что отец не доверил это любимой дочери, постигшей путь внутренней гармонии. Что же, к этому мы вернёмся. Значит, до прихода слуги с отваром доблестный Буга был ещё жив...

— Как и после, — хрипло произнёс телохранитель. — Я видел его через открытую дверь.

— Прекрасно, — усмехнулся Дамдин. — Вот мы и добрались до Вас, нохор Санджар.

— Я простой солдат, — буркнул тот. — Без рангов.

— Как вам угодно, — пожал плечами прорицатель. — Свою версию Вы изложили господину Максару и, полагаю, ничего добавить не хотите?

— Я рассказал всё, что видел, — угрюмо ответил тот.

— Хорошо, хорошо, — удовлетворённо кивнул дознаватель. — А теперь моя любимая часть — нестыковки. Сегодня они довольно грубые, но чего ждать от провинции? Начнём со следов. Следы на подоконнике, следы под окном, следы, ведущие к сараю... А за ним — цветник, господа! Нежные, хрупкие стебельки, заботливо высаженные один к одному. И ни один не сломан! Похоже, наш убийца призвал на помощь крылатого коня! Или очень хорошо прыгает, но вот незадача: по другую сторону изгороди ни одного следа. Ни от сандалий, ни от кабкабов, ни даже от ходуль.

— Это мог быть мохнатый, — с сомнением произнёс Максар.

— К сожалению для собравшихся, нет, — развёл руками Дамдин. — Под окном действительно натоптано, но не нужно быть Скальным Лисом, чтобы видеть — это сплошь следы обуви. Ни одной босой ступни, тем более — дикарской. Так что, господин Максар, ваш район поисков сужается до этой самой комнаты. Давно вы его приговорили? — внезапно спросил он Илану.

Глаза девушки расширились от изумления, но она лишь сдавленно вдохнула.

— Мне послышалось, или это было вы-множественное? — подозрительно прищурился Улан Холон. — Не двойственное и не величальное?

— Ответ у вас на виду, — прорицатель взмахнул рукой, и светящаяся сфера подплыла к лицу убитого.

— «Разум» и «справедливость»! Я знал, что она нигилистка! — торжествующе воскликнул Максар.

— Это тяжёлое обвинение, — сухо заметил Тукуур. — Как секретарь духовной канцелярии временного правителя, я требую доказательств. Всех доказательств, — помолчав, добавил он.

— У меня с собой есть любопытный документ, — певуче ответил Дамдин.

Отточенным жестом он извлёк из внутреннего кармана свиток с печатью начальника гарнизона.

— Я, Багула Бююрчи, сознаюсь и раскаиваюсь в том, что в третий месяц засухи года тысяча триста восемьдесят шестого от Первого Воплощения, будучи омрачён неблагими духами, поверил бунтарским речам Темир Иланы, самоназванной выпускницы толонской школы врачевания, и присоединился к движению «Разум и справедливость». Вышеназванная девица склонила меня ко многим и многим неблагим поступкам, в числе которых... Продолжать?

Рассеянный взгляд Иланы стал злым и колючим.

— Вам... должно быть стыдно пытаться детей, мудрейший Дамдин, — голос девушки был сухим и надтреснутым, как если бы кто-то давил ногами фарфоровые черепки.

— Не Вам рассказывать мне о стыде, — с жесткой усмешкой отрезал дознаватель.

— Я полагаю, мудрейший Дамдин знаком со сборником "Четырежды сорок самооговоров"? — подчёркнуто вежливо спросил Айсин Тукуур.

Дворцовый прорицатель угрожающе усмехнулся.

— Сомневаетесь в беспристрастности начальника гарнизона, юноша? Или в моей?

— Ни в коем случае, билгор Дамдин, — покачал головой знаток церемоний. — Я лишь следую мудрости Смотрящего-в-ночь, который в своём Пятом воплощении написал "Драгоценный скипетр судьи Верхнего Мира", где прямо указал на склонность преступников оговаривать себя под пытками для того, чтобы они скорее прекратились.

— Ловко, билгор Тукуур, — промурлыкал дознаватель, — но вы идёте по тонкому льду или, как у вас говорят, по зелёной трясине. Кто, кроме этой бунтарки, сказал, что я пытал юного Бююрчи? Может, и Вы — её сообщник?

Айсин Тукуур почувствовал в груди неприятное жжение, словно столяр провёл по его сердцу грубой полировочной шерстью. Он сжал губы, понимая, что дознаватель обратит любое слово против него.

— Надеюсь, что нет, — вздохнул Дамдин. — Надеюсь, мои слова откроют Вам глаза, билгор Тукуур. Я специально не стал накрывать тело нохора Буги тканью, чтобы вы все

могли видеть его раны. Посмотрите внимательно. Что вы скажете?

Улан Холом прищурился, всматриваясь в черты убитого.

— Тело начали готовить к сожжению? — резко спросил он.

Прорицатель молча покачал головой.

— Слишком мало крови, — мрачно произнёс страж. — Клинок пробил грудь и был извлечён, но здесь на удивление чисто.

— Отлично, нохор Холом! — кивнул Улагай Дамдин. — Я тоже пришёл к выводу, что сердце покойного перестало биться до того, как был нанесён удар. В противном случае, зачем убийце понадобилось закапывать в саду остатки пиалы? Не найдя в комнате сосуд, в котором было зелье, я заподозрил неладное, и подумал: могла ли пробежка убийцы в сад служить ещё одной цели кроме запутывания следов? Мои помощники прорыхлили цветник, и вот!

Он сделал быстрый знак рукой, и в комнату шагнул знакомый собравшимся сотник из "Снежных барсов". В руках он нёс тряпицу, в которую были завёрнуты комья земли, из которых торчали расписанные голубой и зелёной глазурью черепки и несколько мёртвых дождевых червей.

— Как видите, мне даже не пришлось искать больную собаку, чтобы дать ей полизать черепки, — с ядовитой усмешкой прокомментировал дознаватель.

На губах Иланы мелькнула горькая усмешка.

— Что может быть легче, чем обвинить лекаря в отравлении? — процедила она.

— Не Вы ли угрожали этим отцу? — ледяным тоном спросил Холом.

Дочь плавильщика бросила на него гневный взгляд. Страж спокойно развёл руками.

— Соратнику Прозорливого не подобает подслушивать, но я не мог скрывать такие вещи от правосудия.

— Если бы отец принял мои слова всерьёз, он завёл бы ручных крыс, чтобы испытывать еду и питьё, — парировала Илана. — Но он, к счастью, был достаточно мудр, чтобы знать цену семейным ссорам. И, раз уж нохор Холом раскрыл перед Вами мою непочтительность, не забыл ли он упомянуть, что отец перед этим обвинил меня в том, что я привела к его порогу Вас, доблестный Дамдин? Отец называл Вас своим старым врагом! Не злоупотребляете ли Вы своим чином, чтобы обвинить в убийстве меня, его единственную дочь, и тем самым расправиться с нашим родом?

Тукуур потрясённо переводил взгляд с дочери плавильщика на дознавателя, не веря своим ушам. Как поразительно слеп он был! Семья Темир Буги была для него образцом добродетели, но оказалось, что она расколота подозрениями и гневом, корни которых уходили в толщу времён. Этого было уже достаточно, чтобы повергнуть его в смятение, но, как оказалось, духи только начали испытывать его разум на прочность.

Дознаватель хищно улыбнулся.

— Единственную дочь, говорите? Так ли это?

— Госпожа Аси, жена доблестного Буги, не пережила вторых родов, — выдавил из себя знаток церемоний. — Ребёнок умер вместе с ней. Так записано в городских архивах.

— Ответственные за эту ложь не избежат наказания, — презрительно отмахнулся Дамдин. — Жаль, что её не избежит сама лисица-колдунья. Аси, или, точнее, Асииннитарионна, правнучка проклятого толонского царя-чародея! — он пронзил Илану взглядом, полным праведного гнева. — Твоя мать ускользнула от Ордена, но меня не обманешь карими глазами и чёрными локонами!

Знаток церемоний поднял руку, сложив пальцы в жест изгнания.

— Если мудрейший Дамдин обвиняет почтенную Илану в колдовстве, мы обязаны призвать наставника городских Стражей! — твёрдо заявил он.

Дворцовый прорицатель театральным жестом извлек из внутреннего кармана нефритовую пластину.

— Я — избранный сосуд, хранящий силу и мудрость Смотрящего-в-ночь! — провозгласил он. — И не нуждаюсь в помощи младших братьев Ордена в этом деле.

Дзамэ Максар упал на колени, щелкая сочленениями доспеха. Улан Холлом последовал его примеру. Айсин Тукуур устало склонил голову и сложил ладони в жесте благоговения. Он не мог противиться воле бессмертного правителя Удела духов, но и отдать его посланнику на растерзание Илану тоже не мог. Что если Дамдин действительно сводит личные счёты, прикрываясь нефритовым оберегом? Знаток церемоний медленно опустился на колени и с силой хлопнул ладонью по полу, прогоняя дурные помыслы в Нижний Мир. Во время ученого диспута этот жест символизировал учтливое возражение, но Тукуур вложил в него всё свое несогласие и злость.

— Мы, недостойные соратники Смотрящего-в-ночь, — хрипло произнёс он, — просим его посланника преподать нам наставление в сборе доказательств, чтобы и мы впредь могли вершить правосудие, достойное слуг Великого Дракона.

— Наставляющий неопытного стократ умножает благие заслуги, — вторил ему Максар, которому тоже хотелось узнать ход мыслей дознавателя.

Улагай Дамдин благосклонно кивнул и бросил своему помощнику:

— Поторопи этого Кумаца, если он ещё не закончил!

Гвардейский офицер быстро вышел.

— Темир Буга вырвал чародейку из моих рук, — неспешно произнёс прорицатель. — И привёз её сюда, где у него были сообщники. Или у неё — не так важно. Желая собрать вокруг себя всех сторонников проклятой династии, они, несомненно, хотели, чтобы у них родился ребёнок, наделённый колдовскими способностями. С первой дочерью не вышло — страж Холлом не даст соврать. Тогда они решились на вторую попытку, и Аси избавила Средний мир от своего присутствия. В этом все свидетели сходятся. Но пять лет спустя...

В коридоре слышались шаги. В комнату заглянул молодой армейский офицер и почтительно замер за порогом, повинувшись предупреждающему жесту Дамдина.

— ...пять лет спустя из Бириистэна в Толон отправились две сестры, но только младшая из них заслуживала внимания Ордена. Увы, как и её мать, она ускользнула из наших рук.

— Бред, — устало выдохнула Илана. — Такой же, как то, что я отравила отца.

Дамдин оскалился.

— Нохор Кумац! — рыкнул он.

Молодой офицер шагнул в комнату. Руками в полотняных рукавицах он осторожно держал небольшой фарфоровый цилиндр с изогнутыми стенками, похожий на кусок бамбукового стебля. На белых фарфоровых боках блестели красочные изображения морских животных.

— Это обнаружили в комнате подозреваемой, в тайнике за картиной с лодками! — доложил Кумац.

— Это же сосуд для мазей из коллекции фарфора почтенного Морь Эрдэни! — воскликнул Максар.

— Редкая вещь, — осклабился Дамдин, — с не менее редким содержимым!

Он осторожно разрезал бечёвку и снял с горлышка цилиндра промасленную бумагу. Сосуд был до половины полон бесцветной субстанцией.

— Мазь семи островов! — объявил прорицатель. — Бесцветная, почти без запаха. Слегка горчит, но незаметна в напитке духов войны. Зная, что отец не доверяет Вам, Вы смазали ей листья в кухонном ларце, и слуга, сам того не ведая, приготовил хозяину отраву!

— Но почему?! — вскричал Тукуур.

— Чтобы не дать отцу выдать младшую сестру! — торжествующе пояснил прорицатель. — Знаки на щеках, обещания мести — всё для отвода глаз! Илана — член совсем другого подполья! Она — из слуг безликого демона и его живых камней, слуг, называющих себя "хором"! Два дня назад я послал Темир Буге тайное письмо, обещая прощение Прозорливого, если он расскажет, где прячется наследница толонского трона. Завтра мы должны были встретиться, и вот, он мёртв! — он повернулся к Илане, и его голос загремел как судебный гонг. — Ты надеялась провести меня, змея, но все твои уловки ясны как день! Я впечатлён лишь твоей самонадеянностью! А теперь я выжму из тебя правду, или меня зовут не Улагай Дамдин!

На несколько мгновений он приковал к себе внимание присутствующих, и этого оказалось достаточно. Один из храмовых стражей вдруг болезненно выдохнул и согнулся пополам, а Санджар резко извернулся и ударил второго добдоба связанными руками в лицо. Стражник отшатнулся и выпустил руку телохранителя. Санджар отпрыгнул в сторону как кот и схватил со стойки один из наградных мечей.

Илана, словно пробудившись от тяжелого сна, резко отступила к шкафу. Раздался громкий щелчок. Одна из секций провернулась вокруг своей оси, увлекая дочь плавильщика за собой.

— Стой, сколопендра! — рявкнул Максар, пытаясь встать.

"Зря он заставил нас преклонить колени, ох зря", — злорадно подумал Тукуур.

— Живьём брать! — прорычал Дамдин.

Первый добдоб, оправившись от удара, выхватил железную дубинку и бросился на Санджара. Тот отшагнул вбок и попытался полоснуть стражника по горлу, но связанные руки сковывали его движения. Добдоб увернулся, споткнулся о тело Темир Буги и покатился по полу. Телохранитель поднял меч над головой и с боевым кличем рванулся к Дамдину. Забытый всеми болотный огонь издал сухой треск. Лилово-жёлтая молния ударила в клинок Санджара, на несколько секунд окутав телохранителя ярким ореолом. Когда Тукуур снова разлепил слезящиеся от яркого света глаза, тело воина неподвижно лежало у ног его покойного господина.

Дознаватель с непроницаемым лицом перешагнул через оба трупа и подошёл к стеллажу. Несколько минут он стоял в раздумьях, разглядывая корешки книг, а затем уверенно нажал на два из них. Секция снова провернулась, открывая тёмный проход. Болотный огонь с гневным визгом влетел в потайной коридор, и Дамдин с неожиданной прытью юркнул следом за ней.

— За ними! — прорычал Дзамэ Максар, с трудом протискиваясь в узкий лаз.

— Оцепить квартал! Гонца к дозорному! Поднять гарнизон, патрули на улицы! — Холом засыпал армейского командира приказами так уверенно, как будто был по меньшей мере комендантом города.

Нохор Кумац, опешивший от такого напора, приложил к груди кулак и помчался вниз по лестнице, а юный страж устремился в потайной ход, явно намереваясь присоединиться к

охоте.

Тукуур устало сел на пол. Он закрыл глаза и попытался вспомнить песнь прощания, но на язык упорно просилась молитва Стальному Фениксу. "Воспари над Средним Миром, распахни крылья свои от края небес до края небес, и укрой нас под ними как своих птенцов..." Мир знатока церемоний трещал по швам, и больше всего ему хотелось свернуться клубочком где-нибудь в укромной пещере, но этот путь вел к гибели. "И прежде прочих огради своими стальными перьями Илану..." Он верил, не мог не верить, что она не убивала собственного отца. Не только потому, что любил её, но и потому, что нестыкровок в этом деле было гораздо больше, чем показал Улагай Дамдин. Этот человек прибыл не за правосудием, и Тукууру придётся противостоять ему, хоть это и грозит смертью. "О почтенные предки, великие судьи Трех Миров! Дайте мне силы и мудрость, чтобы довести это дело до конца!" — взмолился знаток церемоний, поднимаясь с колен. Пора было приниматься за работу.

**

Илана навалилась плечом на потайную дверь, и та успокаивающе щёлкнула. Ненадолго. Где-то здесь был спрятан потайной рычаг, блокирующий весь механизм, но, словно в кошмарном сне, вся комната казалась чужой, незнакомой, угрожающей. Осознав, что теряет время, дочь первого плавильщика закрыла глаза и провела рукой по стене. Холодная полоска металла, указывающая путь к выходу, была на месте. Стараясь не отрывать от неё руки, Илана побежала по коридору быстрыми скользящими шагами. Поворот, ещё один. Стопа нащупала пустоту: лестница на первый этаж. Где-то позади осталась маленькая детская комната, в которой прятали Айяну, пока это не стало слишком опасно. Быть может, дверь отвлечёт преследователей.

Замок потайного хода снова щёлкнул, раздались торжествующие крики. Беглянка вздрогнула, запрыгнула на перила и соскользнула вниз, не рискуя вслепую спускаться по ступеням. Пролёт, ещё пролёт. Повеяло сыростью, дерево под рукой сменилось осклизлым камнем, но путеводная полоса всё ещё была с ней. С потолка капала вода, из-под ног с писком разбегались мыши. Коридор извивался змеёй, сжимался, душил. Казалось, он никогда не закончится, если только не удастся усилием воли разлепить веки, сесть на кровати и услышать тихий голос матери... Но нет, это явь, беспощадная явь, от которой родители пытались спрятаться у всех на виду. Знали, что не выйдет, иначе не строили бы этот коридор, не прятали бы в его потайных нишах оружие. Найти бы его, но останавливаться нельзя: слишком близко голоса охотников.

Под ногами захлюпала вода, и почти тут же бронзовая полоса оборвалась. Вытянув руки, Илана нащупала деревянную решётку, поверх которой были навалены сухие ветки, сено и старые тряпки. Беглянка отступила на несколько шагов, а затем с размаху ударилась в решётку, больно ушибив плечо. Преграда крякнула и сдвинулась, открывая узкую щель. Жалея, что не родилась кошкой, Илана начала протискиваться наружу, срывая ногти о мокрую глину. Левый рукав белого кафтана зацепился за что-то и с треском лопнул по шву.

Над городом висели тяжёлые сизые тучи. Редкие бледные лучи утреннего солнца пробивали их словно стилеты, нашедшие щель в доспехах, и тут же исчезали. Крупные холодные капли дождя били по лицу, норовя попасть в глаза. Льняной кафтан Иланы моментально промок и путался в ногах, но беглянка не замечала этого. Промчавшись по заросшей сорной травой лужайке, она ухватилась за нижнюю ветку старого добана и, раскачавшись, забросила ноги на следующую. Лазать по деревьям, используя инерцию тела,

дочь Буги учил Высокий Пятый. У островитянина было страшное щекастое лицо, рыжая с золотом шерсть и сильные добрые руки... Воспоминание мелькнуло и исчезло, изгнанное страхом и холодом. Подтянувшись, Илана взобралась на толстую ветку, протиснулась между двумя другими. Мокрые листья осыпали беглянку брызгами. Дерево росло на краю заброшенного сада, когда-то принадлежавшего семье морского капитана. Мать Иланы вылечила его от жёлтой лихорадки. Её родители помогли многим в этом городе, но всё равно остались наедине с бедой.

Позади послышались крики и глухие удары. Горячая волна прокатилась по телу. Даже не страх, но концентрированное желание скрыться и выжить овладело беглянкой без остатка. Ветка, ещё ветка. Прыжок, перехват. Прорваться сквозь колючие ветви разросшейся живой изгороди. Снова прыжок — вниз, на залитую водой улицу. Где-то в городе перекликаются добдобы и солдаты, ищут «неизвестного в чёрном», или уже её — не важно. По улицам не пройти.

Бегом до ближайшего плетня, вверх, вниз, оставляя клочья одежды. Снова вверх по поленнице, на укрытую скользким тростником крышу бедняцкой лачуги. Только бы не провалиться, не соскользнуть вниз. С крыши на крышу, вверх, вниз, снова вверх, не глядя под ноги, на ветхую солому и раскисшую грязь узких проулков.

— Эй, кто там?!

Илана вздрагивает, едва не делает неверный шаг, но тут же выбрасывает голос из головы. Только вперёд и вниз, к реке, наперегонки с дождевой водой.

— Стоять именем Дракона! Стоять!

— Держи!

— Где?

— Вон там, на крыше! Да не там! Стреляй, чего раззявился?!

Гремит поспешный выстрел, вопят перепуганные люди и куры. Солдаты ругаются, гремят оружием, но беглянка уже далеко. За ней оживает город, хлопают ставни, жители не могут понять, что происходит. Кто-то зовёт стражу, кто-то кричит «пожар!». Пронзительно пищат рожки и свистки патрулей. Отец научил её различать: вот свисток-раковина стражей Святилища, вот — малый горн армии Дракона. Детская игра спасает жизнь: у солдат есть мушкеты, у добдобов — нет.

Враги приближались. Илана петляла, бросалась из стороны в сторону, но солдаты не теряли след, как будто невидимый дух-дозорный следил за ней и направлял охотников. Озарённая внезапной догадкой, девушка резко обернулась и краем глаза успела заметить маленькую серебристую тень. Болотный огонь Дамдина следовал за ней по пятам. Как обмануть древнего слугу?

Болотными огнями крестьянки пугают непослушных детей, но её мать говорила, что они сами всего боятся. Когда-то они были питомцами Древних, вроде хорьков или зелёных вака, но все их хозяева погибли. Теперь болотные огни скитаются, пытаюсь заговорить с кем-нибудь, но мало кто может их услышать, и почти никто не способен понять. Похоже, Дамдину удалось приручить такого. «Если огонёк находит нового хозяина, то боится отойти от него дальше, чем на тысячу шагов», — вспомнила Илана. Значит, дознаватель совсем недалеко. Как его перехитрить?

Илана лихорадочно осмотрелась. Она добежала до границы Птичьего Базара. Впереди мерцали огни порта, справа темнели галереи Большого Рынка. Где-то здесь должны быть гончарные мастерские.

Поворот, прыжок, снова вверх, вниз, словно белка по стволу. Усталость лёгким туманом вползала в тело, мышцы болели, горячая волна адреналина отступала. Один неверный шаг, и... Илана стиснула зубы, отгоняя предательскую мысль. Она — не изнеженная принцесса из благородной семьи, а дочь воина, мечтавшего о сыне.

Вот и мастерские. У ног беглянки раскинулся грязный дворик, заваленный разным хламом. За покосившимся забором виднелась мощёная улица с ливневой канавой, по которой нёсся в сторону порта бурный поток грязной воды. Сгруппировавшись, девушка скатилась с крыши на кучу соломы.

В углу двора стояли плетёные корзины, полные глиняных черепков, которые можно было размочить и снова пустить в дело. Вывернув две из них на землю, Илана нашла то, что ей было нужно: длинный тонкий носик винного кувшина. С трудом выбив из крюков запорный брус, беглянка выскочила на улицу. У её ног бурлил и пенился поток нечистот. Зажав в зубах глиняную трубку, беглянка зажмурилась, и нырнула в грязную воду. Поток подхватил её и повлёк вниз, к реке.

Илана помнила, что колдовская сфера может чувствовать тепло. Так говорили её матери священные шкатулки тайн. Странно, но шаманы города не могли их слышать. Или слышали, но скрывали это?

Грязная и холодная вода хорошо скрывала её, но воздуха не хватало. Проклятый дождь то и дело заливал глиняную трубку, а руки и ноги сводило от холода, и всё труднее было удерживаться возле поверхности. Что сделает болотный огонь, потеряв её из виду? Полетит вдоль канала? Останется ждать? От ответа на этот вопрос сейчас зависела её жизнь.

**

Улагай Дамдин резко открыл глаза. Плечи и шея неприятно зудели, как будто ему за шиворот бросили горсть муравьёв. В голове мельтешили какие-то тени. Проклятье! Его волшебный слуга явно потерял цель, и теперь силился что-то сказать, или спросить, или то и другое вместе. Увы, прорицатель не так хорошо понимал его, как стремился показать окружающим. По правде сказать, совсем не понимал. Светящаяся сфера слушалась простых приказов, вроде «жди», «охраняй», «следуй за тем-то», но при этом совершала множество «лишних» движений. И постоянно бормотала где-то на границе сознания. К этому нелегко было привыкнуть, но дело того стоило.

Миряне верили, что болотный огонь видит их душу и может её похитить. Слуги из дома Буги, сколь угодно верные своему господину, рассказывали всё, как на духу. Даже учёные шаманы не знали точно, что умеет сфера, и опасались чудесной прозорливости её владельца. Дамдину приходилось пускать в ход всю свою сообразительность, чтобы укрепить их страхи. Вот и сейчас ему нужно было понять, почему болотный огонь потерял беглянку. Скрылась в доме? Но шар чувствует тепло... Внезапно его осенило: канал! Холодная вода скроет дочь плавильщика от преследователей и увлечёт её в реку.

— Стянуть всех солдат к порту! Прочесать все склады! — приказал он молодому хранителю знамени. — Отцеубийца хочет уйти по реке.

— Слушаюсь, мудрейший! — рявкнул Максар.

Выхватив рог, избранник Дракона протрубил серию команд. Почти тут же ему отозвались далёкие рога и свистки.

Дамдин усмехнулся. Парень хорошо изображал туповатого усердного служаку. Разумная тактика: высокое начальство редко ценит умников, и в случае чего легко вешает на них свои хвосты. Но за этой маской пряталось ещё кое-что: искреннее восхищение легендой. Похоже,

тщательно созданная репутация прорицателя начала приносить не только плоды страха. Хорошо. Толковый помощник может пригодиться.

А вот второй избранник Дракона, этот скользкий страж, доверия не вызывал. Прорицатель был почти уверен, что именно Улан Холлом рылся в его вещах на постоянном дворе. Тем не менее, мирской секретарь Буги тоже присоединился к погоне и довольно умело руководил добдобрами. Что заставляет его помогать Дамдину? Желание примкнуть к победителю? Приказ Ордена? Или Улан Баир, слывающий в этом болоте главным интриганом, подослал сына шпионить за посланником Прозорливого? Каким бы ни был ответ на этот вопрос, юношу стоило держать поближе и пристально следить за каждым его шагом. Как будто у дознавателя без этого было мало забот.

**

Илана выползла на берег, грязная и мокрая, как портовая крыса. Вдалеке слышались свистки стражников, и они явно приближались. Не удалось. В приступе бессильной ярости, беглянка несколько раз ударила ребром ладони мокрый песок. Руку обожгло болью. Холодная речная волна набежала на берег и лизнула её, успокаивая. Дочь первого плавильщика с горечью посмотрела на зелёные волны. Дальний берег реки скрывала завеса дождя, да и было до него пол армейского перехода. Великая Река не зря носила своё имя, а здесь, в Бириистэне, она ещё и разливалась широким лиманом. Отличное место для порта, плохое — для побега вплавь. Если бежишь не к Последнему Судье.

Для многих это становилось единственным способом мести. Броситься в волны или огонь, призывая проклятие Дракона на голову обидчика, чтобы тот жил в страхе, ожидая загробного суда. Но прорицатель Прозорливого — не мелкий лавочник, чьих суеверных покупателей может распугать призрак самоубийцы, а Илана — не верная дочь Лазурного Дракона. "Нет ни Верхнего мира, ни Нижнего, ни Среднего", — прошептала она слова тайной мудрости, успокаивая дыхание. Утопиться лучше, чем сдохнуть под пытками. Но, пока ещё есть время, стоит поискать альтернативы.

Позади неё что-то зашипело, словно сотня кузнецов одновременно бросила раскалённые заготовки в холодную воду. Беглянка резко обернулась. В сотне метров от неё, у длинного причала, стояло странное судно. Неказистый, обшитый позеленевшей медью корпус походил на старый башмак. Из низкого домика-надстройки посередине кораблика вместо мачты торчала высокая закопченная труба, извергающая клубы чёрного дыма.

К бортам странной посуды крепились огромные колёса, похожие на те, в которых бегают ручные белки, только каждая спица заканчивалась широкой лопастью. Колёса пока ещё не вращались, корабль спокойно покачивался на волнах. Полуголые чумазные грузчики волокли на борт перепачканные угольной пылью мешки из соседнего лабаза. Может быть, это её шанс?

Дождавшись, пока вся бригада поднимется на борт, Илана юркнула в ворота склада, и едва не столкнулась с пожилым чиновником в потрёпанном халате. Несколько напряжённых минут они глядели друг на друга, а затем в глазах старика мелькнул огонёк узнавания. Он быстро приложил палец к губам, а второй рукой показал на полупустой мешок в углу склада. Спасение или западня? Кто этот человек? Он казался странно знакомым, но беглянка не могла вспомнить имя. В голове всё перемешалось, волнами накатывала усталость.

Что-то в облике старика привлекло её, а, может, просто тело Иланы очень хотело жить и цеплялось за каждую возможность. Беглянка забралась в мешок и свернулась на куче угля,

закрыв нос воротом кафтана. Старый шаман стянул завязки.

— Много ещё, билгор Алдар? — раздался снаружи приглушённый голос.

— Ещё три на обратный путь, — ответил чиновник. — Этот, этот и этот.

Грубые руки подхватили мешок. Куски угля больно врезались в тело.

— Ух! Маленький, а тяжёлый! — недовольно крикнул грузчик.

— С северных копей, — откликнулся чиновник.

Рывки, удары, снова рывки. Скрипит деревянная сходня. Снова слышно шипение и мерный скрежет, словно вращается огромный колодезный ворот. Мешок грубо швыряют на пол, от удара Илана едва не теряет сознание.

— Давление? — слышен приглушённый голос старого шамана.

— Рабочее, — звонко откликается кто-то.

— Эй, билгор! — кричит кто-то. — Стражники в порту, ищут кого-то! Отчалим без них, будут неприятности!

Сердце Иланы сжалось. Неужели конец?

— Сорвём сроки испытания — не сносить нам головы, — сурово отвечает чиновник. — Отчаливаем!

— Ну, смотри, билгор, моё дело сторона...

— Сторона — так посторонись! — недовольно звенит голос, говоривший «рабочее». — Долой швартовы! Сходню прими! Открыть главный клапан!

Где-то свистит раковина стражников, и корабль отзывается яростным рёвом, а затем вздрагивает всем телом и устремляется вперёд. Сквозь мешок, уголь и грубые доски палубы Илана чувствует неукротимое биение огненного сердца. Свистки и гудки армейских рожков стихают вдали.

— Отработала задвижка! — весело крикнул звонкоголосый. — Летим!

— В Оймуре осмотришь, нет ли свищей, — отозвался старик, и крикнул кому-то: — Глубина?

В ответ прилетела сложная трель мохнатого. «Три больших добана», — мысленно перевела беглянка.

— Хорошо! Удерживай курс!

**

— Не нашли ещё? — без особой надежды спросил Дамдин.

Он стоял на берегу реки, глядя на серебристый полог дождя. Болотный огонь, виновато жужжа, кружил над головой. Дознаватель раздражённо приказал ему замереть.

— Никак нет, мудрейший! — устало ответил командир стражи. — Здесь всё изрыто ходами контрабандистов. Мы разворошили уже два гнезда этих крыс, и они больно кусаются.

— Продолжайте! — дёрнул щекой Дамдин. — Сами наплодили, сами и вытравливайте!

«Проклятый Буга и его скользкие как угри отродья!» — выругался про себя дознаватель.

В том, что еретик сдох от руки собственного слуги, а то и дочери, было несомненное проявление высшей справедливости, но куда как удобнее было бы схватить Илану первой и сыграть на отцовских чувствах. Возможно, стоило обвинить кого-то другого. Девчонка бы успокоилась, и отправилась к сестре, или к "братьям", и вот тут её можно брать. А теперь...

— Билгор Дамдин! — с опаской позвал его Улан Холом.

— Да, нохор?

— Я боюсь, мы попусту теряем время, — осторожно произнёс молодой страж.

— Поясни, — коротко бросил дознаватель.

— Здесь полно лодок. Как только стража вошла в порт, сразу отчалил десяток джонок. Если у девчонки были сообщники, её уже нет в городе.

Дамдин хмуро кивнул. Этот вывод напрашивался сам собой.

— Кто, по-твоему мог стать её сообщником? — доверительным тоном спросил он.

Холом задумчиво прищурился.

— Другие подпольщики, в первую очередь. Люди, обязанные чем-то Темир Буге или его жене, во вторую. Впрочем, скорее всего, это — одни и те же люди.

— Согласен, — кивнул Дамдин. — Собери сведения о сбежавших судах и их капитанах.

По лицу стража скользнула едва уловимая тень. Кто-то принял бы её за простую усталость, но прорицатель не зря носил свой титул.

— Я чувствую, ты хочешь сказать что-то важное, — сказал он, пристально глядя в глаза Холому. — Будь искренен, и духи благословят тебя.

— Да так, небольшая странность, — поморщился страж. — Возможно, просто совпадение...

— Случайностей нет, — покачал головой Дамдин. — Только звенья великой цепи причин и следствий. Тому, кто практикует правильное внимание, открываются тайны мира.

Улан Холом почтительно склонил голову.

— Все эти фелюги и джонки — корыта контрабандистов, — уверенно сказал он. — Но кроме них был один катер. «Огненный буйвол», новое изобретение. Судно, движимое силой духов пара и огня.

— Мудрейший Токта, ваш законоучитель, рассказывал о нём, — кивнул прорицатель. — Сегодня назначены испытания, не так ли?

— Да, и билгор Алдар, конечно, спешил. Но я ожидал бы от чиновника, что, слыша сигнал тревоги, он дожждётся прибытия стражников. Более того, потребует, чтобы кто-то из них сопровождал корабль. Но «Огненный буйвол» сорвался с места так же быстро, как и другие.

— Этот Алдар... Кто он?

— Айсин Алдар — наставник внешней гармонии шестого ранга. Его сына Вы сегодня допрашивали. Уверен, от Вас не укрылось, что он влюблён в Илану.

— А! — широко улыбнулся Улагай Дамдин. — Прекрасно, юный Холом, прекрасно! Видите, какая прочная цепь совпадений?

Стоявший рядом Дзамэ Максар с сомнением нахмурился.

— У Тукуура и Алдара, конечно, могли быть личные мотивы помочь преступнице. Они многим обязаны её отцу. Но если мудрейший ищет организацию, нельзя упускать Морь Эрдэни!

— Помню, Вы докладывали, что он поставляет Илане дорогие лекарства. Расскажите об этом человеке подробнее!

— Об Эрдэни говорят разное, но никто не мог предоставить доказательств. Я знаю наверняка только то, что никто кроме него не мог достать мазь семи островов для Иланы. У этого человека множество связей. Если в городе зреет заговор, я убеждён, что без него не обошлось.

— Что же, — кивнул Улагай Дамдин, — нас достаточно, чтобы поймать обоих лисов. Возьмите стражников и пригласите этого Эрдэни побеседовать со мной. Для начала — пригласите вежливо, но если заартачится — ведите силой. А я займусь вашим однокашником Тукууром.

Мерный гул машины, её тепло и плеск волн убаюкивали Илану. Она изо всех сил старалась остаться в сознании, но мысли превратились в густую патоку, из которой выныривали то окровавленное лицо отца, то ухмыляющийся Дамдин, то взгляд матери. До сих пор беглянка винила в её смерти упрямство и честолюбие отца, но слова Дамдина поколебали эту уверенность. Может быть, Аси действительно хотела возродить свою династию. Может быть, обстоятельства не оставили ей выбора, как не оставляли его сейчас Илане. Как бы то ни было, её мать умерла, приведя в мир Айяну — беззащитную и чуждую ему девочку, бледную, как призрак. Айяна говорила с древними шкатулками, от страха билась током, как угорь, и рисовала смешные картинки, яркие и пёстрые, как перья золотых вака. Для неё трава была не зелёной, а разноцветно-искрящейся, а в небе светились невидимые письмена. Илана не знала, были ли это обычные детские рассказы, или сестра действительно видела мир духов. Но какая разница, что думала Илана? Судьба её сестры была начертана в Завещании Первого, и была она короткой, горькой и кровавой.

Отец не мог с этим смириться, так же, как не смог отдать ищейкам Прибрежной Цитадели свою Аси. Айяну прятали в доме, но это быстро стало опасным, и тогда обе дочери и трое мохнатых вольноотпущенников отправились в Толон. Торговый центр Удела Духов, город науки и механических чудес, был слишком велик, слишком стар и горд, чтобы жить по заветам Прозорливого. И, всё же, сестер быстро разлучили. Держаться вместе им было опасно — так сказали друзья отца. После этого Айяна стала даже не иголкой в стогу сена, а зёрнышком риса в огромной житнице.

Для Иланы же Толон открыл путь знаний. Только в нём дочь шамана могла использовать древнее право «крови и силы» — учиться наравне с мужчинами. Она слушала лекции лучших врачей и философов, одну за другой открывая тайны мироздания, о которых лишь намекали шкатулки матери. Два года она упорно училась, на третий уже помогала в больнице, а на четвёртый лихорадка сожгла Айяну. Им даже не дали увидеться. Исписанный аккуратными крыльями папирус, урна с пеплом и несколько хрупких костей — вот все, что осталось от её странной, но все же любимой сестры.

Тогда Илана оставила больницу. Что толку лечить отдельных людей, если больно всё общество? Люди верят, что ими правит Великий Дракон, справедливый судья загробного мира. Но, если это так, где его справедливость и мудрость? Мальчиков со способностями как у её сестры забирает Орден и учит охотиться на таких же девочек. "Женский пол слаб и склонен ко злу" — говорят эти мудрецы, заковывая бедняков в рабские кандалы за просрочку долга в несколько медяков. "Колдуны отдают ваши души злым богам живых камней, чтобы заставить вас бунтовать", — твердят они, сгоняя крестьян с земли, чтобы построить на ней очередное святилище. "Болезнь — воздаяние за неблагие поступки", — учат они, продавая беднякам заплесневелый рис. А потом удивляются, что воздаянием за их неблагие поступки становится удар кистенем и пожар в поместье. Страной правят жадность, глупость, злоба и невежество, а должны бы разум и справедливость.

Но кто и зачем вырезал эти символы ножом на щеках её отца? Кто-то, кто упорно стремился обвинить её в этой смерти, попутно показывая: я знаю, кто ты, откуда ты, в какие кругиходишь. Знаю, чему ты учишь бириистэнских детей.

Илана вспомнила Бююрчи — худого, нескладного подростка, сына смотрителя пернатых бегунов. Она учила его читать по статьям и воззваниям своего учителя Бадзара, чтобы исполнилась мечта парня — стать курьером-наездником. Смеялась, слушая, как он в

очередной раз оставил в дураках ночную стражу, написав на памятной стеле заветные символы... Теперь напишут: стремился внедриться в курьерскую службу в целях хищения государственных тайн. Сорок плетей и петля.

Она не сомневалась в приговоре, хотя Дамдин и считал её приверженность "друзьям разума" ложью. Кто такой этот Дамдин? Старый враг отца и матери, несомненно. Почему он так уверен в том, что Айяна жива? Зачем она ему? Кто, наконец, подбросил ей сосуд со смертельной мазью? Может быть, помощник прорицателя? Или мирской секретарь, этот надменный, неулыбчивый сын интригана Улан Баира? Лицо Холома всплыло в памяти, подёрнулось рябью, обретая черты другого секретаря — Айсин Тукуура. Когда-то их семьи дружили, и мать Иланы лечила отца Тукуура от катаракты. Его звали...

— Скорость — пять узлов, билгор Алдар! — вырвал её из дрёмы звонкоголосый. — Ваше изобретение добавило нашему «Буйволу» прыти!

— Хорошо, Баттулга, — ответил старый чиновник. — Правь к ветру на два щелчка. С такой скоростью мы скоро окажемся у пеликаньей балки. Не хочу посадить судно на мель.

...его звали Айсин Алдар. Прямой, морщинистый, с добрыми глазами. Вечно ходил по городу пешком, хотя правитель жаловал ему паланкин. Говорил, что ездить на плечах другого человека позволительно лишь ребёнку.

Потом мать умерла, а Илана уехала в Толон. Но Алдар её запомнил, как запомнил и Тукуур. Кажется, он пытался перечить Дамдину. Сорок плетей и петля? Сколько ещё погибнет из-за неё? Как легко было представлять себя нестигаемым борцом за будущее страны, пока не пролилась кровь! С этой горькой мыслью Илана провалилась во тьму.

Когда она очнулась, стальное сердце корабля остыло и умолкло, и только волны мерно плескались за бортом корабля. С тихим шорохом раскрылась горловина мешка, и над девушкой появилось лицо Алдара.

— Мы в Оймуре, — тихо сказал он. — Команда на берегу. Если Вы не ранены и можете идти, лучше покинуть корабль сейчас.

Илана пошевелилась и скрипнула зубами от боли. Руки и ноги затекли, исцарапанные ступни и ладони саднили. Всё тело болело, как будто стражники всё-таки поймали её и долго били. С трудом выпутавшись из мешка, беглянка встала и оперлась о поручень.

— Я благодарна Вам, — прошептала она. — Но моя благодарность немногого стоит.

— Доброе дело не должно остаться забытым, — ответил старый шаман. — Ваша мать на какое-то время сохранила мне зрение. Я на какое-то время сохраняю Вам жизнь.

— Доброе дело не останется безнаказанным, — горько произнесла Илана. — Меня ищет Улагай Дамдин, старый враг отца. Если он догадается, что Вы помогли мне, Вам грозит гибель.

— Жизнь всегда заканчивается смертью, — спокойно ответил Алдар. — Важно, как ты жил.

— Возможно, — прошептала девушка. — Берегите себя. Пожалуйста.

— Я предупреждён, — твёрдо кивнул чиновник.

Он снял с пояса связку клеймёных дощечек и протянул ей. Илана молча взяла деньги, неловко обняла старика, и, протиснувшись между прутьями поручня, скользнула в воду.

На берегу мокли под дождём перевернутые рыбацкие лодки. Где-то в посёлке гомонили куры и гуси, над домами курились дымки. Тёплое жильё манило беглянку, но она понимала, что в посёлке оставаться нельзя. Скоро её грубый портрет разошлют всем старостам, с мерзкой подписью «отцеубийца».

Где-то в этих джунглях прятались партизаны, большей частью — беглые рабы с островов. Толонские друзья Иланы надеялись, что она установит с ними связь. Быть может, у беглой преступницы это получится легче, чем у дочери градоначальника?

Стратегема 3. Ловить рыбу в мутной воде

Дом вздыхал, вздрагивал, скрипуче жаловался на судьбу. Повсюду слышалось шарканье плетёных сандалий, звуки приказов, монотонное бормотание учётников. Солдаты гарнизона по приказу Дамдина открывали и взламывали комнаты, обыскивали, описывали имущество. Некоторые из них бросали на Айсин Тукуура подозрительные взгляды, но нахмуренное лицо и уверенная походка чиновника убеждали их, что он выполняет некое поручение и, стало быть, перешёл из обвиняемых снова в обвинители.

Знатоку церемоний не терпелось вернуться в кабинет Буги, но для того, чтобы продолжить расследование, ему нужен был ассистент. Кто-то, кто мог бы поручиться, что Тукуур не подделал улики, а ещё лучше — подтвердить его выводы или предложить свои. Избранник Дракона предпочёл бы, чтобы это был Максар или Холлом, но увы, его товарищи выбрали сторону власти, и какой-то частью разума Тукуур понимал, что поступил бы так же, не будь он влюблён в Илану.

Не найдя наверху никого подходящего, знаток церемоний спустился на кухню. Здесь было почти тихо. Остывшая печь беззвучно зевала открытой вьюшкой. На столах и табуретах тонким инеем лежала мука. Дверцы распахнутых шкафчиков поскрипывали от сквозняка, под ними на полу цветастой россыпью валялись шкатулки и кувшинчики из-под приправ. «Какое-то нашествие варваров», — мрачно подумал Тукуур, глядя на сорванную с петель дверцу одного из ларцов. Он был заперт на ключ, и стражники, недолго думая, поддели дверцу клинком, но, похоже, не нашли для себя ничего интересного.

Внутри хранились ингредиенты отвара духов войны — корни лотоса, голубой чай, мякоть каменных яблок, сушёный имбирь, порошок из шаманских зёрен и листья таванга. Знаток церемоний обернул руку платком и аккуратно высыпал коренья и листья на стол. Расположившись рядом с горячей масляной лампой, он начал методично рассматривать каждый кусочек. Листья давно высохли и утратили свой глянцевый блеск. Нарезанные тонкими пластинками корни лотоса сморщились и слегка посерели по краям. Ломтики свежей мякоти каменного яблока маслянисто блестели в свете лампы. Нерешительно покрутив один из них в руках, Тукуур осторожно прикоснулся к нему языком, но не почувствовал посторонней горечи, о которой говорил Дамдин. Ничто не указывало на то, что травы и коренья кто-то обрабатывал мазью семи островов. Конечно, сохранялась возможность, что все испачканные кусочки ушли в отвар, но она была крайне невелика. Нахмурившись, знаток церемоний достал из плетёной шкатулки два ломких округлых листка и медленно разжевал. Вяжущая горечь разлилась по языку. Кажется, один горчит чуть сильнее другого? Старые соратники верили, что таванг обостряет чувства, а Тукууру сейчас не помешала бы наблюдательность стража.

— Нашёл что-нибудь? — раздался полужнакомый голос.

Тукуур вздрогнул, чувствуя как сердце и плечи пронзают горячие иглы страха. Значит, таванг усиливает и его? Тогда понятно, почему его уравнивают корнем лотоса.

— Ничего особенного, — покачал головой знаток церемоний, поворачиваясь на голос.

В проеме двери, ведущей на улицу, стоял Кумац — военный шаман, который обнаружил тайник Иланы. С его промокшего кафтана срывались капли воды.

— Билгор Тукуур, — удивлённо моргнул офицер. — Простите, я принял Вас за одного из своих учётников.

— Не стоит извинений, нохор Кумац, — примирительно улыбнулся избранник Дракона. — Какая удача, что мы встретились! Я как раз хотел просить Вас помочь мне в осмотре места убийства.

— Разве мудрейший Дамдин не закрыл следствие? — нахмурился воин.

— Билгор Дамдин, несомненно, определил виновных, — мягко возразил Тукуур, — но мы обязаны составить подробный отчёт, если не для него, то для градоначальника.

Кумац недовольно сжал губы, но кивнул.

— Согласен. Ждите меня наверху, я скоро буду.

Поднявшись по скрипучей лестнице, знаток церемоний стремительно прошёл по узкому коридору и остановился на пороге кабинета первого плавильщика. Он поморгал, давая глазам приспособиться к полумраку и дрожащему свету камина, а затем медленно осмотрел комнату. Теперь Тукуур старался видеть всё не как простой свидетель, а как сыщик, подмечая детали, отделяя следы схватки Санджара со стражниками от улик, оставшихся от первого убийства. Легче всего было бы оттолкнуться от версии Дамдина, проверяя каждое утверждение дознавателя, но тогда знаток церемоний рисковал потерять нити, уходящие за пределы картины.

Тукуур снова закрыл глаза и позволил шорохам и скрипам заполнить разум, изгоняя из него внутренний монолог. Теперь он заранее услышал быстрые шаги Кумаца и одного из его учётчиков. Помощник военного шамана нёс стопку из трёх грифельных досок, на его поясе позвякивал футляр с меловыми карандашами.

— Помолимся, — хмуро произнёс Кумац.

Знаток церемоний снял шляпу и поднял её к небу как ритуальную чашу.

— Скальный Лис, неутомимый охотник за истиной, победитель забвения! — возгласил он. — Прими наше усердие вместо приношения четырёх драгоценностей и даруй нам упорство, даруй нам силу, даруй нам пронизательность, даруй нам беспристрастность!

— Дух Скального Лиса, твоего покровителя, да поможет тебе обрести истину, следуя от малого к великому, от частного к общему, от улики к доказательству, от доказательства к воздаянию! — отозвался военный шаман.

Тукуур перевернул шляпу, как будто вылил из неё на себя ароматное масло, надел её и осторожно подошёл к телу Темир Буги.

— Погибший — временный градоначальник Темир Буга, соратник Прозорливого четвёртого ранга на пути доблести, первый меч Бириистэна, — продиктовал он.

Грифель учётника закрипел по доске.

— Тело не тронут тлением, косвенные признаки подтверждают время убийства не ранее вчерашнего вечера. В груди глубокая колотая рана, предположительно — основная причина смерти. Орудия убийства рядом не обнаружено. Судя по форме раны, клинок плоский, листовидный. Возможно — метательный нож, — знаток церемоний вопросительно взглянул на военного шамана.

Кумац кивнул и продолжил за него:

— На теле убитого не обнаружено других следов борьбы и увечий, кроме ритуальных шрамов на лице. В кабинете много оружия, но убитый им не воспользовался. Нет повреждений стен и мебели, характерных для места контактного боя.

— Есть следы, — покачал головой учётник, указывая грифелем на свежие зарубки на стенах.

— Их оставил телохранитель убитого, Санджар, оказывая сопротивление страже, —

ответил Тукуур.

— Свидетельствую и подтверждаю, — согласился Кумац.

— Несколько капель крови между телом убитого и окном, — продолжил знаток церемоний. — Вероятно, убийца извлёк своё оружие, но был достаточно аккуратен, чтобы не оставить отпечатков ног.

— Поза погибшего необычна, — вставил учётчик.

Тукуур задумчиво кивнул.

— Темир Буга лежит на спине ногами к окну, то есть он стоял лицом к убийце, — продиктовал за него военный шаман. — Поза статична, руки почти вытянуты вдоль тела. Не видно попытки уклониться, закрыться, перехватить клинок, хотя убитый был на это способен.

В памяти молнией сверкнуло яркое утро. Темир Буга на вытоптанной учениками площадке, напротив него бледный второгодок натягивает тетиву.

— Целься! — командует плавильщик.

Ученик неуверенно приподнимает лук.

— В меня целься, растяпа! — рычит наставник и нетерпеливо машет толпящимся поодаль первогодкам. — Расступись!

Второгодок сжимает зубы, смещает прицел вправо, к ветру.

— Спускай!

Звенит тетива, свистит меч, и две половины стрелы отлетают в помятую траву.

— Лучше, — удовлетворённо кивает Темир Буга. — Ещё одну!

— Свидетельствую и подтверждаю, — мрачно произнёс избранник Дракона. — Все эти улики и малое количество крови, вылившееся из раны, подтверждают версию посланника. В момент нанесения удара Темир Буга уже был не в состоянии сражаться.

Военный шаман снял с пояса небольшую металлическую пластинку и погрузил её в рану.

— Удар нанесён сильный, не слишком точный, — прокомментировал он. — Если орудием и был метательный нож, им били в упор, без броска, с доворотом внутри тела чтобы задеть сердце. Опытный врач ударил бы чуть выше и левее, чтобы не задеть рёбра. Из чего я заключаю, что рану нанёс телохранитель Санджар. Следы во дворе соответствуют его размеру ступни — это я только что проверил.

Тукуур кивнул.

— Улики с достаточной точностью позволяют установить личность нападавшего, — продиктовал он. — Тем не менее, поскольку ножевое ранение не было единственной причиной смерти, необходимо также установить личность отравителя...

— Что возвращает нас к дочери убитого, — вставил Кумац. — Вы ведь уже три недели служите секретарём Буги? Что можете сказать об их отношениях?

Айсин Тукуур наморщил лоб. Всю эту неделю он читал и писал письма, разбирал бумаги своего предшественника, составлял воззвания духам-хранителям и сжигал их в домашнем святилище. За это время знаток церемоний видел Илану три или четыре раза, когда Темир Буга приглашал своих помощников за семейный стол. И каждый раз надежды Тукуура на беседу с возлюбленной разбивались о каменную стену застольного этикета. До сих пор он принимал холодную отстранённость Иланы на свой счёт. Наверное, думал знаток церемоний, она полюбила кого-то из учёных толонцев, и теперь я кажусь ей неотёсанной деревенщиной... Но что если это были признаки раздора с отцом? Или, быть может, ледяная

маска скрывала усталость, пожирающую силы любого человека, связавшего судьбу с тайным обществом и вынужденного проживать две жизни одновременно?

— Ничего определённого, — покачал головой избранник Дракона. — Увы, я не знаю и сотой доли тайн, которые хранит этот дом.

— Самое время это исправить, — усмехнулся Кумац. — Предлагаю начать с потайного хода.

Тукуур поднял серебряный трисвечник, сбитый на пол Санджаром. Две свечи выпали из него и откатились в угол, третья переломилась у основания. Повезло им, что мятежный телохранитель не устроил пожар. Положив целые свечи на стол, знаток церемоний вынул из ящика стола огниво и два кусочка огненной ваты. Положив вату в малахитовую пепельницу в виде черепахи, он несколько раз ударил кресалом по кремню, высекая искры. Пропитанный селитрой пушистый хлопок моментально вспыхнул. Тукуур зажжёт одну из свечей, подержал над ней вторую, чтобы размякла и приклеилась к подсвечнику, а затем проделал ту же процедуру с первой. Всю жизнь он делал это машинально, не задумываясь, а теперь вот позавидовал Дамдину, у которого был собственный болотный огонь. Сколько же времени сэкономили далёкие предки благодаря этим летающим фонарям!

Коридор, спрятанный за книжным шкафом, оказался узким, но довольно длинным. От кабинета первого плавильщика он уходил почти на женскую половину дома, и там обрывался крутой лестницей, ведущей в сырой подвал. Вдоль дощатой стены примерно на уровне груди тянулась бронзовая полоса, набранная из тонких полированных пластин длиной примерно в локоть. Первые семь из них поблёскивали в дрожащем свете трисвечника, остальные совсем позеленели от патины.

— Лента-поводырь, — указал на неё военный шаман. — С такой легче идти в полной темноте.

Тукуур провёл рукой по последней блестящей пластине. Углы этой пластины были скруглены сильнее, чем у других, и держалась она не на двух гвоздях, а на одном, вбитом посередине. Знаток церемоний надавил на один из углов и ощутил лёгкий люфт, но пластина не поддалась. Он поднёс трисвечник ближе и внимательно осмотрел края. На верхней кромке смутно поблёскивали натёртые пальцами участки. Избранник Дракона протянул трисвечник Кумацу и задумчиво опустил руки на пластину так, чтобы пальцы легли на отметины. Так можно было только давить вниз на оба плеча, но гвоздь держал крепко.

— Попробуйте подцепить, — посоветовал военный шаман.

Тукуур снял с пояса нож для бумаги и легко вогнал его между досками и бронзой. Дерево закрипело, а потом в стене что-то щёлкнуло, и пластина отошла от неё ровно настолько, чтобы можно было просунуть пальцы. Гвоздь оказался толстым штифтом с фигурными бороздками. Осторожно поворачивая пластину, знаток церемоний добился того, что пластина снова прилегла к стене, но уже под углом. Потайной замок глухо щёлкнул, и дощатая дверь приоткрылась, пропуская шаманов в небольшую пыльную комнату. Откуда-то из-под потолка сочился тусклый свет, такой же серый, как ковёр пыли под ногами. А от самого входа к противоположной стене тянулась цепочка крупных смазанных следов босых ног. Неизвестный шёл осторожно, ощупывая стопами неровности пола. В некоторых местах он отшагивал в сторону, явно стараясь не задеть скрипучую доску.

Кумац взял у учётика измерительный циркуль и склонился над следами.

— Большой палец отставлен, — пробормотал он. — Следы воина, привыкшего к плетёным сандалиям. Вероятно, мужчины. Однозначно — человека, не мохнатого.

— Санджар? — предположил Тукуур.

— Проверим, — отозвался военный шаман, измеряя следы. — Пишите: длина — восемь и две трети залгиур[1], большая ширина — четыре, малая — два с половиной.

Продиктовав основные соотношения учётику, Кумац осторожно переступил порог. Тукуур последовал за ним, стараясь ступать подалее от следов незнакомца, чтобы не повредить их.

Справа от него в углу притаилась детская кровать с резной спинкой в виде распростёршей крылья совы. Символы, вырезанные на крыльях и по ободу каркаса, складывались в ритмичные строки на незнакомом языке. На выцветшем зелёном покрывале лежал пёстрый тряпичный мяч и игрушечный бегун с хвостом из настоящих перьев. Чуть поодаль стоял пустой платяной шкаф и несколько полок. На одной из них в горшочке пылились три кисточки и набор цветных мелков.

Следы пересекали комнату по диагонали, огибая наклонный столик вроде ученического пюпитра или мольберта. К столешнице был приколот набросок: в сине-фиолетовом ночном небе, окружённые странным шафранно-розовым ореолом, застыли Феникс и Царь-камень — оба спутника срединного мира. Чуть выше изрытой оспинами глыбы Царь-камня угадывались три огонька Врат верхнего мира.

— Последний раз Стальной Феникс сходил так близко с Царь-камнем пять лет назад, накануне войны, — заметил военный шаман, заглядывая через плечо Тукуура. — Из-за этого смыло береговые посты и мы проморгали заморских дьяволов.

— Помню, — вздохнул знаток церемоний. — Нижний этаж затопило, и я неделю ночевал на крыше. Только вот ни разу не видел, чтобы они так светились.

На стене, там, где остановился незнакомец, висела большая картина. Узкая долблёная лодка скользила по гладкой темно-зелёной воде между высокими, оплетёнными медовой лозой стволами добанов. Молодые воздушные корни торчали из воды как белые копья, со скрюченных веток настороженно смотрели три пятнистые белки и серебристая обезьянка.

— Вряд ли он любовался живописью, — пробормотал Тукуур.

Взявшись за раму, он легко снял полотно со стены. За ним обнаружился узкий лаз в другую комнату. Потайная дверца на той стороне была отломана, и через неё виднелась развороченная во время обыска постель и опустевший книжный стеллаж.

— Комната Темир Иланы, — констатировал Кумац. — Обратная сторона её тайника. Думаю, именно так дочери убитого доставили сосуд с мазью.

— Кстати, что стало с сосудом? — спросил знаток церемоний. — Билгор Дамдин забрал его?

— Нет, сосуд ещё у меня, — ответил военный шаман. — Думаете, на нём могли остаться отпечатки?

— Сомневаюсь, но чем речной дельфин не шутит...

Когда они вернулись в кабинет Буги, два добдоба уже укладывали тела плавильщика и его телохранителя на носилки. Кумац властным жестом остановил их и снова раскрыл циркуль. Обмерив огрубевшие подошвы Санджара, он досадливо мотнул головой:

— Не он. Значит, был ещё соучастник.

"Не удастся быстро закрыть дело", — удовлетворённо подумал Тукуур.

— Принесите медицинский сосуд! — приказал учётику военный шаман.

— И немного печной сажи, пожалуйста, — добавил знаток церемоний.

Он зажёл ещё несколько свечей и сильнее отдернул занавески, впуская в комнату

призрачный свет пасмурного утра. Служитель быстро вернулся с замотанным в тряпицу фарфоровым цилиндром и осторожно поставил его на стол. Тукуур заглянул внутрь. Белёная мазь была примята, как будто её извлекали из сосуда пальцем. Из горлышка доносился лёгкий пряный аромат.

— Кто-то не слишком осторожничал, — пробормотал знаток церемоний. — Странно, очень странно.

Тукуур подошёл к окну и открыл его, чтобы цветные стёкла и промасленная бумага не задерживали свет. Натянув полотняные перчатки, он осторожно начал вращать цилиндр, пристально разглядывая покрытые белой глазурью бока. Сосуд был подлинным произведением искусства. Хотя изображение было неподвижным, в нём чувствовалось напряжение и жизнь, как будто вот-вот взмахнут хвостами дельфины-охотники, и серебристые рыбы бросятся от них врассыпную, а сложившие крылья морские птицы врежутся в водную толщу, чтобы урвать свою часть добычи. Вглядываясь в детали этой сцены, Тукуур не заметил, как затаил дыхание. Ощувив тесноту в груди, он непроизвольно выдохнул, и безупречно гладкая поверхность цилиндра покрылась туманом, на котором проявился слабый жирный отпечаток.

— Оттиск духа! — провозгласил Айсин Тукуур. — Преступнику не удалось скрыть свои следы!

— Признаюсь, билгор Тукуур, я не силен в дерматоглифике, — проворчал Кумац. — О чём Вам говорит рисунок на этом пальце?

— Оставивший его несомненно был учёным шаманом, — уверенно произнёс знаток церемоний.

— В самом деле? — поднял бровь военный шаман.

— Полагаю, он нёс сосуд завернутым в платок, чтобы не оставлять отпечатков. Но на месте решил, что платок оставлять нельзя, и столкнул сосуд кончиком среднего или безымянного пальца. Это был человек, привыкший ставить оттиски большого пальца на сургучных печатях и указательного — под своими письмами.

— Хорошее предположение, — кивнул Кумац. — Полагаю, под Ваше описание вполне подходит Темир Илана. Она ведь тоже была нашей соратницей и дочерью шамана, не так ли? Вглядитесь в эти изгибы. Чего в них больше — мужского или женского?

Тукуур растолок хлопья сажи в тонкий порошок и тщательно посыпал верхнюю грань сосуда. Легким дуновением удалив лишнее, он положил цилиндр на бок и прокатил его по листу тонкой рисовой бумаги, подложив под него сухую губку для кистей. На поверхности листа отпечатались тёмно-серые завитки.

— Я тоже лишь ученик, — вздохнул знаток церемоний, всматриваясь в отпечаток. — Мне нужно от чего-то оттолкнуться. Образца женственности нам не найти, но кто может быть эталоном мужественности, если не первый воин Бириистэна?

Военный шаман напряжённо сжал губы.

— Разумно ли тревожить гневный дух убитого? — проворчал он.

— Несомненно! — воскликнул Тукуур.

— Мне это не нравится, — нахмурился Кумац. — Возьмите лучше свои отпечатки — у Вас руки и так в саже — и не будем рисковать!

Но знаток церемоний порывисто встал, схватил со стола тушечницу, и в три шага подлетел к телу убитого.

— Нохор Буга! Проявись вновь в срединном мире и помоги своим недостойным

соратникам найти твоих убийц и воздать им по заслугам! — нараспев произнёс он, покрывая тушью пальцы первого плавильщика.

История могла бы пойти по-другому, если бы Тукуур оставил листок с первым отпечатком на столе. Но он, увлѣкшись, так и не выпустил его из рук, а потом положил рядом с собой, в ногах Темир Буги. Сделав чѣткие оттиски пальцев убитого, знаток церемоний положил оба листка рядом и замер, как будто мстительный дух и правда наслал на него холодную хворь. В комнате было уже достаточно светло для того, чтобы увидеть: линии и завитки на двух оттисках повторялись. Подняв голову, Тукуур встретился с колючим, выжидающим взглядом военного шамана. "Почему он пытался меня остановить?" — пронеслось в голове знатока церемоний. — "Из-за суеверия, или..?"

— Будьте добры, подайте мне измерительный циркуль, — как можно спокойнее попросил Айсин Тукуур.

Кумац задумчиво побарабанил пальцами по рукояти шаманского ножа и кивнул учётчику. Тот шагнул вперѣд и протянул знатоку церемоний бронзовый инструмент. Тукуур бросил быстрый взгляд на добдобов. Они стояли в дверях со сгучающими лицами. "Прекрати!" — мысленно одѣрнул себя избранник Дракона. — "Если бы Кумац знал, что отпечатки совпадут, разве он повѣл бы меня в ту комнату?" Он одѣрнул покрывало, обнажив ноги Темир Буги. Учѣтчик удивлѣнно вытаращил глаза, военный шаман вышел из-за его спины и скрестил руки на груди. Озарѣнный внезапной догадкой, Тукуур поднял правую руку убитого и внимательно осмотрел кончики пальцев. Указательный слегка поблескивал от жира. Принюхавшись, знаток церемоний ощутил лѣгкий запах мази.

— Что Вы нашли? — напряжѣнно спросил Кумац.

— На указательном пальце правой руки следы мази, — хрипло ответил Тукуур. — Оттиск безымянного пальца Буги имеет много общих линий с отпечатком на сосуде. Наконец, размеры его стопы — восемь и две трети на четыре, на два с половиной. Те же соотношения. При ходьбе стопа расширяется, я учѣл поправки. Темир Буга сам зачерпнул яд из сосуда, растворил в своём напитке, а затем отнёс оставшееся в тайник дочери.

— Не может быть! — воскликнул учѣтчик.

— Для чего? — холодно спросил Кумац.

— Не знаю, — устало ответил Тукуур. — Возможно, чтобы отвести подозрения от настоящего убийцы... Или... Нет, я слишком неопытен чтобы делать выводы. Что думаете Вы?

Военный шаман покачал головой.

— Если бы не столько улики, я бы назвал это бредом. Но, раз уж мы поставлены перед фактом, следует доложить о нём градоначальнику. Пусть он делает выводы и принимает решения.

Знаток церемоний облегчѣнно выдохнул.

— Согласен. Но кто сейчас градоначальник?

— Полагаю, этот груз доверят первому гранильщику сургуля. Но пока этого не произошло, мы отправимся прямо к законоучителю, мудрейшему Токте.

**

Холом, Максар и их солдаты укрылись за штабелем пустых бочек. В двух сотнях шагов от них возвышался крепкий деревянный склад, усилиями владельцев превращѣнный в

полноценный блокгауз. Из узких окошек-бойниц торчали мушкетные дула и, стоило кому-то из бойцов высунуться из укрытия, как рядом с противным чавканьем впивалась в дерево пуля. Поэтому солдаты и стражники охватили здание широким кольцом, прячась за стенами построек, ящиками и бочками. Их мушкеты и огнелюи не могли пробить толстых брёвен склада, поэтому вся надежда была на пушки городской крепости, охраняющей вход в гавань. Несколько орудий всегда смотрели в сторону жилых кварталов, больше для внушения должного страха, чем от ожидания реального мятежа, но сегодня ситуация переменялась. Новость о том, что в убийстве Темир Буги замешан один из управляющих компании "Медовая лоза", разнеслась по городу подобно пожару. Иначе и быть не могло: именно компания, а отнюдь не законоучитель и не офицеры флота Прозорливого, управляла Бириистэном. Корабли флота гнили в доках, а вымпелы боевых джонок "Медовой Лозы" гордо развевались в небе залива. Склады компании ломились от зерна, муки, драгоценной древесины и угля. Вереницы рабов, захваченных на островах, тянулись вглубь континента на стройки Прозорливого, а в обратную сторону рекой текли оружие и драгоценности. Сам Орден Стражей имел немалую долю в "Медовой Лозе" и оказывал ей покровительство, а потому неудивительно, что комендант крепости и его артиллеристы медлили.

Холом прекрасно их понимал. Чего он теперь не понимал, так это лёгкости, с которой Улагай Дамдин отправил двух молодых офицеров и неполных два десятка солдат арестовать Морь Эрдэни. Вначале он решил, что Стражи благословили действия дворцового прорицателя, и люди Ордена внутри компании помогут им. Но когда охранники "Медовой Лозы" ответили на требования Максара презрительным плевком и выстрелами, Улан Холом понял, что ситуация гораздо хуже. Либо стражи из Прибрежной Цитадели не знали о миссии Дамдина, либо "Медовая Лоза" была настолько заражена ересью Безликого, что не боялась в открытую выступить против посланника Прозорливого и его армии.

— Чтоб им провалиться в Нижний мир, этим артиллеристам! — прорычал Максар. — Сидим из-за них здесь как крысы! Всё, с меня довольно!

Воин решительно надел похожий на морскую раковину шлем и вышел на середину площади. Раздалось несколько мушкетных выстрелов, но пули сминались о древний панцирь Максара и свинцовыми лепёшками падали на землю.

— Сдавайтесь! — проревел он. — Ваши мушкеты мне не страшны! Выходите, или я подожгу склад с четырёх концов, и живые позавидуют мёртвым!

Некоторое время стояла напряжённая тишина, а потом Холому показалось, что в его товарища кто-то бросил горсть черепков. Похожий на древнее боевое чудище офицер медленно и грузно рухнул на спину. В его нагрудной пластине зияла дыра с неровными краями, словно проломленная тяжёлым молотом. Юный страж затравленно оглянулся, сложив пальцы в жест, отпугивающий злых духов. Кто кроме них мог пробить древний доспех?

Призрачный враг не испугался. Раздался хлопок, чуть тише мушкетного выстрела, и одну из бочек разорвало в клочья. Сидевший за ней солдат не успел даже вскрикнуть. «Стрелок с древним огнелюем!» — догадался Холом.

— Духи бездны! — крикнул кто-то.

— Огонь по бойницам! — ещё громче заорал страж. — Не дайте ему высунуться!

Затрещали разрозненные выстрелы, но солдаты и стражники быстро растратили порох и принялись перезаряжать огнелюи. Пользуясь этим, невидимый враг сделал ещё три быстрых выстрела, но затем порох, как видно, вышел и у него.

— Сигнальщик! — прокричал Холом. — Две красных ракеты! Пусть канониры разнесут это логово к живым камням!

Ракеты с шипением взмыли в воздух, и через несколько долгих минут со стороны крепости, наконец, раздался пушечный выстрел. Ядро со свистом промчалось над головами стражников, и проломило крышу соседнего склада.

— Перелёт! — досадливо поморщился страж.

Прогремело ещё два выстрела, и на этот раз тяжёлые ядра пробили брешь в стене склада. Часть крыши рухнула, похоронив под собой защитников. Солдаты и стражники дали ещё один залп и с отчаянными воплями ринулись в пролом. Холом ворвался в склад следом за ними. Внутри царил хаос. Полуодетый матрос выскочил из-за штабеля досок и рубанул стража наотмашь абордажной саблей, но тот ловко уклонился и полоснул врага по горлу боевым веером. Кто-то выстрелил ему в спину из огнеплюя, дробь обожгла руку и левую лопатку. Страж обернулся, но стрелка уже свалил другой солдат, а через мгновение и он упал, сражённый метательным топориком. Лязг клинков и грохот выстрелов, боевые кличи и стоны раненых, запахи крови и благовоний смешивались в чудовищную симфонию, и Улан Холом танцевал ей в такт, пробираясь между штабелями драгоценной древесины.

Расправившись с ещё двумя охранниками, страж вышел к лестнице, ведущей на галерею, где располагалась контора начальника склада. С этого помоста можно было обозревать и простреливать всё складское пространство, и только высокие поленицы благородного васанга спасли солдат от неминуемого разгрома. "Какая ирония", — подумал Холом, — "мы прятались от торговых воротил за горами денег". Он осторожно выставил за угол поленицы свою шляпу, и её тотчас же пробило небольшое каменное ядро. Грянуло ещё три выстрела, и не успевший спрятаться охранник с воплем упал с помоста. Его ручница с лязгом скатилась по лестнице.

— Вперёд! — скомандовал Улан Холом.

Один из солдат рванулся вверх по лестнице, но тотчас же получил в грудь заряд дроби. Перепрыгнув через упавшего, юный страж метнул в лицо последнему защитнику склада боевой веер. Охранник закрылся мушкетом, но бежавший за Холомом добдоб выстрелил ему в живот.

В глубине помоста, между тяжелым письменным столом и книжными стеллажами, стоял человек в богатом халате, сжимая в правой руке масляный фонарь.

— По какому праву вы врываетесь сюда и убиваете моих людей? — звенящим от напряжения голосом произнёс он.

— Морь Эрдэни? — сухо спросил Холом.

— Да, это я. Что вам нужно?

— Вы — еретик и убийца, — зло бросил страж. — Взять его!

Торговец криво усмехнулся и с силой бросил на стол свой фонарь. Холом слишком поздно понял, что поверхность стола блестит не от полировки. Горючая смесь мгновенно вспыхнула. Пламя с рёвом взметнулось к потолку, выбрасывая в стороны синевато-желтые щупальца. С треском занялись свитки и книги на полках, отрезая и Эрдэни, и солдатам путь к отступлению.

— Не умолкнет Священная Песнь! — выкрикнул купец и бросился в пламя.

Раздался треск досок и звук рвущейся бумаги, и Холом понял, что за полками скрывалось потайное окно. С проклятием он рванулся вперёд, но пламя дохнуло нестерпимым жаром. Огонь уже перекинулся на балки помоста и одну из полениц.

— Порох! — завопил кто-то внизу. — Бегите!

Лестница уже была в огне, и страж прыгнул на вершину ближайшей поленницы. Напитанные ароматным маслом бревна вспыхивали не хуже высушенного трута. Солдаты кашляли, натыкались друг на друга в дыму. Они потеряли ещё троих, пробираясь к выходу. Когда языки пламени добрались до середины склада, здание взорвалось с ужасным грохотом, рассеивая острые щепки и горящие головни. Холома сбила с ног волна горячего воздуха, и он почувствовал запах опалённых волос. В одном ухе звенело, второе не слышало ничего, и, потрогав его рукой, страж почувствовал кровь. Чудом уцелевший горнист протрубил сигнал "пожар", издали откликнулись боевые раковины добдобов, едва слышные из-за стонов и криков раненых.

Холом поднялся, тяжело опираясь на чей-то мушкет. Вокруг него уцелевшие солдаты оттаскивали раненых и убитых подальше от огня. Несколько стражников нашли деревянные вёдра и, зачёрпывая воду из сточной канавы, поливали всё, что ещё можно было потушить. Чадили мокрые тростниковые крыши соседних складов. Оставалось только порадоваться, что дождь лил всю ночь и весь предыдущий день. Случись это в сезон засухи, могло выгореть пол-порта.

Холом медленно обошёл склад, пытаясь найти место, куда выпрыгнул из огня Морь Эрдэни. Здание сильно пострадало от взрыва, не осталось ни потайного окна, ни стены вокруг него. Только ящики и бочки лежали в беспорядке по всей площади, а среди них — сильно обожженный, но всё равно крепко связанный беглец. Рядом с телом стояло несколько солдат, а чуть поодаль, прислонившись к ящику, сидел Дзамэ Максар.

— Ты жив? — удивился страж.

— Как видишь, — морщась от боли, ответил воин. — Крепкий оказался нагрудник. — он помолчал, и добавил, показывая на пленника: — Почти сбежал. Странно, что они так яростно его защищали.

— Не только его, — ответил Холом. — Там внутри была целая сокровищница Прозорливого. Полный склад васанговых брёвен. Если всё это распилить и заклеить, то можно нанять небольшую армию.

— А получился из них самый дорогой костёр в Уделе Духов, — с мрачной ухмылкой откликнулся Максар. — Будут знать, как возить контрабанду!

— А вдруг это был легальный товар? — нерешительно спросил Холом.

— На островах нет разрешённых васанговых плантаций, — мотнул головой воин.

Наступило затишье. Холом и помощник лекаря обходили раненых, осматривая раны и накладывая повязки. Потом, в Святилище, раны промоют, обработают мёдом и травяными мазями, но некоторые из бойцов всё равно увидят Верхний мир ещё до конца этой недели. Полевая медицина оставалась слабым местом армии Дракона, хотя в городе у раненых было больше шансов выжить.

— Где застряли проклятые телеги? — проворчал страж.

Прошло не меньше получаса с момента взрыва, но ни подкрепления, ни телеги, ни пожарные с водяной помпой так и не появились. Солдаты начинали нервничать. Оправдывая их худшие опасения, из крепости вскоре прозвучал сигнал «тревога», а из переулка раздался топот птичьих ног. На площадь перед складом вылетел чумазый гонец на пернатом бегуне.

— К оружию! — тонко прокричал он. — Мятежники выпустили рабов и захватили морской арсенал! Они идут к верфям и крепости!

— Вот дерьмо! — выругался страж.

— Эй, малец! — крикнул он курьеру. — Дуй к Верхним воротам, найди там первого факельщика Асуру и передай, чтобы выводил ополченцев и младших плавильщиков!

Гонец ударил себя кулаком в грудь и похлопал бегуна по длинной шее.

— Хэ, Когтеклюв!

Птица сердито скрипнула как несмазанная воротина, затанцевала и умчалась обратно в проулок.

— Раненые, кто на ногах, проваливайте в верхний город! — начал раздавать приказы Максар. — Уланьфу и Бююрчи — найдите какую-нибудь повозку и вытаскивайте прочих! Остальные — строиться, да поживее, абгалдырь вам в кницу! Выдвигаемся к верфям!

— Мы должны доставить Эрдэни посланнику Прозорливого, — недовольно напомнил ему Холом.

— Вот ты этим и займись! — отрезал его товарищ. — А я — воин и избранник Дракона! И не буду отсиживаться в тылу когда мой город жгут!

Грохот взрыва прервал его речь. Огненный шар взметнулся над гаванью там, где стоял у причала сорокапушечный боевой дракон «Благое усилие».

— Опоздали, проглоти меня кашалот, — со смесью досады и облегчения выдохнул Максар, и повернулся к солдатам. — Отставить! Хватайте палки, вяжите к ним лежачих, отходим в город!

— Что на счёт крепости? — спросил Холом.

— Крепость о себе позаботится, — раздражённо отмахнулся воин. — А вот когда она возьмёт этих крыс на картечь, они побегут жечь и грабить средний город, а то и верхний, если доберутся. Надо быстро навалить баррикады на улице Землемеров возле рынка, в Свином и Кошачьем проулках где поуже, возле Птичьего базара и рыболовной слободы. Запрём всю голь в порту и ударим с трёх сторон. А полезем сейчас геройствовать — будет только хуже.

Собрав раненых, потрёпанный отряд пополз вверх по Бириистэнскому холму. Со стороны крепости раздавались выстрелы и улюлюканье толпы, но артиллерия пока молчала. Это нервировало Холома, хотя он и понимал, что канонирам нужно время, чтобы развернуть пушки, да и картечью следовало стрелять почти в упор. Наконец, когда они почти добрались до рыночной площади, крепость рявкнула залпом десятка орудий. Толпа взвыла, со склона холма было видно, как мятежники роняют факелы и разбегаются прочь от стен.

— Ещё один залп, и победа за нами, — усмехнулся Максар.

И залп раздался, но не со стороны крепости, а откуда-то с реки. Огненные цветы выросли на парапетах, разбрасывая камни, балки и тела людей. Воин побледнел и вытащил из подсумка подзорную трубу.

— Киты и Бездна! — пробормотал он, найдя цель. — Вооружённая двухмачтовая джонка, а за мысом, похоже, ещё одна! Никак наши лесоторговцы, проглоти их кашалот, пришли мстить за свой товар!

**

Тукуур и Кумац быстро шагали по мокрой мостовой, их деревянные кабкабы звонко стучали по камням, словно копыта буйволов на мелководе. Уже совсем рассвело, но жители города не спешили выходить из домов. Как мыши, застывшие на пороге норы, они опасливо выглядывали из окон, прислушиваясь к доносившейся от реки ружейной трескотне. Дождь

едва моросил, и со стороны порта начал наползать удушливый, пропахший порохом туман. Похоже, поиски сбежавшей девушки неожиданно перетекли в полноценный бой, но кто мог противостоять солдатам гарнизона?

Из-за серебристой завесы дождя показалась каменная стена Святилища, украшенная яркими барельефами и фигурными зубцами. Под изогнутой крышей ворот до сих пор висели вылинявшие от дождя и солнца молитвенные флаги. По обе стороны арки, укрытые переносными бамбуковыми тентами, расположились два огневых десятка. Серебристые стволы длинных мушкетов непривычно смотрелись на фоне бордовых кафтанов храмовой стражи. Неужели законоучитель объявил в городе осадное положение? Последний раз Тукуур видел добдобов с огнестрелом пять лет назад, во время вторжения заморских колдунов. Командовал караулом, к удивлению знатока церемоний, не храмовый страж, и даже не армейский наставник, а факельщик Ордена в чёрном кафтане с вышитым на груди гербом Прибрежной Цитадели.

— К кому? — хмуро спросил он, загораживая дорогу.

— К самому, с докладом об убийстве, — отозвался Кумац.

— У него первый гранильщик, — сомнением произнёс факельщик.

— Дело спешное, — с нажимом ответил военный шаман. — И многомудрый Баир тоже захочет нас выслушать.

— Воля ваша, — пожал плечами факельщик. — Они в Зале Созерцания. Там сами доложите, если внутренние пропустят.

За воротами военный шаман сразу свернул с главной дороги на узкую тропу, над которой смыкались кроны высоких катальп. С широких листьев срывались крупные капли. Из густого подлеска то и дело выглядывали каменные скульптуры — безмятежные черепахи, изумлённо-негодующие львы, гордые фениксы. Когда в просвете между деревьями показались резные двери Зала Созерцания, из-за деревьев бесшумно выскользнули две фигуры, закутанные в светло-коричневые плащи с зелёной бахромой. Хранители внутренних покоев молча положили правые руки на рукояти мечей, в левых блеснули метательные звёзды.

— Стражник, сколько ночи? — спросил Кумац у одного из них.

— Приближается утро, но ещё ночь, — глухо отозвался хранитель, и оба бойца растворились в мокрой листве.

Судя по ароматам благовоний и жжёной бумаги, в Зале Созерцания только что закончилась церемония принятия обетов, но в огромном помещении, которое по праздникам вмещало до полусотни шаманов и мирян, было темно и пусто. Только горели огоньки в масляных площадках перед задумчивыми мордами черепах долголетия. Верхушки квадратных колонн, опиравшихся на их крепкие панцири, терялись во мраке. Вырезанные на их гранях стихи Завещания Прозорливого поблёскивали сусальной позолотой. Посреди зала в кресле со спинкой в виде дельфиньего хвоста восседал седовласый законоучитель, справа от него на низкой скамье сторбился, склонив голову на грудь, первый гранильщик. Приблизившись к трону на расстояние восьми шагов, Тукуур и Кумац опустили на колени и совершили восемь простираний — по четыре каждому из старших сановников.

— Билгор Тукуур, нохор Кумац, — бесстрастно произнёс правитель области. — Наш ушедший соратник Темир Буга не раз хвалил ваше усердие.

— Похвала первого плавильщика согревает сердце моего недостойнства, мудрейший Токта, — учтиво ответил знаток церемоний.

— И Вы хорошо воспитаны, — слабо улыбнулся Токта. — Впрочем, иного от сына Айсин Алдара и Бэргэн Найраны я не ожидал. Мне открылось, что Вы обнаружили необычные улики. Так ли это?

"Неужели законоучитель на самом деле обладает частью силы Прозорливого?" — удивлённо подумал Тукуур. — "Или кто-то из стражников успел доложить?"

— Как должно быть известно мудрейшему, — взволнованно начал знаток церемоний, — Нохор Кумац, обнаружил в покоях Темир Иланы сосуд с ядовитой мазью. Сосуд этот ранее принадлежал господину Морь Эрдэни, управляющему компании "Медовая Лоза". Мудрейший Дамдин, посланник Прозорливого, решил, что дочь первого плавильщика нохора Буги воспользовалась мазью, чтобы отравить собственного отца. Затем её сообщник для отвода глаз ударил его кинжалом. Об этом свидетельствует небольшое количество крови, вылившейся из раны.

Законоучитель невозмутимо кивнул.

— Однако Вашим нерадивым ученикам удалось установить, что сосуд положил в тайник своей дочери сам нохор Буга. Об этом свидетельствует отпечаток его пальца на сосуде, следы мази на пальце убитого и следы его ступней в потайной комнате, примыкающей к покоям Иланы.

Старый шаман нахмурился и бросил быстрый взгляд на первого гранильщика. Улан Баир, казалось, дремал, но, почувствовав движение, тотчас же открыл глаза.

— Для чего, по-Вашему, первый плавильщик совершил подобный поступок? — негромко спросил он, подавшись вперёд.

У Тукуура было достаточно времени, чтобы обдумать этот вопрос.

— Билгор Дамдин утверждал, что накануне убийства прислал Буге письмо с требованием выдать ему Айяну, младшую дочь плавильщика. Илана заявила, что её сестра умерла, и я склонен полагать, что она действительно в это верит. Но Дамдин решил, что она обманывает его, и теперь охотится за ней, чтобы выведать, где род Темир прячет своё проклятое дитя. Я думаю, именно этого и добивался нохор Буга. Пока билгор Дамдин тратит время на поиски Темир Иланы, те, кто на самом деле знают тайну, могут скрыться или уйти из Среднего мира, как, по моему мнению, добровольно сделал первый плавильщик.

Законоучитель строго прищурил глаза.

— Значит, таким человеком видит нашего ближайшего соратника билгор Тукуур? — сухо спросил он. — Способным обменять свою обещанную Дракону жизнь и доброе имя своей дочери на тайну девочки-колдуньи? Так ли следует ученику говорить о духовном наставнике?

Знаток церемоний болезненно моргнул, как будто ему отвесили пощёчину, и опустил голову.

— Не будем слишком суровы, — примирительно сказал Улан Баир. — Быть может, не гордыня, а любовь к живой дочери заставляет юношу бросать тень на уже погибшего отца.

Это было ещё хуже. Неужели чувства Тукуура написаны у него на лбу?

Рядом вежливо кашлянул Кумац.

— С позволения мудрейших, излишняя почтительность и доверие к авторитету, а отнюдь не недостойные шамана чувства, туманят суждения моего соратника, — заявил он.

— Излишняя почтительность? — вскинул бровь первый гранильщик, сделав ударение на первом слове. — Любопытно.

— Билгор Тукуур безоговорочно верит словам Улагай Дамдина, — пояснил военный

шаман. — Но мудрейшие, без сомнения, знают, что это человек коварный и преуспевший в обмане, к тому же — давний враг Темир Буги.

Токта едва заметно кивнул, подтверждая слова Кумаца.

— Дамдин опознал содержимое сосуда как ядовитую мазь семи островов, — продолжил младший чиновник. — Но это очень редкое снадобье, и немного людей знает, как оно выглядит. Возможно, нохор Буга хранил в том тайнике какое-то своё лекарство...

— От чего же он тогда умер? — проворчал Улан Баир. — От раны в груди? Что Вы тогда рассказывали нам про кровь?

— Нохор Холлом на допросе показал, что отец подозревал Илану в том, что она навела на его след Дамдина. Сам Дамдин утверждал, что собирался встретиться с нохором Бугой завтра. Но, возможно, встреча прошла сегодня ночью? Илана могла впустить прорицателя в дом и провести в кабинет отца. Полагаю, нохор Дамдин надеялся, что болотный огонь поможет ему подчинить волю господина Буги, но это не вышло. Сегодня я сам видел, как этот шар убил молнией человека, угрожавшего Дамдину мечом. Думаю, это и произошло, и посланнику пришлось заметать следы. А чтобы сообщница не выдала его, он решил обвинить её в убийстве и казнить.

— Ваши речи опасны, юноша, — напряжённо сказал Улан Баир. — Если бы мой сын не видел собственными глазами, как Дамдин в одежде нищего следил за доблестным Бугой, я обвинил бы Вас в клевете на посланника Прозорливого и государственной измене. Но, увы, мы живём в несовершенном мире. Улагай Дамдин, да простят меня духи, — порочный человек, обманом втёршийся в доверие Смотрящему-в-ночь ради личной выгоды. Из этого мы должны исходить.

Для Тукуура эта версия была ещё хуже предыдущей. Илана выдала столичному прорицателю отца и младшую сестру? Или убила отца, чтобы сестру не выдал он? Или, всё-таки, Темир Буга отравил себя и подставил Илану? Каждая из этих возможностей представляла первого плавильщика и его дочь словно в тёмном кривом зеркале. Их образы, открывшиеся знатоку церемоний, были настолько непохожи на те, что он рисовал в своей голове, что впору было посчитать всё происходящее кошмарным сном. К сожалению, когда он тайком ущипнул себя, боль была острой и подлинной, как и холод в коленях от покрытых мозаикой плит.

— Показалось ли вам что-либо странным в поведении прорицателя? — мягко спросил его первый гранильщик.

"Всё!" — подумал Тукуур. — "Всё, от крокодиловой шляпы до болотного огня, от жестов до восточно-горского акцента!" Но Улан Баир явно спрашивал не об одежде и эксцентричных выходках. Он искал что-то, что могло выдать неискренность Дамдина. Знаток церемоний наморщил лоб, напряжённо копаясь в памяти.

— Да, билгор Баир, — наконец, произнёс он. — Дамдин обвинил Бугу в ереси и сокрытии дочери-колдуньи. Но при этом он не прибег к помощи Ордена Стражей и прямо запретил это делать нам. "Я не нуждаюсь в помощи Ордена в этом деле" — так он сказал.

Первый гранильщик одобрительно кивнул.

— Улагай Дамдин добился многого, став посланником неустанно Смотрящего-в-ночь, — задумчиво произнёс Баир. — Но в вопросах ереси и колдовства последнее слово принадлежит Ордену со времен Сугэ Выжигателя Скверны. Такова была воля Прозорливого, изречённая его Пятнадцатым воплощением. Меня тревожит то, что нынешний посланник Прозорливого нарушает священный порядок.

Сухие губы законоучителя недовольно сжалась.

— Подойдите! — приказал он младшим чиновникам.

Кумац и Тукуур быстро подползли на коленях к трону. Старик снял с пояса две бронзовые пластинки и протянул их молодым шаманам. Те взяли их обеими руками, приложили ко лбу и склонились до земли.

— Отправляйтесь с моими оберегами к наставнику городских Стражей, — повелел Токта. — И повторите слово в слово всё, что вы говорили здесь. Идите немедленно!

Младшие соратники встали, ещё раз поклонились правителю области и вышли из зала.

— Нохор Кумац! — обратился к военному шаману Тукуур. — Я вижу, что Вы гораздо больше моего знаете о посланнике Прозорливого. Прощу Вас, развеите моё неведение!

— Улагай Дамдин когда-то был факельщиком Ледяной Цитадели, — с готовностью ответил Кумац. — Не меньше пятнадцати лет назад он оставил Орден или был изгнан из него — об этом говорят разное. После этого присоединился к армии Дракона, и во время вторжения заморских демонов сумел возвыситься, став братом по оружию самого Смотрящего-в-ночь. Многие в войсках считают его неуязвимым шаманом-оборотнем. Как-то раз Дамдин приехал в лагерь и вытрусил из своего халата сплюсненные пули, при этом халат был надет на голое тело. Мой старший брат сам это видел. Говорят, что покойный Буга разоблачил один из подобных фокусов, и за это Дамдин его возненавидел.

— Думаю, тут более глубокая вражда, — покачал головой знаток церемоний. — Слишком велика его ненависть.

— Дамдин жаждет власти, и его власть основана на репутации, — возразил Кумац. — К тому же, обвиняя Темиров в колдовстве и убийстве, он бросает тень на тех, кто допустил нохора Бугу к должности первого плавильщика.

— Вы полагаете, что это не только месть, но и удар по законоучителю?

Военный шаман энергично кивнул.

— Вот увидите, билгор Тукуур: скоро Дамдин покажет нам сообщника Иланы, который после пыток назовёт еретиками и предателями половину старших наставников Бириистэна. Не справедливость и покой, а смуту и разрушение несёт нам этот человек!

Словно в подтверждение речи Кумаца со стороны порта раздался грохот, который уже невозможно было принять за раскаты грома. Чиновники, не сговариваясь, перешли на бег. Они промчались по парку, расплёскивая воду из луж, и выскочили за ворота, едва не сбив с ног начальника караула.

Обнесённое крепкой стеной Святилище стояло на самой вершине Бириистэнского холма, и от его ворот открывался прекрасный вид на реку, но сейчас им трудно было любоваться. Над каменной звездой прибрежного форта поднимался столб густого чёрного дыма. Рядом праздничным костром полыхал старый флагман "Благое усилие". Две морские джонки обстреливали форт и верфи, лавируя после каждого выстрела, чтобы не попасть под ответный огонь. Форт, несмотря на разрушения, злобно огрызался. На глазах Тукуура ядро попало в мачту одной из джонок, обрывки парусов посыпались как листва со срубленного добана. Артиллеристы форта, пользуясь замешательством врага, выстрелили в джонку селитряной бомбой. Корабль вспыхнул и разломился надвое, но вторая джонка тем временем дала ещё один залп, буквально сметая защитников со стен.

Раздался скрипучий крик пернатого бегуна, и из переулка выскочил растрёпанный курьер.

— Асура! — прокричал он. — Старший факельщик Асура!

— Я Асура! — откликнулся начальник караула.

— Начальник стражи приказал выводить ополченцев и младших плавильщиков! Он хочет удержать средний город!

— Все хотят! — сплюнул факельщик. — Гонец! Лети к казармам добдобов, да поднимай служительскую слободу по дороге! Только бы рыбная не взбунтовалась... Бювя!

— Да, командир!

— Пулей к алтарю, бить в набат! Вы двое...

Это уже явно относилось к Тукууру и Кумацу.

— Отправлены законоучителем к наставнику Стражей! — отчеканил военный шаман, перебив слугу Ордена.

— Тогда берите десятков и поднимайте всех по улице Землемеров до самой его башни! И если старый сыч ещё не на баррикадах, гоните его к чёрту с насеста!

Военный шаман стукнул кулаком в грудь и повернулся к добдобам-мушкетёрам.

— В колонну по два! За мной бегом марш!

Тукуур был не лучшим бегуном, но добдобы с их тяжёлыми неудобными мушкетами и меч-рогатинами и не могли бежать быстро. Они тяжело топали по мостовой, то и дело останавливаясь, чтобы постучать в чьи-нибудь ворота.

— К оружию! — кричали они. — Пусть женщины и дети бегут в Святилище! Мужчины — вооружайтесь и идите за нами!

Чем ниже они спускались с холма, тем сильнее Тукуура грызла тревога. Его собственный дом оставался в стороне. Кто предупредит мать и старых слуг? Что выше — сыновний долг или послушание законоучителю?

— Я должен идти к своим! — решившись, крикнул он Кумацу. — Это близко, в двух кварталах! Встретимся у башни наставника!

Военный шаман молча приложил кулак к груди. Ответив ему таким же салютом, знаток церемоний помчался по переулку.

Возле его дома царила непривычная тишина, как будто не было ни утренней погони за Иланой, ни боя в порту. Тукуур толкнул кованую решётку ворот, пробежал по мокрой садовой дорожке, рванул входную дверь и замер на пороге гостиной. Его мать сидела за общим столом с тем особым выражением, с каким в старых шаманских домах встречают непрошеного гостя, а напротив неё вальяжно расположился Улагай Дамдин. Бэргэн Найрана повернулась на скрип двери, но не успела вымолвить и слова, как трое невесть откуда взявшихся солдат преградили знатоку церемоний путь к отступлению. Тукууру оставалась только учтивость, и он церемонно поклонился.

— Для меня великая честь приветствовать в доме Айсинов и Бэргэнов посланника Прозорливого, — хрипло произнёс он. — Но я принёс дурные вести. На город напали пираты, и старший факельщик Асура приказал женщинам и детям укрыться в Святилище. Я прошу мудрейшего не подвергать опасности мою мать и слуг и возжечь боевой дух своих учеников, встав вместе с нами на защиту Верхнего города.

— Защита города для меня — дело первостепенной важности, билгор Тукуур, — нарочито спокойно ответил Дамдин. — Поэтому я взываю к Вашему сыновнему долгу, и призываю без промедления проследовать с моими людьми в старую крепость. Тогда я смогу, не теряя времени, принять командование гарнизоном. Иначе...

Он взмахнул рукой. Болотный огонь, прятанный в углу, вылетел на середину комнаты и угрожающе загудел. Мать Тукуура сжала губы и мотнула головой, но знаток церемоний

лишь устало ссутулился. Он слишком хорошо помнил дымящийся труп Санджара.

— Я подчиняюсь, — поднял руки Тукуур. — Но требую исповеди перед наставником Стражей.

— Сначала — город, — отрезал Дамдин. — Потом Вы расскажете мне, где искать Темир Илану. А после этого можете замаливать свои грехи хоть до нового воплощения Прозорливого.

**

Илана брела по улице рыбацкой деревни. В одной из сушившихся на берегу лодок ей удалось найти дырявый матросский плащ и грубый костяной нож, которым она кое-как обрезала свою косу. Теперь, нахлобучив снятую с огородного пугала соломенную шляпу, она вполне могла сойти за юношу. Беглянку всё ещё выдавал городской говор, но постепенно в её голове сложилась легенда, которая могла его объяснить. Главное — не говорить слишком много.

У дверей местной корчмы скучали два добдоба. Увидев их, Илана вздрогнула и едва не повернула в другую сторону, но вовремя взяла себя в руки. Эти стражники ещё не могли знать, что произошло в городе, а так она их точно спровоцирует. Опустив глаза, беглянка зашла внутрь, надеясь, что там не сидит владелец её плаща.

В закопченном зале за истёртыми и изрезанными столами ели и пили загорелые рыбаки. Они вполголоса переговаривались, изредка бросая быстрые взгляды в угол, где за отдельным столиком пристроился грузный шаман в потёртом светло-коричневом кафтане младшего служителя. Чиновник курил глиняную трубку, изредка выпуская колечки сизоватого дыма. Перед ним стояла миска с недоеденным рисом и поднос с молодыми побегами тростника. Когда Илана вошла, шаман взглянул в её сторону отсутствующим взглядом, и вновь сосредоточился на трубке.

Стараясь не глядеть по сторонам, беглянка подошла к прилавку.

— Хозяин, мне бы риса с рыбой, да чего-нибудь промочить горло, — как можно более хрипло сказала она.

— Сделаем, — откликнулся полный мужчина с моржовыми усами, и спросил как бы невзначай: — Давно на берегу?

Илана болезненно поморщилась. Харчевщик — главный поставщик сплетен в деревне, но она готовилась к расспросам.

— С тех пор, как «Шестипалый» налетел на рифы, прими Дракон его капитана, — ответила она. — Теперь прощай, океан!

Харчевщик понимающе кивнул. Считалось, что выжившие матросы с утонувших кораблей приносят несчастье, и шансов снова наняться в команду у них почти не было.

— Зато ты жив, и за это стоит выпить, — ухмыльнулся он, доставая бутылку рисового самогона и глиняную пиалу, которая в благородном доме служила бы поилкой для кошки.

Задержав дыхание, Илана проглотила жгучую бурду. На глаза навернулись слёзы.

— Киты и Бездна! — проворчала она. — Два года под парусами, а пить так и не научился!

— Из книжных, что ли? — подмигнул харчевщик.

— Помощник лекаря, — кивнула беглянка. — У вас, часом, никто не хворает?

— Милостью духов, ничего серьёзного, — ответил хозяин корчмы, и, понизив голос,

добавил: — Наш шаман конкурентов не жалуёт, так что ты не нарываешься.

— Этот что ли? — спросила Илана, указав глазами на курильщика.

— Нет, — махнул рукой харчевщик. — Это помощник казначея из Белой Крепости.

Ведёт баржу с рабами для строек Прозорливого. Сегодня отчалит со своими разбойниками.

— А попугчика не возьмёт? Я как раз думал податься на восточное побережье.

— Попытай счастья, если не брезгуешь, — пожал плечами хозяин. — Только не говори, что с «Шестипалого». Речники тоже выплывших не жалуют.

Поблагодарив хозяина за совет, Илана подошла к столику толстого чиновника.

— Да хранит Стальной Феникс Ваш путь, билгор! — церемонно произнесла она.

Шаман посмотрел на неё со смесью раздражения и любопытства. К счастью, любопытство взяло верх.

— Да благословят духи и тебя, юный соратник, — ответил он. — Что побудило тебя обратиться ко мне бесталанному?

— Я хотел просить о благодеянии, — скромно сказала Илана.

Раздражение вернулось во взгляд чиновника, он явно подыскивал вежливый эквивалент фразы «проваливай, не подаю».

— Мой дух стремится туда, где Гремящая впадает в океан, — поспешила пояснить беглянка. — И я слышал, что долг ведёт Вас, многомудрый соратник, в ту же сторону. У меня совсем немного денег, чтобы заплатить за проезд, но уверяю Вас, я не стану в пути обузой.

Шаман расслабился, поняв, что у него не просят подаяния, но было видно, что он не хочет брать на борт незнакомого оборванца.

— На барже тесно и грязно, юный... Как, говоришь, тебя зовут?

Это был хороший знак. Нет нужды знать имя собеседника, чтобы сказать решительное «нет».

— Морин Санджар... — назвала она имя человека, отдавшего за неё жизнь.

«Да примет Дракон твой дух, старый друг. Надеюсь, ты не против спасти меня ещё раз».

— ...знаток внутренней гармонии восьмого ранга.

Она скинула один ранг, чтобы не будить зависть служителя, которому вряд ли светило повышение. Да и спрос с ученика поменьше.

— Лекарь, значит? — хмыкнул толстяк. — Что же, лекарь в пути лишним не будет. Давай, сколько там у тебя есть и собирайся: через два часа отчаливаем.

Илана выложила на стол десять средних щепок, предусмотрительно оставив себе мелочь. Шаман вздохнул, пробормотал что-то на счёт подающего от скудости своей, и спрятал деньги в кошель.

— Воды набери в дорогу, — посоветовал чиновник. — До самого острова Гэрэл вода дрянная. Да и потом не лучше, — со вздохом добавил он.

**

В низкой сырой камере пахло плесенью и мочой, где-то недалеко пищали крысы. По скользкой стене медленно ползал крупный геккон.

— Будешь говорить? — рыкнул с порога Максар, освещая факелом лицо пленника.

Морь Эрдэни лежал на деревянной скамье, его глаза покраснели от слёз и бессонницы, лицо кривилось в болезненной гримасе.

— Буду... — просипел он. — Только... снимите... эту гадость!

— Снимем, когда всё расскажешь, — пообещал воин, легонько стукнув по лежавшей на животе пленника деревянной пиале.

Потревоженная сколопендра зашуршала внутри, торговец заскулил, как потерявшая хозяина собака. Холом скосил взгляд на Дамдина. Тот стоял молча, скрестив руки на груди, погружённый в свои мысли. Возможно, до сих пор гадал, с этого ли пленника стоило начинать.

— Где вы прячете проклятое дитя Буги? — снова спросил Максар, дождавшись, когда сколопендра успокоится.

— Знает... только Илана, — прошептал Эрдэни.

— Допустим. Кто составляет Хор Безликого в Бириистэне?

— Каждый... знает...

Сколопендра снова завозилась, и шёпот перешёл в стон.

— Скинь её, иначе мы так три года потратим, — хмуро процедил Холом.

Максар посмотрел на дворцового прорицателя, но тот покачал головой. Улан Холом недовольно скривил губы и дёрнул плечом. Он понимал необходимость пыток и их внутреннюю логику, но от этого они не становились менее мерзкими.

— Знает что?! — прорычал Максар, проведя клинком над пиалой.

— Только двоих! Без масок! — выкрикнул Эрдэни.

— И ты знал Бугу и Илану?

— Только Илану... и капитана... "Пестрого вьюрка", — задыхаясь от жжения, выдавил пленник.

— Как узнал про плавильщика?!

— Передали... приказ...

— Снимите сколопендру, нохор Максар, — внезапно произнёс Дамдин.

Дзамэ Максар поддел мечом пиалу, и освобождённая сколопендра метнулась в тёмный угол, но геккон с неожиданным проворством развернулся и выстрелил липким языком. Раздался влажный хруст.

— Спасибо... мудрейший! — со слезами прошептал торговец.

— В качестве благодарности потрудитесь вспомнить, — сухо сказал прорицатель. — Всех, кто входил в Хор. Голоса, жесты, походка, комплекция тела... Только лгать не стоит. Я это почувствую, и найду вам новую многоножку, позлее.

Эрдэни вздрогнул.

— Мы все носим балахоны, — быстро зашептал он. — Широкие, чтобы скрывать фигуру. И движемся так, как будто плывём. Нас учили, показывали видения из ларцов. Чтобы никто не узнал других. Но балахоны — они разные. Есть шёлк, есть хлопок, есть совсем грубые. Я-то знаю толк в тканях. В Хоре и рабы, и старшие соратники. А голоса... Нас учили говорить так... Знаете, как горловое пение!

— Этого мало! — сурово бросил прорицатель. — Эй, стражник! Тащи ещё одну! Нашему гостю нужно освежить память.

— Не надо! — крикнул торговец. — Я только собирался сказать! Поют они по-разному! Кто-то плохо, как я, а кто-то — будто всю жизнь пел! Сильные шаманы, из старших соратников, сразу слышно! А одного, самого важного, мы каждый праздник слышим! Только вид делаем, что не узнаём... Ведь кто поверит, что сам Токта — певец Хора? А если поверит — живо на дыбу попадёт, и ты вместе с ним...

Дознаватели переглянулись.

— Ожидаемо, — заметил прорицатель. — Кто мог поставить женатого на ведьме человека первым плавильщиком?

— Слишком ожидаемо, — покачал головой Холом.

— Поэтому пусть ещё подумает, — в компании со сколопендрой, — кивнул Дамдин. — Идёмте, соратники.

Стараясь не слушать мольбы и вопли торговца, Холом поспешно вышел из камеры.

— Значит, ключ к маленькой колдунье — её сестра, — задумчиво произнёс прорицатель. — А ключ к сестре — ваш товарищ Тукуур...

Страж тихо вздохнул. Где-то в глубине души свербило сознание того, что именно он отправил знатока церемоний в застенки старого форта.

— С позволения мудрейшего, я хотел бы попробовать привлечь его на нашу сторону, — неуверенно произнёс Холом.

— Ценю Ваше предложение, нохор, но я справлюсь с этой задачей куда лучше, и, к тому же, не выдам Вашей роли в этом деле, — чуть насмешливо отозвался Дамдин. — Ждите меня наверху, и через час вы увидите чудо!

Младшим соратникам осталось только отсалютовать и направиться к выходу из подземелья.

— Что он имел в виду? — спросил Максар, когда они поднимались по винтовой лестнице.

— У него свои секреты, — пожал плечами Холом, и поморщился от боли в повреждённом ухе. — И меня уже от них мутит, как и от этой тюрьмы. Пойду, прогуляюсь по стене.

— Думал, у Стражей кишки покрепче, — хохотнул воин.

Улан Холом не удостоил его ответом и выскользнул через узкий проход на галерею над крепостными воротами. Да, у каждого были свои секреты, но старая крепость строилась специально, чтобы их выведывать, и у неё было несколько сюрпризов, о которых не знали ни Дамдин, ни Максар. Пройдя по стене к противоположной башне, страж протиснулся в пушечную бойницу, и оказался в глухой комнатке без единой двери. Пошарив по полу, Холом отковырнул шатающийся камень и повернул спрятанное под ним кольцо. Что-то глухо щёлкнуло, и в стене появилась заметная щель. Толкнув потайную дверь, юный страж нырнул в темноту.

Когда дверь за ним защёлкнулась, Улан Холом достал трут и огниво. Пропитанный селитрой хлопок легко вспыхнул, три крупные крысы с возмущённым писком отбежали в тёмный угол. Стражу очень хотелось отвесить им пинка, но жирные твари в отместку могли и укусить. Умереть от какой-нибудь гнилой хвори он пока что не собирался. Холом быстро, пока не прогорел трут, подошёл к противоположной стене, из которой в ряд торчали заткнутые пробками глиняные горловины, и, отсчитав полтора десятка, вынул пробку.

— ...что мне нечего Вам сказать, — послышался из потайной трубы приглушённый, но узнаваемый голос Тукуура.

— Вы мне симпатичны, билгор Тукуур, — ответил ему Дамдин, — но у меня нет времени Вас убеждать. Как, впрочем, и нет времени Вас пытаться, поэтому можете считать, что Вам повезло. Вы послужите моим целям, хотите того или нет. Но, если Вы послужите мне хорошо, то станете и причастником моей славы. Не утруждайтесь отвечать.

Послышался шорох ткани.

— Вы слышали когда-нибудь о незримых веригах? — снова раздался голос прорицателя.

Улан Холом чуть не поперхнулся. Выдавать величайшую тайну Ордена простецу? Немыслимо! От такого кощунства у него зазудело левое предплечье там, где сухая и тёплая, как змеиная кожа, плоть вериг срасталась с его собственным телом.

— Каждый ученик Ордена носит одну такую ленту, мастер — вторую, — невозмутимо продолжал Улагай Дамдин. — Уверенность мастера, его реакция, его воля отныне живут в теле ученика. Чувства ученика, его стремления, желания становятся открыты мастеру. Когда мастера видят, что воля ученика и воля Ордена — одно и то же, старый мастер отдаёт вторую ленту ученику. Отныне он — мастер Ордена и свободный человек, если можно быть свободным от самого себя.

— Значит, Вы — мастер Ордена? — тихо спросил Тукуур.

— В какой-то мере, — промурлыкал Дамдин. — Правда, моего мастера убил твой друг Буга, и я получил свою ленту немного раньше срока.

— Вы совсем не боитесь, что я выдам Вас стражам, — упавшим голосом сказал знаток церемоний. — Значит...

— Значит, Вы всё это забудете. — прервал его прорицатель. — Сейчас будет больно.

Вопль Айсин Тукуура отдался болезненным эхом в раненом ухе Холома. "Какой позор", — подумал он, сжимая кулаки. В памяти всплыл тот день, когда он стоял в часовне Прибрежной Цитадели, окружённый боевыми братьями. Сам кастелян, мудрейший и опытнейший Гаца Юкук, обнажил перед ним левое плечо и, проколов палец остриём кинжала, кровью написал на своей ленте тайное слово. На глазах ученика участок кожи мастера покрылся маленькими серебристыми чешуйками. Узкая лента, похожая на кожу стальной змеи, сползла с предплечья мастера в благоговейно сложенные ладони ученика.

— Принимаешь ли ты волю Ордена как свою собственную и этих людей как кровных братьев? — спросил кастелян.

— Принимаю! — эхом отозвался Холом.

— В руках твоих цепь, и ты отныне — якорь! Будь стойким и храни корабль Ордена от бурь! Пусть волны житейского моря не поколеблют тебя. Вростай в дно так же крепко, как незримые вериги вырастают в тебя!

Холом готовился к этому дню, изнуряя себя усерднее прочих. И когда змеиная кожа острыми когтями вцепилась в его предплечье, он не проронил ни звука.

А Тукуур был потерян. Теперь он — марионетка в руках вора и предателя. "Тебе не уйти от меня, Улагай Дамдин", — зло подумал Улан Холом. — "Крадущий тайны Ордена обручается смерти!"

Звук льющейся воды прервал его мысли. Похоже, прорицатель окатил Тукуура из ведра.

— Что... Где я? — слабо спросил пленник.

— Что Вы помните последним, билгор Тукуур? — спросил Дамдин.

— Я зашёл домой предупредить родных... Вы были там... Где мы? Город выстоял? Что с моей матерью?

— Город выстоял. Ваши родные в безопасности, но Вы получили контузию на баррикадах, и мы отнесли Вас в старый форт. Вы — в каземате южного бастиона. Смахивает на тюрьму, да это она и есть, но комнаты получше заняты тяжелоранеными. Вам повезло — многим досталась земляная яма.

— Проклятие, — пробормотал знаток церемоний. — Я должен был что-то сделать... Что-то важное. Да, конечно! Законоучитель отправил меня с донесением к наставнику

Стражей! Я должен немедленно его увидеть!

— К сожалению, — с горьким вздохом ответил посланник Смотрящего-в-ночь, — мастер Зориг не пережил нападения пиратов.

— А Кумац? Младший плавильщик Кумац? Он еще нашёл сосуд с мазью в доме Буги, помните?

— Я наведу справки, — озабоченно произнёс Дамдин. — Башня наставника сгорела дотла, в ней нашли несколько тел. Возможно, Ваш товарищ погиб там. Теперь получается, что я — старший мастер Ордена в Бириистэне.

"Нет, лисово отродье!" — гневно подумал Улан Холом. — "Это я теперь старший слуга Ордена в Бириистэне! И те, кто убил остальных, горько заплатят!"

— Вы — человек Ордена? — растерянно спросил Тукуур, совсем не помня, что он уже спрашивал это пять минут назад.

— Вот перстень Ледяной Цитадели, — гордо ответил прорицатель. — Вы можете доверить мне всё, что поручил Вам мудрейший Токта.

Страж затаил дыхание. Что связывало законоучителя с Орденом, и причём здесь Тукуур?

— Я и нохор Кумац обнаружили потайную комнату в доме Темир Буги. Из неё был доступ к тайнику Иланы. В самой комнате были только следы Буги, на сосуде — только его отпечатки. Я решил, что нохор Буга совершил самоубийство, а Вас направил по ложному следу... Но...

Знаток церемоний внезапно умолк.

— Говорите! — жёстко приказал Дамдин.

— Нохор Кумац сказал... Что это Вы убили его с помощью болотного огня. Что Вы обвинили Бугу и его дочь в ереси из мести, а ещё — чтобы сместить того, кто его назначил... Чтобы захватить власть в городе!

— Волчья шерсть! — искренне выругался посланник Прозорливого. — Уверю Вас, что не делал этого. А вот Кумац, похоже — сообщник врага. Тем больше поводов его найти!

— Я чувствую, что обязан Вам чем-то помочь, — неуверенно сказал знаток церемоний.

— Да, но не в этом. Я хочу, чтобы Вы нашли младшую дочь Темир Буги.

— Но я на самом деле не знаю, где она! — воскликнул Айсин Тукуур. — И я...

Он замялся. Холом почти чувствовал, как давит на его сознание Дамдин через ещё неокрепшую связь незримых вериг.

— Я не хочу быть причиной её смерти, — твёрдо заявил знаток церемоний. — Проклятие, как же рука ноет! Контузия, Вы сказали?

— Я тоже не хочу, — поспешил успокоить его прорицатель. — Мои фанатичные братья из Прибрежной Цитадели, несомненно, хотели бы увидеть и убить последнего колдуна. Но я здесь — не только наставник Ордена, но и голос Смотрящего-в-ночь. А для него эта девочка — драгоценный ключ от лучшего будущего нашего государства. Многие хотят добраться до неё, но только в руках Прозорливого она будет в безопасности. Проявите себя его истинным соратником, опередив недостойных!

— Я постараюсь, — смущённо ответил Тукуур. — Но я почти уверен, что охотиться за Иланой бесполезно.

— Вы ошибаетесь, — возразил Дамдин. — Если она невиновна, то может стать для Вас ценным союзником. Если же виновна, то приведёт прямиком к цели. Когда найдёте её — в любом случае объявите, что обвинения с неё сняты. Для этого Вы и искали её, прежде всего.

— Я не знаю, с чего начать... — растерянно пробормотал знаток церемоний.

— Расспросите знакомых. Может быть, Ваш отец видел девушку в порту. Может быть, кто-то другой. Подумайте. Я дам Вам свой светильник... — последние слова прорицатель сказал так, как будто его вдруг осенила отличная идея.

— Светильник? — недоуменно спросил Тукуур. — Болотный огонь?

— Да, да, именно! — с энтузиазмом ответил посланник Прозорливого. — Со временем Вы, быть может, научитесь его понимать... Но не будем терять времени! Идёмте, Вас ждут друзья!

Раздался скрип решётки, и Холлом поспешно заткнул слуховую горловину. Следовало вернуться до того, как Дамдин и Тукуур поднимутся в башню.

--

[1] Залгиур — мера длины, примерно равная длине средней фаланги указательного пальца — 1 китайский цунь или 3,3 сантиметра.

Стратегема 4. Подливать масло в огонь

Пунцовое от негодования Светило спешило скрыться за холмами и перелесками, чтобы не видеть людского бесчестья. Лёгкий бриз нёс с собой запахи тины и горелого хлеба: на берегу до сих пор тлели склады с мукой. Глядя с верхней площадки главной башни на руины и пепелища, в которые за пол-дня превратился процветающий порт Бириистэна, Улан Холом пытался понять, как рядовой арест средней руки торговца превратился в подобную катастрофу. Чья злая воля погрузила этот тихий город, надёжный оплот Ордена, в пучины хаоса и мятежа? Лечебная мазь под повязкой немилосердно жгла раненое ухо, но даже это было куда приятнее тупой боли, которая деревянным сверлом вгрызалась в основание черепа, парализуя мысли и чувства. Тукуур, которого Улагай Дамдин только что заставил ещё раз рассказать о следах и отпечатках Буги, выглядел не лучше. Знаток церемоний заворожённо разглядывал найденную в доме Морь Эрдэни маску жреца Безликого — белое фарфоровое лицо с неестественно большими глазами. Время от времени он морщил лоб, как будто прислушивался к чьему-то шёпоту. Светящаяся сфера вилась вокруг его головы, мерцая и переливаясь всеми цветами радуги. Её сполохи отражались в венке из серебряной проволоки, украшенном жёлтыми камнями, — знаке высокого сана Эрдэни среди сектантов.

Дворцовый прорицатель расхаживал взад-вперёд по площадке, не обращая внимания на разложенные перед ним трофеи.

— Рассказ нашего друга Тукуура не оставляет сомнений: враги хотят против меня правителя Бириистэна и, конечно, Орден.

Дамдин говорил отрывисто и резко, как принято среди армейских командиров. Протяжный восточно-горский говор пропал как будто его и не было.

— Буга подставил старшую дочь и привёл нас к Морь Эрдэни, — продолжил Дамдин. — Торговец, я уверен, специально приказал сообщникам завязать бой со стражей. Не сомневаюсь: нужные люди с той стороны уже обставили дело так, будто мы напали на склады первыми.

— На складе была древесина дикого васанга, — хмуро заметил Максар. — Рубить его — государственное преступление.

— Только для мирян, — отмахнулся прорицатель. — В случае с Орденом всё сложнее, а это был груз Ордена, не так ли? — он внимательно посмотрел на Холома.

— Волей Смотрящего-в-ночь, воплотившегося в девятнадцатый раз, "Медовая Лоза" полностью принадлежит Ордену, — поддакнул Максар. — Такая крупная партия не могла пройти мимо глаз бдительных.

— Не всем боевым братьям чужда корысть, — пожал плечами Холом.

— Довольно об этом, — поморщился Дамдин. — Если бы пострадал один этот склад, мы могли бы сыграть на сомнительной природе товара. Но выгорело пол-порта и башня наставника в придачу. Орден совсем несложно будет убедить в моей злонамеренности.

— Особенно, если на стороне Ваших врагов будет законоучитель, — кивнул Дзамэ Максар.

— Если Эрдэни намеренно попал к нам в руки, он мог специально оговорить мудрейшего Токту, — покачал головой юный страж.

— Мог, — согласился Дамдин. — Но по вашим же словам Эрдэни пытался бежать, и только ловкость храброго Максара помешала ему. К тому же, посудите: кто должен был

наводить справки о новом плавильщике? Кто обязан был заинтересоваться его женой?

— Госпожа Аси выглядела... обычно, — произнёс вдруг Тукуур. — Такие женщины встречаются в старых семьях прибрежных шаманов.

— В старых семьях, — с усмешкой повторил Дамдин. — Все старые семьи побережья восходят к жрецам Безликого, юноша. Запомните это. Их светлоглазые дети — под особым надзором Ордена, не так ли, нохор Холом?

— Наставник Стражей обязан был провести проверку, — согласился Улан Холом.

— Но не провёл! — поднял палец прорицатель. — Я говорил с проницательным Гацей за три дня до убийства. В его архиве пусто!

— Такое возможно, если правитель области провёл собственную проверку и выдал устное поручительство, — отбарабанил Тукуур, словно цитировал свод законов по памяти.

— Верно, — одобрительно кивнул Дамдин. — Гаца стал наставником три года назад, а вот Токта правит бессменно уже полтора больших цикла!

Нехорошее предчувствие острой занозой пронзило сердце Холома. Он не знал, каким был законоучитель Токта тридцать лет назад, но сейчас он точно не стал бы проводить никаких проверок лично. Правитель Бириистэна любил показать себя великим молитвенником, просиживая шаровары в Зале Созерцания и проводя бесчисленные ритуалы, ради которых учеников сургуля постоянно отвлекали от занятий. Профанной работой занимались исключительно его помощники. И в прошлом, как и сейчас, мирской и духовной канцеляриями заведовал первый гранильщик. Отец Холома Улан Баир.

"Кто ему скажет об этом первом?" — думал страж, поглядывая на своих товарищей. — "Ручной филин или цепной пёс?"

Но взгляд Тукуура снова подёрнулся туманом, а Максар странно притих. Может быть, хотел оказаться наедине с посланником Прозорливого?

— Мне нужно завтра же встретиться с Токтой, — решительно произнёс Дамдин. — Возможно, удастся усыпить его бдительность. Или развеять страхи, если он невиновен. Но сначала нужно снова навестить почтенного Эрдэни.

Холом почувствовал, как колдовской пульс прорицателя забился чаще, передавая безмолвный приказ знатоку церемоний. Тукуур вздрогнул.

— С позволения мудрейшего, я хотел бы навестить родных, — виновато пробормотал он.

— Конечно, билгор Тукуур, — улыбнулся Дамдин. — Вы достаточно помогли нам сегодня. Ступайте с моим благословением.

"Проверяет силы", — решил страж, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица.

Совесь вновь больно ужалила его. Он и только он был виновен в том, что разум Тукуура в плену у злодея! Но что Холом мог противопоставить тайным знаниям Дамдина и мощи незримых вериг? Он отвернулся, и вдруг почувствовал сквозь ткань потайного кармана жёсткую грань подаренного отцом амулета. Прогнав с лица злорадную усмешку, он повернулся спиной к остальным и, сделав вид, что снова осматривает руины порта, быстро достал чешуйку Дракона.

Айсин Тукуур подошёл к люку, из которого торчал конец лестницы, немного постоял на краю и начал спускаться. Колдовская сфера прорицателя нырнула за ним. Немного помедлив, Улагай Дамдин и его спутники последовали за знатоком церемоний. Спустившись этажом ниже, дворцовый прорицатель быстро обогнал своего нового раба и быстрым шагом направился к широкой лестнице, которая вела в подземную темницу.

Максар поспешил за ним, а Холом приотстал, преградив путь Тукууру. Знаком церемоний остановился и посмотрел на него мутным взглядом.

— Да сохрани тебя Великий Дракон, — сочувственно произнёс Холом.

Он надел амулет на шею товарища, спрятав его под кафтан, поправил ему воротник и легонько подтолкнул в сторону выхода. На мгновение взгляд Тукуура стал чуть более осмысленным. Он благодарно кивнул и хотел что-то сказать, но снова замер с приоткрытым ртом, прислушиваясь к чему-то. Холом вздохнул, и побрёл догонять Дамдина.

Подземелье встретило его затхлым дыханием и скрипом замков, но стоны и вскрики пленника смолкли. Посланник Прозорливого нахмурился и ускорил шаг. Холом поспешил за ним, но через несколько шагов остановился, ухватившись за осклизлые камни. Голова раскалывалась, перед глазами поплыли разноцветные круги. Борясь с тошнотой, страж словно далёкое эхо слышал гневный голос Дамдина, но не смог разобрать слов. Что-то глухо звякнуло и покатилося по полу, раздался испуганный вскрик и глухой удар.

— Стража! — проревел прорицатель, выскакивая в коридор.

Стараясь не столкнуться с бегущими на его зов солдатами, Холом кое-как доковылял до камеры. Эрдэни с почерневшим лицом раскинулся на скамье как старая тряпичная кукла. Рядом с ним Максар с гримасой испуга и отвращения на лице вытирал керамический сапог о грязную циновку. Геккон забился в угол и таранился оттуда жёлто-оранжевыми выпученными глазами. Подойдя ближе, страж разглядел на полу останки крупной красночёрной сколопендры.

— Позлее... — успел прошептать он, но тут тошнота взяла своё.

Зловонный букет подземелья пополнился запахом желчи.

— Волчья шерсть! — прохрипел Холом, вытирая губы рукавом.

— Идём отсюда, — поморщился Максар. — Здесь больше делать нечего.

Воин подхватил товарища под руку и вытащил в коридор, где бушевал Дамдин.

— ...всех заколдую, будете бегать на четвереньках и жевать траву! — обещал он ошалелым стражникам.

Те только втягивали животы и пучили на прорицателя глаза, ещё менее осмысленные, чем у геккона.

— Какой идиот додумался принести пленнику огненную чешуйницу? — поинтересовался Максар.

— Очень ловкий идиот, — тихо пробормотал страж. — И провалиться мне, если он ещё здесь.

Накатил новый приступ головокружения. Холом попытался опереться на товарища, но тот как раз выпрямил руку, и страж шлёпнулся на четвереньки как лягушка. Дамдин резко обернулся на звук.

— Вы касались сколопендры? — раздражённо спросил он.

— Нет, — слабо ответил Холом, пытаясь подняться.

— Последствия контузии, — пояснил Максар, снова подхватив его под руку.

Прорицатель глубоко вдохнул, помолчал и снова повернулся к стражникам.

— На плац, живо! — скомандовал он.

Солдаты ринулись к выходу.

— Нохор Максар! — устало произнёс Дамдин. — Отведите нохора Холома в лазарет, а затем соберите десяток солдат, в которых Вы лично уверены. Сегодняшнюю смену темничной стражи — под арест! Мастера ядов — туда же. Подготовьте список всех, кто с

ними так или иначе связан.

— Может, привлечь факельщиков? — спросил Холом.

— Я не доверяю их временному командиру, — проворчал посланник Прозорливого. — Если Вы в состоянии командовать — другое дело.

— Он на ногах еле держится, — фыркнул Максар, не дав стражу ответить. — Куда ему командовать?

— Согласен, — кивнул Дамдин. — Ступайте к лекарю, нохор Холом! Когда придёте в себя, соберите тех факельщиков, в которых, опять же, уверены лично. Выясните, кто такой Кумац, не связан ли он с Темир Бугой или Морь Эрдэни...

— С первым плавильщиком связана половина офицеров гарнизона, — проворчал Максар. — Он тренировал и меня, и Холома.

— Естественно, — поморщился прорицатель. — Какая удобная должность для заговорщика... Всё равно разузнайте про этого Кумаца всё, что сможете.

— Непременно, мудрейший, — пообещал Холом и двинулся к выходу из подземелья.

Когда два товарища поднялись на стену недалеко от главных ворот, ветер переменялся, и горький дым снесло в сторону шаманских кварталов. Теперь воздух пах сушёной рыбой и прелыми листьями, но после темничного смрада даже эти запахи казались священными благовониями.

— Кто же мог убить Эрдэни? — задумчиво пробормотал Максар.

— И почему он не сделал этого раньше? — добавил Холом. — Что стоило сразу принести огненную чешуйницу?

— Это-то понятно, — возразил воин. — Кто-то услышал, что Эрдэни рассказывает про песни Токты в Хоре Безликого, и решил устранить свидетеля. А сначала они думали, что он не может выдать никого кроме Иланы и капитана, который на дне бухты кормит крабов.

Холом нахмурился.

— Если прав Тукуур, Илана — ложная цель. Эрдэни мог продавать ей лекарства со скидкой, чтобы мы уцепились за эту связь, но на самом деле её нет.

— Возможно, ты был прав, — признал Максар. — Когда сказал, что Эрдэни намеренно попал в плен. Он выполнил свою задачу, указал на законоучителя, и сообщники помогли ему умереть. Только вот на что они рассчитывали? Что мы поверим ему или не поверим?

— О чём ты? — поморщился Холом. — Говори яснее, я сейчас почти не соображаю!

— Если законоучитель — певец Хора, то он знает о выводах Тукуура. Он знает и о том, что прорицатель арестовал Тукуура. Наш друг не похож на человека, который стойко переносит пытки, да и запирается ему, в общем-то, незачем. Если только он не слуга Безликого...

— Нет, — уверенно сказал страж. — Тукуур — не член Хора.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво прищурился Максар.

Холом мысленно проклял контузию и несвойственную ему болтливость.

— Дамдин околдовал Тукуура с помощью своего болотного огня, — нашёлся он. — Если бы наш друг был сектантом, он уже сознался бы в этом.

— Может и сознался, — пожал плечами Максар. — Там, в подземелье.

— Если так, то Дамдин нам не доверяет.

— А ты ему доверяешь? — сурово спросил воин.

Холом ядовито фыркнул, но тут же пожалел об этом. Звук ударом палицы отдался под черепом. Страж отвернулся и подставил лицо речному ветру, стараясь не глядеть вниз,

чтобы не кружилась голова. Максар буравил ему спину взглядом, но в борьбе за внимание товарища не мог тягаться с проклятой контузией.

— Я даже себе не верю, — буркнул, наконец, Улан Холом. — А ты?

— Обязан доверять, — усмехнулся воин. — Таков путь доблести.

— Он заколдовал Тукуура, — напомнил Холом. — Подчинил себе его волю. Такое умеют только слуги живых камней.

— Ты их видел хоть раз? — фыркнул воин.

— Хамелеонов? — переспросил страж. — Приходилось. На острове Гэрэл у них торговая миссия.

— Я тоже их пару раз видел, — проворчал Максар. — И ничего колдовского кроме мерзкого взгляда не замечал. А Тукуура, позволь напомнить, сдал прорицателю именно ты.

— Был обязан, — с сарказмом ответил Холом. — Таков уж путь стража.

— Его можно вернуть? — за угрюмым тоном воина пряталось беспокойство. — Расколдовать как-нибудь?

Страж по привычке пожал плечами и снова скривился от боли.

— Только мастера Цитадели ответят на этот вопрос. А Дамдин не горит желанием к ним обращаться.

— Если законоучитель еретик, он найдет способ очернить перед ними посланника, — возразил Максар.

— Если законоучитель еретик, — повторил Холом, — завтрашняя встреча может закончиться плохо.

— Я думал об этом, — кивнул воин. — Возьму три десятка солдат на случай неприятностей.

— Хотел бы я увидеть, как пройдет встреча, — вздохнул страж. — Но лекарь вряд ли выпустит меня из дома.

— Ты нужен нам здоровым, так что слушай лекаря, — ответил Максар.

Подозвав двух солдат, воин поручил им проводить Холома домой, а сам отправился выполнять приказы Дамдина.

Осторожно ступая по скользким камням мостовой, страж напряжённо обдумывал ситуацию. Он тоже был полон дурных предчувствий о завтрашнем дне, но не был уверен, от кого исходит угроза. Кто из военных шаманов прав — Максар или Кумац? Что если Дамдин посланник не Прозорливого, а Хора? Ведь вполне возможно, что Темир Буга не был сектантом. Может быть, у него действительно родилась дочь с грозой в сердце, и он скрыл её от Ордена. Такие случаи не были редкостью: бледные дети-колдуны неестественно сильно привязывали к себе родителей. Что если Дамдин хотел добыть для Хора двух белок — девочку и город? Обвинить в ереси первого плавильщика и законоучителя, арестовать их именем Смотрящего-в-ночь и воцариться в Бириистэне, превратив его в убежище для колдунов. Но тогда Морь Эрдэни был сообщником Дамдина, и его смерть плохо вписывалась в план. Зачем убивать того, кто громко и во всеуслышание обвинит твоих врагов на суде?

С другой стороны, возможно, что слуги Безликого решили воспользоваться визитом столичного прорицателя, хорошо зная его характер. Они знали, что Дамдин подобно слону в посудной лавке сначала перебьёт весь фарфор, и только потом начнёт рассматривать кусочки. Тогда Эрдэни должен был настроить его против Токты, а Кумац — проделать ту же работу с другой стороны.

Но кто бы ни стоял за убийствами и погромами, он одним махом обезглавил городское

подразделение Ордена Стражей. Мятежники убили наставника и сожгли его башню вместе с архивом, почтовыми птицами и списком тайных агентов. Метким выстрелами были убиты на баррикадах старший факельщик Асура и свеченосец Бадма. Холом понятия не имел, кто командует уцелевшими факельщиками и почему ему не доверяет прорицатель. Впрочем, Дамдин, укравший секрет незримых вериг, имел все основания бояться любых служителей Ордена. Обе джонки "Медовой Лозы" отправились на дно, и Холом был уверен, что сообщники Эрдэни сделают так, чтобы другие корабли торговой компании какое-то время держались подальше от Бириистэна. Единственная организация, способная восстановить порядок и справедливость в городе, была намеренно лишена достоверных сведений о происходящем.

У ворот дома стража уже ждал управляющий с двумя слугами.

— Отец дома? — спросил его Холом.

— Билгор Баир держит совет с законоучителем, — ответил управляющий. — Он приказал билгору Очиру немедленно заняться Вашими ранами, а вечером он выслушает ваш рассказ.

— Хорошо, — кивнул страж. — Скажи, Барга, наши почтовые птицы на месте?

— Да, господин. Один из вака вернулся сегодня утром с острова Гэрэл, так что все в сборе.

— Отец писал на остров Гэрэл? — нахмурился Холом.

Управляющий почтительно развёл руками. Что же, об этом можно будет спросить вечером.

Домашний лекарь ждал его в покоях на втором этаже. Размотав грязную повязку, он поцокал языком и приказал слугам принести горячей воды. После того, как Холома тщательно вымыли, билгор Очир снова смазал повреждённое ухо жгучей мазью, наложил свежую повязку и дал стражу выпить какую-то горькую микстуру.

— Вам нужен покой, билгор Холом, — скрипучим голосом заявил он. — Передайте город в руки Хранителей четырёх сторон света и позвольте своему телу восстановиться. Иначе Вы не принесёте пользу ни себе, ни государству.

Когда он ушёл, страж устало вытянулся на постели, пытаясь выстроить из своих мыслей доклад для отца, но мысли путались, тянулись как лапша, цепляясь друг за друга. Его внутренний голос, казалось, звучал уже не в голове, а где-то рядом в комнате, но Холом не успел удивиться этому, тут же провалившись в глубокий сон без сновидений.

**

Айсин Тукуур не помнил, как оказался на вершине главного алтаря Святилища, в том самом павильоне, где чуть больше недели назад он избрал своим покровителем Скального Лиса. Всё, бывшее с ним, казалось дурным сном, в котором искажённые картины реальности перемежались туманными образами каких-то закрученных спиралей, призрачными схемами, числовыми рядами, которые он перебирал со смесью отвращения и чувства невероятной важности этого занятия. Люди, похожие на его друзей, спрашивали что-то, и он отвечал, тут же забывая о сказанном, а вкрадчивый шёпот внутри головы всё повторял речитативом напев на забытом языке. Тот самый напев, что был вырезан на детской кровати в доме Темир Буги. Откуда он знал это? Был уверен так же, как в том, что его зовут Айсин Тукуур, что он был в этом павильоне две четвёрки дней назад, что он выбрал покровителем Скального Лиса. Нс

на чём основывалась эта уверенность? Как-то он видел сон, в котором говорил с незнакомой девушкой, но был при этом абсолютно уверен, что перед ним Илана. Уверенность, как и влюблённость, может возникать отдельно от фактов.

Голос, произнёсший последнюю фразу, был похож и не похож на его собственный. Тукуур вздрогнул, ёжась от холода. Светило давно закатилось за холмы, и только масляные лампы дрожащими огоньками освещали каменное кружево стен. В серебряном зеркале смутно отражался силуэт усталого человека в потрёпанном и грязном тёмно-синем кафтане с чиновничьей вышивкой в виде головы лиса. Что с ним произошло? Дамдин сказал, что его контузило на баррикадах, но Тукуур не помнил никаких баррикад. Только лицо прорицателя, довольное и круглое, как у сытого кота, грубые руки добдобов и мольбу в глазах матери. Почему она так смотрела? Конечно, боялась его потерять. Ведь враги (какие враги?) приближались, и он должен был дать им отпор вместе с... Кем?

Знарок церемоний ощупал голову. Она не болела, не было ни ран, ни ушибов. Только ныло левое плечо да кололо шею. Почему же он потерял память? Тукуур подошёл ближе к зеркалу, вглядываясь в своё отражение. Под глазами зеркального двойника залегли тени, за его плечом висел серебряный диск Феникса. Как близко... Да нет же, это не может быть Феникс, ведь сейчас должен быть виден лишь тонкий изгиб его лука! Тогда Царь-камень? Но где пятна? Диск легонько пошевелился, и снова в голове далёким эхом зазвучал древний напев. Может, он сходит с ума и видит призраков, как Аюка? Неужели он стал избранником Дракона лишь для того, чтобы просить подаяния, понемногу теряя человеческий облик?

Знарок церемоний рухнул на колени перед алтарным зеркалом и запел гимн Дракона, пытаясь изгнать навязчивый шёпот, но тот вплетался между строк как тонкая паутина, связывая воедино три времени и три мира, прошения жителей десяти сторон света, дрожащий свет лампад и биение крыльев мотылька, стрекот цикад и мелодию каменных флейт. Не было ни жизни, ни смерти, ни прошлого, ни будущего, только единое, тягучее и янтарно-жёлтое, и в этом едином он висел как муха в янтаре, не в силах пошевелиться, глядя на смутный силуэт человека с луной у плеча. Он был скован цепью причин и следствий, и этот человек был звеном цепи, потянув за которое можно было добраться до другого звена, и так до самого замка. Он был скован, спаян с единым, но человек сам тянулся к нему сквозь призрачную грань, отделявшую единое от иного. Человек сам был скован, связан чужой волей — предыдущим звеном, жёстким, упрямым и скользким, плохо подходящим для дела. И оба человека-звена были связаны с луной — частичкой единого, погружённой в иное. Его частичкой, коль скоро он был спаян с единым. Он потянулся, давя на единое. Янтарная тяжесть вяло сопротивлялась, одновременно желая поглотить его и отторгнуть, но давление было велико, и часть его просочилась сквозь барьер, вливаясь в светящийся шар за плечом человека. Шар слышал звуки, ловил знакомые образы, которые он уже встречал в памяти других людей-звеньев, и он вспомнил, каким его видят люди.

Была ночь, полная влаги и стрекота цикад, мерцали огоньки перед янтарной преградой, из-за которой на Тукуура глядел сияющим взором Лазурный Дракон.

"Встань", — в его голосе было отцовское тепло, мудрость наставника и величие, недоступное смертным.

Неземной восторг затопил сознание знатока церемоний сияющей волной, разрушая страх и сомнения.

— Укреплённый Тобой, встану и приму свою судьбу, — прошептал он, поднимаясь с колен.

"Ты одинок, но я вижу тебя. Ты растерян, но я направлю тебя. Ты связан, но я освобожу тебя. И когда придёт время, уже ты поможешь мне обрести свободу"

Слёзы радости заволокли взгляд Тукуура, и подобно этим слезам полились из его сердца слова молитв, выученных и сочинённых. Юный шаман пел не замечая течения времени, пока яркий диск Феникса, на этот раз — настоящей, не заглянул под арку алтарного павильона. Видение исчезло, в серебряном зеркале отражался лишь тёмный силуэт растрёпанного человека без шляпы. Но этот человек в рваном кафтане теперь был шаманом не только по имени.

Набрав полную грудь холодного ночного воздуха, Айсин Тукуур повернулся спиной к алтарному зеркалу и вышел из павильона. Далеко над океаном снова собирались густые сизые тучи, но над головой чиновника мерцали мириады созвездий, среди которых ярко выделялся треугольник Врат верхнего мира. Его нижняя вершина указывала на северо-восток, где на границе шаманского и ремесленного кварталов стояло скромное жилище семьи Айсин. Приняв это за благое знамение, знаток церемоний начал спускаться с алтарного холма.

Дом встретил его открытыми воротами и тёмными окнами. В ветвях садовых деревьев стрекотали цикады и шуршали ночные зверьки. Знаток церемоний прошёл по выложенной разноцветной галькой тропинке и поднялся на крыльцо. Входная дверь легонько поскрипывала на ветру. Медленно, чтобы не потревожить родных, юный шаман открыл дверь пошире и протиснулся в гостиную. Болотный огонь Дамдина влетел следом, покрыв пол паутиной изломанных теней. В комнатах царила нежилая тишина. Не слышно было ни шуршания циновки, ни размеренного дыхания спящих. Тревога пронзила сердце Тукуура, но следом нахлынула память. Побег Иланы, бой в порту, запах пороха и ружейной смазки. Голос старшего факельщика. "Пусть женщины и дети укроются в Святилище!" Добдобы в их доме, прощальный взгляд матери, туман и мрачная комната в подземелье старого форта. "Я взываю к Вашему сыновнему долгу..." Почему Дамдин призывал Тукуура на баррикады, если он и так пришёл за этим?

"Ты растерян, но я направлю тебя", — сказал Дракон. "Когда и куда?" — мысленно ответил ему шаман. — "Когда и куда?"

Отец ещё не вернулся с ходовых испытаний, а мать со слугами, вероятно, решили переждать ночь за крепкими стенами Святилища. Завтра он обязательно отыщет и успокоит их. Вернее, уже сегодня. Небо понемногу серело, и Тукуур с удивлением понял, что молился почти всю ночь. Странно, но он совсем не чувствовал изнуряющей усталости — обычной спутницы бессонных ночей. Его тело было даже слишком бодрым для человека, страдающего от контузии. Только до сих пор ныла левая рука. Знаток церемоний закатал рукав, но не увидел ничего кроме участка покрасневшей кожи, ровным кольцом опоясывавшей руку чуть ниже плечевого сустава. Полоска была горячей на ощупь, как будто Тукуур обгорел на солнце.

Пожав плечами, шаман вышел во внутренний дворик, где стояла цистерна для сбора дождевой воды. Набрав полный ушат, он развёл в воде немного мыльного порошка и сбросил кафтан, собираясь смыть с себя городскую пыль и грязь подземелий. Что-то коснулось его груди, спокойное и ободряющее как взгляд отца. Опустив взгляд, Тукуур с удивлением увидел незнакомый амулет на тонкой серебряной цепочке. В глубине полупрозрачного тёмно-синего камня в такт его сердцу пульсировала серебряная звёздочка. Коснувшись чешуйки рукой, он ощутил как мысли растворяются в безмолвной глубине ночного неба.

Умолкло даже странное пение, которое преследовало знатока церемоний с тех пор... Каких? Тукуур покачал головой и позволил этому вопросу исчезнуть в непостижимой глубине камня-чешуйки. "Пусть подаривший мне священную реликвию Дракона ощутит это блаженство, умноженное во сто крат, в этом мире и в Верхнем!" — горячо попросил у неба шаман и погрузился в воду.

Парадный кафтан требовал стирки и починки, и Тукууру пришлось надеть ученическое платье. Подумав, он повесил чешуйку на грудь поверх одежды, надел чиновничью шляпу и отправился обратно в Святилище. Дамдинов светильник летел за ним по пятам как воздушный змей на короткой верёвке.

Добдобы у ворот странно покосились на молодого шамана и его болотный огонь, но пропустили их внутрь без вопросов. Башни и беседки храмового парка отбрасывали длинные тени, с деревьев срывались капли росы. По дорожкам уже сновали младшие служители, разжигая лампадки в малых алтарях, сметая со статуй сухие листья, протирая памятные таблички. Около павильона Небесного Присутствия выстроилась очередь мирян-просителей, которых тревоги минувшего дня подняли на ноги в этот предрассветный час.

— Прошу вас, разойдитеесь! — увещевал их младший служитель. — Старшие наставники во главе с мудрейшим Токтой проводят ритуал сокрушения врагов, никто из них не сможет сейчас принять ваши прошения! Возвращайтесь к полудню!

Айсин Тукуур окинул очередь задумчивым взглядом и решительно двинулся к павильону. Пожилая просительница в платье служанки, увидев его, потянула за рукав свою госпожу. Та обернулась, и знаток церемоний сразу узнал свою мать. Посеревшее от бессонницы лицо Бэргэн Найраны разгладилось и просияло, но набожная женщина лишь сложила пальцы в жесте благодарения, не позволяя себе бурные эмоции с святом месте. Знаток церемоний с улыбкой поднял над головой драконий амулет, благословляя собравшихся, и обратился к служителю.

— Я — избранник Последнего Судьи, и имею силу принять от его имени прошения этих добрых людей. Войдём, и да свершится воля Дракона!

— Предстанем пред ним и примем свою судьбу! — с поклоном ответил служитель.

Отомкнув украшенные изображениями хранителей четырёх сторон света двери, они пропустили внутрь мирян и вошли следом. В глубине зала за высоким помостом высилась украшенная эмалью и перламутром статуя Лазурного Дракона. Изваяние сжимало в когтях янтарный шар мудрости, но в видении Тукуура янтарь сжимал дракона, стремясь не то растворить его в себе, не то вытолкнуть наружу. "Наверное, Дракон хотел бы, чтобы было наоборот", — подумал знаток церемоний. — "Но как я, смертный, смогу ему помочь?"

Трижды по четыре раза распростёршись на полу перед образом Последнего Судьи, Тукуур и его помощник разожгли большую жаровню и водрузили на помост. Знаток церемоний, подобно судейскому писцу, сел за столик по правую руку от помоста. Служитель ударил в большой гонг.

— Вознесите мольбы Судье Трёх Миров и примите его волю! — провозгласил он.

Миряне по очереди подходили к помосту, совершали свои двенадцать простираций — по числу сторон света в каждом из Трёх Миров — и протягивали Тукууру аккуратно сложенные листки рисовой бумаги. Знаток церемоний вполголоса читал их прошения — о мире, здоровье и жизни родных и близких, о том, чтобы достигли Верхнего Мира умершие праведно, а дни скитаний в Нижнем Мире умерших неправедно были сокращены или, наоборот, удлинились. Потеряв близких в огне портовых кварталов, многие молили о мести.

Служитель принимал у Тукуура прочитанные бумаги и аккуратно сжигал их в большой жаровне. Пропитанная ароматными маслами ритуальная бумага легко вспыхивала, оставляя после себя лишь хлопья белого пепла. Когда сгорел последний лист, знаток церемоний обошёл помост и стал за жаровней лицом к собравшимся.

— Сказано древними: дающий быстро даёт дважды. Многие из ваших прошений уже исполнены, о чём я, видевший ваших сыновей и мужей в старом форте, утверждаю и свидетельствую. Если же кто-то не получил просимого, пусть будет уверен: Великий Дракон знает все благие и неблагие дни и часы прошлого и будущего. Ему открыта вся бесконечная цепь причин и следствий. Просимое вами сбудется вовремя или не сбудется, чтобы не нарушить ткань мироздания. Стремитесь к исправлению и совершенству, чтобы видение ваше очищалось и просьбы становились точны и содействовали благу всех живых существ. Примите вердикт Судьи с чистым сердцем, и Он поможет вам. Ступайте с миром, суд завершён!

Он первым вышел на улицу, навстречу синим с розовой каймой облакам и остановился у дверей павильона, ожидая мать.

— Ты жив. Я опасалась худшего, — с тревожной улыбкой сказала она, украдкой поглядывая на болотный огонь.

— Мудрейшего Дамдина заставили поверить, что Илана была виновна в смерти отца, но я доказал обратное, — мягко ответил Тукуур. — Теперь меч правосудия не грозит ни ей, ни нам.

— Я рада это слышать, но тревога не отпускает моё сердце. Скорее бы вернулся твой отец! Если пираты поднялись по реке...

— Это были не пираты, матушка, — покачал головой юный шаман. — А джонки "Медовой Лозы".

— Неужели острова хотят отделиться как при Двадцатом? — удивилась она.

— Колдуны посеяли в наших сердцах искры смятения и вражды, но силой Скального Лиса мы восстановим порядок, — твёрдо произнёс Тукуур.

Бэргэн Найрана снова бросила взгляд на парящий светильник.

— Ты говоришь как брат Ордена, — устало сказала она.

— Правда? — смутился шаман. — Мне нужно над этим подумать.

— Мы будем ждать тебя к обеду.

Найрана легко коснулась руки сына и пошла к воротам Святилища. Старая служанка последовала за ней.

— Как брат Ордена, — тихо повторил знаток церемоний, глядя в розовую кайму облаков.

Эти слова разбудили эхо какого-то воспоминания, но Тукуур никак не мог вытащить его из глубин памяти. Образы ускользали, слова сливались в бессмысленный гул, из которого вдруг выпрыгнуло его имя.

— Эй, Тукуур! — снова крикнул кто-то, и шаман узнал голос Максара.

Он обернулся и помахал товарищу рукой.

— Максар! Я думал, ты в крепости!

— А я думал, эта штука опять затуманила тебе мозги! — хмыкнул воин, приветственно хлопнув его по плечу.

Плечо отдалось тупой болью, но Тукуур вдруг понял, что вкрадчивый шёпот на странном языке больше не преследует его. И умолк он, похоже, ещё ночью.

— Я в порядке, — поспешил он заверить Максара. — Просто задумался.

Воин пристально посмотрел ему в глаза и кивнул.

— Да, выглядишь, вроде, получше. Идём! Токта принимает Дамдина в зале Сосредоточения. Старый лис позвал помощников, и прорицателю пришлось послать за нами.

— А где же Холом? — удивлённо спросил знаток церемоний.

— Лекарь приказал ему оставаться в постели, если он не хочет свернуть с Пути Доблести, — проворчал Максар. — Придётся ему довольствоваться нашими рассказами.

Зал Созерцания был украшен цветами и выстелен свежими циновками. Посредине, за низким столиком, на котором горело несколько толстых свечей, на набитых душистой травой подушках сидели в позе лотоса правитель области и дворцовый прорицатель. Служитель, в котором Тукуур с удивлением узнал Кумаца, подал им высокие пиалы с отваром шаманских зёрен и стал за спиной Токты.

Улагай Дамдин оценивающе взглянул на городского сановника. У того было малоподвижное лицо — дар духов для хитреца, а, может, и результат упорных тренировок. Совиные глаза законоучителя глядели настороженно, но, вроде бы, не враждебно.

— Визит посланника Прозорливого — большая честь для нас, — бесстрастно произнёс он. — Надеюсь, Вам удалось сорвать покров тайны с убийства моего советника?

— Мы выяснили, что за убийством стоит местная секта слуг Безликого демона, которую возглавляет кто-то из городских чиновников, — с вежливым сожалением ответил прорицатель.

— Опасное и злое время! — вздохнул Токта. — Разбойники бесчинствуют в городе, чиновник изменяет присяге... Не иначе, злые духи живых камней вырвались из нижнего мира и терзают нас за грехи! Знаменья этого я вижу повсюду.

Правитель поднял руку, и один из служителей тотчас же вложил в неё золочёные гадальные пластины. Повертев их в руках, Токта вынул одну будто бы наугад и положил перед собой. Символ "падение" заискрился в свете свечей.

— Говорят, будто бы вы обвиняете в убийстве родную дочь Темир Буги?

Прорицатель покачал головой. Повинуясь его мысленному приказу, светящаяся сфера покинула Тукуура и подлетела к столу. Её сияние угасло, и на поверхности проявился символ "обман".

— Мы установили, что улики против неё фальшивые, — уверенно ответил он.

— Я и мои помощники предполагали это, — склонил голову правитель.

Он снова перемешал пластинки и выложил поверх "падения" символ "путь".

— Мудрейший посланник не известил своих нерадивых учеников о цели своего прибытия. Это порождает вредные слухи в народе, — процедил Токта.

— По слову Смотрящего-в-ночь и с благословения мастеров Ледяной Цитадели я обязан поймать опасную колдунью, — доверительно ответил Дамдин. — Мне открылось, что некоторые внушают Вам, мудрейший соратник, будто я прибыл, чтобы занять Ваше место. Уверяю, ничего более далёкого от моих планов невозможно помыслить.

— Вот как, — поднял бровь законоучитель. — А мне открылось, что Вы называли моего советника Бугу еретиком, который женился на колдунье. Он, якобы, помог ей бежать от факельщиков Ледяной Цитадели?

Дамдин недовольно сжал губы. Вопрос был явной провокацией, но отказаться от своих

обвинений значило уличить себя же во лжи и превышении полномочий.

— Срединной Цитадели, с позволения мудрейшего соратника, — проворчал он.

— В таком случае я, нашедший его чистым от преступлений, и мастер Прибрежной Цитадели, принявший моё свидетельство, оказываемся в Ваших глазах лжецами? — угрожающе спросил Токта.

— Я полагаю, что Вас ввели в заблуждение, — дипломатично ответил Дамдин.

— Значит, всего лишь — недалёкими людьми, — язвительно заключил правитель. — Какими Вы пытаетесь нас выставить и сейчас. Мне хорошо известно, что Вы пытали Морь Эрдэни до тех пор, пока он не выдал моё имя.

Дамдин побагровел.

— Я хотел бы знать, кто распускает подобные слухи, — проворчал он.

— Духи открывают нам многое из того, что смертные считают тайной, — назидательно произнёс Токта.

— Духи? — недоверчиво протянул прорицатель. — Не те ли духи, которые умертвили Эрдэни, чтобы он не болтал лишнего? А, может, те, которые по Вашим словам терзают нас за грехи?

Одна из свечей, прилепленных к столику между двумя шаманами, затрещала и её пламя приобрело ядовито-зелёный оттенок.

— Вы обвиняете меня в том, что я общаюсь с духами живых камней, — зло произнёс Токта, — а сами явились сюда лишь для того, чтобы навести на меня порчу!

Дамдин деланно пожал плечами и отхлебнул шаманского отвара.

— Ритуальные свечи не лгут! — возгласил правитель. — Но мы были готовы и отплатили Вам той же мерой!

Прорицатель внимательно осмотрел дно своей пиалы, и на его лице медленно проступила издевательская усмешка.

— Синяя киноварь! Ну надо же! Да Вы настоящий ценитель народных сказок, дорогой соратник!

Он хотел сказать ещё что-то, но Кумац вдруг стремительно шагнул вперёд, выхватил из рукава обсидиановый нож и полоснул прорицателя по горлу.

— Как тебе такая сказка, проклятый оборотень?! — прорычал военный шаман и пырнул Дамдина в грудь.

Тукуур остолбенел. Он ждал, что болотный огонь поразит Кумаца, как сделал это с телохранителем Буги, но сфера метнулась обратно к знатоку церемоний и замерла у него за плечом. Дамдин захрипел и завалился на спину. Максар, неподвижно стоявший рядом с дверью, сбросил с себя оцепенение и выстрелил в Кумаца из карманного огнестрельного оружия. Убийца удивлённо вскрикнул и рухнул замертво.

— Добдобы, ко мне! — заорал правитель.

— Стойте! — воскликнул Тукуур.

Он шагнул к законоучителю с поднятыми в мирном жесте руками, но тот уставился на молодого шамана со страхом и ненавистью.

— Сгинь, морок! — взвизгнул он и метнул в знатока церемоний серебряный нож.

Тукуур отшатнулся, поскользнулся на циновке и рухнул на спину. Нож, пущенный с меткостью оружейного мастера, сбил с него шляпу.

Светящаяся сфера налилась красным и выстрелила в правителя молнией. Токта рухнул как подкошенный, изображение Дракона на его парчовом кафтане обуглилось, по краю

пятна как лепестки проклятого цветка заплясали язычки пламени.

— Добдобы! — крикнул один из служителей. — Отомстим за правителя!

Храмовые стражи ворвались в зал, выхватывая мечи и палицы. Максар залихватски свиснул. Парадная дверь распахнулась, и в неё ввалились солдаты с огнеплюями. Добдобы нерешительно замерли. Воспользовавшись заминкой, Тукуур подбежал к прорицателю. Кровь заливала всё вокруг, но Дамдин был ещё жив.

— Помогите! — крикнул знаток церемоний, тщетно пытаясь пережать пальцами перебитую артерию.

Командир добдобов рванулся было к нему с обнажённым мечом, но солдаты защёлкали затворами, а болотный огонь угрожающе замерцал. Храмовые стражи попятились к стене.

— Какая... дурацкая... смерть, — прохрипел прорицатель.

Подбежал Максар, на ходу пытаясь оторвать полосу ткани от своего кафтана, но Дамдин слабым жестом остановил его.

— Руку... на... оберег, — прошептал он.

Тукуур послушно взял руку прорицателя и поднёс её к висевшему на шее старого шамана нефритовому оберегу Прозорливого. Дамдин последним усилием вложил холодный камень в ладонь молодого шамана и сжал его пальцы.

— Найди её! — прохрипел он. — Сила... моей... крови...

Глаза старого шамана закатились. Тукуур поднял глаза на Максара, сжимая окровавленными пальцами нефритовую пластинку. Ошибки быть не могло: последней волей умерший передал ему, недавнему ученику захолустного сургуля, силу Смотрящего-в-ночь. Но примут ли это решение другие? Воин криво усмехнулся.

— Сила крови... — хмыкнул он. — Что же, приказывай, посланник Прозорливого!

— Заберите погибшего! — с горечью произнёс молодой шаман. — Уходим в старую крепость!

**

Илана вышла на пристань, придерживая рукой потёртую лекарскую коробку на длинном ремне. Чтобы купить её и кое-какие лекарства у старого деревенского шамана понадобились все деньги Айсин Алдара и немало красноречия. Когда-то деревянный ящик был покрыт красной эмалью, но сейчас краска потускнела и растрескалась, а миниатюрные замки кто-то давно заменил кусками конопляной бечёвки. При каждом шаге беглянки уложенные внутри лечебные инструменты жалобно позвякивали, а крышка хлопала и угрожала открыться, но даже такой ящик в глазах селян и матросов превращал попрошайку в знатока внутренней гармонии.

Плоскодонная баржа ждала её недалеко от того места, где днём пришвартовался Алдар. Её, как и "Огненного буйвола", приводили в движение два больших гребных колеса, но вращала их не хитроумная паровая машина, а большой ворот с пятью рычагами, которые толкали пятнадцать прикованных к ним рабов. Сейчас они отдыхали, упираясь в перекладыны локтями, но барабанщик и два надсмотрщика с плетями уже заняли свои места. Деревенские носильщики под присмотром уже знакомых Илане добдобов заносили на баржу мешки с мукой и корзины с вяленой рыбой. Толстый шаман сидел на подушках под тентом в кормовой части судна, лениво постукивая трубкой о колено. За его спиной чернела дверь в низкую и тесную надстройку. Судя по спальным циновкам, раскатанным прямо на палубе, в

надстройке помещался сам капитан, а остальная команда спала под открытым небом. Во время плавания это могло стать проблемой для девушки, но она надеялась, что совместное путешествие с работоторговцами не затянется.

— Эй, Санджар, или как тебя там! — окликнул её чиновник. — Поднимайся живее на борт, мы отчаливаем!

Пропустив носильщиков, Илана подошла к борту судна. По обе стороны от гребного колеса в нем были вырублены узкие вентиляционные окошки. Тяжёлый дух немых тел ударил в нос беглянки, вышибая слёзы из глаз. Дочь плавильщика судорожно сглотнула, крепче прижимая к боку лекарскую сумку. Некоторые из её толонских друзей-философов сидя на мягких подушках рассуждали о врождённой доброте человека, которая, подобно скрытым силам организма, способна исцелить государство. Нужно только дать ей время. Но запах каторжной баржи не давал ошибиться: это общество было поражено гангреной, а против неё бесполезны порошки и микстуры. Здесь требовался острый скальпель и твёрдая рука хирурга.

Кто-то мог бы возразить, что дышать смрадом своих злодеяний — заслуженная кара для грабителей и убийц. Может и так, только большинство запертых в этом трюме людей были согнанными с земель крестьянами, обманутыми рабочими и разорившимися арендаторами. Одних нищета и голод толкнули на большую дорогу, других долги привели прямо на каторгу. Попадались здесь и мохнатые пленники с островов, слишком своенравные, чтобы служить в чьей-нибудь домашней страже. Один из таких рабов, крупный островитянин, на свалывшейся шерсти которого сохранились синие пятна воинского рисунка, висел на рычаге недалеко от Иланы. Двое людей, прикованных рядом с ним, сместились ближе к вороту, сохраняя почтительную дистанцию.

Обходя ворот, беглянка намеренно прошла ближе к мохнатому, чем тому могло бы понравиться. Островитянин мрачно посмотрел в её сторону. Надсмотрщики обменялись насмешливыми взглядами. Делая вид, что не замечает этого, Илана сделала ещё один шаг. Щёчные мешки мохнатого воина покраснели от гнева. Вздвбив шерсть, он злобно рывкнул на беглянку, с силой дёрнув цепь. Илана отшатнулась и едва не упала, вскинув руки в жесте изгнания злых духов. Солдаты дружно расхохотались, не заметив, что пальцы беглянки быстро сложились в другую фигуру — племенной знак, которому научил её Высокий Пятый. Воин нахмурился и издал звук, похожий для человека на ехидный смешок. "Я слежу за тобой".

— Держись от него подальше, — флегматично посоветовал толстый шаман. — Опасный шельмец, но работает за четверых, так что приходится терпеть его выходки.

Чиновник махнул рукой боцману, и тот с силой дунул в бронзовый свисток. Повинуясь сигналу, матросы втащили на борт сходню и принялись отвязывать канаты, удерживавшие судно у пристани. Забросив канаты на палубу, они по-обезьяньи вскарабкались следом и оттолкнули баржу от пристани длинными шестами. Раздались мерные удары боевого барабана. Каторжники встряхнулись и налегли на рычаги ворота. Один из них затянул старую крестьянскую песню, и вскоре её подхватили все.

*За сохи беремься мы к третьей луне,
В четвертую в поле пора выходить —
А детям теперь и каждой жене*

Нам пишу на южные пашни носить... [1]

Даже мохнатый островитянин пытался подвывать в такт, порой ужасно фальшивя. Его

переливчатые трели, большей частью бессмысленные, порой сплетались в слова. В такие моменты он пристально вглядывался в лицо Иланы. Наконец, воин устал гадать. "Если понимаешь, подойди к левому борту", — пропел он. Беглянка посмотрела на клонящееся к закату Светило, зевнула, поправила ящик на плече и, убедившись, что никто из охранников не забеспокоился, отошла к левому борту и уселась на палубу, облокотившись спиной о свёрнутый бухтой канат. Когда ворот сделал полный оборот и мохнатый каторжник снова оказался на виду, она поправила шляпу, коснувшись уха в жесте понимания.

"Ты из детей грома?" — разобрала она вопрос.

Илана слышала, что восставшие рабы называют себя "Детьми Громовержца" в честь своего грозного божества. Ответить утвердительно было бы легче всего, но потом придётся объясняться. Если не с этим каторжником, так с его друзьями на берегу, если удастся их найти. И разговор этот — Илана не сомневалась — не будет приятным. Поколебавшись, она сложила пальцы в фигуру отрицания.

"Кто тогда?"

На этот вопрос нелегко было найти быстрый ответ. Девушка задумчиво посмотрела на реку. В сезон дождей вода была особенно мутной, у её поверхности цвели зелёные и бурые водоросли. Гребные колёса баржи поднимали тучи брызг, взбивая светло-зелёную пену. С обеих сторон от судна оплетённые лианами деревья подступали вплотную к воде, их воздушные корни торчали вверх как наконечники копий. Илана чувствовала себя лягушкой, осторожно плывущей среди водорослей. Одно лишнее движение, и цапля выхватит тебя из воды. Убедившись, что все заняты своими делами, она сплела руки на коленях в сложном жесте "беглец".

"Я слежу за тобой", — снова ответил мохнатый.

Это уже было очень много для первого раза. Илана не была настолько наивной, чтобы думать, будто каторжники только и ждут, чтобы их освободил таинственный незнакомец. В отличие от несчастных, запертых в трюме, толкатели ворота были частью палубной команды. Да, ржавые цепи накрепко связывали их с рычагами, им не давали сходить на берег и бродить по кораблю когда вздумается. Но кок кормил их из одного котла с матросами, а капитан выдавал одежду немногим хуже той, в которой они работали на полях до того, как попали на баржу. Для нерадивых у надсмотрщиков всегда были наготове плеть и меч, но никто не бьёт без причины вола, тянущего борону.

То, что среди толкателей оказался строптивый островитянин, было огромной удачей для беглянки. По правде говоря, её первоначальный план выпустить запертых в трюме не выдерживал никакой критики. Те люди слишком истощены и забиты, чтобы справиться с пятью крепкими солдатами и шестью проворными матросами. Даже если бы Илане удалось бросить в бобовую похлёбку несколько сонных или слабительных листьев, шансы пережить этот бунт были невелики. Поэтому ей следовало либо сговориться с мохматым, либо тихо доплыть до Белой Крепости, а оттуда двинуться вверх по Гремящей к Толону. Беспокоила только остановка на острове Гэрэл, но Илана надеялась, что никто не будет искать беглую дочь еретика в сердце владений Ордена Стражей.

Ставший в одночасье совсем чужим Бириистэн остался далеко за кормой. Баржа вошла в дельту Великой Реки — огромную топкую низину, в которой бесчисленные рукава реки петляли вокруг заросших джунглями островов, переплетаясь подобно корням векового дерева. То здесь, то там виднелись илистые отмели, на которых грелись в лучах заходящего солнца крокодилы-рыболовы, время от времени разевая свои похожие на зазубренные

щипцы пасти.

Когда солнце скрылось за горизонтом, боцман сыграл отбой. Матросы бросили якорь и зажгли фонари, чтобы другие суда в темноте не напоролись на баржу. Надзиратели проводили каторжников по одному в галюн и снова приковали к рычагам. Мохнатого отстёгивать не стали, а вместо этого заставили одного из товарищей по несчастью подать ему ночной горшок. После этого двое солдат остались дежурить, а остальные улеглись на палубе, прикрывшись грубыми циновками. Илане кое-как удалось свить из каната подобие гнезда, но твёрдые доски впивались в спину, а ненасытные комары противно зудели у самого лица. Наконец, усталость взяла своё, и беглянка провалилась в сон.

Когда сырость и холод вырвали беглянку из забытья, ей показалось, что не прошло и получаса. От поверхности реки поднимался густой туман, в котором терялись фигуры часовых. Илана заворочалась, зябко кутаясь в рыбацкий плащ. Кто-то из матросов храпел, из чащи леса ему вторили древесные жабы. Беглянка отвернулась к борту, но туман не давал заснуть. Она села, и тут же поймала настороженный взгляд мохнатого. Воин лежал в десяти шагах от неё, неуклюже сложив скованные руки. Струйки тумана обтекали его, почти скрывая из виду двух других каторжников. Мохнатый пошевелил пальцами ног, почти такими же длинными и цепкими, как на руках.

"Кто научил тебя рисунку и песни?" — спрашивали его жесты.

Не опасаясь взгляда надсмотрщиков, Илана перешла от жестов-слов к жестам-звукам.

"Друг и наставник. Его звали Высокий Пятый с острова Драконьего Когтя".

"Нет такого острова".

"Вы зовете его Утапийоа".

"Племя каменной пальмы. Хорошие охотники, но слабые воины. Чего тебе нужно?"

"Я ищу детей грома. Говорят, они принимают людей".

"Плохой выбор для этого — лодка работоторговцев".

"Может, дети грома захватят её?"

"Захватят — оставят жить только рабов. Но если освободишь нас раньше — боя не будет".

"Как мне знать, что вы меня не убьёте, если освобожу?"

"Ты правда лекарь?"

"Правда".

"Глупо убивать лекаря".

"Хорошо. У кого ключ от кандалов?"

"У толстяка. Добудь его — дальше дело за нами. Только не суетись".

"Ждите".

Туман перешёл в дождь, сначала мелкий, а потом всё более сильный. Разбуженные матросы с проклятиями принялись вычерпывать воду из зловонного трюма. Боцман, чтобы не терять времени, дал свисток к отплытию. Снова забил барабан и завертелись гребные колёса. Дождь лил до полудня, затем перестал на несколько часов и припустил снова. Помощник казначея в этот день на палубе не появлялся. Пользуясь этим, Илана укрылась от дождя под его тентом, напряжённо размышляя, как добраться до ключа. Для этого нужно было попасть в каюту, но дверь в неё была либо заперта либо хорошо охранялась. Нужно было сделать так, чтобы хозяин сам пригласил её внутрь. В учёном собеседнике пожилой шаман явно не нуждался, да и на здоровье пока не жаловался. Вот этим "пока" и стоило заняться.

Шанс представился через день. Плоскодонное судно осторожно ползло вдоль стены леса, огибая бесчисленные островки. Четыре матроса постоянно ощупывали дно шестами, опасаясь блуждающих мелей. Боцман постоянно играл на своей дудке, заставляя барабанщика менять темп. Быстрее — медленнее — снова быстрее. Несколько раз он командовал полный стоп. Каторжники перехватывали рычаги и начинали что есть силы толкать ворот в обратном направлении, уводя судно с отмели.

Когда они обошли очередной островок, густо поросший съедобным тростником, Илана увидела посреди реки странный камень. Зеленовато-серый валун был похож на остроконечный воинский шлем, только ребристый как тыква. Пять впадин пролегало от вершины к подножию камня так, что с высоты птичьего полёта он должен был казаться пятилучевой морской звездой или цветком с пятью лепестками. На бугристой поверхности камня выросли морские водоросли, кое-где виднелись похожие на морщины трещины. Беглянка решила было, что валун венчал какую-нибудь памятную колонну древних, но, когда судно подошло поближе, камень вдруг заворочался. Из-под купола, как из-под панциря улитки, показалось несколько круглых глаз на гибких стебельках.

— Живой камень! — крикнул кто-то.

Пожилой шаман побледнел, выронил трубку и сложил руки в жесте изгнания злых духов.

— Убейте его! — закричал он. — Стреляйте немедленно!

Стражники защёлкали затворами, а помощник казначея ринулся в каюту, оставив под тентом свою шкатулку с табаком. Первая пуля ушла в лесную чащу, вспугнув стаю сине-алых вака. Птицы закружились над деревьями, возмущённо вопя на весь лес. Чудовище встало на дыбы, грозя барже двумя острыми ороговевшими конечностями. Ещё одна пуля зацепила купол, но только отбила с него роговую бляшку. Гибкое щупальце высунулось из-под брюха живого камня и ловким движением метнуло в добдобов увесистый ком грязи.

Илана никогда прежде не видела живых камней, и ей стоило немалых усилий стряхнуть с себя восторженное оцепенение. Пользуясь общей сумятицей, она всыпала в шкатулку шамана немного листьев алой камнеломки. Раздалось ещё два выстрела. Живой камень издал клокочущий звук, как будто у него в утробе быстро застучал собственный барабан, и с шумом ушёл на глубину. Мелькнули мощные ласты, покрытые серой и морщинистой, как у слона, кожей.

— Кажется, попал, — неуверенно сказал один из стрелков.

— Коротковат огнеплюишко, — пожаловался второй. — Против эдакой бестии длинный мушкет нужен, как у крыс гарнизонных. А это — так, попугать.

— Как бы он нас клыком своим не попугал, — фыркнул кто-то из матросов. — Говорят, как махнёт — и человека надвое.

— Только с тех пор как горцы придумали мушкет дураков нет больше к ним вплотную лезть, — лениво заметил боцман. — И они к нам теперь не суются. А то прадед мой рассказывал, что под самым Бириистэном и выше полно их было. Копали себе ямы на берегу и сидели в них на яйцах что твои квочки. Ни тростника нарвать, ни рыбы наловить.

— Уб-били демона? — дрожащим голосом спросил шаман, высовываясь из каюты.

— Куда там... — буркнул боцман. — Ушёл!

— Храни нас Стальной Феникс! — вздохнул помощник казначея. — Зловещее это знамение! Крутите ворот усерднее, нужно скорее убираться отсюда!

Забрав трубку и шкатулку с табаком, он скрылся в каюте. Через некоторое время оттуда

послышались песнопения.

— И то верно, — вздохнул стражник. — Злой у него глаз, у живого камня-то! Как посмотришь ему в зрачок его кривой, так сразу дураком и сделаешься!

— То-то ты заместо в его целиться, всё отворачивался! — гоготнул один из каторжников.

— Молчи, шкура, али батога захотел?! — рассердился неудачливый стрелок.

Илана терпеливо ждала, когда толстый шаман хорошенько накурится камнеломки. Ждать пришлось часа два или три, а затем шаман громко постучал в стену каюты. Боцман зашёл внутрь, а через минуту вышел и позвал беглянку.

— Эй, лекарь! Господин Иртя тебя кличет!

В маленьком тесном помещении было почти нечем дышать от дымящихся благовоний. Первым порывом Иланы было распахнуть настежь дверь и окошки, но это помешало бы её плану. Толстый шаман полулежал на подушках, уложенных поверх большого сундука. На его покрытом испариной лбу ароматным маслом были начертаны охранные символы.

— Похоже, не уберёгся я от дурного глаза этого чудовища, билгор Санджар, — слабым голосом пожаловался он. — Голова раскалывается и всё тело ломит.

Половиной работы знатока внутренней гармонии, наиболее долгой и утомительной, была борьба не с болезнью, а с суевериями и дурными привычками больных. И больные за эту работу нередко платили чёрной неблагодарностью, привечая и одаривая тех врачей, кто хорошо разбирался в характерах пациентов и умел искусно потакать их капризам, укутывая это покрывалом мистерии. Илане глубоко претило такое шарлатанство, но на кону стояла её жизнь и свобода.

— Головная боль — благой знак борьбы между Вашим духом-защитником и чарами живого камня, билгор, — вкрадчиво сказала она. — Нам нужно лишь помочь защитнику одержать верх.

— Я усердно читал молитвы задержания и возжёл лучшие благовония, но стало только хуже, — всхлипнул Иртя. — Не надо было соглашаться на это плавание, лучше бы меня лишили должности...

— Я вижу, что билгор имеет особые причины бояться живых камней, — уверенно сказала беглянка. — Прошу Вас, мудрейший соратник, не скрывать их, чтобы я знал, где нарушена гармония жизненных потоков.

Старый шаман горько вздохнул.

— Мой предок в десятом колене, благородный Дондов, женился на девушке с побережья вопреки воле родителей. Вместе с её кровью вошло в наш род проклятие живых камней. Не было поколения, в котором злые духи не умерщвляли и не лишали разума кого-то из детей. Никто из моих предков не достиг высот в служении Смотрящему-в-ночь, и я не исключение. Когда гранильщики моего сургуля определили меня в Белую Крепость я радовался, что превзошёл своего отца. Но грешная эта радость вскоре померкла. Наставник внутренней гармонии из крепости, читая мои ладони, определил, что мне следует держаться вдали от моря и живых камней. Но вот я здесь. Как мог я, несчастный, убежать от родового проклятия? О, если бы мне удалось хотя бы умертвить чудовище...

— Дело Ваше очень серьёзное, билгор, — нахмурилась Илана. — Но нет такого проклятия, от которого бы не мог избавить Последний Судья. Но чтобы он ответил на наш призыв, следует привести в порядок внешнее.

— Да, да... Как вовне, так и внутри, я знаю. Но что я сделал не так?

— Вы лежите в восточной части каюты. Это предел Крокодила-рыболова, милостивого проводника усопших. Как бы ни был силен Хранитель востока, его силы и умения слишком специфичны, чтобы помочь Вам исцелиться. Следует перенести постель в центр, в точку равновесия стихий, где проявляется мудрость Дракона.

Шаман с жалобным кряхтением поднялся и переполз на середину комнаты. Илана перенесла туда его подушки и помогла толстяку устроиться удобнее. В сердце её вонзился зазубренный шип жалости. Готовя бунт, она обрекала старого помощника казначея на верную смерть, а убивать легко только чудовищ. Иртя же был, как она теперь видела, таким же несчастным, запертым в темнице собственного разума, скованным цепями суеверий, опутывающих всех подданных Смотрящего-в-ночь подобно стальной паутине. Но врач не может исцелить всех, и некоторых он обязан обречь на смерть в одиночестве, чтобы не заразились другие.

Илана расставила курительницы по сторонам света и протянула шаману сонную пилюлю.

— Растерянный дух человека мечется беспорядочно, мешая великим хранителям исцелить себя, — назидательно произнесла она. — Поэтому, чтобы помочь Дракону, Вам следует погрузиться в целебный транс. Эта пилюля утишит боль. Проглотите её и сконцентрируйтесь на плеске волн и скрипах судна, затем — на своём дыхании. Я же напишу и сожгу прошение Великому Судье. Где у Вас бумага и кисть?

— В верхнем ящике стола, — ответил шаман. — Вот ключ.

Он снял с шеи маленький ключ на засаленной верёвке и протянул беглянке. Та почтительно приняла его обеими руками и, достав из ящика бумагу, принялась писать, ожидая, когда подействует снадобье. Она едва сама не потеряла сознание от духоты, когда Иртя, наконец, заснул. Быстро осмотревшись, Илана отомкнула все ящики письменного стола. В среднем лежало несколько денежных щепок, статуэтка Стального Феникса и бумажный веер. В нижнем — карманный огнеплюй и бронзовый ключ побольше. Этот ключ был слишком изящным, чтобы отпирать кандалы. Скорее, он подходил к сундуку, с которого беглянка предусмотрительно прогнала старика. Убедившись, что шаман крепко спит, а боцман занят греблей, Илана отомкнула сундук. Внутри лежал чистый кафтан и пара шаровар, печатная копия "Завещания Первого", несколько тяжёлых связок васанговых дощечек и, наконец, грубый стальной ключ. Спрятав его в рукаве, беглянка аккуратно уложила всё на место и заперла сундук. Уходя, она всё-таки открыла окошки, пустив внутрь сырой речной воздух. Пусть у старика хотя бы голова пройдёт напоследок.

Ночью снова поднялся туман. Подкравшись к мохнатому, Илана вынула из ящика горшочек с конопляным маслом и тщательно пролила замок. Несмотря на это звук провернувшегося ключа показался ей громким как выстрел. Беглянка затравленно оглянулась, но часовые оставались на своих местах. Воин-островитянин медленно, стараясь не греметь, протащил цепь через проушину оков. Его руки оставались скованы вместе, но теперь его ничто не привязывало к рычагу. Бесшумно, как серая тень мохнатый метнулся к ближайшему часовому. Раздался тихий хруст, и человек мешком осел на палубу. Островитянин ловко подхватил выпавший из рук стражника огнеплюй. Стараясь ступать как можно тише, Илана подкралась к телу. Поменявшись с убитым шляпами, она встала на его место, сжимая в дрожащих руках мушкет. Стальной раструб огнеплюя был мокрым и скользким от росы.

Второй стражник успел вскрикнуть, но тут же получил стальным браслетом в висок и

рухнул за борт.

— Тревога! — завопил, просыпаясь, кто-то из матросов.

Боцман вскочил, выхватывая из-за пояса кривую саблю. Илана стиснула зубы, направила раструб огнелюю ему в спину и нажала на спуск. Ничего не произошло.

— Побег! — рявкнул боцман. — Держи его!

Надсмотрщики бросились на мохнатого, но тот увернулся от них, гортанно улюлюкая. Один из каторжников подставил ближайшему надсмотрщику подножку, и тот растянулся на палубе. Илана, чудом вспомнив наставления отца, сорвала с пояса убитого стражника один из флаконов с порохом и начала насыпать его на полку.

— Стреляй, чего телишься! — развернулся к ней боцман, и сразу заметил подмену. — А, лисица!

Беглянка снова нажала на спуск. Огнелюю рявкнул, едва не разорвавшись у неё в руках. Огнём от затравочного пороха ожгло руку. Боцман с воплем рухнул за борт.

— Всем стоять! — звонко крикнула Илана. — Ни с места, если вам дорога жизнь!

Лишившиеся предводителя матросы растерянно замерли, а освободившиеся каторжники уже похватили оружие стражников. Бунт на корабле окончился успехом, но какая участь теперь ждала его организатора?

[1] "Песня о седьмой луне" из китайской классической "Книги песен и гимнов", перевод А. Штукина.

Стратегема 5. Запутывая клубок, не оставлять свободных концов

Дым из серебряных курительниц поднимался к потолку, скрывая старинные росписи крепостного святилища. От благовоний щипало ноздри, но знаток церемоний всё равно ощущал запах крови, пропитавшей его кафтан и парадное одеяние Дамдина. Перед сожжением покойника полагалось одеть в чистое, но Тукуур так и не смог открыть странный сундук прорицателя.

— Ныне дух твой освобождается от оков тела, — бормотал он, поливая убитого лампадным маслом, — омытый чистейшим елеем в знак достоинства...

Знаток церемоний тяжело вздохнул и поставил кувшин на столик для приношений. Кем был для Тукуура этот человек, которого он готовил к кремации бережно, как умершего родственника? За последний... День? Час? Когда он успел привязаться к столичному чиновнику? Не был ли Улагай Дамдин злым врагом его возлюбленной и первого плавильщика, которого он ещё вчера называл духовным наставником? "Нет, это была только ошибка следствия. Чудовищная оплошность, которую нам удалось исправить", — эта мысль тёплым туманом укутала тлеющие угольки тревоги, но те не спешили гаснуть. Удалось исправить? Где сейчас Илана? Успел ли кто-то разослать её портрет на сторожевые заставы? Успел ли Дамдин отменить приказ? Всем этим придётся заняться Тукууру после кремации. Но прежде всего, важнее всего — последняя воля убитого. "Найди её". Где и как младшему знатоку церемоний, ставшему посланником Прозорливого только по имени, искать загадочную сестру Иланы? У него не было ни знаний, ни влияния дворцового прорицателя, а солдаты — он хорошо это чувствовал — подчинялись ему только от безысходности да из страха перед болотным огнём. Даже помощник прорицателя Цэрэн, похоже, был обижен тем, что Дамдин назвал своим преемником не его. Почему прорицатель так поступил?

Тукуур задумчиво потёр левое плечо. За дверью нетерпеливо топтались солдаты, готовые отнести тело на большой костёр, сложенный во дворе крепости. Ритуал прощания был завершён, но знаток церемоний медлил, чувствуя, что упустил что-то очень важное.

— Ты обещал направить меня, — прошептал он, глядя изображение Дракона на обереге посланника. — Сейчас я нуждаюсь в этом больше всего.

Плечо слегка саднило, как будто по нему не так давно ударили палкой. Может, так и произошло? Зря он, канцелярский служащий, полез на баррикады... Только, если его достали палицей, почему цела кость? Ведь боль была... Боль была всепоглощающей, как будто тысячи игл вонзились в его тело. Сердце бешено билось, голова раскалывалась на части. Грудь горела, а ноги сковал мертвящий холод. Казалось, пытка не закончится, но забвение пришло как тёплое ватное одеяло, как благовонный дым курительниц...

— Вы слышали когда-нибудь о незримых веригах? — спросил Дамдин.

Тукуур в ужасе оглянулся, но тело прорицателя лежало неподвижно, только кровь ещё сочилась из-под давящей повязки на шее. Болотный огонь подлетел к нему и закачался в воздухе, переливаясь жёлтым и красным. Угольки тревоги в сердце знатока церемоний разгорелись с новой силой, разгоняя туман забвения. Из потаённых глубин памяти пытались прорваться какие-то образы, но Тукуур различал только чувства. Страх, обиду, бессильный гнев. Запах плесени и гнилой соломы. "Вы слышали о незримых веригах?" Голос Дамдина поблек от времени, и теперь знаток церемоний понял, что он звучит у него в голове.

Наваждение? Безумие? Обрывки памяти? Что такое незримые вериги? Тысячи игл, жар, озноб, воодушевление, преданность. Уверенность.

Тукуур подошёл к телу и решительно закатал правый рукав прорицателя. Сфера мигнула ярко-зелёным, подбадривая его. Обмакнув палец в кровь Дамдина, знаток церемоний написал на его плече странный знак, не похожий ни на символы летящего письма, ни на священные знаки шаманов. Откуда он знал его?

Узкая полоска кожи прорицателя медленно побледнела. Из смуглой она стала бледно-жёлтой, затем серебристо-серой и чешуйчатой как шкура ящерицы или змеи. Тукуур потянул за неё, и полоска легко отслоилась, обнажив покрытую свежими порезами кожу прорицателя.

"...я получил свою ленту раньше срока..." — всплыло эхо утерянного воспоминания.

— Вот, значит, как это работает, — обречённо пробормотал Тукуур.

Несколько долгих минут он неприязненно глядел на кожаную ленту, затем глубоко вздохнул и отошёл в дальний угол. Крепко закусив скрученную тряпку, он закатал правый рукав и приложил полоску к руке чуть ниже плечевого сустава. Лента напряглась и обвилась вокруг руки шамана, впиваясь в кожу тысячей невидимых шипов. Боль вернулась, выжимая рык из груди и слёз из глаз, а вместе с ней нахлынули воспоминания, но не те, которых ждал Тукуур.

Он стоял в тюремном коридоре, гневно глядя в бессмысленные глаза стражников. За его спиной в грязной камере лежал труп важного свидетеля и останки ядовитой сколопендры. Кто посмел вырвать у него из рук нить, ведущую к главе секты Безликого? Как распознать умелого убийцу среди десятка болванов?

Боль утихла, и вместе с ней померкло видение. Только разрозненные образы, словно светлячки в ночи, некоторое время вспыхивали и гасли перед внутренним взором знатока церемоний. Лица, которых он не знал, слова, которых не произносил. Светящаяся сфера висела перед ним, и он чувствовал её беспокойство как слабые толчки или щелчки летучей мыши. Маленький дух, запертый внутри, был любопытен, но пуглив. Его целью было искать новое и рассказывать об этом своему хозяину, но вот уже несколько столетий болотный огонь не мог найти того, кто понимал бы его сбивчивую речь. Это приводило духа в отчаяние, и он настойчиво стучался в разум Тукуура, посылая ему ощущения и образы, которые тот, увы, тоже не мог разобрать. Шаман сошёл бы с ума от этого шума, если бы между ним и маленьким духом не стояло что-то большее. Оно успокаивало болотный огонёк, заглушая его писк, и даря знатоку церемоний спокойную уверенность. "Я вижу тебя", — уверяло нечто, — "и ты научишься видеть больше".

В дверь настойчиво постучали.

— Господин Тукуур! С Вами всё в порядке? — окликнул его из-за двери один из солдат.

Огромным усилием воли шаман вырвал себя из плена грёз и встал, опираясь на стену.

— Дракон свершил свой суд! — хрипло провозгласил он. — Вы можете войти!

Солдаты по одному вошли в святилище, с опаской поглядывая на болотный огонь. Сфера беззвучно чирикнула, её импульс болезненным зудом отдался в плечах и шее. Тукуур поморщился. Солдаты нерешительно переминались с ноги на ногу. Один из них бросил быстрый взгляд на закатанный рукав Дамдина, мимолётная тень пробежала по его лицу. Укорив себя за неосторожность, знаток церемоний быстро подошёл к телу и расправил рукав.

— Несите! — приказал он.

Солдаты подхватили носилки с телом и, печатая шаг, направились к выходу из часовни.

Снаружи опять собирались тучи, и все спешили закончить с кремацией до того, как пойдёт ливень. Максар в церемониальной броне, украшенной фигурами духов-хранителей, стоял возле высокой груды дров и хвороста, держа наготове просмолённый факел. Два служителя поддерживали огонь в большой жаровне. Поодаль выстроились солдаты гарнизона в светло-серых халатах и лакированных конических шляпах со стальными набойками.

— Тот, чей дух стелился по земле, предан будет земле, — нараспев произнёс Тукуур. — Тот же, чей дух горел, устремляясь ввысь, поплывёт на огненной ладье по реке душ в обитель Последнего Судьи. Оставь же тяготы среднего мира, Улагай Дамдин, посланник Прозорливого! Воспари выше облаков и встань рядом с верными слугами Лазурного Дракона, судьи Трёх Миров!

Солдаты переложили тело из носилок в грубое подобие лодки, стоящее наверху поленницы. Дзамэ Максар зажгёт факел от жаровни и, обойдя тело против часовой стрелки, поджжёт костёр с четырёх сторон. С треском занялся хворост, ярко вспыхнул пропитанный маслом кафтан прорицателя. Пламя загудело, волны жара накатывали на собравшихся как круги от брошенного в воду камня.

Когда тело Дамдина полностью скрылось в языках пламени, Максар коротко приказал воинам расходиться и подошёл к Тукууру.

— На твоём месте я бы послал солдат за своими родителями, пока до них не добрались слуги Токты, — хмуро сказал он.

— Я пойду с отрядом, — согласно кивнул знаток церемоний.

— Нет! — отрезал Максар. — Ты теперь — главная цель и для заговорщиков, и для тех, кто винит тебя в смерти законоучителя. А ещё ты — наше знамя, поэтому я не могу позволить тебе рисковать, покидая стены крепости.

— Значит, ты полагаешь, что внутри них я в безопасности? — раздражённо осведомился Тукуур. — Ты выяснил, кто принёс пленнику огненную сколопендру?

В глазах воина мелькнул суеверный страх, быстро сменившись досадой.

— Ты-то откуда об этом знаешь? — недовольно спросил он.

— Я — лишь глиняный горшок, — ответил шаман словами молитвы. — Но даже такой низкий сосуд способен удержать силу, переданную учителем.

Максар помрачнел ещё больше.

— Тогда ты должен знать, что Дамдин, не удовлетворившись ответами Морь Эрдэни, приказал принести ему сколопендру позлее. Стражник отправился к знатоку истязаний и потребовал самую ядовитую многоножку. Тот выдал ему огненную чешуйницу. Скверная случайность, но случайность тем не менее.

— Неужели? — едко спросил Тукуур. — Зачем знатоку истязаний смертельно ядовитое членистоногое? Он ведь заведует пытками, а не казнями?

— Пыточный и палаческий арсенал хранится в одном месте, — безразлично пожал плечами Максар. — Так уж здесь повелось.

Знаток церемоний оторопело посмотрел на воина. Нахальный ответ товарища мог означать только одно: маски сброшены, и Тукуур во власти заговорщиков. А когда солдаты Максара доставят в крепость родителей Тукуура, юному шаману придётся выполнять всё, что ему прикажут.

— Если думать как ты, то каждый второй чиновник покажется сектантом, — проворчал

Максар, поняв, что переусердствовал. — Представь, сколько нужно людей, чтобы всё время оказываться в нужном месте?

"Немного, если быть рядом с самого начала", — подумал знаток церемоний, вспомнив Кумаца.

— Наверное, ты прав, — осторожно ответил он вслух. — На меня просто слишком много свалилось, вот и шарахаюсь от каждой тени.

— Отдохни, — посоветовал ему воин. — А я приведу твоих стариков.

Он слегка дёрнулся, как будто хотел хлопнуть Тукуура по плечу, но тут же передумал. Боялся болотного огня или стыдился предательства? Тукуур покачал головой и пошёл в сторону комнат, которые раньше занимал Дамдин. Кумац, Максар, Холон. Арест Иланы, бой в порту, допрос Эрдэни, убийство Дамдина. Каждый из троих участвовал как минимум в трёх событиях. Максар — во всех четырёх. Знаток церемоний вспомнил удивлённый вскрик Кумаца, когда пуля Максара поразила его в грудь. Оба военных шамана были учениками и ставленниками Темир Буги, оба следовали намеченному плавильщиком плану. Но какова была его цель? "Ты наше знамя", — сказал Максар. С кем он собирался воевать? Вопросы теснились в голове Тукуура, а стены крепости давили на него, не давая сосредоточиться. Он должен бежать из этой западни и предупредить родителей об опасности. Но как выбраться из негостеприимных стен?

Поднявшись в комнату Дамдина, знаток церемоний устало сел на кушетку. Плечи болели, в голове клубился туман. Сильно хотелось спать, но Тукуур пока не мог позволить себе расслабиться. Блуждая по комнате рассеянным взглядом, он снова наткнулся на окованный металлом сундук прорицателя. Вместо замка в крышку была врезана серебряная пластина, украшенная гравировкой в виде снежинки. Обрывки воспоминаний Дамдина говорили, что к ней нужно прикоснуться, и... Что потом? Надеюсь, что руки сами вспомнят, что делать, знаток церемоний подошёл к сундуку. Серебряная снежинка на ощупь была холодна как настоящий лёд. Касаясь её кончиками пальцев, Тукуур почувствовал, как отдаются в них удары его собственного сердца. Или это пластина пульсировала в том неслышном ритме, что пронизывал и связывал воедино все Три Мира?

Знаток церемоний закрыл глаза и вспомнил странный напев, который преследовал его в главном алтаре Святилища. Болотный огонь весело замигал, слова песни стали яснее, но их смысл так и остался за гранью понимания. Под пластиной что-то тихо щёлкнуло. Тукуур попытался приподнять крышку, и на этот раз она поддалась. Сверху лежал дорожный халат из грубой коричневой ткани. Под ним — несколько льняных рубах, часы-курительница и расшитый серебром парадный кафтан из тёмно-синей узорчатой парчи. Ниже — две связки клеймёных щепок, кинжал, три бритвы, зеркальце, набор кистей и тушечница. Наконец, под узорчатым шейным платком, растрёпанная накладная борода и шкатулка с белилами, румянами и прочими притираниями, какими гримируют себя шаманы перед ритуальными представлениями. Разложив всё на кровати, знаток церемоний с сомнением посмотрел на грим. Он не обладал ни навыками, ни самоуверенностью Дамдина, чтобы пройти незамеченным под носом у врагов. Но Тукуур не сомневался, что рано или поздно заговорщики всё равно заставят его выбирать между жизнью близких и верностью присяге. Так почему бы не подправить сценарий этого спектакля?

Шаман решительно подошёл к погасшей жаровне, взял из неё пригоршню золы и, смешав её с птичьим жиром и пальмовым маслом, начал натирать лоб и щёки. Закончив с мазью, знаток церемоний растрепал волосы и, смазав бороду древесной смолой, приклеил её

к подбородку и подвязал на затылке, спрятав в волосах тонкие тесёмки. Его осунувшееся от бессонницы лицо с тёмными мешками под глазами оказалось хорошей основой для маскарада, но вот заляпанный кровью прорицателя кафтан никуда не годился. Подумав, Тукуур расправил дорожный халат Дамдина. Посланник Прозорливого был выше и крупнее Тукуура, но бедные горожане нередко носили одежду не по размеру. Накинув грубое одеяние, шаман вдруг почувствовал, как что-то упёрлось ему в бок. Ощупав ткань, он обнаружил потайной карман, в котором скрывался лакированный футляр для свитков. Внутри лежал перевязанный лазурной тесьмой документ, вокруг которого была обёрнута записка без подписи и печати, написанная мелким аккуратным почерком.

"Имя человека, ранившего Вас в Улюне — Темир Буга, первый плавильщик Бириистэна. Будьте в праздничный день у алтаря, посмотрите, как он танцует с мечами, и убедитесь в правоте моих слов. Его жена умерла, но младшая из дочерей унаследовала её силы и способности. Поспешите, и сможете завершить начатое. Приложенный документ послужит надёжной уликой".

Понимая, что другого случая может не представиться, Тукуур торопливо развязал тесьму и развернул свиток. Это была подорожная Темир Буги, выданная ему в Орхонском сургуле. "Волей духов, избранник Дракона Темир Буга, с благословением Стального Феникса, определяется в портовый город Бириистэн, о чём ему выдана настоящая охранная грамота. Прошу моих соратников, мудрейших и доблестнейших, облегчить тяготы пути моего достойного ученика и удостоверить, что он не медлил и не отклонялся от избранного пути. Подписано: Вакиш Цэрэн, милостью Дракона законоучитель Орхонского сургуля, соратник третьего ранга на пути мудрости, удостоенный титула "Искрящийся на свету". Писано в первый день первого месяца года синего сокола, пятьдесят восьмой от возвращения Смотрящего-в-ночь в двадцать первый раз". Ниже отиска большого пальца и печати орхонского правителя одна под другой выстроились краткие записи и отпечатки пальцев двух законоучителей и семи сельских наставников. На первый взгляд документ был в порядке, но ниже записи улюнского наставника было всего две других. Темир Буга явно спешил и останавливался в самых захолустных святилищах. А запись могойтинского наставника указывала: "Прибыл в Могойтин на третий день по празднеству духов урожая с женой Аси, из Бэргэнов телембинских". Тукуур подошёл к окну и дважды перечитал какракули наставника. Нет, ему не показалось. Документ ясно свидетельствовал, что Аси приходилась знатоку церемоний тёткой со стороны матери. Как могло получиться, что он не знал об этом?

Ответы лежали за стенами крепости, и Тукуур, глубоко вздохнув, взялся за ручку двери, но тут же с досадой ударил по стене. Он совсем забыл про дамдинову сферу! Как он собирается прятаться, когда над его головой в буквальном смысле горит болотный огонь? Шаман разочарованно посмотрел на летающий светильник. Тот виновато моргнул фиолетовым, но тут же подпрыгнул в воздухе и замигал ярко-жёлтым. Покалывание в плечах усилилось. Тукууру показалось, что маленький дух хочет, чтобы шаман следовал за ним. Знаток церемоний шагнул к огоньку, и тот, покрутившись в воздухе, вылетел в окно. Нахмурившись, Тукуур выглянул наружу. У подножия башни стояло шестеро военных стражников. Двое из них прогуливались перед воротами, четверо застыли по обе стороны от арки, опираясь на меч-рогатины. Знаток церемоний мысленно обругал себя за глупость. Неужели он думал, что Максар оставит своё "знамя" без охраны? Солдаты, конечно, видели, что никто кроме Тукуура не входил в башню.

Шаман посмотрел по сторонам, выискивая взглядом болотный огонь. Дамдинова сфера

застыла в воздухе над крышей общей столовой. От малой башни её отделяло меньше метра, но нужно было выбраться из окна и пройти до угла по узкому черепичному козырьку. Чёрные керамические черепки местами разболтались и поросли скользким мхом. "Отличная метафора для ситуации, в которой я оказался", — подумал Тукуур. Пытаясь унять бешено бьющееся сердце, он воззвал к Дракону, и откуда-то издалека пришла тёплая волна спокойствия и уверенности. Замкнув дверь изнутри, шаман перекинул ногу через подоконник и протиснулся в окно, радуясь своей худобе. Черепица под его ногами треснула, заставив знатока церемоний судорожно вцепиться в край окна. Переведя дух, Тукуур осторожно ощупал ногой несколько ближайших изгибов черепицы. Одна из плиток явно болталась, но две других казались вполне надёжными. Цепляясь за щели между камнями, знаток церемоний перенёс вес на левую ногу и стал на следующую черепицу. Стараясь не смотреть вниз, он ощупывал путь как слепец, не доверяя своим чувствам. Было бы куда легче, если бы в детстве он меньше сидел над книгами и больше бегал по крышам вместе с детьми слуг и ремесленников. Но, в любом случае, никто из его уличных приятелей никогда не забирался так высоко.

Добравшись до углового изгиба, он ухватился за фигурку речного дельфина, венчавшую конёк, и медленно развернулся. К счастью, никто из стражников не решил посмотреть вверх, а от часовых на стене его скрывала громада главной башни. Собравшись с духом, Тукуур присел и что есть силы оттолкнулся от козырька, выбросив вперёд руки. Грохот его приземления, казалось, должен был переполошить весь гарнизон. Шаман больно ударился коленом о выступ узорчатой черепицы, нога на несколько мгновений онемела. Тукуур распластался на крыше, с замиранием сердца прислушиваясь.

— Эй, слышали? — встревоженно спросил один из стражников.

— Что? — лениво откликнулся другой.

— Какой-то шум на крыше!

— Наверное, опять кот коменданта. Вечно пытается ловить там ящериц, жирная скотина. Вот увидишь, однажды он свалится нам на головы!

Стараясь не шуметь, знаток церемоний пополз вверх к гребню крыши. Болотный огонь летел впереди, указывая путь. Следуя его подсказкам, Тукуур перевалил через гребень и осторожно спустился к краю крыши в том месте, где к двухэтажной столовой примыкала более низкая пристройка, в которой располагались кухня и склады. Внизу сновали подсобные рабочие, внося на кухню рис, мясо и зелень. Обрезки и очистки они сваливали на ручные тележки. Быстро оглядевшись, знаток церемоний увидел бассейн для сбора дождевой воды, пристроенный к задней стене кухни. По глиняным трубам вода поступала прямо внутрь здания. Убедившись, что вокруг никого нет, шаман спрыгнул на борт бассейна, а затем осторожно слез на землю. Теперь он достаточно пропылился, чтобы сойти за одного из бедных горожан, нанявшихся в гарнизон чернорабочим.

Тукуур вопросительно посмотрел на летающий светильник. Тот взлетел повыше, чтобы не попасться на глаза солдатам. Надеясь, что болотный огонь не привлечёт внимание в самый опасный момент, знаток церемоний обошёл здание кухни. На его глазах один из рабочих взял полную отбросов тележку и покатиł её в сторону небольшой калитки в стене. Подождав, пока он скроется за воротами, Тукуур быстро подошёл к следующей тележке. Кухонный служитель как раз выбросил в неё большую кипу тростниковых листьев и очистков батата. Ухватившись за рычаги, шаман с усилием стронул тележку с места и поволол к калитке. Правое плечо, к которому не прижились ещё незримые вериги, сильно

саднило и пульсировало болью при каждом рывке, но Тукуур не мог позволить себе отдохнуть. Подсобные рабочие совершали по паре десятков ходок за день в дождь и зной. Остановиться — значило навлечь на себя подозрения. Отчаянно упираясь, знаток церемоний подтащил тележку к чёрному ходу. Солдаты проводили его безразличными взглядами. Хотя они уже знали от своих товарищей о драке в Святилище, никто из караульных не верил, что храмовые стражи решатся напасть на крепость.

Когда-то стены старого форта были окружены рвом, но вода в нём застаивалась и гнила. Поэтому предшественник покойного Токты распорядился засыпать ров и снести трущобы, лепившиеся к крепости. В южной части нового квартала он поселил семьи младших служителей Святилища, северная, как и прежде, осталась за гарнизоном. Постепенно служительский квартал стал считаться лучшей частью Среднего города. Дороги в нём замостили камнем, как в Верхнем городе, по краям улиц вырыли дренажные каналы. Дождевая вода теперь стекала в Рыбную слободу, туда же свозили отбросы из крепости, но цель Тукуура лежала совсем в другой стороне.

Выйдя за ворота, он медленно пересёк широкую мощёную площадь, отделявшую крепость от жилых домов. Дамдинова светильника нигде не было видно. Знаток церемоний радовался, что болотный огонь не привлекает к нему внимания, но в то же время он переживал о маленьком духе, как будто это был его друг или питомец. Протащив тележку по одной из улиц, ведущих к рыбной слободе, Тукуур свернул в безлюдный проулок. Убедившись, что стены домов скрывают его от наблюдателей на крепостной стене, шаман с облегчением выпустил из рук рычаги. Конечно, были ещё дозорные на главной башне, которым виден почти весь город, но их внимание сейчас привлекало Святилище и казармы добдобов.

Переулок должен был вывести Тукуура на улицу Фонарщиков, которая связывала кварталы служителей с ремесленной слободой возле Птичьего Базара. Оттуда можно было быстро пройти к башне наставника Стражей и войти в Верхний город со стороны улицы Землемеров. Хотя "быстро" — не слишком подходящее слово. Осторожность вынуждала шамана сделать большой крюк через средний город, пройдя через весь Бириистэн с севера на юг. Его утешало только то, что солдаты Максара тоже пойдут в обход, чтобы не столкнуться в Верхнем городе с храмовой стражей.

Оставив тележку у чьей-то старой лачуги, Тукуур зашагал по переулку на юго-восток. Подгоняемый тревогой за родителей, знаток церемоний перешёл на бег, но внезапная боль в ушибленном колене заставила его сбавить темп. Когда шаман дохромал до улицы Фонарщиков, знакомое покалывание в плечах заставило его поднять голову. Болотный огонь парил над ним, слабо светясь грязно-белым, как луч солнца, пробивающийся сквозь облака. Облегчённо вздохнув, знаток церемоний как мог ускорил шаг.

Город понемногу приходил в себя после внезапного восстания. Люди чинили поломанные изгороди, разбирали на дрова спешно наваленные баррикады. Соседи помогали друг другу. В одном месте вокруг обгоревшего дома собралась целая толпа с рычагами и молотками. На плетнях вокруг сушилась уцелевшая одежда и бельё. На Тукуура никто не обращал внимания: в своём пыльном халате он был ещё одной жертвой стихии, пожухлым листком тростника в бурлящем потоке перемен.

Светило коснулось вершины алтарного холма когда знаток церемоний добрался до обугленного остова башни Ордена. Почерневшие балки обломанными клыками грозили небу, брусчатка вокруг была усеяна битой черепицей и расколотыми саманными кирпичами.

Ворота заставы на улице Землемеров до сих пор были перегорожены баррикадой, за которой виднелись алые лакированные шляпы орденских факельщиков. Решив не рисковать, Тукуур углубился в ремесленные кварталы и через некоторое время нашёл место, где местные жители уже растащили баррикаду, обнажив пролом в глинобитной стене. Стражи поблизости не было видно, и шаман нырнул в дыру.

Хотя улицы по ту сторону стены уже были вымощены красивой разноцветной галькой, дощатые заборы и бедные дома с чёрной черепицей говорили о том, что знаток церемоний попал в окрестности Кошачьего проулка — самую бедную часть Верхнего города, где ютились младшие чиновники со своими семьями. На самом краю этого квартала, выходя воротами на более респектабельную улицу Землемеров, стоял дом его отца, окружённый высокой живой изгородью.

Смутное ощущение или воспоминание об опасности заставило Тукуура найти старый полузаросший лаз, которым он нередко пользовался в детстве. Едва не расцарапав лицо острыми ветками, знаток церемоний протиснулся на задний двор. Невесть как забредшие сюда цыплята с писком бросились из-под ног, а большая пёстрая курица угрожающе заскрипела на него, растопырив крылья. Несмотря на этот шум, ни Джалур, ни его жена не выглянули из своего домика. Страх и тревога с новой силой вспыхнули в груди шамана. Стараясь больше не шуметь, он прокрался вдоль стены дома к террасе. Из гостиной доносились приглушённые голоса, но Тукуур не мог разобрать слов. Решившись, он оторвал накладную бороду, поднялся на террасу и зашёл в дом. Его родители сидели за столом, Джалур разливал в пиалы чай. Увидев Тукуура, старый слуга уронил чайник и сложил пальцы в жесте изгнания. Лицо отца стало горько-отрешённым, во взгляде матери смешались страх и надежда.

— Мне сказали, что ты убил нашего отца и правителя, — строго произнёс Айсин Алдар, не давая сыну вымолвить ни слова. — Это правда?

Вопрос застал Тукуура врасплох. Он застыл с приоткрытым ртом, глядя на отца. Болотный огонь вылетел из-за его плеча и замерцал фиолетовым. Старый слуга в ужасе прижался к стене. Знаток церемоний закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Не вся правда, отец. Скажи, Токта был суеверным человеком?

Алдар нахмурился.

— Он был правителем области, назначенным волей Смотрящего-в-ночь. Что значит твой дерзкий вопрос?

— Наш законоучитель обвинил Улагай Дамдина, посланника Прозорливого, в попытке навести на него порчу. Тогда младший плавильщик Кумац встал и зарезал прорицателя как свинью, а всё из-за того, что свечи на столе правителя загорелись зелёным.

— И ты решил мстить за человека, который схватил тебя и околдовал? — тихо спросила мать. — Ты помнишь, как он угрожал мне?

Знаток церемоний болезненно сощурился. "Взываю к вашим сыновним чувствам..." — вновь услышал он. Значит, всё-таки не было баррикад и контузии. Был плен и незримые вериги, лишившие Тукуура части памяти. Но сейчас это не имело значения.

— Токта попытался проткнуть меня серебряным ножом как какую-то нечисть, — горько ответил он. — Но эта сфера убила его молнией. Вот как было. Но прошу вас, оставим вопросы на потом. Скоро здесь будут солдаты Максара, чтобы отвести вас в крепость! Нам нужно уйти раньше...

— Как мы можем тебе верить? — прервал его отец. — Когда над тобой горит болотный

огонь?

Горькая обида сдавила горло Тукуура железной рукой, в глазах защипало, он он сдержал слёзы.

— Если человек не может верить своим родным, — сдавленно произнёс он, — То кому ему верить?

— Своим клятвам, — раздался вдруг из-за ширмы голос Холома. — И воле Дракона.

Страж вышел из-за ширмы, сжимая в руке боевой веер. Под его глазами залегли чёрные тени, голова была перевязана алым платком. На чёрном орденском кафтане был вышит жёлтый контур маяка Прибрежной Цитадели — знак свеченосца.

— С повышением, дружище, — криво усмехнулся ему Тукуур. — Твой визит — честь для этого дома, и всё такое. Хотя честно говоря, меня здорово печалит, что из нашей гостиной сделали зал присутствия.

— Таков путь соратника Прозорливого, — развёл руками Холом. — Тебе ли не знать.

— Что теперь? — скривился знаток церемоний. — Будешь взывать к моим сыновним чувствам как Дамдин?

Страж покачал головой.

— Я ждал от тебя совсем других оправданий. Честно говоря, я вообще не думал тебя здесь увидеть. Отец решил, что вы с Максаром засядете в крепости, подняв знамя посланника, и будете звать армейские подкрепления, чтобы захватить город.

— Думаю, Максар так и хотел, — проворчал Тукуур. — Он назвал меня "своим знаменем" и запретил выходить за ворота. Но воодушевлять заговорщиков не входило в мои планы.

— Значит, ты обвиняешь Максара, — заинтересованно склонил голову Холом. — Почему?

— Он замял дело со сколопендрой и довольно прозрачно посоветовал мне в него не соваться.

— О чём, во имя Дракона, вы говорите? — прервал их Айсин Алдар.

— Мы расскажем, — пообещал Тукуур. — Но нужно уходить!

Холом недовольно кивнул.

— Да, наверное, расскажем, — процедил он. — И да, пора уходить. Только куда?

— В порт, — уверенно сказал знаток церемоний. — Укроемся на "Огненном буйволе"!

— Слишком далеко, — возразил Холом. — А пристани в руках армейских. Спрячемся в подвале сгоревшей башни и подождём. К вечеру отец со стражниками осадит старую крепость, и можно будет уйти в Святилище. А через два-три дня здесь будут мои боевые братья с острова Гэрэл.

— Храмовой страже я тоже не доверяю, — возразил Тукуур.

— Мы все можем укрыться у моего зятя, — внезапно сказал старый Джалур. — Он живёт недалеко, в конце Свиного переулка. Там, конечно, тесно и, наверное, грязно...

— Для меня будет честью посетить твою семью, — твёрдо заверил его Алдар. — Но мы не хотели бы принести с собой беду.

— Беда приходит ко всей семье, — покачал головой слуга. — И тот, кто делает вид, будто это не так, никогда не достигнет Верхнего Мира.

— Веди, — коротко бросил Холом и, обратившись к Тукууру, добавил: — А ты спрячь свой светильник хотя бы под полу халата.

В глинобитной хижине семьи Джалура даже днём царил полумрак. Единственное окошко было затянуто мутной плёнкой буйвольего пузыря, в углу комнаты потрескивала небольшая жаровня. На улице снова зарядил дождь, его крупные капли глухо били по крытой тростником крыше. Дочь Джалура Заяна, круглолицая смуглая женщина с изъеденными мыльным порошком руками, приготовила для гостей травяной чай с овечьим жиром и ушла в заднюю комнату. Её муж Унэгжаб со старшим сыном мок на крыше сарая, высматривая, не идут ли к дому солдаты или добдобы. Родители Тукуура пытались его отговорить, но зять Джалура не пожелал ничего слышать.

— Вы, господин Алдар, нас почти не знаете, — сказал он. — Но мы знаем, что Вы человек праведный, и будем беречь как своего духовного учителя.

Когда он ушёл, Тукуур выпустил на волю болотный огонь, чтобы хоть немного осветить комнату. Холом опёрся локтями о стол и напряжённо молчал, глядя на знатока церемоний. От его взгляда по плечам и шее шамана бегали мурашки, покалывая его в каком-то странном ритме. Постепенно Тукууру стало казаться, что он слышит биение трёх сердец — собственного, сердца Холома и сердца маленького духа, заключённого в болотный огонь. Три ритма смешивались, рождая какофонию, но, сосредоточившись, их можно было отличить друг от друга. Холом задумчиво побарабанил по столу, и Тукуур понял, что страж отстукивает его ритм.

— Слышишь его? — спросил Холом, проследив за взглядом шамана.

Тукуур неуверенно кивнул.

— Мне не кажется? — спросил он. — Что это?

Страж неопределённо взмахнул рукой.

— Позже узнаешь, и не от меня. А сейчас вернёмся к делу Дамдина. Ты говоришь, его убил Кумац?

Шаман снова кивнул:

— Похоже, он был из Хора, как Темир Буга.

Айсин Алдар недоверчиво посмотрел на сына, но лишь молча покачал головой.

— И Максар... — пробормотал Холом. — Логично, на самом деле. Это ведь он постоянно обвинял Морь Эрдэни. Получается, привёл нас прямо в западню. А Эрдэни сдался ему, чтобы обвинить законоучителя. Но почему они убили подставного свидетеля?

— Думаю, им нужна была бойня, а не суд, — пожал плечами Тукуур. — И они своего добились.

— Может быть... Но какова роль Дамдина? — прищурился страж.

— Его заманили в город умышленно, — уверенно ответил знаток церемоний. — Вот, прочти.

Он достал из потайного кармана футляр со свитком и протянул Холому. Тот удивлённо цокнул языком.

— Темир Аси из Бэргэнов телембинских?

— Невозможно, — мотнула головой мать Тукуура. — Я хорошо знаю Галдана и его дочерей, Аси не была похожа ни на одну из них. Да и разумно ли, приехав в незнакомый город и найдя в нём родственников, скрывать своё родство?

Знаток церемоний смущённо кивнул. Если бы Илана была его кузиной, рано или поздно кто-то намекнул бы ему, что не стоит и смотреть в её сторону. Брак между родственниками мог навлечь на оба рода проклятие. Не зря после того как Смотрящий-в-ночь запретил такие союзы стало рождаться гораздо меньше детей-колдунов.

— Я думаю, билгор Буга назвал первую знакомую ему фамилию, — задумчиво сказал Айсин Алдар. — А когда узнал, что в Бириистэне живёт женщина из Бэргэнов ховдских, придумал что-то другое.

Найрана бросила на мужа укоризненный взгляд.

— Прости, что говорю о тебе в третьем лице, — виновато сказал старый чиновник.

— Хотелось бы увидеть, какая подорожная лежит в архиве сургуля, — поспешил сгладить неловкий момент Тукуур. — Если она там лежит.

— Должна лежать, — хмуро ответил Холом. — И в ней должна быть запись о браке.

— Верно, — согласился знаток церемоний. — Если бы билгор Буга женился ещё в Орхоне, об этом была бы запись. Если он женился по пути, об этом тоже должна быть запись. Странно, что могойтинский наставник этого не заметил.

— В Могойтин за остроту ума не отправляют, — фыркнул страж. — Но это наше счастье, что наставник оказался туповат. Более умный содрал бы с Буги побольше щепок и забыл бы про то, что видел Аси.

— Мы увязли в мелочах, — перебил его Алдар. — Все эти детали, возможно, помогут вам найти ещё кого-то из заговорщиков. Может, даже главаря. Но их план больше личной мести, больше борьбы за власть и больше Бириистэна. Мы, как соратники Прозорливого, обязаны разгадать план и сорвать его. Вот что должно быть целью.

— Мудрый Алдар прав, — кивнул Холом. — Разберём снова цепочку фактов. Кто-то достаточно влиятельный приютил в городе Темир Бугу с супругой и скрыл их от взора Ордена. Кто-то знавший об этом раздобыл подлинную подорожную Буги и отправил её Дамдину, пообещав, что Буга выдаст младшую дочь. Но Буга оказался мёртв, нить, ведущая к его дочери-колдунье, оборвана, а вместо неё прорицателю в руки вложили нить, ведущую к местному законоучителю. До событий этого утра я был почти уверен, что Дамдин заодно с заговорщиками. Он мог обвинить Токту в ереси и укрывательстве колдуна, предъявить эту подорожную в качестве доказательства и стать временным правителем Бириистэна, сделав из города крепкую базу Хора. Но вместо этого прорицатель отправился договариваться с законоучителем, буквально подставив горло под нож. Почему? И почему болотный огонь его не защитил?

Туккур молча пожал плечами. Он не был готов рассказывать о своей ночной молитве и видениях. В светящейся сфере — он был уверен — жила частица безбрежного сознания Последнего Судьи, и Дракон спас жизнь Тукууру, одновременно разорвав его связь с Дамдином. "Я освобожу тебя", — сказал он. И сдержал своё слово.

— Я думаю, посланник Прозорливого разгадал часть замысла заговорщиков, — задумчиво сказал отец Тукуура. — И попытался его сорвать, но не преуспел. Ведь очевидно, что сектанты стремились посеять между ним и Токтой вражду. Думаю, у Токты на руках тоже были какие-то доказательства, порочащие Дамдина. Если бы прорицатель обвинил его в ереси, правитель ответил бы тем же, и город точно так же оказался бы расколот на две фракции.

— Смута ради смуты... Проклятие! — Холом резко дёрнул головой и тихо зашипел от боли.

— Они хотят, чтобы мы вызвали подкрепления, — глухо произнёс Тукуур. — Дамдин против Токты или я с Максаром против твоего отца — не важно. Город расколот, силы примерно равны...

— И боевым братьям с острова Гэрэл нужно гасить этот пожар, — закончил Холом. —

Высадившись здесь, Стражи увязнут в боях с армией Дракона. Я уверен, Темир Буга успел произвести в командиры достаточно тех, чьих родственников-колдунов коснулась рука Ордена!

— Возможности первого плавильщика не безграничны, — возразил Айсин Алдар. — А мастера Ордена имеют силу и способности низлагать посланников Прозорливого. Я не думаю, что солдаты пойдут против Ордена. Но стражам придётся потратить не меньше недели на путь сюда и обратно, да ещё неделю на разбирательства и усмирение самых горячих. А на это время остров Гэрэл останется почти без охраны.

— Прибрежная Цитадель неприступна! — горячо воскликнул Холом. — Даже горстка защитников сможет удерживать её стены гораздо дольше двух недель.

— Ах, мне бы Вашу уверенность, юноша... — покачал головой Алдар. — В любом случае, мы должны предупредить Орден.

Страж помрачнел.

— С этим проблема, — нехотя признал он. — Птицы Святилища улетели с просьбой о помощи, птицы наставника сгорели в огне. Птицы крепости в руках Максара и, возможно, тоже мертвы. Всё, что мы можем — разоблачить главарей бунта до того, как придут подкрепления.

— И для этого нам нужно попасть в архив, — добавил Тукуур.

— Нам? — переспросил Холом. — Не взыщи... Хотя нет, я не прав. Идём. Только приклей на место свою бороду.

— Да хранят вас духи четырёх сторон света, — промолвила мать Тукуура, скрестив руки в благословляющем жесте.

— Будьте осторожны и не рискуйте понапрасну, — хрипло вторил ей Айсин Алдар.

**

Холом едва не допустил фатальную оплошность. После того, что столичный прорицатель сделал с Тукууром, он не мог доверять юному шаману и совершенно не хотел посвящать его в тайны следствия. Но Тукуур больше не был обычным человеком, которого можно отпустить на все четыре стороны. Из-за клятвопреступления Дамдина знаток церемоний оказался посвящённым в тайны незримых вериг. Более того, волшебные браслеты непостижимым образом пробудили в нём эхо грозы. Теперь Холом мог слышать его внутренний ритм, слабый, сбивчивый, но отчётливый. А Тукуур, похоже, слышал ритм Стража и болотного огня в придачу. Была ли в Тукууре, как и в Холоме, частичка проклятой крови, или незримые вериги могли не только усиливать, но и даровать такие способности? На этот вопрос могли ответить только мастера Ордена, и им же предстояло решать судьбу знатока церемоний. А Холом едва не подтолкнул его к тому, чтобы бежать из города вместе с родителями! К счастью, любопытство или, быть может, любовь к справедливости ослепили природную осторожность Тукуура.

Улан Холом бросил быстрый взгляд на шедшего за ним товарища. Соломенная шляпа Унэгжаба скрывала верхнюю половину его лица, пыль и накладная борода делали почти неузнаваемой нижнюю. Светящаяся сфера пристроилась у ног шамана, иногда неестественно оттопыривая полу поношенного халата. Когда это Тукуур научился так хорошо общаться с летающим осколком проклятых времён? Говорили, что вместе с незримыми веригами к

ученику переходит честь умений мастера. А если Тукуур теперь немножечко Дамдин, то стоило бы пореже поворачиваться к нему спиной.

Десять факельщиков — всё, что осталось от секции Ордена Стражей в Бириистэне — дожидались их у ворот Верхнего города.

— Здесь были солдаты, нохор Холом! — почтительно кланяясь, доложил их старший. — Сказали, что ищут убийцу законоучителя. Потребовали пропустить их в тот дом, из которого Вы ушли два часа назад. Я сказал, что мы уже обыскали его, и там никого нет, но они не поверили. Бумаги у них были в порядке, пришлось пропустить.

— Сколько их было? — мрачно осведомился страж. — И кто их послал?

— Два десятка, господин! — ответил старший. — Ордер выдал доблестный Дзамэ Максар, третий плавильщик.

— Убийцу законоучителя, значит, — криво усмехнулся Холом. — Похоже, нохор Максар будет уверять нас, что он не спрятал Тукуура в крепости, а посадил под замок. Умный ход...

— Какие будут распоряжения, нохор Холом? — спросил факельщик.

— Собирайтесь. Возвращаемся в Святилище.

Десятник подозрительно покосился на Тукуура.

— Этот оборванец пойдёт с нами?

— Это мой тайный осведомитель, — пояснил страж. — Он мне ещё пригодится.

Факельщик приложил кулак к груди и принялся отдавать приказы. Его подчинённые построились коробочкой вокруг Холома и Тукуура, и небольшая процессия двинулась вверх по улице Землемеров. Дождь барабанил по лакированным шляпам, полы кафтанов намокли и липли к ногам. Слушая плеск воды под ногами, Улан Холом думал о том, что отец Тукуура, похоже, оказался прав. Максар явно не собирался героически погибнуть в бою со стражами, раз он уже приготовился обвинить во всём Тукуура и Дамдина. Неужели заговорщики и впрямь готовились напасть на Прибрежную Цитадель?

Храмовых стражей у ворот Святилища было вдвое больше обычного, но сами ворота оставались открытыми. Увидев отряд факельщиков, добдобы расступились, не задавая вопросов. Ничто в их поведении не говорило о том, что город находится на грани междоусобицы. Миновав ворота, маленький отряд направился к большому комплексу построек в западной части Святилища, где располагался бириистэнский сургуль и его службы.

У ворот сургуля их, наконец, остановили трое закутанных в плащи хранителей внутренних покоев. Двое из них сжимали рукояти коротких стальных жезлов, третий вскинул на изготовку небольшой арбалет.

— Приказом первого гранильщика сургуль закрыт до особых распоряжений, — бесцветным голосом прошелестел один из гвардейцев.

Холом нервно оглянулся на своих солдат. На дистанции факельщики, возможно, и справились бы с тремя телохранителями Токты, но в ближнем бою у них не было шансов. А у него, увы, не было власти, чтобы приказать хранителям отойти. Страж хотел было уже отправиться к отцу за разрешением, когда Тукуур глухим голосом спросил старшего гвардейца:

— Стражник, сколько ночи?

Хранители переглянулись.

— Приближается утро, но ещё ночь, — ответил арбалетчик, и троица отошла в тень

ворот.

— Что это за пароль? — шёпотом спросил Холом, когда они вошли во внутренний двор.

— Подслушал у Кумаца, — тихо ответил знаток церемоний.

Во дворе сургуля уже горели фонари, но не было видно ни служителей, ни наставников. Длинное низкое здание архива тонуло в полумраке, с листьев выросшего у его входа раскидистого добана срывались крупные капли. Отправив одного из факельщиков за старшим писарем, Холом снял со стены фонарь и вошёл внутрь.

В главном зале рядами выстроились столы переписчиков, у стен высились шкафы со свитками, связками медных табличек и папирусными книжицами. Поставив фонарь на один из столов, Холом сел рядом и нервно постучал пальцами по крышке. Тукуур сел напротив него, подоткнув полы халата так, чтобы дамдинова сфера спряталась в его складках. Вскоре в здание вошёл факельщик, подгоняя сухощавого старика в болотно-зелёном кафтане с вышитыми на груди тремя перьями феникса.

— Кто вы и по какому праву тревожите меня после захода Светила? — неприязненно осведомился старший писарь.

— Из уважения к Вашим сединам, билгор, я не стану указывать, что ответ вышит на моём кафтане, — процедил Холом. — Я веду дело об убийстве Темир Буги по приказу Ордена Стражей. Прошу Вас проявить должное почтение к моим священным правам.

— Сан переписчика не менее священен, чем Ваш, билгор, — проворчал старик. — Но из уважения к трудам Ордена я не буду настаивать на своих привилегиях. Чем я могу помочь следствию?

— Нам нужна подорожная покойного плавильщика, а также свидетельства о смерти его жены и младшей дочери, — ответил страж.

Писарь удалился в заднюю комнату и через некоторое время вернулся с тремя свитками. Холом развернул подорожную из архива рядом с той, что принёс Тукуур, но в неверном свете масляного фонаря разобрал лишь, что в архивном свитке почти вдвое больше записей.

— Достань свою лампу, — приказал он знатоку церемоний.

Тукуур неохотно развернул складки халата, и болотный огонь выпорхнул на свободу, осветив стол мертвенно-белым светом. Старший писарь нахмурился и подозрительно посмотрел на посетителей, но промолчал.

— Печати канцелярий в порядке, — пробормотал страж. — А вот оттиски пальцев другие. Мудрейший! У Вас есть официальные письма из Орхона, Баянгола, Улюна или Могойтина того же года, что и эта подорожная?

Не говоря ни слова, писарь снова скрылся в хранилище.

— Здесь сказано, что Буга женился в Баянголе, — прочёл Тукуур. — На Аси, дочери купца из рода Намба аргадинских.

— Разумно, — кивнул Холом. — Баянгол выше по течению, чем Улюн. С этой записью выходит, что Темир Буга прибыл в Улюн уже женатым, а не отбил Аси у тамошних факельщиков, как утверждал Дамдин.

Тукуур развернул свидетельства о смерти.

— Темир Айяна покинула Средний мир вслед за своей матерью в седьмой месяц четвёртого года от двадцать второго возвращения Смотрящего-в-ночь. По милостивому разрешению законоучителя Бириистэна мать и дочь были преданы огню в один час, прах их помещён на кладбище соратников Прозорливого.

— Концы в воду, — хмыкнул страж.

— Вещи в потайной детской принадлежали девочке пяти или шести лет, — хмуро сказал знаток церемоний. — По-видимому, признаки проклятия проявились сразу после рождения, и нохор Буга спрятал дочь, солгав, будто она родилась мёртвой. А сожгли мертворождённое дитя какой-нибудь крестьянки, заплатив матери за молчание.

— Хорошо если так, — проворчал Холом.

За этой записью вполне могло скрываться ещё одно убийство, но спустя двадцать лет не стоило и пытаться раскрыть какие-то подробности.

Старший писарь безмолвно вынырнул из хранилища и положил перед ними ещё два свитка. Улан Холом выбрал один из них наугад. Это оказалась копия столичного циркуляра об изъятии некоторых комментариев к Завещанию Первого, в которых хранители традиций усмотрели ересь. На полях мелким почерком было выведено: скопировать и разослать для ознакомления всех провинциальных наставников. Тукуур пристально посмотрел на эту резолюцию и положил рядом с ней анонимную записку.

— Та же рука, — сказал он. — Только чья?

Холом закрыл глаза и до боли сжал кулаки. Такие указания для старшего писца мог оставить только правитель провинции или его первый помощник. И теперь, когда два образца почерка лежали рядом, страж понял, что всё это время он отрицал очевидное. Почерк этот был ему хорошо знаком. С годами он изменился, но характерные особенности были те же — старомодное начертание слога "ча" в виде гусиной лапки, а не крыла летучей мыши как принято сейчас, взлетающий силуэт птицы в признаке гласной "э"... Множество мелочей складывались в портрет человека, которого юный страж знал всю жизнь, и при этом, оказывается, не знал вовсе.

— Моего отца, — глухо сказал он. — Первого гранильщика Улан Баира.

Айсин Тукуур устало опустил плечи. Похоже, он хотел что-то сказать, но промолчал, сложив пальцы в жесте сочувствия. Холом скрипнул зубами.

— Я — рука Ордена, — зло прошипел он. — И я не дрогну!

Что бы сделал Тукуур, если бы его отец оказался предателем? Наверное, превратился бы в безвольную медузу. Семья была его позвоночным стержнем. Но Холома, к счастью, готовили к этому дню. Пусть его позвоночник надломлен, верность Ордену станет крабьим панцирем, сохраняющим разум и дух.

Страж внимательно рассмотрел отпечатки пальцев баянгольского законоучителя на трёх документах. Как и следовало ожидать, на дорожной из сундука Дамдина и на циркуляре они совпадали.

— Где сейчас мудрейший Баир? — спросил Холом у писаря.

— Молится духам в главном алтаре, — высокопарно ответил тот.

— Самое время, — усмехнулся страж. — Пора и нам принести свои прошения Последнему Судье!

Когда они вышли из ворот сургуля, гвардейцев там уже не было. Приказав факельщикам быть начеку, Холом вынул из-за пояса боевые веера. Шаги стражников тонули в скрипе ночных цикад. В слабом свете масляных фонарей парковые деревья казались застывшими чудовищами. За ними высилась тёмная громада алтарного холма, освещённая изнутри ажурная беседка на его вершине казалась сплетённой из шёлкового кружева.

Улан Баир сидел на голом полу перед алтарным зеркалом. Когда Холом, Тукуур и двое факельщиков вошли в беседку, он плавно встал и повернулся к ним. Один из гвардейцев тут же вынырнул из тени за изваянием Стального Феникса и стал между гранильщиком и

вошедшими.

— Радуйся, просвещённый Баир! — горько воскликнул Холом. — Ибо твой план почти удался!

Градоначальник сцепил руки на животе и уставился на сына совиным взглядом.

— Объяснись, — коротко бросил он.

— Я знаю, что ты укрыл в городе Темир Бугу и его жену-колдунью, которую он отбил у улюнских факельщиков и Улагай Дамдина, — зло ответил Холом. — Ты же, когда пришло время, заманил Дамдина в Бириистэн, прислав ему подлинную подорожную Буги. Ты же убедил законоучителя Токту в том, что Дамдин хочет отобрать у него трон. В самом деле, разве слов младшего плавильщика Кумаца могло быть достаточно, чтобы убедить правителя области? Ты же убедил Темир Бугу покончить с собой, чтобы заманить Дамдина в ловушку. Твои люди убили свидетеля Морь Эрдэни после того, как он обвинил Токту, чтобы он вдруг не изменил показаний. Твой слуга Кумац убил посланника Прозорливого, а твой слуга Максар хотел использовать его преемника чтобы развязать в городе смуту. Ты послал птиц на остров Гэрэл прося помощи, и помощь скоро придёт, оставив Прибрежную Цитадель без охраны. Прекрасный план, отец, но тебе следовало также отравить меня, пока я был во власти твоего лекаря!

Улан Баир устало вздохнул, досадливо сморщив губы.

— Я возлагал на тебя большие надежды, сын, — процедил он. — Отдал тебя на воспитание лучшему мастеру Ордена. Закрыв глаза на то, что ты произвёл себя в свеченосцы после гибели Бадмы. Надеялся на твою помощь. А вместо этого ты притащил сюда эту марионетку столичного прорицателя, — гранильщик небрежно махнул рукой в сторону Тукуура. — И размахиваешь перед моим лицом нарисованными им бумагами. С его подачи винишь меня во всех бедах города. Такова твоя сыновья почтительность?

Холом с шумом втянул воздух. "Чего ты хотел?!" — спросил он себя. — "Чтобы отец во всём признался?" Скорбь, обида и злость переполняли стража, грозя вырваться гибельным смерчем. "Да, хотел", — понял он. Хотел увидеть хоть какие-то эмоции, разбить проклятую маску. Но она была гораздо крепче. Выдохнув, Холом покачал головой.

— Мои доказательства точны, отец, — холодно сказал он. — Мастера, за уроки которых я должен быть тебе благодарен, увидят это. Именем Ордена...

— Не ты говоришь здесь от имени Ордена, — перебил его Баир.

Первый гранильщик поднял к небу палец, на котором сверкнул перстень с гербом Срединной Цитадели.

— Ты отправишься на суд мастеров, но не как обвинитель. Стража! Арестовать этих глупцов!

Холом раскрыл боевой веер. Краем глаза он заметил, как болотный огонь вылетел из-под полы халата Тукуура, заставив факельщиков попятиться, но гвардеец тут же нажал кнопку на рукояти своего жезла. Жезл издал неприятный гул, и сфера со стуком упала на пол. Страж попытался достать телохранителя веером, но тот змеёй перетёк ему за спину и легко ткнул в бок своим жезлом. Мир вспыхнул яркими красками и тут же погрузился во тьму.

**

Илана стояла на носу колёсной барки, пристально всматриваясь в затянутый иссиня-

чёрными тучами горизонт. Позади неё протянулась заросшая джунглями линия побережья, изрезанная укрытыми от глаз заливами и бухточками, впереди раскинулось бесконечное свинцово-серое полотно Великого Океана. Где-то у размытой границы неба и воды пульсировал в ритме древних песен ярко-синий огонь древнего маяка на острове Гэрэл. Чуть ближе виднелись маленькие грязно-серые пятна, которые дочь плавильщика вначале приняла за облака. Опершись спиной о невысокую сигнальную мачту, Илана поднесла к глазу найденную в багаже шамана бронзовую подзорную трубу. Качество линз оставляло желать много лучшего, но даже они позволяли различить квадратную форму "облаков" и тёмные силуэты корпусов под ними.

— Паруса! — крикнула бунтовщица. — Пять или шесть джонок!

Ловкий Восьмой, которого команда выбрала новым капитаном, отозвался сложной трелью. Приятель мохнатого из людей-гребцов переложил руль на левый борт, бывшие каторжники и добровольцы из освобождённых рабов налегли на ворот гребного механизма. Барка медленно повернулась на восток и поползла вдоль лесистого побережья. Её низкий корпус пока терялся на фоне хмурого океана, но Илана была уверена, что у капитанов "Медовой Лозы" подзорные трубы отличного качества. Хотя у бунтовщиков была возможность заковать рабов обратно в цепи и сделать вид, что ничего не произошло, им совершенно не хотелось отвечать на вопросы орденских братьев и их карманных пиратов.

Повинуясь приказу капитана, рулевой ещё сильнее повернул судно к берегу. Теперь приливные волны подгоняли баржу, но наполненные попутным ветром паруса океанских джонок влекли их вперёд гораздо быстрее. Илана уже могла различить нарисованные на ткани гербы — лиану с резными листьями, обвившуюся вокруг священного обелиска. Семь тяжёлых трёхмачтовых джонок возглавляли флотилию, за ними словно выводок утят следовали мелкие сампаны и сигнальные шлюпки. Яркие флаги трепетали на мачтах, грозно глядели вперёд нарисованные на носах глаза. Армада держала курс на главный рукав дельты Великой Реки, по которому даже корабли с глубокой осадкой могли пройти до Бириистэна.

Гребная барка бунтовщиков изо всех сил пыталась уползти с дороги орденской флотилии, но, как и предполагала Илана, их заметили. Прогремел пушечный выстрел, приказывая барке лечь в дрейф. Над грот-мачтой головной джонки развернулось и заплескалось на ветру чёрное знамя с алым силуэтом древнего маяка. Мохнатый капитан, переваливаясь, подошёл к дочери плавильщика. "Твой выход", — показал он жестами. Беглянка, одетая в красно-коричневый кафтан одного из добдобов, кивнула.

— Эй, в трюме! — крикнула она. — Пристегнуть цепи!

Метнувшись в каюту старого шамана, Илана схватила знамя Белой Крепости и прицепила его к сигнальной мачте. Голубое полотнище с белыми воротами захлопало на ветру. Одномачтовый сампан отделился от армады и направился к колёсной барже. Небольшая пушка, установленная на его носу, смотрела прямо в борт судна бунтовщиков, а в средней части палубы выстроились вооружённые мушкетами факельщики. Когда корабль приблизился, матросы ловко развернули его борт к борту с баржей. Двое матросов перекинули на баржу швартовные канаты, а двое бывших каторжников поймали их и скрепили оба корабля вместе. Илана и трое бунтовщиков, одетых в кафтаны добдобов, выстроились у борта для встречи.

Дочь плавильщика бросила нервный взгляд на свою команду. Казавшееся ей чрезмерно жестоким решение Ловкого Восьмого бросить крокодилам всех, кто не захотел подписать пиратскую хартию, давало свои плоды. Теперь оставшиеся в живых матросы старого

экипажа были связаны с бунтовщиками круговой порукой, но всегда мог найтись кто-нибудь, кто готов был пожертвовать собой из мести или ради справедливости. "По крайней мере, в трюме нет пленников", — подумала беглянка, глядя на мушкетёров Ордена.

Командир сампана в чёрном с жёлтой вышивкой кафтане шагнул на палубу баржи. Лже-добдобы почтительно прижали кулаки к груди.

— Что это за судно и куда вы направляетесь? — грозно осведомился орденский свеченосец.

— Барка "Правильное усердие" принадлежит военному казначею Белой Крепости нохор! — доложила Илана. — Мы везём рабов для возведения нового храма во славу Хранителей четырёх сторон света в Байкуле.

— Кто командир?

— Я, господин. Морин Санджар, наставник алтарных хранителей.

— Больно молод ты для капитана, Санджар... — проворчал страж. — Когда вы покинули Бириистэн?

— Восемь дней назад, господин! — беглянка сильнее сжала кулаки, чтобы не дрожали пальцы.

Свеченосец недовольно покачал головой.

— Слышали там что-то необычное? Какие настроения в городе?

Илана задумалась. Когда барка покинула бириистэнский порт, никто не знал ни об убийстве её отца, ни, тем более, о её побеге. Что хочет знать этот человек?

— Город готовится к путешествию правителя на Великий Собор, — осторожно ответила она.

— Никаких признаков бунта? Недовольства властью?

— Нет, господин, — недоуменно ответила Илана.

— Ладно, — махнул рукой свеченосец. — Откройте трюм!

Беглянка подала добдобам знак, который подсмотрела у отца. Те удивлённо посмотрели на неё, но тут же бросились выполнять приказ стража. Илана мысленно обругала себя: бывшие каторжники не могли знать армейских жестов. А вот брат Ордена знал.

— Сменил серый кафтан на бордовый? — подозрительно прищурившись спросил он. — Почему?

— Это порадовало моих родителей, нохор, — быстро ответила беглянка. — Они очень хотели бы, чтобы в семье кто-то молился духам.

Страж понимающе усмехнулся. Признание "Санджара" могло означать, что он стремился к офицерскому званию, но так и не получил рекомендацию начальства. Повинуясь знаку свеченосца, трое факельщиков спустились в зловонный трюм. Через некоторое время они снова выбрались на палубу. Старший сложил пальцы в жесте "всё в порядке".

— Попутного ветра! — буркнул свеченосец.

Он ловко перемахнул через борт и подал знак отчаливать. Матросы Иланы отвязали швартовы и перебросили их обратно на сампан. Орденский кораблик развернул свой парус и устремился к основной флотилии. Проводив его взглядом, дочь плавильщика глубоко вздохнула и вытерла пот со лба.

— Волчья шерсть! — прошептала она.

— Что было нужно этим лисовым отродьям? — поинтересовался один из лже-добдобов.

— Провалиться мне, если я знаю, — пожалала плечами беглянка. — Но если они идут в

Бириистэн такой толпой, там должно было случиться что-то очень серьёзное.

Резко, как это бывает в сезон дождей, зарядил ливень. Бывших рабов снова расковали и поставили к ручным помпам, чтобы откачивать воду из вечно протекающего трюма. Барка медленно ползла вдоль берега, выискивая известные лишь мохнатому капитану ориентиры. На исходе дня между деревьями показалось устье небольшой речки, и Ловкий Восьмой приказал держать курс вверх по течению. Река извивалась между деревьями, а затем вдруг разлилась широким озером, посреди которого на якоре стояла крутобокая океанская джонка. На берегу горели костры, полуголые люди и косматые островитяне грузили в шлюпки тюки и ящики.

Мохнатый капитан раздул горловой мешок и затянул боевую песнь своего племени. С берега отозвались приветственными криками. Когда баржа подошла к берегу, многие оставили свою работу и побежали встречать вновь прибывших, но среди праздной толпы Илана заметила стрелков с мушкетами, державших их судно на прицеле. Один из них, худой и длинный мохнатый воин с заплетённой множеством косичек шерстью на груди, показался ей знакомым.

Когда баржа врезалась в мягкий прибрежный песок, дочь плавильщика сбросила на палубу тяжёлую форменную шляпу и прыгнула в тёплую воду. Её плетёные сандалии тут же погрузились в жирный ил. С трудом выбравшись на берег, беглянка подождала, пока стрелки убедятся, что команда не представляет угрозы, а затем подошла к высокому воину. Для многих людей все островитяне были на одно лицо, и рабовладельцы зачастую заставляли их носить цветные метки на шерсти или номерные браслеты. Но могла ли Илана не узнать того, кто учил её лазать по деревьям?

Мохнатый воин нахмурился, глядя на человека в кафтане добдоба. Последний раз они виделись в Толоне двенадцать лет назад, и дочь плавильщика изменилась сильнее островитянина. Не ожидая, что он узнает её, Илана сложила пальцы в племенной жест, а затем в ещё один, особый, который знали только она и Айяна. Воин тяжело вздохнул и обнял её. От него пахло мокрой шерстью и кокосовым маслом.

"Ты здесь", — обречённо проворчал он.

— Ты не рад? — тихо спросила беглянка.

Старый воспитатель выпустил её из объятий и ответил жестами.

"Рад, но боюсь, что враги последуют за тобой. Тогда всё, что мы готовим здесь, в опасности".

"Что вы готовите?"

"Свободу. Крушение оков, терзающих наш народ. Падение Ордена".

Пальцы Иланы возбуждённо запорхали в воздухе.

"Весь флот Ордена ушёл в Бириистэн! Я не знаю, что там случилось, но оно отвлекло внимание и преследователей и стражей. Я видела дым над городом".

Высокий Пятый довольно рыкнул.

"Значит, наши сведения верны. Жертва твоего отца не была напрасной".

— Ты знал? — от изумления беглянка произнесла это вслух, но воин всё равно понял её.

"Да. Так должно было быть".

— Значит он... — голос Иланы дрогнул, и она сжала кулаки.

"Он не надеялся на прощение. Но сделал всё, чтобы ты спаслась"

Беглянка умолкла, глядя на мокрый песок. Горечь наполнила её сердце, но как могла она осуждать отца, когда сама клялась своим товарищам не жалеть ничего ради будущего

страны и народа?

"Скажи мне", — сплела она руки в энергичном жесте. — "Что стало с моей сестрой? На самом деле?"

"Что заставляет тебя спрашивать?" — осторожно спросил Высокий Пятый.

"Отец и наш враг — оба дали понять, что Айяна жива. Если уж я послужила этому плану, то имею право знать".

"Жива", — подтвердил мохнатый. — "Но сказать больше — не в моей власти".

"В чьей же?"

"Только посланница Хора ответит тебе".

Воин указал на океанскую джонку. Погрузка завершилась, и матросы разворачивали малый парус, готовясь маневрировать в устье реки.

"Когда мы закончим на острове, ты сможешь встретиться с ней. Не раньше".

"Одной джонки не хватит, чтобы захватить остров!" — запротестовала Илана.

"Нас ждут друзья. Но... ты права. Я тоже считаю, что в плане есть изъян. И твоя баржа поможет нам его исправить".

Стратегема 6. Заманить на крышу и убрать лестницу

Тукуур пробирался по длинному коридору с полированными до зеркального блеска стенами, на которых плясали причудливые тени и странные сполохи. Страх опасности и чувство долга подгоняли его, но ноги не слушались, заплетались, цеплялись одна за другую, и ему приходилось ковылять, а порой даже неуклюже прыгать боком, как будто у него была всего одна нога. Знарок церемоний каким-то чудом удерживал равновесие, борясь с давящей болью в груди и правом боку. Он стремился вперёд и вверх, к мерцающему янтарному свету. Тот разгорался всё ярче, прогоняя тени, заставляя стены искриться, как будто в них были вплавлены крупинки золота. Чувствуя, что опаздывает, Тукуур рванулся вперёд и оказался на полу огромного зала, посреди которого мерцала и переливалась высокая колонна, похожая на древесный ствол, оплетённый множеством лиан. Мерный гул наполнял зал, как будто внутри колонны или, может быть, под её корнями билось гигантское сердце.

"Здесь я заперт", — услышал он голос Дракона и на мгновение снова почувствовал тяжесть янтарной массы, давящей со всех сторон.

— Как мне освободить тебя? — с трудом ворочая языком спросил шаман.

"Найди её", — ответил Последний Судья словами Дамдина, и видение стало меркнуть.

"Кого?!" — мысленно завопил Тукуур, усилием воли пытаясь удержать перед глазами зал с колонной.

Свет померк, и из тьмы появилась маска как у Морь Эрдэни, но с женским лицом, в котором было что-то от Иланы, но больше от её матери. "Скоро", — сказал Дракон, и маска рассыпалась серебряным дождём холодных капель. Они жалили кожу, затекали под одежду, и Тукуур, наконец, очнулся.

Он лежал ничком на деревянной палубе, привалившись к смотанному бухтой тросу. Скованные стальными кандалами ноги ужасно затекли, правая рука лежала как бесчувственная плеть, больно вдавливаясь в туловище. Кое-как напрягая мышцы, о существовании которых он до сих пор даже не подозревал, шаман перекатился на спину, больно ударившись затылком о что-то твёрдое. Над ним из высокой закопченной трубы вырывались клубы чёрного дыма, тяжёлым шлейфом уходя в серое утреннее небо. Моросил мелкий дождь. Его капли, смешиваясь с частичками сажи, покрывали халат знатока церемоний хаотичным рисунком из чёрных пятен. Палуба мерно дрожала, из недр корабля доносился мерный пульсирующий гул, который шаман слышал во сне.

Что произошло? Как он оказался на "Огненном буйволе"? Неужели отец смог спасти его из тюрьмы? Но почему тогда он до сих пор в оковах? Тукуур снова пошевелился, пытаясь сесть, но волна ударила в борт судна, и буксир сильно качнулся, швырнув шамана обратно на истёртые доски. Знарок церемоний больно ударился плечом и зашипел как кот.

— Уже очнулся? — весело спросил голос Максара. — Эй, Дагва! Ты, кажется, говорил, что от твоей чудо-дубинки они будут спать до самого острова?

Воин подошёл к Тукууру и, взяв его за плечо, прислонил к борту. Рядом, тоже в цепях, лежал без сознания Холон. Возле него с жезлом наготове замер гвардеец Токты. Услышав вопрос, он бросил на очнувшегося шамана злой и настороженный взгляд, но промолчал.

— Ну, так даже лучше, клянусь Песней, — хмыкнул воин, не дождавшись ответа. — Хоть потолкую со старым другом, а то от ваших постных физиономий совсем аппетит пропал.

Тукуур хмуро молчал, глядя на Максара. Последний раз он видел товарища таким довольным когда тот на спор проплыл от Рыбной слободы до нового форта через всю бириистэнскую гавань, но самого знатока церемоний события последних дней совсем не располагали к веселью. Видя, как на лице шамана сражаются обида, злость и страх, воин тоже немного помрачнел.

— Дуешься? — вздохнул он. — Понимаю. Мы с тобой прочли друг другу достаточно скверных стихов за чашкой тростникового вина, чтобы я рассказал тебе обо всём пораньше.

Тукуур неуверенно кивнул.

— Не думай, будто я считаю, что ты любишь законы больше, чем друзей, — проворчал Максар, — но ты был слишком правильным, чтобы хотелось тебя в это впутывать. А потом Дамдин нацепил на тебя свою пиявку и стало совсем поздно. Видел бы ты своё лицо там, в крепости! Бр-р! Но ничего, скоро посланница Хора избавит тебя от этой гадости, да и его заодно, — он махнул рукой в сторону Холома. — Старик Баир верит, что это вернёт ему сына, только я сомневаюсь. Дурень явно надел на себя поводок добровольно и, чего доброго, не захочет снимать. Крепкий якорь в бурю, яркий факел во тьме, и всё такое. Хотя, родись Холом девчонкой, светила бы ему одна дорога — в костёр! Ты — другое дело. Темир Буга был твоим наставником, Темир Аси вылечила твоего отца и многих других. Позволил бы факельщикам сжечь их дочурку?

— Не знаю, Максар, — грустно ответил Тукуур. — Меня готовили быть судьёй, и я взвешиваю: жизнь Айяны и жизни тех детей и матерей, что погибли в огне Нижнего города. Или жизни тех, кого она могла бы убить, пробудив древнее чудовище. Да, я хотел бы отменить закон ради близких людей, но этот закон возник не на пустом месте. Ты должен помнить, сколько бед принесли стране колдуны.

— Да, они хотят, чтобы мы в это верили, — согласно кивнул воин. — Но вспомни, что до Прозорливого певцы Хора правили речными городами. Просвещённые правители обучали чутких детей использовать свои таланты, и люди побережья почитали их как небесных заступников.

— Так, возможно, пишут их хроники, которые я не имел возможности читать, — возразил Тукуур. — Но ты должен знать, что хроники пишутся придворными льстецами, а страх перед могучим тираном не сразу отличишь от истинного почтения.

— Если бы только страх двигалими, речное войско разбежалось бы когда погиб твой тёзка Тукур Толонский! Но люди джунглей сражались ещё одиннадцать лет и приняли власть Прозорливого только после того, как хамелеоны сожгли прибрежные города.

— Я — тёзка Толонского Чародея? — удивлённо переспросил шаман.

— Проклятие, Тукуур! — прорычал Максар. — Ты же знаток церемоний! Они что, не пускали тебя в Зал дождей и пыли? Я-то думал, что ты выбрал свою сторону, а ты, получается, и не знаешь толком ничего?

— Не то чтобы ничего, но, похоже, мы знаем разные вещи. Допустим, ты прав. Но с тех пор сменилось не меньше трёх поколений. Уже и колдунов почти не осталось, а вы вдруг решили вернуть Просвещённых. Не поздно ли?

— Не осталось, говоришь? У нас, может быть, и не осталось. Да только мир, дорогой друг, не заканчивается ни в горах, ни на берегу. Там, за океаном, другие земли, и из них приплывают чужие корабли, но Орден надел нам на голову мешок и заставляет считать всех вокруг врагами. Даже хамелеонов, с которыми, заметь, торгует. История проплывает мимо нас, а мы бросаем в неё с берега камешки и радуемся, когда чернокафтаные глядят нас за

это по голове!

— Думаешь, заморские колдуны будут лучшими хозяевами? — холодно осведомился Тукуур.

— Много ли ты знаешь о них, чтобы судить? — парировал воин. — В их краю голос Хора звучит чисто и ясно — что может быть желанней?

— Я даже не знаю, что такое этот твой Хор!

Воин усмехнулся.

— Пусть об этом расскажет та, чью жизнь ты взвешивал. Или не расскажет, если твоя жизнь покажется ей недостаточно весомой. Думаю, это будет справедливо.

Максар отвернулся, вглядываясь в морскую даль. Гвардеец подошёл к нему, и Тукуур почувствовал лёгкое давление в плечах, как будто кто-то надавил пальцами на браслеты незримых вериг. Давление пропало, а потом опять появилось, и шаману почему-то пришёл на ум кот, подбирающийся к добыче.

— Пламя маяка становится ярче, — сказал бывший телохранитель Токты.

— Мы туда плывём? — спросил шаман. — На остров Гэрэл?

— Да, в одно из сердец трёхголовой орденой гидры. — с улыбкой кивнул Максар. — Но в логове тьмы нас ждёт путеводная звезда ярче тех, что светят с неба.

Воин слегка подался вперёд, вглядываясь в серую даль. Странные толчки-касания в плечах стали чаще, и шаман скорее угадал, чем заметил, как напрягся гвардеец, готовясь ткнуть Максара жезлом.

— Ард! — звучное горское слово оказалось весьма кстати. На речном диалекте Тукуур не успел бы произнести и первого слога слова "сзади".

Воин развернулся как отпущенная пружина, выбросив в лицо противнику правый кулак. Тот ловко отшагнул, но из рукава Максара вылетел нефритовый оберег Прозорливого и попал гвардейцу в глаз. Гвардеец опешил, и Максар тут же сгрёб его за шиворот. С резким "Ха!" воин ударил противника головой. Тот дёрнулся, но не выпустил жезл, и даже попытался ткнуть Максара в живот. Тот ушёл от атаки, не выпуская одежды гвардейца. Жезл скользнул по ноге воина. Максар побледнел и скрипнул зубами, но тут же обрушил тяжёлый кулак на спину врага. Тот резко вскрикнул, призывая на помощь. Из рубки выскочил второй гвардеец с арбалетом.

Видя, как он целится, Тукуур быстро оглянулся, ища, чем бы отвлечь стрелка. Его взгляд упал на нефритовый оберег. Он кинулся на палубу и успел накрыть пластину рукой, но было поздно. Звякнула тетива, и тяжёлый арбалетный болт вонзился в широкую спину Максара, швырнув его вперёд. К несчастью для первого гвардейца, он оказался между воином и бортом. Зарычав как раненый медведь, Максар обхватил своего врага, и вместе с ним рухнул в воду.

— Человек за бортом! — закричал стрелок.

Он бросился на помощь товарищу, но успел лишь увидеть, как гребное колесо с глухим стуком подмяло под себя оба тела. Волны окрасились кровью. Арбалетчик в сердцах выругался и с силой пнул Тукуура под рёбра.

— Ты за это заплатишь, пиявка! — прорычал он.

Воспользовавшись суматохой, Тукуур успел спрятать нефритовую пластину в рукав, и теперь только закрыл голову руками, ожидая новых ударов. К счастью, ярость стрелка пригасило появление начальника.

— Что случилось?! — рывкнул старший телохранитель.

— Предатель мёртв, старший брат, — понуро ответил стрелок. — Брат Дагва тоже.

Старший подскочил к борту. Некоторое время он вглядывался в волны, а потом мрачно опустил голову.

— Как это произошло? — тихо спросил он.

— Этот предупредил предателя, — арбалетчик указал на Тукуура. — Выбрал свою сторону.

— Ему не дано выбирать, — сухо возразил старший. — Вериги брата Холома и воля мастера Юкука определяют его судьбу.

— У Холома отнимут вериги?

— Он теперь испытанный брат, и должен научиться ходить самостоятельно.

— Тогда почему я до сих пор в цепях? — неожиданно отчётливо спросил Улан Холом.

Братья Ордена резко повернулись к нему. Страж всё ещё лежал на палубе, не открывая глаз, но напряжённая поза выдавала готовность к обороне.

— Беда с этими жезлами, — пробормотал под нос стрелок.

— Так было нужно, чтобы обмануть главарей мятежа, — громко ответил старший брат. — Теперь они мертвы.

Предводитель стражей снял с пояса кольцо с двумя ключами и быстро расстегнул кандалы Холома, а затем сунул ему в руку какую-то склянку. Холом быстро откупорил её и, осторожно пригнувшись, закапал в каждый глаз несколько капель бесцветной жидкости. Поморгав, он с благодарной улыбкой кивнул старшему.

— Отец... — начал юный страж.

— Был всё это время рукой Ордена, ведущей их к гибели, — закончил за него старший брат. — Благодаря ему колдунья в наших руках.

— Значит, я обвинил его ложно, — удручённо опустил плечи Холом.

— Ты ошибался искренне и поставил большую семью выше малой, — бесстрастно, но слегка нараспев ответил старший брат. — Отец может гордиться тобой, как и ты им.

Страж неуверенно кивнул.

— Что теперь? — спросил он.

— Мастер-книгохранитель, полагаю, уже подчинил дух колдунии. Ученик Дамдина отведёт её к Прозорливому, и ловушка захлопнется. Мастер Юкук, несомненно, захочет, чтобы ты принял в этом участие и заслужил посвящение в мистерии Ордена, так что крепись. Отдых на острове будет недолгим.

Улан Холом закрыл глаза, прислушиваясь к чему-то далёкому. На его лбу появились тревожные морщины.

— Если будет вообще, — приглушённо произнёс юный страж. — Твои слова вселяют надежду, но внутренним ухом я слышу лишь боль и беду.

Тукуур отстранённо слушал разговор стражей. Угрозы и удары арбалетчика пробудили в нём липкий страх, но та часть его духа, которая стремилась сохранить достоинство даже в смерти, оказалась неожиданно сильной. Гнев на собственную глупость и бессилие прокатился по нему жаркой волной и схлынул, оставив только усталость. Усталость от постоянных ловушек, от собственной никчемности, от тревоги за родных, от опустошающего бессилия. Только что на его глазах без суда и должного ритуала убили человека, которого он называл другом. Да, Максар признался в заговоре и мятеже, но не признался ли только что предводитель орденских братьев в том, что Стражи знали о заговоре и ничего не сделали, чтобы его предотвратить? Более того, мятеж Темир Буги был лишь частью их плана,

направленного против самого Прозорливого!

"Они хотят, чтобы я привёл к Нему скованную колдунью", — повторил про себя Тукуур. — "Для чего? Чтобы убить? Или выставить в глазах народа ложным провидцем, одержимым злыми духами?" Всё в нём протестовало против этого, но сможет ли шаман избавиться от воли мастера прибрежной Цитадели так же, как он сбросил иго Дамдина? Всё, что ему оставалось — молиться Последнему Судье, но Дракон уже помог ему однажды, и это дарило надежду. Пользуясь тем, что внимание стражей сосредоточено на Холоме, знаток церемоний прижался к борту и посмотрел вдаль на ярко-синюю звезду маяка. Огонь разгорался и угасал, и в темпе этих пульсаций шаман угадал старый мотив, которую пытался напеть ему болотный огонь. Тукуур не понимал слов и не был уверен в том, что в песне вообще были слова. Ритм пронизывал его, звучал в его сердце, вплетался в шум паровой машины, откликался эхом откуда-то из рубки, где — теперь знаток церемоний знал это — лежал в коробке его шар-спутник. Огонь маяка блеснул ярче обычного, и шаман ощутил резкий диссонирующий импульс, словно удар гонга или крик о помощи посреди стройного пения. Испуганный и настойчивый, этот импульс эхом отдавался в сердце Тукуура, пока откуда-то из глубины моря не пришёл отклик. В нём была холодная уверенность и безмолвный вопрос. "Где?" — спрашивал неведомый разум. Шаман испуганно открыл глаза, не зная, что ответить, но тут к нему подлетел арбалетчик и сильным ударом опрокинул знатока церемоний на палубу.

— Что ты делаешь?! — прошипел он.

— Пламя разгорается, — зачарованно ответил Тукуур.

Старший брат обеспокоенно посмотрел на шамана, а потом на Холома.

— Он что, тоже слышащий? — подозрительно спросил предводитель стражей.

Холом удивлённо моргнул и снова прислушался.

— Да, — растерянно сказал он. — Ничего не понимаю. Восемь лет мы учились бок с бок, и он был чист. И родители его тоже...

— Бардак у вас в городе с записями, вот что! — поморщился старший. — Неприятно, но мастера справятся с этим.

Он подошёл к шаману, сложив руки в незнакомом жесте, но тут корабль качнуло. "Огненный буйвол" ускорил ход, заметно кренясь на левый борт. Старший брат едва не упал, но поймал равновесие и устремился к рубке. Не успел он подойти к двери, как та с треском распахнулась, и на палубу выскочил полуодетый матрос.

— По правому борту! — крикнул он.

Знаток церемоний кое-как встал и опёрся спиной о стену надстройки. Справа от парового буксира из глубины океана поднимались гигантские пузыри газа. С шумом лопаясь на поверхности, они рождали круговые волны как от брошенного в воду валуна. Тукуур помнил, что такое бывает при извержении подводного вулкана, но ни у побережья ни на островах уже многие сотни лет не было никаких извержений.

Плоскодонный буксир подбрасывало на волнах, но он упрямо держал курс. А потом пузыри пропали так же внезапно, как и появились.

— Что, во имя Трёх Миров, это было? — спросил знаток церемоний.

— Боюсь, оно ещё здесь, — мрачно отозвался Холом.

Он напряжённо всматривался в толщу серой воды, но океан хранил обманчивое спокойствие. Волны утихли, и на поверхности воды осталась только лёгкая рябь от мелкого дождя. Даже крикливые морские птицы куда-то делись, и только неутомимая паровая

машина клокотала как дыхание уставшего бегуна. Тукуур встал у борта, крепко держась за поручень, украдкой переложил оберег Прозорливого в потайной карман и стал пристально вглядываться в тёмную линию поросшего лесом берега за кормой. Где сейчас флот "Медовой лозы"? Вряд ли Максар собирался с ним встретиться. Скорее всего, он спрятал буксир в одном из боковых рукавов дельты, а потом под покровом ночи вышел в открытое море. Если так, то корабли Ордена уже должны подходить к Бириистэну...

— Волчья шерсть! — воскликнул вдруг Холом. — Вы это видите?

Вода за кормой потемнела, а потом забурлила и вспучилась. Над водой показалась спина морского чудовища, обросшая моллюсками и водорослями. Под наслоениями тины и грязи едва угадывались какие-то трещины или борозды, отдалённо напоминающие те, что украшают панцирь черепахи, но издалека покатый холм был похож скорее на отмель или островок величиной в половину "Буйвола". Оставалось только гадать, какого размера было то, что оставалось скрыто в глубине океана.

Стрелок метнулся к люку в машинное отделение.

— Больше угля! — прокричал он, спрыгивая вниз. — Полный вперёд, разрази вас Дракон!

"Огненный буйвол" ожесточённо взбивал поверхность воды своими колёсами, но скорость была явно недостаточной. Чудище приближалось, за его панцирем тянулся шлейф из пенных бурунов. Тукуур почувствовал ритм мыслей черепахи, тревожный и целеустремлённый, как дробь армейского барабана. Он породил в уме знатока церемоний смутное ощущение, что от него ждут ответа или действия, но разум Великой Черепахи был слишком чуждым, чтобы что-то понять. Зато шар Дамдина понял и ответил, его бессвязное бормотание сменилось стремительным речитативом вопросов и ответов, суть которых шаман не успел бы уловить даже если бы знал древний язык. Болотный огонь ужасно торопился, и причина его спешки стала ясна, когда старший брат выскочил из рубки, сжимая в руках окованный металлом ящик. Прорывав какое-то проклятие, он швырнул коробку прямо под лопасти гребного колеса. Раздался треск, мелькнула короткая вспышка, и песнь светильника оборвалась, но это только разозлило черепаху. Древнее чудовище рванулось вперёд с невероятной быстротой, вода вокруг него словно вскипела от пены. Волна, которую чудище гнало перед собой, подбросила паровой буксир в воздух, а затем гигантский панцирь с оглушительным треском врезался в борт судёнышка, раздробив одно из гребных колёс. Удар сбил Тукуура с ног, он неловко взмахнул скованными руками и с испуганным вскриком вылетел за борт, прямо на панцирь чудовища.

Столкновение с осклизлым панцирем едва не выбило дух из знатока церемоний. Из последних сил он попытался ухватиться за длинные космы водорослей, но те легко порвались. Шаман заскользил назад и вниз, раздирая кожу об острые панцири морских желудей. Страх смерти холодной иглой пронзил его сердце, но тут стальные цепи оков вдруг натянулись, как будто кто-то схватил их невидимой рукой. Тукуур повис на покато боку черепахи, не в силах пошевелиться. Кандалы словно приросли к панцирю, мелкие волны то и дело захлёстывали шамана, мешая дышать, но сквозь металл, кожу и кость он чувствовал речь Черепахи, и в ней снова была та холодная уверенность и обещание безопасности, которыми чудище отозвалось на отчаянный призыв с острова Гэрэл. Оставив обездвиженный буксир позади, Великая Черепаха ускорила ход, устремившись к древнему маяку.

Впереди всё отчётливей виднелись очертания острова Гэрэл — источенной морем гранитной скалы, увенчанной причудливой крепостной стеной. Прибрежная Цитадель

походила на игрушечный замок, какие лепят дети на берегу моря, набирая пригоршни мокрого песка и позволяя ему стекать между пальцами, чтобы из песочных капель формировались похожие на оплывшие огарки свечей башни. Но какая невиданная мощь нужна была, чтобы расплавить монолитный гранит и вылепить из него текущие линии стен и затейливые башенки-кораллы! Стены карабкались по склонам, ярус над ярусом, а на самом верху словно рог нарвала вздымалась в небо витая громада Маяка — одного из немногих сохранившихся чудес ушедшего мира. Гладкие стены, зеленовато-серые внизу, примерно на половине высоты становились аквамариновыми, а на самом верху — кристально чистыми как лучшее толонское стекло. В толще этой прозрачной части без всякой видимой причины разгорался и гас ярко-синий огонь.

Два отрога скалы словно крылья наседки отгораживали от буйства океана укромную бухту, в которой обычно помещался флот "Медовой Лозы". Сейчас многочисленные причалы и пирсы были пусты, и только обугленный остов океанской джонки торчал из воды недалеко от берега. Чайки с пронзительными воплями вились над обломками мачт.

Берег приближался, и черепаха, наконец, начала сбавлять скорость. Пена забурлила там, где должна была быть её голова. Панцирь несколько раз вздрогнул, едва не выкрутив Тукууру руки из суставов. Проскрежетав по невидимым скалам, чудище подпрыгнуло и с гулким ударом вылезло на каменистый пляж. В тот же миг неведомая сила, державшая оковы шамана, иссякла, и Тукуур соскользнул с покатога панциря в мутную воду. Оковы тут же потянули его на дно. Больно ударившись о подводные камни, он всё же сумел оттолкнуться от них и встать. Вода здесь доходила ему до груди. Фыркая и отплёвываясь, шаман кое-как выбрался на берег и устоял на "черепахе".

Перед ним было что-то вроде живого корабля. Вытянутый округлый корпус и впрямь походил на черепаший панцирь, но из-под брюха виднелись не ласты, а заострённые плавники вроде акульих. Головы и вовсе не было, вместо неё в переднюю часть корпуса был вплавлен большой полупрозрачный шар вроде увеличенного во много раз болотного огня. Внутри стеклянистой массы слабо пульсировали голубоватым светом тонкие прожилки, похожие на кровеносные сосуды из медицинского атласа. Чувствуя их неровный ритм, Тукуур понял, что древний дух, управлявший могучим кораблём, умирает. Слишком стар он был, слишком долго пробыл на дне, погребённый под слоем ила. Верный долгу, он совершил этот рывок, чтобы спасти ту, что звала на помощь из древних стен маяка, но сил хватило лишь на то, чтобы бесполезной грудой кости и стали выброситься на каменистый берег.

— Да откроются тебе врата Верхнего Мира, неведомый друг, — прошептал шаман, прикоснувшись к поверхности шара.

Свет мигнул ещё несколько раз и погас. Отвернувшись, Тукуур побрёл к портовым постройкам. Цепи то и дело цеплялись о камни, промокшая одежда липла к телу. Странная эйфория отступила как волна, оставив на песке души шамана страх, голод и холод. Сырой ветер, почти незаметный для бывалого моряка, пронизывал его насквозь. Желудок сводило, саднили запястья и лодыжки, натёртые оковами. Он стоял один на пороге оплота врага, в цепях, без оружия и малейшего подобия плана. Единственное, что он хорошо понимал, так это то, что появление черепахи поставило в его отношениях с Орденом жирную точку. Дух древнего корабля откликнулся на призыв шамана, и не важно, что он лишь эхом повторил крик о помощи, прилетевший издалека. Для стражей он теперь — опасный колдун, способный пробуждать боевых чудовищ прошлого. Человек, чьё имя следует как можно скорее стереть со страниц книги судеб. Не вывались Тукуур за борт во время столкновения,

он уже пожалел бы, что родился на свет. "Было бы хорошо", — подумал он, — "если бы экипаж "Буйвола" унес мою новую тайну на дно океана". Тукуур покачал головой. Как быстро он дошёл до таких мыслей! И дойдёт до худших, если не успеет убраться с острова до того... Шаман оборвал свою мысль. Что он здесь ищет и на что надеется? Первый попавшийся охранник "Медовой лозы" отправит его в темницу как беглого каторжника! Но, всё же, Дракон послал ему Великую Черепаху, как некогда самому Смотрящему-в-ночь. Пусть древнее чудище оказалось не тем, чем считали его сказители, а путешествие Тукуура выглядело совсем не героически, случилось несомненное, осязаемое чудо. "Ты растерян, но я направлю тебя", — вновь вспомнил шаман обещание Последнего Судьи и, расправив плечи, смело шагнул навстречу неизвестности.

Цепи тут же натянулись, и знаток церемоний упал на мелкую гальку. Что-то гладкое и холодное выскользнуло из складок его рваного халата и больно впилося в шею. Резко откатившись, Тукуур не поверил своим глазам. Перед ним лежал нефритовый оберег Прозорливого. Слегка поцарапанный, с отколотым углом, но от того не менее действенный. Ещё одно чудо: после всех прыжков и падений знак власти должен был лежать на дне морском, а не в кармане шамана. Улан Баир и мастера Ордена рассчитывали, что нефритовая пластина откроет двери в покои Смотрящего-в-ночь для их марионетки, но теперь Тукуур мог использовать это оружие против них. Подняв оберег, знаток церемоний гораздо бодрее заковылял к лодочным сараям, придумывая на ходу правдоподобную легенду.

Подойдя к одному из домиков, шаман настойчиво постучал в дверь. Никто не отозвался. Тукуур заколотил сильнее, но ответом, как и прежде была тишина.

— Эй, есть здесь кто-нибудь? — крикнул он.

Несколько морских птиц сорвалось с крыш с пронзительными воплями, где-то визгливо закричали встревоженные цесарки, но люди не отзывались. Ни голоса, ни кашля, ни хруста гальки под ногами. Тревога снова всколыхнулась в сердце, на время изгнав усталость и голод. Прижавшись к стене дома, Тукуур внимательно осмотрелся. Большую часть посёлка занимали склады и казармы — длинные бревенчатые здания с крепкими стенами. Чуть поодаль к скалам лепились хижины, где жили семьи грузчиков и зрителей. Нигде не видно было ни огонька, ни дыма, ни движения. Угольные жаровни бедняков, оставленные без присмотра, обычно остывали часа за три-четыре. Даже если флот Ордена забрал с собой рабочих чтобы восстановить гавань Бириистэна, их жёны и дети должны были остаться здесь. Что могло вынудить их покинуть дома?

Хотя обгоревший остов джонки в гавани намекал на возможность боя, нигде больше не видно было следов пожара. Только странные выбоины вроде крабьих следов виднелись на посыпанных песком дорожках. Правда, если это и были крабы, то размером с крупную овцу. Может, на обезлюдевший посёлок напали живые камни? Но они боятся ружейной пальбы, и жители прибрежных посёлков давно научились прогонять морских зверей петардами и хлопушками. Недоумевая, Тукуур пошёл в сторону казарм, надеясь найти там какую-нибудь еду.

Следы разрушений нашлись ближе к центру посёлка. Здесь в изгородях и стенах некоторых домов были выгрызены проломы, а двери сорваны с петель. Тукуур нервно оглядывался, замирая от каждого шороха, но таинственный враг никак не проявлял себя. Постепенно шаман осмелел, и даже зашёл в один из разорённых домов. В общей комнате на столе всё ещё стояла миска холодного риса, а над остывшей жаровней висело несколько вяленых рыб. Съев рис и одну рыбину, знаток церемоний устало привалился спиной к стене.

Великий Дракон ждал, что он найдёт младшую дочь Буги, ставшую посланницей загадочного Хора. Начальник конвоиров был уверен, что она в застенках Ордена, но, судя по явлению черепахи и разорённому посёлку, план стражей провалился в Нижний Мир. Вероятнее всего, в Цитадели сейчас хозяйничало то, что выгнало из домов портовый люд. Что мог сделать с этим одинокий избитый судейский чиновник, скованный по рукам и ногам?

Для начала — снять с себя цепи. Эта мысль была настолько простой и неожиданной, что казалась пришедшей извне. Тукуур внимательно осмотрел кандалы. Браслеты были скреплены навесными замками, чтобы их в любой момент было легко снять. Впрочем, для радости для шамана в этом было мало, ведь ключ остался у безымянного слуги Ордена, а то и пошёл ко дну вместе с "Буйволом". Можно было понадеяться, что у местных темничников ключи такие же — велика честь делать разные замки для арестантов. Но до орденской темницы ещё нужно было дойти по горной тропе. Крепкие толстые звенья цепей были надёжно заклёпаны, а вот кольца, которыми они крепились к браслетам — только сомкнуты. С помощью молота и зубила можно было попытаться погнуть их и избавиться, хотя бы, от цепей. Конечно, только на ногах, но и это многого стоит. Тукуур улыбнулся. Когда-то азы кузнечного дела казались ему лишним предметом для тех, кто избрал путь мудрости. Теперь эти знания могли стать подлинным благословением.

Собравшись с силами и немного согревшись, шаман направился к кузнице. Каменное здание с высокой трубой стояло недалеко от берега. Широкие деревянные ворота, сквозь которые внутрь могла въехать небольшая телега, были заперты, но в одной из створок виднелась дыра с рваными занозистыми краями. Подобравшись к отверстию, Тукуур впервые за этот день ощутил запах крови. Острое чувство опасности заставило его отпрянуть. Спрятавшись за грудой дров, сваленных сбоку от кузницы, знаток церемоний выжидал несколько минут, но ничего так и не произошло. Страх призывал его попытаться счастья в другом месте, но разум подсказывал, что безопасных мест на острове нет. Решившись, Тукуур поднял камень и швырнул в ворота. Камень с лязгом ударился о фигурную набойку и упал на землю перед дырой. Снова воцарилась тишина. Прождав ещё какое-то время, знаток церемоний нехотя полез в дыру.

Окна кузницы не были закрыты ни стеклом, ни пузырями, чтобы лучше выходил дым, поэтому серый свет пасмурного дня хорошо освещал творившийся внутри хаос. Искромсанное тело кузнеца лежало у стены, в могучей руке убитого всё ещё был зажат тяжёлый молот. Перед ним валялось два гигантских краба с проломленными панцирями. Когда Тукуур вошёл, один из них судорожно зацарапал ногами по полу, пытаясь развернуться. Забрызганная кровью клешня сомкнулась и разомкнулась. От второй клешни осталась только культя, из которой толчками выплёскивалась оранжевая жидкость. Вместо глаз и жвал из лицевой пластины существа торчал уже знакомый шаману стеклянистый шар. Светящиеся прожилки яростно мерцали красным. Несмотря на все усилия, краб не мог сдвинуться с места, и только клацал клешней в бессильной ярости.

Осенённый опасной идеей, Тукуур поднял с пола кочергу и осторожно подошёл поближе. Краб задёргался, но ноги не слушались его. Шаман замахнулся, имитируя атаку. Погнутая молотом конечность краба дёрнулась, но почти не сдвинулась с места. Только сама клешня продолжала угрожающе щёлкать. Примерившись, Тукуур взмахнул руками, забрасывая петлю цепи прямо в раскрытую клешню. Он попал только с пятого раза, но был сразу же вознаграждён глухим щелчком. Половинки перекушенного звена со звоном упали

на пол. Самым простым было бы дать крабу перекусить и ножную цепь, но Тукуур решил не рисковать конечностями. Порывшись среди разбросанных инструментов, он нашёл острое зубило и удобный молоток, отошёл в дальний угол и сел, подогнув ноги. Поставив кольцо на ребро, он упёр зубило в место, где сходились края, и начал бить по нему изо всех сил. Обрывки цепей здорово мешали, кольцо норовило упасть на бок, стальной браслет больно впивался в ногу, но в конце концов звено поддалось. Кольцо, как оказалось, не только крепило цепь к браслету, но и соединяло две его половинки. С удовольствием избавившись от постылой железяки, Тукуур принялся за второе кольцо. Успех с первым прибавил ему сил, и работа пошла быстрее.

Наконец, с ножными кандалами было покончено. Радуюсь, что стук не привлёк новых крабов, шаман поспешил убраться из опасного места, прихватив с собой кочергу. Проходя мимо второго, неподвижного краба, знаток церемоний заметил, что кузнец сумел раздробить его глаз-шар. Это стоило запомнить.

Выбравшись из кузницы, Тукуур заметил невдалеке изящную крышу небольшого павильона духов войны. После всего пережитого пройти мимо храма было бы чёрной неблагодарностью, и знаток церемоний поспешил внутрь. Лампады давно погасли, и имена павших воинов, высеченные на стенах, терялись в полумраке. В конце зала серебрилась статуя Стального Феникса, гордо расправившего крылья с острыми перьями-мечами. За правым крылом виднелась приоткрытая дверь, ведущая в жилище военного прорицателя. Совершив три prostирания, знаток церемоний кратко, но горячо помолился полководцу Верхнего Мира, попросив сил и отваги для предстоящего дела. Знакомый запах благовоний успокаивал. С сожалением поднявшись, Тукуур повернулся было к выходу, но затем, уступив любопытству, направился к потайной двери. Обычно проход в личные комнаты закрывали узорчатой ширмой, но здесь она была грубо опрокинута. Творившийся внутри беспорядок говорил скорее об обыске, чем о нашествии крабов. Свитки и книги лежали на полу, но сами книжные стеллажи стояли на своих местах. Постель разбросана, сундуки вскрыты. Парадный ало-синий кафтан с полированной бронзовой бляхой на груди валялся прямо у двери. С нагрудника на Тукуура подозрительно щурилась хмурая морда Скального Лиса. Значит, местный шаман тоже выбрал его своим покровителем. Добрый это знак или зловещий? Времени раздумывать об этом не было.

Тукуур сбросил сырой халат и шаровары, насухо вытерся чужой простыней и примерил одежду неизвестного соратника. Кафтан пришёлся почти впору, только рукава пришлось распороть, чтобы пролезли кандалы. Подоткнув ткань под браслеты, знаток церемоний обмотал цепи вокруг запястий на манер наручей и подвязал обрывками простыни чтобы не болтались. Вес вшитых в одеяние военного чиновника стальных пластин давил на плечи, но теперь Тукууру не грозила смерть от первой же шальной пули или скользящего удара крабьей клешни.

Шаман переложил оберег Смотрящего-в-ночь в потайной карман под нагрудной пластиной и ещё раз осмотрел комнату. Что бы ни искали те, кто разгромил жилище служителя духов войны, они не забрали ни деньги, ни ручной огнеплуж. В одном из сундуков нашлось даже немного мази от ссадин. Тукуур внимательно прочёл названия книг и свитков, разбросанных по комнате, но не нашёл ничего подозрительного. "А ведь как хорошо было бы найти здесь карту цитадели Ордена!" — разочарованно подумал Тукуур, задумчиво барабаня пальцами по подвязанному к поясу "зеркалу души". Он рассеянно поворошил угли в жаровне, и вдруг увидел клочок промокательной бумаги."...прошлое

больше не является тайной..." — отпечаталось на ней. Ещё одна загадка, от которой только разболелась голова, словно болотный огонь всё ещё нашёптывал шаману свои забытые песни. Тукуур вздохнул. Ему не хватало отрезвляющей прохлады драконьего амулета. Кто, всё-таки, надел его ему на шею? Максар или Холом? Или, может быть, Дамдин? Двое из них были уже мертвы, а сама священная чешуйка пропала пока Тукуур был без сознания. И если шаман не хотел пропасть так же быстро и бесследно, ему следовало двигаться дальше. Поклонившись на прощание изваянию Феникса, знаток церемоний вышел из храма и зашагал по пыльной дороге прочь из мёртвой деревни.

Широкую тропу, ведущую к Цитадели, то и дело пересекали ручьи и каменистые осыпи. Пресная вода, известная мореходам своей целебной силой, текла откуда-то из подземелий Маяка, но вырубленные в скале каналы были слишком узкими для человека.

Осторожно перешагивая с камня на камень, Тукуур радовался, что его больше не выдаёт звон цепей. Плетёные сандалии, найденные в посёлке, облегчали путь, и знаток церемоний преодолел непростой подъём едва ли не быстрее, чем путь от пляжа до кузницы.

Выйдя к воротам, шаман вспомнил, почему так и не смог полюбить охоту. Всех учеников сургуля заставляли участвовать в ней. Юные воины учились загонять косуль и сбивать в полёте диких уток. Ученики постарше рисковали выходить против диких свиней и лесных котов. Те, кто выбрал путь мудрости, готовили еду и перевязывали раненых. Стоны людей и животных, окровавленные шкуры и туши до сих пор посещали сны Тукуура, стоило ему только заболеть лихорадкой или отравиться подгнившими плодами. Но благодаря пережитому он был готов однажды ступить на поле боя и не потеряться между мирами от ужаса и отвращения.

Решётку опустили в самый последний момент. Падая, она раздробила панцири нескольких крабов, но их тела не дали ей закрыться до конца, оставив узкую щель, сквозь которую мог пролезть снежный кот или худой человек. С большим трудом протиснувшись под заострёнными шипами, знаток церемоний вошёл во внешний двор. Здесь останки чудовищ лежали вперемешку с телами защитников Цитадели. Шаман насчитал пятнадцать или шестнадцать боевых братьев Ордена в чёрно-оранжевых кафтанах, вооружённых уже знакомыми ему короткими жезлами. Странное оружие легко дробило прозрачные шары — вместилища гневных духов, управлявших чудовищами, но не могло защитить от острых клешней.

Один из поверженных бойцов привлёк внимание Тукуура. Он был совсем лыс, похожее на череп лицо покрывали бледно-голубые татуировки. Присмотревшись, шаман понял, что у воина совсем нет носа — только узкие дыхательные щели, прикрытые плотными кожистыми клапанами. До сих пор знаток церемоний только слышал о хамелеонах — загадочном морском народе с дальних островов. О них рассказывали всякие небылицы: хамелеоны могли во мгновение ока превратиться в любого человека, хамелеоны приносили кровавые жертвы живым камням, хамелеоны тайно управляли Орденом Стражей, а через него — всем государством. Не они ли создали незримые вериги? Это предположение казалось правдоподобнее прочих басен.

К удивлению шамана, среди погибших оказалось всего два крестьянина. Удалось ли остальным жителям деревни укрыться от нашествия чудовищ, или дома стали для них могилами?

Прокравшись мимо похожих на термитники хозяйственных построек, Тукуур подошёл к внутренней стене. Крепость-кольцо изогнутой короной опоясывала возвышенность, на

которой стоял древний маяк, её чешуйчатая крыша, похожая на спину Дракона, отражала призрачный свет тысячей огоньков. Из овальных бойниц выглядывали жерла пушек. Мощные ворота, преграждавшие путь во внутренний двор, были распахнуты настежь. Внутри длинного туннеля лежало несколько воинов в фарфоровой броне. Подойдя ближе, шаман с удивлением понял, что это — вовсе не защитники крепости. Ожившие доспехи венчали львиные головы, глядевшие в небо пустыми глазницами. Мелкая стеклянная крошка усеивала песок у их ног. Похоже, древние воины открыли ворота своим союзникам-крабам, но бойцы Ордена смогли вновь упокоить их мятежные души.

Пройдя по сводчатому туннелю, шаман оказался на широкой площади, посреди которой высилась витая башня маяка. С этой стороны крепость-кольцо выглядела совсем по другому. Вместо серого камня — мозаика из разноцветной смальты, вместо редких узких бойниц — ряды широких стеклянных окон и полукруглых балкончиков с фигурными парапетами. Резные деревянные двери вели внутрь дома-стены, где располагались кельи боевых братьев, кабинеты наставников, залы для медитаций и тренировок.

Следы крабов покрывали полированный камень внутреннего двора хаотичным узором царапин. Они вели к неровному отверстию в скале у подножия башни маяка. Когда-то этот проход вглубь острова был запечатан крепкой каменной дверью, на остатках которой виднелись колдовские знаки. Долота, свёрла и порох победили древнюю магию. За грубым проломом виднелось освещённое тусклым белым светом помещение. Логика подсказывала, что именно там, в сердце скалы, Орден хранит припасы и стережёт важных пленников.

Приглушённый звук взрыва или пушечного выстрела донёсся из глубины. Тукуур замер в нерешительности. Похоже, в глубине ещё сражались выжившие стражи, но сможет ли он помочь им? И хочет ли Дракон, чтобы шаман им помогал? Эта мысль была довольно неожиданной. Всю жизнь Тукуура учили, что боевые братья Ордена — крепчайшая из опор государства, защитники народа от древних ужасов, верные дозорные Последнего Судьи. Но Лазурный Дракон призвал не их, а Дамдина и Тукуура, повелев найти колдунью, которую стражи обязаны были убить. Шаман чувствовал, что посланница Хора нужна повелителю духов живой, какие бы песни она ни пела. Но, возможно, стражам тоже? Иначе зачем они позволили колдунье ступить на остров, полный боевых слуг древнего народа? Вряд ли для того, чтобы собрать Высокий Трибунал, не выходя из дома. Ответы ждали внизу, и Тукуур, собрав волю в кулак, двинулся к пролomu. Эхо его шагов многократно отражалось от изгибов дома-стены и казалось, что по внутреннему двору идёт несколько человек, но когда шаман останавливался, все шаги затихали.

Тускло освещённый сводчатый коридор широкой спиралью уходил под землю. Он был построен в виде цепи соединённых узкими проходами полукруглых комнат, в каждой из которых могли закрепиться и держать оборону вооружённые огнестрельными защитники. Когда-то каждый купол был украшен созвездиями ярко светящихся кристаллов, но за долгие годы многие из них потускнели и погасли. Некоторые из созвездий были хорошо знакомы Тукууру, другие он угадывал с трудом, третьи не видел никогда в жизни.

Отступавшие вглубь скалы братья Ордена были настоящими мастерами боя. Тукууру то и дело попадались неподвижные крабы и львы-рыцари, но первого защитника крепости он встретил только в конце второго оборота спирали. Высокий воин-хамелеон в красно-чёрном кафтане с вышитым золотом гербом Цитадели сидел, уронив голову на грудь. Множество порезов покрывали его руки и ноги, и уже не понятно было, какой оказался смертельным. Пять крабов неподвижными грудами металла и кости валялись вокруг.

Из глубины прилетел порыв тёплого воздуха. Понимая, что он близок к цели, Тукуур проверил огнеплюй. Порох на затравочной полке отсырел. Осторожно смахнув его краем рукава, шаман снял с пояса один из тонких флаконов-пороховниц, насыпал на полку отмеренную дозу и поставил курок на полувзвод.

Коридор резко вильнул влево и оборвался широким полукруглым балконом, за парапетом которого раскинулась большая круглая пещера. Тёплый сухой воздух пах озоном и порохом. В центре пещеры высилась похожая на дерево прозрачная колонна, такая же, какую шаман видел во сне. Десятки нитей-ветвей выходили из неё, снова переплетаясь под потолком. Часть ветвей была разбита, ствол покрывали трещины. Слабо мерцающие осколки ковром покрывали пол между светящимися отростками-корнями колонны. Сгустки света хаотично вспыхивали внутри ствола, сталкиваясь и разделяясь. Маленькие огоньки стремились пробраться по нитям-ветвям вверх, к основанию башни маяка, но гасли, натываясь на трещины и сколы. Сердце Тукуура болезненно сжалось. "Неужели я опоздал?" — подумал он.

Подойдя к краю балкона, знаток церемоний увидел следы последней битвы защитников Цитадели. Тела пятерых бойцов распростёрлись рядом с корабельной пушкой, направленной на колонну. Вокруг них валялись крабы, сцепившиеся клешнями. Похоже, повредив ствол, стражи ввергли древних слуг в безумие, но и сами не смогли уцелеть в наступившем хаосе. Убедившись, что ни один из крабов не подаёт признаков жизни, шаман начал осторожно спускаться вниз по узкой каменной лестнице, идущей вдоль стены пещеры. Многие ступени были выщерблены от времени, на истёртом множестве ног камне легко было поскользнуться.

Завершив спуск, Тукуур ещё раз огляделся. Зал с деревом был похож и не похож на тот, что он видел во сне. Шаман закрыл глаза, пытаясь ощутить присутствие Дракона, но услышал лишь ритм маяка, прерывистый и болезненный как дыхание раненого животного. Укол страха заставил знатока церемоний открыть глаза. Ничего не изменилось, только мелкие огоньки стайкой испуганных птиц металась внутри ствола, словно хотели предупредить его о чём-то.

Настороженно осматриваясь, шаман начал пробираться к колонне. Мелкие осколки хрустели под ногами. Обломки ветвей мерцали над головой, грозя обломиться и упасть. Обойдя искорёженные панцири крабов, Тукуур подошёл к пушке. Один из мастеров Ордена лежал рядом, сжимая в руке дымящийся запал. Он готовился сделать ещё один выстрел, но краб успел перекусить фитиль орудия у самого основания и пробить клешней грудь канонира. Израненные товарищи стража не смогли прийти к нему на помощь. Шаман обошёл тела по часовой стрелки, бормоча слова мантры последней мудрости. Было уже не важно, стали бы стражи его друзьями или врагами, будь они живы. Их стремления, знания и мечты рассеялись в пустоте между Трёх Миров, когда души убитых отправились в путь за пределы пределов.

Отдав долг павшим, знаток церемоний снова повернулся к колонне. Прямо перед ним светящиеся "лианы" расступались, открывая гладкую и плоскую поверхность, в которой отражалась стена пещеры. Тукуур подошёл к зеркалу и опустился на колени.

— По слову Твоему, я пришёл, — прошептал он. — Но пришёл слишком поздно. Если ещё я могу что-то сделать, дай мне знак.

Мир молчал, треснувшая поверхность зеркала оставалась тёмной. Только неровные сине-фиолетовые кристаллы слабо светились в глубине ствола, искрясь серебряными

сколами. Кристаллы были вкраплены в стеклянистую массу колонны неравномерно и на небольшой площади, как будто ими выстрелили по стволу из пушки словно картечью. Присмотревшись, Тукуур увидел старые, почти сгладившиеся шрамы на поверхности колонны и сеточку трещин-прожилок, прозрачной паутиной соединявших инородные включения. Эта паутина или, скорее, грибница, прорастала сквозь монолит колонны во всех направлениях, ослабляя и раскалывая его изнутри. Именно благодаря ей недавний выстрел простым ядром так сильно раздробил стеклянистый ствол и обрушил множество тонких ветвей.

Тукуур с удивлением понял, что ему знакомы лазурные кристаллы. Всего несколько дней назад такой же камень-чешуйка висел у него на груди, даря ясность мысли и чувство незримого присутствия Последнего Судьи. Несколько чешуек поменьше бережно хранились в сокровищнице бириистэнского Святилища. В день состязания драконьих лодок камни выкладывали на малых алтарях для поклонения. Предание гласило, что это — осколки самой первой драконьей ладьи, которую Последний Судья послал, чтобы забрать избранных в Верхний Мир.

— Тогда содрогнулась земля, и рухнули стены, и вкрадчивый шёпот живых камней превратился в крик. Тогда вывели посланники Дракона всех, кто пошёл за ними, в Средний мир, освещённый звёздами и согретый лучами Светила. И показалось пленникам Нижнего мира, что желать больше нечего. Но таково было предостережение Дракона: проклят всякий мир, осквернённый деяниями Безликого. На время он даётся им, но, когда исполнятся сроки, приплывёт от далёких звёзд ладья, чтобы забрать тех, кто останется верен, в мир Верхний, — прошептал Тукуур строки "Воспоминаний Первого". — Но древние в гордыне своей забыли милость Дракона, выведшего их из мрачных лабиринтов Нижнего мира. И сказали другу другу: силой собственного разума превратили мы Средний мир в дивный сад. Не наши ли дворцы парят между луной и звёздами? Не наш ли взор пронизывает время и пространство? Не мы ли провели посланников Дракона в твердыню Безликого и помогли пронзить его сердце освящённым мечом? Но такова Его благодарность: лишь малое число живых пройдёт за Ним во врата из трёх звёзд, остальных же Он бросит в холоде и мраке. Так не лучше ли нам остаться всем в Среднем мире, охраняя его покой? Но лишь замыслили они разрушить ладью, которую создал Последний Судья из собственной плоти, как превратилась она в облако из стрел, и пролились те огненным дождём, сжигая небесные дворцы гордецов и их великие города...

Жилы-лианы вдруг вспыхнули нестерпимо ярким светом и тут же погасли, погрузив зал во тьму. Шаман зажмурился, перед глазами поплыли цветные пятна. Когда резь в глазах унялась, он заморгал, пытаясь привыкнуть к темноте. Несколько сгустков света ещё плавало внутри колонны. Стайка мелких огоньков, которую он заметил раньше, повисла в глубине зеркала россыпью незнакомых звёзд. Тукуур встал и осторожно прикоснулся к гладкому кристаллу. Огоньки закружились, один из больших сгустков подплыл к ним, словно привлечённая движением рыба. Пятна света слились, и в глубине зеркала постепенно проступил силуэт девушки в мягкой белой одежде.

Шаман сразу узнал это лицо, хотя видел его только раз в смутном сне. Перед ним была та, кого искали Улагай Дамдин, Смотрящий-в-ночь и даже сам Великий Дракон. В лице Темир Айяны было что-то от обоих родителей. Светло-зелёные глаза, вздёрнутый нос и резко очерченные скулы Аси, упрямая линия губ и решительный взгляд Буги. Бледная кожа в голубом свете маяка казалась почти прозрачной. Высокий лоб изогнутой пунктирной

линией украшали серебряные и аквамаариновые чешуйки. Они тревожно мерцали изнутри в такт ритму маяка.

Девушка испуганно оглянулась. Тукуур чувствовал её страх и растерянность как обертоны голоса маяка, но видел лишь беззвучное движение губ. Шаман сплёл пальцы в жесте непонимания. Призрак Айяны гневно тряхнул головой. Ломкие серебристые волосы встопорщились пушистым облаком как грива испуганного лесного кота. Девушка на минуту закрыла глаза, а потом энергичным жестом показала куда-то за спину Тукуура. Шаман оглянулся, но в наступившей темноте не мог ничего разобрать. Айяна ещё раз вытянула руку в том же направлении, а потом её фигура расплылась, снова превратившись в облако. Сгусток света скользнул вниз по стволу, перетёк в один из корней и устремился прочь.

Тукуур медленно двинулся следом, опасливо ощупывая пол подошвами плетёных сандалий. Толстый корень змеился по полу. Там, где другие ныряли вглубь скалы, он шёл дальше, огибая площадку с пушкой. На полпути к стене корень выгибался прозрачной аркой. Под ней, соединённый с основной жилой тонкими нитями, стоял прозрачный кокон или саркофаг, наполненный мутной жидкостью. Светящееся облако перетекло внутрь саркофага, на мгновение снова превратившись в силуэт Айяны. Девушка безмятежно спала, её волосы колыхались в жидкости как водные растения, рождая в памяти шамана старый ритм маяка, уверенный и спокойный. Тукуур опёрся на саркофаг, чувствуя пальцами маслянистые потёки на его гладкой поверхности. Мелкие порезы зацепало, и он поспешно отпрянул, вытирая руки о кафтан. Видение тут же рассеялось, и шаман увидел в глубине кокона человеческий скелет. Ряды чешуек опоясывали череп, складываясь в ажурный изогнутый венец — серебряный, с инкрустациями из прозрачных кристаллов. Некоторые из них ещё оставались янтарно-жёлтыми как на венце Морь Эрдэни, другие постепенно бледнели, приобретая зелёный оттенок.

Светящееся облако поплыло дальше по стеклянистому корню. Там, где отросток колонны входил в землю, часть его бугристой поверхности была будто бы срезана гигантской пилой. На плоской шероховатой поверхности спила резцом древнего скульптора была высечена карта Удела Духов. Береговая линия изгибалась не так, как сейчас, и остров Гэрэл был частью суши, но горные хребты и русла рек были вполне узнаваемы. Нынешняя Священная столица была отмечена знаком, похожим на дерево или высокий фонтан. Там, где сейчас стоял торговый город Толон, была вырезана крепостная стена с открытой книгой вместо ворот. Многолучевые звёзды отмечали остров Гэрэл и ещё несколько мест, давно ушедших под воду. А по краям карты, словно капли смолы на срезе дерева, зрели округлые выросты. Самый маленький из них Тукуур мог бы закрыть большим пальцем, а самый большой был немногим меньше дамдинова светильника. Внутри него, как у болотного огня и крабьих "глаз", слабо светились переплетённые прожилки. Когда шаман приблизился, белёдые нити засияли ярче, вбирая в себя светящееся облако. Другие сгустки света последовали за первым, перетекая из колонны в саркофаг и карту. Тонкие линии гор и долин вспыхнули призрачным светом, но быстро погасли. Единственным источником света оставался шар-вырост. Тукуур осторожно коснулся его. Шар было тёплым на ощупь и заметно шатался, словно зрелый пальмовый орех, готовый упасть на землю. Шаман надавил на него, и светящийся камень с лёгким треском оторвался от стеклянистой массы. Шаман подхватил шар обеими руками, выронив огнеплюй. Светящаяся паутина внутри камня то разгоралась, то гасла, но в самом его сердце прятался кусочек сине-фиолетовой тьмы. Только серебристые вкрапления на гранях кристалла-чешуйки откликнулись на свет

прожилок яркими всполохами, и в их тревожном ритме Тукууру чудились злость, недоумение и тоска.

Где-то под потолком пещеры послышался треск и шорох. Крупный обломок кристалла с грохотом рухнул на пол у противоположной стены. Высоко подняв светящийся шар над головой, Тукуур побежал к лестнице. Он несколько раз споткнулся, больно ранясь об осколки кристаллов. Колонна за его спиной неприятно потрескивала. Достигнув лестницы, шаман перевёл дух, и начал взбираться вверх. Он изо всех сил старался ступать осторожно, борясь со страхом, гнавшим его прочь из опасного подземелья. Выбравшись на площадку, шаман шмыгнул в коридор как мышь в нору и помчался вверх. Свет камня отражался от звёзд-кристаллов, наполняя комнаты причудливыми тенями. Он почти добрался до выхода, когда в глубине скалы раздался громкий рокот. Огоньки-звёзды тревожно замерцали, в спину ударил поток воздуха.

Кое-как протиснувшись в пролом, Тукуур захромал прочь от башни. Маяк уже не светился, а лучи заходящего солнца не проникали во внутренний двор. Только паутина в глубине древнего кристалла освещала путь шамана. Дойдя до арки, он повернулся, чтобы в последний раз посмотреть на витой шпиль маяка. Солнечные лучи окрашивали прозрачную верхушку в розово-красный цвет, по небу ползли тяжёлые синие облака. Тукуур вздохнул. Его приключение принесло только новые вопросы, и главным из них было как выбраться с проклятого острова до возвращения стражей.

**

Улан Холом выбрался на палубу "Буйвола" и вытер пот со лба, оставив на лице чёрные полосы сажи. Удар черепахи пришёлся вскользь, но ось гребных колёс сместилась, разломав корпус, и теперь через пробоины и трещины быстро набиралась вода. Пока что буксир держался на плаву, но никто не мог сказать, как долго это продлится. Хуже всего было то, что паровая установка пришла в негодность, а снабдить судно для подобного случая нормальной мачтой с парусом никто не догадался. Теперь их сносило течением на северо-восток, обратно к берегу материка, но это было даже кстати. Рассказывали, что у дальних островов древняя черепаха отправила на дно две трети флота Прозорливого и все корабли заморских демонов в придачу. Пожалуй, Ордену стоило поблагодарить заговорщиков за то, что они выманили флотилию "Медовой Лозы" в Бириистэн. Там ей и стоило оставаться до тех пор, пока чудище не уйдёт снова на дно. Только как предупредить моряков? О том, чтобы добраться до города пешком через подтопленные джунгли, не могло быть и речи.

Солнце уже клонилось к горизонту, и на фоне сереющего неба хаотичные вспышки маяка казались более яркими, чем обычно. Если бы не черепаха, они давно уже были бы на твёрдой земле, хотя и не в безопасности. На острове явно всё пошло к живым камням даже без помощи Тукуура. Холом покачал головой, вспомнив, с каким удовольствием его товарищ когда-то читал во время церемоний рассказы о чудесах Прозорливого и явлениях духов. "Вот тебе и чудо, буйвол-звездочёт", — мрачно подумал он. — "Крокодилы прославят твою любовь к небесам". Он не успел заметить, когда именно знаток церемоний свалился за борт, но понимал, что в тяжёлых кандалах у того почти не было шансов. Разве что зацепился за какой-нибудь нарост на панцире черепахи.

Страж посмотрел в сторону берега. От самого русла Великой Реки на восток тянулись тёмно-зелёные заросли, и только в одном месте виднелось светлое пятно. Сначала Холом

принял его за небольшой пляж, но, приглядевшись, понял, что пятно движется.

— Парус! — закричал он.

— Зажигай цветной дым! — отозвался из трюма один из боевых братьев.

Выкатив на палубу бочонок с дымным порошком, Холом поджёг фитиль. Вскоре через отверстия в крышке повалили удушливые клубы ярко-красного дыма. Оставалось только ждать и надеяться, что на неизвестном судне заметят сигнал до того, как содержимое бочонка прогорит.

Парус понемногу увеличивался в размерах. Это был большой рыбацкий катамаран из тех, на которых жители побережья и островов ходят в море за рыбой и съедобными моллюсками. Косые полотняные паруса хорошо ловили боковой ветер, собранные из гибких досок гондолы легко скользили по воде. На носу каждой из двух гондол по старому обычаю была нарисована пара жёлтых кошачьих глаз. Загорелые матросы в домотканых набедренных повязках глазели на диковинную лодку Холома, крепко держась за снасти. Шкипер, в отличие от своих подчинённых одетый в полотняную рубаху, с конической соломенной шляпой на голове, ловко развернул катамаран бортом к корме "Буйвола", чтобы не врезаться в оставшееся гребное колесо. Двое матросов как обезьяны перемахнули на палубу парового буксира и связали оба судна швартовными канатами и перебросили с борта на борт несколько крепких досок. Один из стражей легко перебежал на катамаран и помог перейти Холому.

— Вы командир? — спросил его старый шкипер, почтительно глядя на вышивку на кафтане стража. — Что с вами случилось?

— Улан Холом, свеченосец Ордена, — отрекомендовался тот. — Мы столкнулись с морским чудовищем. "Огненный буйвол" потерял ход и скоро пойдёт ко дну. Кто вы и куда держите путь?

— Мы ваши мирские последователи, билгор, рыбаки с острова Гэрэл. Рано утром вышли в море, а теперь возвращаемся с уловом...

— На Гэрэл идти нельзя, — резко прервал его старший брат Ордена, чьего имени Холом до сих пор не успел узнать. — Туда поплыло чудовище.

— Мы должны идти в Бириистэн и предупредить флот Ордена, — добавил Улан Холом. Лицо шкипера помрачнело, испуг боролся в нём с тревогой за семью, а та — с послушанием Ордену.

— Что за чудовище? — спросил он.

— Великая Черепаха, — неохотно ответил страж.

Матросы поспешно сложили пальцы в знак изгнания.

— Храни нас Стальной Феникс! — выдохнул шкипер. — Но чем вы прогневали её?

— Не мы, — поспешно ответил Холом, проклиная суеверия простолюдинов.

Для него, как и для любого брата Ордена, черепаха была отнюдь не посланницей духов, а проклятым наследием не менее проклятых времён, но с верой мирян следовало быть осторожным.

— Мы везли двоих преступников, чьи злодеяния переполнили чашу терпения Великого Дракона, — мрачно изрёк страж. — Увидев Черепаху, мы поспешно бросили их в море на суд духов, и благодаря этому всё ещё живы.

— Но тогда почему мы не можем вернуться на остров? — с недоумением спросил шкипер. — Ведь правосудие совершилось?

— Там могли остаться их сообщники, — ответил соратник Холома.

Матросы испуганно переглянулись. "Что будет с нашими семьями?" — читалось в их глазах.

— Смотрите! — вдруг воскликнул один из них. — Маяк погас!

Лицо шкипера посерело от страха, он сорвал с головы шляпу и забормотал молитвы. Матросы простёрлись ниц на палубе.

— Успокойтесь! — властно приказал безымянный брат Ордена. — Не бойтесь! Такова жертва Ордена духам! Сила маяка изгонит злых демонов! Ободритесь: теперь мы можем вернуться на остров и помочь вашим близким.

Холом недоуменно посмотрел на него.

— Они взорвали Столп, — едва слышно прошептал страж. — Это должно убить всех древних слуг поблизости. Отчаянная мера, но это значит, что наши живы и держатся. А вот нападавшим должно быть несладко: древние слуги не разбирают своих и чужих.

Рыбаки смотрели на боевого брата с сомнением и страхом, да и Холому не нравилось внезапное изменение плана. Похоже, гвардейцы считали, что им страшны враги только размером с Черепаху. Но что, если на острове их ждут заговорщики? Хватит ли троих боевых братьев и четверых военных моряков для того, чтобы их рассеять? Страж понимал, что его братья не хотят упустить из рук колдунью-посланницу, и это делает их безрассудными. К сожалению, Холом не мог им приказывать, ведь в свеченосцы он произвёл себя сам.

Приведя в чувство рыбаков и перенеся кое-какие вещи на катамаран, стражи отвязали швартовы и оставили "Огненного буйвола" на волю волн. Устроившись на носу парусника, страж пристально всматривался в тёмный силуэт острова. Быстро темнело, и погасший маяк едва выделялся на фоне тёмно-серого неба. Действительно ли мастерам Ордена удалось уничтожить вместе с ним черепаху? Что ждёт их на острове? И смогут ли рыбаки провести катамаран мимо подводных скал без привычного света маяка?

Когда они приблизились к скалам, уже совсем стемнело, и моряки зажгли масляные лампы на носу и корме. Они свернули все паруса кроме самого маленького и поминутно проверяли глубину. Скалы острова сливались в одну сплошную громаду, но когда катамаран проскользнул мимо отрога, закрывавшего вход в гавань, сквозь прореху в облаках выглянула луна, и в её свете моряки увидели остов черепахи.

— Она выбросилась на берег! — крикнул наблюдатель. — Здоровая как кит!

Матросы столпились на носу, грозя утопить судно, и стражу-арбалетчику пришлось разгонять любопытных тумачами. Странное тело — помесь акулы и черепахи — лежало на прибрежных камнях, волны гулко ударялись в панцирь. Чуть дальше из воды торчал обгорелый корпус морской джонки. Молчаливые тени домов и складов сгрудились в тени скал. Казалось, деревня вымерла, и только на самом верху скалистого пика, где угадывались очертания внешней стены Цитадели, тревожно мерцал красный огонёк факела.

Когда лодка приблизилась к пристани, Холом заметил, как от груды старых бочек отделились два человеческих силуэта. Один из них метнулся в сторону берега и скрылся в тени домов. Второй подождал немного и вышел на открытое пространство. Это оказался жилистый пожилой мужчина в холщовой накидке и соломенной шляпе. В руке он сжимал гарпун с костяным остриём.

— Галан! — позвал он шкипера. — Кто это с тобой?

Охотник на скатов говорил громко, но приглушённо, как будто боялся, что его услышат враги.

— Трое наших наставников из Ордена Стражей, — отозвался рыбак. — Что здесь

случилось?

— Трое? — хмуро переспросил охотник. — Мало! В крепости враги!

— Сколько? — спросил его Холлом, перегнувшись через борт. — И где остальные?

— Не меньше дюжины, — проворчал охотник. — Люди прячутся. Факельщик Дорж молится Стальному Фениксу, но видать невелика его вера, раз тот прислал всего троих!

— Увидим! — холодно бросил старший брат. — Ступай к нему и скажи, что старший брат Ринчен ждёт доклада на причале хамелеонов.

Охотник хмуро кивнул и растворился в ночи.

— Гасите лампы! — приказал страж шкиперу. — И быстро уводите лодку под скалы, пока нас не угостили ядром!

Матросы быстро оттолкнули катамаран от пристани и, стараясь не шуметь, погребли к причалу торговой миссии хамелеонов. Этот причал, единственный во всей гавани, не просматривался из Цитадели из-за нависавшего над ним скального уступа. Холлом напряжённо считал удары своего сердца, но пушки Цитадели безмолвствовали.

— Похоже поняли, что мы не станем их ждать, — тихо сказал он старшему стражу. — Как полагаете, они устроят вылазку?

— Зависит от того, насколько уверенно они себя чувствуют, — пробормотал в ответ Ринчен. — В любом случае, факельщик доберётся до пристани раньше.

Осклизлые доски причала торговой миссии поднимались над водой всего на одну ладонь. Крупные волны перекатывались через них, шевеля тёмные космы водорослей. Здесь не было ни одного столба, к которому можно было бы привязать лодку, да они и не нужны были людям волн и их морским зверям. В летописях Холлом читал, что у хамелеонов были и боевые ладьи, чьи серебристо-серые корпуса появлялись из прибрежного тумана подобно призракам, но на остров Гэрэл люди волн привозили только то, что помещалось в их кошельках — крупный жемчуг и коралловые статуэтки. Сталь, порох и драгоценные камни для них оставляли на небольшой скале в двух днях пути к югу от острова, в большом гроте, где из трещины в земле вырывалось негаснущее пламя.

На берегу, в тени вылепленного из кораллового порошка дома миссии, их дожидались уже знакомый охотник и усталый парень в рваном чёрном кафтане. При виде брата Ринчена он подобрался и приложил кулак к груди.

— Балта Дорж, младший факельщик, — негромко представился он.

— Следуйте за мной! — приказал старший страж.

Солдат устало оглянулся на охотника и вздохнул. Осторожно пройдя по скользким доскам, они неуклюже перелезли через борт катамарана. Брат Ринчен запрыгнул следом и приказал шкиперу отойти от пристани и бросить якорь в тени скальной гряды, обрамлявшей гавань. Закончив с распоряжениями, он повернулся к факельщику и выжидающе посмотрел на него, ожидая доклада. Дорж мрачно покачал головой.

— Гарнизон разбит, нохор. — устало сказал он. — Из бойцов остались я и мой ученик. Цитадель занята врагами. На берегу валяется древнее чудовище и я молю духов, чтобы оно не ожило... Впрочем, это вы и сами видели. Дрянная обстановка, нохор, а боевой дух и того хуже.

Холлом мрачно кивнул. Он был благодарен факельщику уже за то, что тот не спрашивал, где подкрепления.

— Почтовые птицы живы? — спросил он Доржа.

— Не знаю, нохор, — ответил тот. — Они же все в Цитадели! Думаю, что пираты им

свернули шеи.

— Рассказывай всё по порядку, — хмуро произнёс брат Ринчен.

— Утром прошлого дня весь флот и большая часть гарнизона под началом мастера-факельщика Дэндэва отправились в Бириистэн. Говорят, таков был приказ Капитула. Старшим в Цитадели остался мастер-наставник Юкук, с ним кастелян, книгохранитель, судья, пятнадцать испытанных братьев, шестеро воспитанников, пять факельщиков, три ученика. Все старшие факельщики ушли с флотом, и начальником над нами остался военный прорицатель Унэг. Он же служил жрецом в храме Феникса. Командовал он недолго: уже вечером в деревню спустился брат из Цитадели и приказал нам арестовать Унэга. Те, кто увёл его наверх, рассказали, что часть братьев оказалась пособниками врага, и их застрелили. Так мы лишились части гарнизона ещё до того, как появилась проклятая джонка.

— Та, что сгорела в порту? — уточнил Холом.

— Она самая. Пришла сегодня на рассвете. Встречал её сам мастер Юкук с пятью братьями. Я стоял на часах возле арсенала, поэтому видел, как четыре человека из экипажа село в шлюпку. Как только шлюпка коснулась пристани, на корабле взорвался порох. Двоих из шлюпки братья тут же закололи кинжалами, а третий вроде бы ударил четвёртого, и того унесли в крепость. Думаю, на джонке тоже были предатели, и кто-то из наших пожертвовал собой, чтобы её взорвать. После этого до полудня было спокойно, а потом маяк замигал так, что больно смотреть, и из моря полезли какие-то твари вроде крабов, только одноглазые. Размером с большую собаку или мелкую овцу. Больше всего их было как раз здесь, на пристани хамелеонов. Люди волн из миссии подняли крик и стали отбиваться, а я затрубил в пожарный рог и хотел вести людей в Цитадель, но увидел, что крабы уже на дальнем пляже и около кузницы, и прут как раз наверх. Поэтому я и другие факельщики побежали к пещерам, трубя сбор. Там пришлось отбиваться, многие полегли, но большинство спряталось, и тогда я взвёл потайные шестерни и запечатал пещеру.

Факельщик тяжело перевёл дух и оглянулся на скалы. Силуэт торговой миссии в темноте напоминал оплывшую свечу.

— Пираты, — напомнил ему Холом.

— Через три часа я рискнул послать наружу разведчика. Из пещер есть узкий лаз на небольшую скальную полку, мой ученик туда едва протискивался. Мы боялись, что на неё заберутся крабы, но ученик вернулся и доложил, что их нигде не видно, а на пляже лежит здоровенная туша. Мы решили не высовываться, но выставили дозорного. Туша так и не пошевелилась, но маяк погас, а потом в гавань вошла колёсная барка под флагом Белой Крепости. С неё высадилось девять вооружённых человек и полтора десятка мохнатых. Некоторые из людей были в кафтанах добдобов, остальные — кто в чём, и оборванцы командовали солдатами. Вся эта ватага обшарила посёлок, а потом отправилась в Цитадель. Большая часть осталась наверху, но один мохнатый и шестеро людей вернулись. Четверо несли увесистые тюки, а ещё с ними был человек в парадной форме военного прорицателя. Наверное, Унэг. Странно только, что его не пристрелили вместе с другими шпионами.

— И вы просто смотрели, как они грабят Цитадель? — неприязненно осведомился страж-арбалетчик.

— Нас было два бойца и три дюжины стариков, женщин и детей, — зло напомнил Дорж. — У них же почти все с огнеплюями, да ещё пушка на палубе. Мы их разве что задержали бы немного, чтобы они успели вас утопить.

Холом кивнул, соглашаясь с решением факельщика.

— Когда ушёл их корабль?

— Почти сразу как стемнело. За час где-то до вашего появления. Огней не зажигали, так что точно пираты.

— Ты уверен, что с ними был именно Унэг? — спросил брат Ринчен.

Факельщик уверенно кивнул, но сразу нахмурился и покачал головой.

— Нет, лица я не видел. Кто-то примерно его роста, в его одежде.

— Это могла быть женщина? — уточнил Холом.

— Нет, — уверенно ответил Дорж. — Походка не женская. И волосы подвязаны по-солдатски.

Холом выразительно посмотрел на старшего стража.

— Восемнадцать человек — слишком мало, чтобы удержать Цитадель когда вернётся флотилия, — хмуро произнёс он. — Значит, у пиратов недалеко база, и барка ушла за подкреплением. Думаю, самое меньшее завтра к вечеру они будут здесь.

Брат Ринчен сжал кулаки.

— Нас обыграли, — процедил он. — Мы должны предупредить мастера Дэндэва, иначе они разобьют наши корабли у входа в гавань как мишени на стрельбище! Дождёмся прилива и перетащим катамаран через скалы у Рассветного уступа...

— Нет, — решительно прервал его Холом. — Мы не можем так легко бросить наш дом и наших людей. Сколько из вас способно держать оружие? — спросил он Доржа.

— Семеро, — уныло ответил тот. — С командой Галана — тринадцать.

— Добавьте троих испытанных братьев и четверых военных моряков. Итого — двадцать.

— С гарпунами и кольями, — покачал головой факельщик. — Против огнеплюев. Нас перестреляют как куропаток ещё до того, как мы увидим внешнюю стену!

Холом мрачно усмехнулся.

— Кто сказал, что мы доставим им такое удовольствие? Под скалами с юго-западной стороны острова есть грот. Он открывается во время полуночного отлива. Из него тайный ход ведёт прямо в пещеру под маяком. Оттуда мы легко попадём в Цитадель, и внутри огнеплюи нашим врагам будут только мешать. Мохнатые, конечно, сильны и в ближнем бою, но в четырёх стенах они всегда нервничают. Если мы появимся из-под земли, они запаникуют.

— Или нет, — вздохнул Дорж.

— Слушай, стражник! — вдруг резко произнёс шкипер. — Либо мы сегодня до рассвета перебьём этих пиратов, либо к закату их друзья загонят нас в пещеры и потравят дымом как крыс! Ты-то, может, надеешься улизнуть с начальством в Бириистэн, да только я не собираюсь бросать тут жену и детей, и они, — он показал на матросов, — не собираются. Так что мы пойдём с господином свеченосцем, а кто хочет — пусть плывёт наразмашку!

— Ты лично — не пойдёшь! — отрезал брат Ринчен. — Я приказываю тебе, мирянин Галан, выбрать из женщин и стариков тех, кто сможет управиться с лодкой. Вы немедленно отправитесь в Бириистэн с моим оберегом и расскажете всё мастеру-факельщику Дэндэву. Если мы возьмём крепость, то постараемся удержать её до его прибытия. Если же погибнем, он будет предупреждён. Если встретите другие лодки, первая пусть следует за вами, остальные — к нам на помощь.

Пожилой шкипер неохотно кивнул.

— Повинуюсь, — проскрипел он. — Да поможет вам Дракон.

Сквозь узкие зарешеченные окошки в каюту "Правильного усердия" залетали порывы солёного морского ветра, выгоняя из неё дым догоревших свечей и кислый запах пальмового уксуса, которым были пропитаны повязки Айсин Тукуура. Глядя на его осунувшееся лицо, освещённое призрачным светом странного шара, Илана, казалось, снова видела перед собой старого Алдара. Тревоги и испытания мало оставили от жизнерадостного молодого чиновника, с затаённой гордостью спешившего исполнить поручения её отца. Подобно безжалостным волнам, срывающим с мелкого острова почву и зелень чтобы оставить скальную основу, они смыли прочь застенчивую вежливость, в дни детской дружбы казавшуюся ей милой, а после возвращения из Бириистэна — удушающе приторной. Во взгляде знатока церемоний больше не было щенячьей надежды и преданности, злой крапивой обжигавших сердце подпольщицы. Новый Тукуур глядел на мир почти так же устало, мрачно и подозрительно, как Скальный Лис, хмурившийся с его нагрудной пластины. Но, в отличие от Тукуура прежнего, этот грязный и измотанный человек больше не казался одним из живых звеньев тяжёлой цепи, которой учение Смотрящего-в-ночь опутывало тело многострадального народа, не давая тому смотреть в будущее. Теперь Илана, пожалуй, даже была рада видеть старого знакомого. Или была бы рада, если бы его рассказ, полный невероятных подробностей и подозрительных умолчаний, не наполнял душу девушки отвратительной горечью.

Илана помнила холодное разочарование в глазах отца, когда он узнал, что его первенец — обычная девочка без колдовских способностей. Помнила семейные ссоры, в которых неизменно становилась на сторону матери. Порой ей даже казалось, что она ненавидит Бугу и способна желать ему смерти. Ровно до тех пор, пока не увидела его на полу, беспомощного, с истерзанным лицом и раной в груди. С этого момента Илана не раз задавала себе вопрос: смогла бы она на самом деле поднять руку на собственного отца, если бы миссия, возложенная на неё "друзьями Разума" этого потребовала? И с каждым разом всё очевиднее казался отрицательный ответ.

Отец же, как оказалось, не колебался. За считанные дни он вместе со старым пауком Улан Баиром придумал как одним ходом устранить всех, кто мог помешать его восстанию. Он не пожалел даже собственной жизни — что уж говорить о жизни нелюбимой дочери? Положив в тайник, о котором было известно только двоим, сосуд с ядовитой мазью, он вывел Илану из игры, сделав её приманкой для столичного прорицателя. Рассчитывал ли отец, что она сможет убежать? Возможно, да, но сейчас девушке казалось, что ему это было безразлично. Темир Буга принёс её в жертву Безликому так же, как до этого пожертвовал её матерью ради рождения младшей сестры. И хотя казалось, что смерть Аси больно ранила отца, эта же смерть развязала ему руки, ведь их мать никогда не позволила бы, чтобы от тихой и ласковой Айяны...

— ...осталось только это, — устало завершил Тукуур.

Илана с затаённой болью посмотрела на светящийся камень. В руках воспитателей, подобранных отцом, её сестра превратилась в фанатичного бойца, способного проникнуть в цитадель безжалостного врага, но с какой целью? Чтобы навсегда остаться в каменном склепе, подарив жизненную силу очередному болотному огню? Этого ли хотел отец, или предательство Улан Баира разрушило его план?

— Значит, из десяти тысяч вещей именно эта будет напоминать мне о сестре, — горько сказала она. — Что же, не так часто нам дано выбирать.

Дочь плавильщика встала и требовательно протянула руку за шаром. Знаток церемоний нахмурился.

— Эта вещь может быть опасной, билгэ Илана, — неуверенно произнёс он.

— Тем более! — строго ответила девушка и выхватила камень из рук шамана.

Шар слегка потускнел. Тукуур недовольно сжал губы, но промолчал, опустив голову.

— Мы благодарим Вас за рассказ, билгор Тукуур, — уже мягче сказала она. — Ваши сведения очень ценны, и мне совестно, что в награду мы пока можем предложить лишь скромную еду и место на палубе.

— Дающий вовремя даёт дважды, — с легким поклоном ответил знаток церемоний.

Бросив ещё один тревожный взгляд на светящийся камень, шаман вышел из каюты вслед за мохнатым помощником капитана.

"Ты веришь ему?" — жестами спросил Высокий Пятый.

Илана покачала головой.

— Он недоговаривает, — сухо сказала она. — Но мы видели сожжённый корабль и тела ваших людей на острове. Кто-то выдал их стражам. Кто-то рассказал мастерам Цитадели о том, когда и на каком корабле приплывёт Айяна. Это вполне мог быть Улан Баир. Отец доверял ему, не замечая, что Орден Стражей держит у горла гранильщика острый нож — связанного незримыми веригами сына. Мы не можем позволить себе такой слепоты. Вполне может быть, что Айсин Тукуур, выдав Баира, лишь отводит наши глаза от других шпионов, в том числе — от себя.

"Его отец спас тебе жизнь", — напомнил вольноотпущенник.

Подпольщица устало вздохнула.

— Как человек, я благодарна за это, и хотела бы вернуть долг. Но посвятив себя борьбе, я обязана учитывать и такую возможность: он спас меня, чтобы я попала к вам и помогла потом его сыну внедриться в ваши ряды.

"Слишком сложно", — отмахнулся островитянин. — "Даже я, знавший тебя получше других, не думал, что ты сможешь устроить бунт на невольничьей барке! Илана — принцесса пиратов!"

Он оттопырил верхнюю губу и весело хрюкнул. Дочь плавильщика раздражённо фыркнула, но на её губах сама собой появилась довольная улыбка.

"Ладно", — перешла она на язык жестов. — "Это могло быть совпадением. Но мы не знаем, действительно ли мёртв Улагай Дамдин, или его пальцы до сих пор дёргают за нити, связывающие Тукуура. Поэтому мы обязаны исходить из того, что Тукуур — шпион. И из того, что враги знают ваш следующий шаг".

"А ты — нет", — быстрым движением показал Высокий Пятый.

Илана хмуро кивнула. То, что мятежники не спешили делиться с ней своими планами, было естественным, но в свете рассказа знатока церемоний могло стоить им больших потерь.

"Я не прошу рассказать", — показала она. — "Я прошу принять меры".

"Дарге это не понравится".

Подпольщица невесело усмехнулась. Капитан Дарга возглавлял людей, примкнувших к восстанию Детей Грома. Этот грузный моряк с красноватым плоским лицом, вечно теребящий свои длинные усы со вплетёнными в них деревянными колечками, изображал

выходца из низов, но слишком хорошо читал карты и обращался с астрольбией.

"Дарга добыл для Айяны ту джонку", — напомнила девушка.

Высокий Пятый недовольно надул щёчные мешки и встопорщил шерсть на плечах.

"Он ведь служитель Хора, верно?" — уточнила она. — "Связной между вами и Баиром?"

Островитянин нехотя кивнул. Илана в который раз порадовалась своей удаче. Если бы капитан Дарга не остался на острове, у неё не было бы шанса перетянуть старого друга на свою сторону. Её пальцы энергично запорхали в воздухе.

"Если Улан Баир предатель, и Дарга — его человек, то всё твоё дело в опасности".

Высокий Пятый тихо зашипел и ещё раз кивнул.

"Мы готовились сжечь корабли Ордена в бириистэнском порту", — скупыми жестами, смешивая звуки и знаки, показал он. — "Много лодок с порохом, маслом и смолой".

"Если они ждут этого, отбиться очень легко", — ответила подпольщица. — "Поставить плоты и шлюпки с часовыми вокруг флотилии. Они не пропустят лодки с огнём. Потом бить по берегу разрывными ядрами. После этого напасть на ваш лагерь — и конец надеждам на свободу народа тени и листьев".

"Что ты предлагаешь?"

"Перевезти больше людей на остров Гэрэл, потом послать оттуда птицу с просьбой о помощи. Выманить их из Бириистэна, и встретить вот здесь", — Илана показала место на карте, где главное русло Великой реки изгибалось, зажатое между множества плоских островков. — "Лодки с огнём здесь нанесут меньше ущерба, но если угадать момент, потери флотилии будут такими, что они не смогут вернуть Прибрежную Цитадель".

"Согласен. Но, если Дарга шпион, он предупредит Орден. Что мы можем с этим сделать?"

"Кажется, у нас есть способ отвлечь его внимание. Приманкой станет Тукуур. Надеюсь, добровольно".

Стратегема 7. Поднять шум на западе, напасть на востоке

Тукуур не мог заснуть. Его тревожил сырой ветер, скрип ворота и недоверчивые взгляды матросов. К полуночи зарядил ливень, угрожая затопить палубу, и команде пришлось натягивать над ней большой тент из промасленной ткани. Шаман попытался помочь, но быстро понял, что только путается под ногами. Он примостился на носу между бухтами канатов, слушая, как барабанят капли по матерчатому пологу. Вода просачивалась через швы и мелкие прорехи, скапливаясь в углублениях палубы. Под самые заметные прорехи подставляли бочки: всё-таки, это была пресная вода, пусть не самая чистая и с горьковатым привкусом старого пальмового масла. Тукуур мог только догадываться почему её набирают — потому ли, что четырёх бочек с острова Гэрэл не хватит до конца перехода, или потому только, что выливать пресную воду по морским поверьям значило накликать беду. Он не знал даже, кто он на этом корабле — пассажир или пленник, и, хотя разум подсказывал, что иначе и не могло быть, в сердце тлели обида и разочарование.

Казалось, вместе с незримыми веригами Дамдин оплёл дух Тукуура тайным проклятием, и теперь каждый, кого он знал и любил, оказывались словно бы отражёнными в мутном и кривом зеркале. Лучший друг пытался использовать его, и даже не успел толком объяснить, для чего. Законоучитель Токта увидел в нём какое-то исчадие нижнего мира, а родители — убийцу Токты. Пусть ненадолго, но это было тяжелее тюрьмы и побоев. Наконец, Илана, встретившая шамана холодным взглядом и сухой вежливостью. Илана, оказавшаяся заговорщицей, как и говорил Улагай Дамдин. Действительно ли она не знала о планах отца и судьбе младшей сестры, или это была игра опытной притворщицы? Всего неделю назад он не сомневался в искренности дочери плавильщика, но теперь был готов признать, что любовь затуманила его взор.

Знаток церемоний не мог больше отрицать очевидного: девушка не разделяла его чувств. Он мог сколько угодно объяснять её холодную отстранённость разладом с отцом, страхом перед соглядатаями Ордена, двойной жизнью подпольщицы. Но даже в таких тяжёлых обстоятельствах Илана могла бы попытаться привлечь Тукуура на свою сторону или хотя бы отвлечься от забот учёной или светской беседой. То, что этого не произошло, говорило о многом. Конечно, он мог бы, наперекор всему, стать острым мечом в руках возлюбленной, надеясь занять в её сердце то место, которое освободит свершившаяся месть. Только непрощенные жертвы редко приносят благие плоды. Зная это, хотел ли шаман погнаться за очередным миражом?

В памяти снова всплыл образ среброволосой колдуньи. Что это было? Сохранённое волшебством маяка отражение прошлого? Или живой дух Айяны чудовищным образом оказался заперт внутри прозрачной колонны так же, как взывавший к Тукууру во снах Великий Дракон? Что таил в себе светящийся камень? Порой шаману казалось, что он всё ещё слышит его печальную мелодию, далёкую и тихую, словно шелест листьев в ночном саду. Вместе с этой мелодией в его сердце поселилась необъяснимая тоска, ставшая ещё сильнее, когда Илана отняла у него шар. Знаток церемоний чувствовал, что должен во что бы то ни стало выяснить, что же произошло в пещере на острове Гэрэл. Зов этой тайны словно морской ветер врывается в сердце Тукуура, не давая ему наполняться горечью неразделённой любви.

Увлечённый им, шаман вслушивался в плеск волн и стук дождевых капель, пока, наконец, не заснул. Его сон был глубоким и мрачным, полным смутных видений и незнакомых голосов, но среди них не было того, кого он больше всего хотел бы услышать. Великий Дракон молчал. Гневался ли он на своего служителя за нерасторопность, или предвидел то, что произойдёт? Или, быть может, это болотный огонь Дамдина внушил шаману образ Последнего Судьи? Ведь Дракон в видениях приказывал Тукууру то же, что столичный прорицатель наяву, а голос Его умолк после того, как слуги Ордена разбили Дамдинов шар о гребное колесо "Огненного Буйвола".

С ужасом осознав, сколь глуп и незащищен он перед силами древних, шаман проснулся. Небо на востоке серело, возвещая начало нового дня. Одеяло Тукуура пропиталось росой, и пронизывающая сырость дополняла чувство тоски и одиночества, сжимавшее его сердце холодными тисками. Знаток церемоний чувствовал себя совсем разбитым, но холод дождливого утра не давал ему снова погрузиться в сон. Шаман порывисто встал, но тут же схватился за борт и осторожно опустил на свёрнутый канат. Голову пронзило острой болью, перед глазами поплыли радужные круги. Тукуур болезненно зажмурился и принялся на ощупь растирать затёкшие руки и ноги. Плечи снова саднили, по спине ползали мурашки. Неужели он умудрился поймать болотную хворь? "Как не вовремя", — с досадой подумал шаман, плавно поднимаясь на ноги. Он и здоровым-то был не слишком нужен заговорщикам, а уж больного могли и за борт выбросить, чтобы не разносил заразу. Впрочем, это вряд ли. Болотной хвори никто не боялся: помаешься дня три-четыре, и снова за работу, как ничего и не было. Некоторые наставники внутренней гармонии советовали больным больше лежать и пить, другие — двигаться, чтобы не застаивались телесные жидкости. Помня, что гэрэльской воды осталось немного, знаток церемоний последовал второму совету. Он плавно скользил между ящиками и канатами, чередуя элементы танца четырёх Защитников и те приёмы гимнастики "кулака трёх миров", от которых не слишком сильно болела голова. Матросы бросали на него взгляды, любопытные или снисходительные, но пока не враждебные. Постепенно его мышцы разогрелись и движения стали увереннее, но боль в голове и плечах не отпускала. Утомившись, он снова сел на свёрнутый канат.

Судно неспешно ползло вдоль берега, мелкие волны с глухим плеском разбивались о просмоленный борт. Из пышных крон мангровых деревьев настороженно выглядывали мелкие обезьяны с курчавой серо-коричневой шерстью. Где-то в глубине леса пронзительно кричали дикие родственники говорящих почтовых вака. Сквозь прорехи в истончившихся за ночь тучах пробивались золотистые лучи утреннего солнца. Согревшись, Тукуур едва не задремал, но вовремя почувствовал чьё-то приближение. Нехотя повернувшись, он увидел одного из матросов, сжимающего в руке длинную полоску плотной чёрной ткани.

— Так положено, — проворчал моряк, протягивая шаману тряпицу.

Знаток церемоний нахмурился, но тут же кивнул, поняв, чего от него хотят. Взяв у матроса повязку, он аккуратно обернул её вокруг головы и завязал на затылке. Пират потоптался на месте и, убедившись, что Тукуур не схитрил и действительно ничего не видит, затопал прочь. Шаман пожал плечами и подставил лицо тёплым солнечным лучам. Теперь ему действительно оставалось только заснуть.

Тукуура разбудил мягкий толчок когда нос судна врезался в песчаный берег. Воздух пах морской солью, гнилыми каменными яблоками, корабельной смолой и дымом костров.

— Эй! Подъём! — скомандовал чей-то хриплый голос.

Знаток церемоний нащупал край борта и осторожно встал. Его грубо подхватили под

руки и повели на нос. Судя по звуку шагов и скрипу досок с берега на нос перекинули шаткий мостик, и матросы спешили присоединиться к своим товарищам на берегу. Тукуур напрягся, гадая, достаточно ли широка сходня, но конвоиры решили не испытывать его чувство равновесия.

— Руки подними! — буркнул один из них.

Второй ловко обернул вокруг груди шамана толстый канат и сунул ему в руку конец.

— Держи крепко!

— Раз, два, взяли!

Палуба ушла из-под ног, заскрипела кран-балка, и ошалевшего знатока церемоний спустили за борт как мешок с мукой. Сильные мохнатые руки подхватили его внизу и поставили на мокрый песок. Легким толчком в спину островитянин подсказал шаману направление и, возможно, скорость движения. Тукуур сделал несколько шагов, но тут в его ступню впилась острая раковина. От боли и неожиданности знаток церемоний потерял равновесие, неловко взмахнул руками и упал на четвереньки.

Конвоиры остановились, и шаман почувствовал, как шевелятся волоски на его руках. Ощущение походило на болезненный озноб, но у волн странной дрожи был ритм, и этот ритм испугал Тукуура. Он помнил песнь маяка, похожую на перезвон далёких колоколов. Мысли черепахи звучали как боевые барабаны. Пульс Холома походил на бессвязный мотив, который человек, задумавшись, выстукивает пальцами по крышке стола. Импульсы же, которые он ощущал сейчас, приходили короткими сериями по четыре удара, как щелчки хищного крылана, выслеживающего добычу.

— Хвала Дракону, вы вернулись! — услышал он рядом незнакомый мужской голос. — Кто это с вами? Орденская ищейка?

Тукуур кое-как встал, повернувшись на звук голоса. Нет, тот, кого он чувствовал, был не настолько глуп, чтобы выдать себя. С нарастающей тревогой шаман понял, что не может даже понять, откуда приходят "щелчки". Казалось, что тот, кто за ним следил, был одновременно и спереди, и сбоку, и за спиной.

— С чего ты взял? — разорвал напряжённую тишину голос Иланы.

Конвоиры снова взяли Тукуура под руки, и он даже почувствовал облегчение от того, что окружён вооружёнными людьми.

— Был бы из наших — не носил бы повязку, — непринуждённо ответил незнакомец.

Повинуясь чьему-то безмолвному приказу конвоиры снова повлекли шамана вперёд. Мокрый песок под ногами сменился влажными листьями, дважды они переходили через какие-то мостики, а затем кто-то из мохнатых подхватил знатока церемоний под мышки и оторвал от земли. Тукуур изо всех сил старался сохранять спокойствие пока его передавали из рук в руки на неизвестной высоте. Мокрые листья и мелкие сучки то и дело задевали лицо и руки. Несколько раз полы кафтана цеплялись за ветки, заставляя сердце шамана замирать от страха, но невидимые носильщики аккуратно отцепляли его и передавали дальше. Наконец, он почувствовал под ногами деревянный пол, и мохнатые носильщики сняли повязку с его глаз.

Он стоял посреди большого плетёного шалаша, выстроенного в кроне одного из гигантских деревьев долголетия, которые ещё встречаются в прибрежных лесах. Свитые из прочной лозы и обложенные пальмовыми листьями стены надёжно защищали обитателей от дождя. Дым от небольшой жаровни выходил сквозь круглое отверстие в потолке, расположенное прямо над люком в полу, через который подняли Тукуура. У стен лежало

несколько циновок и чурбаков, заменявших столы и стулья. В помещении не было никого кроме шамана и крупного мохнатого воина. Островитянин энергично потряс руками, сложенными в жесте "жди!", надул для пущего эффекта щёчные мешки, и с лихим посвистом нырнул в дыру. Раздался шелест и треск.

Тукуур осторожно заглянул в люк. Внизу пряталась в ветвях открытая площадка, на которой лежало что-то вроде лестницы. Нечего было и думать о том, чтобы добраться до неё, если не умеешь лазать как лесные люди. Обойдя шалаш, знаток церемоний обнаружил ещё один маленький люк, через который можно было справиться нужду, небольшое ведро для сбора дождевой воды и старое одеяло. Ни одна из этих деталей не говорила, было ли помещение тюрьмой, или обычным домом мохнатых островитян.

Смирившись с тягостным чувством неизвестности, Тукуур скинул сандалии и лёг на циновку подальше от жаровни. В его голове один за другим всплывали вопросы, тяжёлые и бессвязные, как обросшие водорослями брёвна в Великой Реке. Что ждёт его родителей, оставшихся во власти Ордена в Бириистэне? Кто следил за ним на берегу? Что сделают с ним заговорщики? Удастся ли ему ещё раз увидеть светящийся шар? Последняя мысль была особенно навязчивой. Тонкие светящиеся прожилки камня вновь и вновь вставали перед внутренним взором шамана. Казалось, стоит коснуться их, и тупая боль, сыромятным ремнём сдавливающая его голову, отступит. Вот бы ещё раз поговорить с Иланой! Но даст ли она ему камень хотя бы на время? Дочь плавильщика явно не доверяла шаману, и странная просьба могла только усилить её подозрения.

Мысли утомляли, хотелось спать, но плечи ныли всё сильнее, не давая забыться. Тукуур попытался помассировать их, и ощутил сквозь плотную ткань кафтана жар и покалывание, как будто он поймал грозowego угря. Мышцы отозвались на надавливание острой болью. Это было совсем не похоже на болотную хворь. Шаман с усилием приподнялся, скатал валиком одеяло и подложил его под голову. Это немного облегчило боль, и он прикрыл глаза, прислушиваясь к биению собственного сердца. Впервые за эти полные опасностей дни он ощутил не испуг, быстрый и горячий как удар молнии, а тоскливый страх медленной смерти. Жар быстро усиливался и, когда один из мохнатых охранников наконец принёс Тукууру еду, тот едва смог слабым голосом пробормотать что-то про Илану и камень. Исполненный мрачной уверенности, что охранник его не понял, шаман кое-как снял тяжёлый кафтан и, закутавшись в старое одеяло, провалился в липкое забытьё.

Сон вернул его в окутанный туманом двор Прибрежной Цитадели. Тукуур брёл по нему, осторожно переступая через обломки камней и панцири разбитых крабов. Туман был холодным и вязким как кисель, и шаман раздвигал его руками словно лягушка, плывущая в глубине пруда. Он стремился вновь попасть в сердце скалы, но очертания предметов расплывались, а у Тукуура не было сил удерживать их на месте. Он хотел бы лечь и заснуть внутри сна, и только смутное чувство долга тянуло его вперёд, через грязь и вонь Свиного переулка, по узким карнизам старой крепости Бириистэна, вверх по скалам острова Гэрэл и снова вниз, сквозь давящие затаившимся ужасом подземелья, где полукруглые комнаты с мерцающими в стенах кристаллами-звездами сменялись тюремными камерами, поросшими склизкой плесенью. "Это болезнь не хочет выпускать меня", — понимал Тукуур и упорно пробирался вперёд, к сияющему во мгле дереву. Туман пытался остановить его, сплетаясь в призрачные жгуты, спутывая руки и ноги. Шаман барахтался в нём как муха в паутине, разрывая пути ногтями и зубами, протискиваясь между ними как древесный кот. Не выдержав яростного натиска, призрачная завеса с усталым треском поддалась, пропуская

Тукуура на изнанку бытия.

Там, во тьме его подсознания, мягко сиял прозрачный кокон-саркофаг. Тукуур не видел ни разбитой колонны, ни стен пещеры, ни туннелей в них. Только налетал откуда-то порывами сквозняк, то и дело задевая шамана холодными крыльями. Внутри прозрачной скорлупы саркофага бурлило облако из множества светящихся серебристых пылинок. Казалось, холодный ветер проникает сквозь преграду и заставляет светящийся туман колебаться, закручиваться канатами и кольцами, оседать на стенках и гаснуть. Пылинки меркли одна за другой, открывая взгляду шамана силуэт девушки в струящихся белых одеждах. Бледное лицо Айяны было удивительно спокойным, чешуйки на лбу и висках срослись в ажурный серебряный венец, украшенный капельками аквамарин. Глядя на этот образ, величественный и прекрасный как сияние Верхнего мира, Тукуур понял, что именно ради такого преобразования колдунья проникла на запретный остров. Но память подсказывала, что итог был другим. Наяву жидкость в саркофаге была белёсой и мутной как морская плесень, и в ней плавал лишь изъеденный неизвестной кислотой скелет.

Шаман коснулся прозрачной стенки, ощутив пальцами неожиданное тепло. Силуэт Айяны рассыпался на десятки ярких звёзд, из которых соткалось сияющее дерево. Яркий свет ударил по глазам Тукуура, и он проснулся. Старое одеяло, которому в видении шамана явно досталась неблагодарная роль тумана, лежало рядом, смятое и порванное. Жар отступил, но Тукуур сильно вспотел и замёрз. Мышцы затекли и болели так, будто он целый день таскал камни, а гулкая тяжесть в голове напоминала о дневной лихорадке, но Тукуур чувствовал, что худшее уже позади. Он осторожно повернул голову в сторону жаровни и с удивлением увидел Айяну, сидящую на одном из обтёсанных пней. Прозрачные кристаллы-чешуйки на её лбу мерцали в такт ударам сердца шамана. Девушка ободряюще улыбнулась и приложила палец к губам. Знаток церемоний успел заметить как блеснул полированным серебром её ноготь, когда образ колдуньи расплылся, и из него возникло напряжённое лицо её старшей сестры.

— Ты многое скрыл от нас, — обвиняющим тоном сказала она.

Тукуур с усилием сел на постели. "Что именно?", — хотел спросить он, но горло пересохло, и шаман подавился кашлем. Во взгляде Иланы мелькнуло сочувствие, но лицо осталось непроницаемым, а в голосе зазвенела сталь.

— Ты сказал, что Улагай Дамдин надел на тебя один из своих браслетов, подчиняющих разум, но на твоих плечах я вижу следы от двух. Ты якобы помог Холому разоблачить его отца, но тот, вместо казни, отправил тебя на остров Гэрэл к своим братьям по Ордену. Ты будто бы смог удержаться на спине черепахи, но мы оба видели её гладкое тело. Что на самом деле случилось в Бириистэне, Айсин Тукуур? Когда и как на самом деле ты попал на остров Гэрэл? Что такое светящийся шар и как ты связан с ним? Не отрицай, что тебе стало плохо, когда я отняла его. Камень же почти угас, но теперь, рядом с тобой, снова разгорелся. Что всё это значит?

Шаман судорожно перевел дух, пользуясь паузой, которую подарил ему кашель. Мысли после сна ползали медленнее садовых улиток. Какая-то часть его хотела разбить стену недоверия, рассказав всё без утайки, но перед глазами ещё висел предупреждающий жест призрака.

— Если ты считаешь меня шпионом Ордена, то позволь спросить: каково твоё место в плане отца? — сухо ответил знаток церемоний. — Знала ли ты, что он планировал самоубийство? Что Улан Баир собирался заманить в город дворцового прорицателя? Знала

ли о заговоре против Смотрящего-в-ночь?

Глаза Иланы сузились от гнева, и шаману показалось, что её волосы вот-вот встанут дыбом как у младшей сестры. Из-за спины Тукуура раздалось угрожающее ворчание Высокого Пятого. Дочь плавильщика нехотя подняла руку, останавливая телохранителя.

— Не зли меня, Тукуур. Я задаю вопросы, ты отвечаешь, — процедила она. — Будешь молчать или увилывать — уверюсь в худшем и отправлю тебя к твоим мастерам. В этом лагере многовато ушей Ордена и без тебя.

— Придётся поверить, что твои в это число не входят, — проворчал знаток церемоний.

— Уж постарайся, — фыркнула Илана.

Тукуур тяжело вздохнул. Правда была слишком странной, чтобы в неё поверить, а для того, чтобы быстро придумать правдоподобную ложь, ему не хватало опыта.

— Я стыдился признаться, — медленно сказал он, — что перед смертью Улагай Дамдин, человек, который травил тебя как зверя на улицах нашего города, назвал меня своим учеником. Он... показал мне, как снять второй браслет. С тех пор, как я надел его, я слышу больше, чем обычный человек. Я слышал голос того болотного огня, что летал за Дамдином как ручной вака. Слышал, как бьются сердца братьев Ордена. Слышал крик твоей сестры, усиленный маяком. Я сам призвал Черепаху, и она удержала меня на спине. Веришь ты или нет, Орден считает меня врагом и, возможно, будет лучше, если ты убьёшь меня раньше, чем до меня дотянутся руки стражей.

— Слова, слова, — поморщилась подпольщица. — Все знают, что Дамдин — человек Ордена. Бывших стражей не бывает.

— Возможно, — согласился Тукуур. — И Дамдин, и стражи хотели, чтобы я привёл твою сестру к Прозорливому. Думаю, болотный огонь должен был заставить меня сделать это, если даже я не захочу, но он разбился когда Черепаха столкнулась с "Огненным Буйволом".

— Твоё счастье, что этот новый шар явно меньше предыдущего, — нахмурилась Илана. — Но почему они выбрали для этого тебя? Откуда такое доверие?

— Нет никакого доверия, — проворчал шаман. — Орден выбрал потому, что Дамдин... успел сказать мне тайный пароль. Дамдин — потому, что я уже был его марионеткой.

— Допустим. Что ты можешь рассказать о новом шаре?

Знаток церемоний задумался, и снова вспомнил предупреждающий жест призрачной Айяны.

— Только то, что рядом с ним мне легче, — ответил он.

Тукуур действительно чувствовал присутствие камня, хоть и не видел его. Возможно, шар был у кого-то из охранников снаружи хижины.

Дочь плавильщика пристально посмотрела на шамана.

— Хорошо, — решительно сказала она. — Я дам тебе шанс помочь нам и уйти от охотников Ордена. Надёжные люди переправят тебя в Баянгол. Там ты воспользуешься своим "тайным паролем", чтобы рассказать Прозорливому о заговоре стражей. Убеди его выступить против Ордена, и мы будем перед тобой в долгу. Но если окажется, что ты лгал, отправишься на суд Дракона.

— Мои родители в руках Улан Баира, — хмуро напомнил Тукуур. — Если я пойду против него...

— Их, скорее всего, убьют, — закончила за него Илана. — Но если, чтобы их спасти, сделаешь то, что хочет Орден — а я уверена, что стражи хотят смерти Смотрящего-в-ночь —

всех твой родственников проведут через ритуал вечного проклятия. То есть забьют до смерти, обезглавят и закопают в землю, чтобы даже ваши духи не нашли дорогу в Верхний мир.

Дочь плавильщика умолкла, и на её лице проступила усталость и скорбь.

— Я не хотела бы этого, — с ноткой сочувствия сказала она. — Твой отец спас мне жизнь, и я, если это будет в моих силах, отплачу ему тем же. Но не жди от меня чудес.

Айсин Тукуур медленно кивнул. Злость и обида, разгоревшиеся было в нём, угасли, и теперь шаман видел, что предложение Иланы было лучшим из того, на что он мог рассчитывать в таких обстоятельствах.

— Я расскажу всё Прозорливому, если только мне дадут добраться до его ставки. Но с этим могут быть проблемы. Сегодня на берегу я чувствовал кого-то или что-то, что следило за мной.

Илана помрачнела.

— Я подозревала, что один из наших командиров — шпион Ордена, — сухо сказала она. — Теперь я в этом уверена. Не сомневаюсь, что за тобой будет погоня. Постарайся оторваться.

— Ещё одно, — проворчал шаман. — Каждый деревенский Страж почувствует во мне колдуна.

— Тогда не будем это скрывать, — пожала плечами дочь плавильщика. — С тобой пойдут трое островитян и два человека. Они оденутся факельщиками, а ты пойдёшь в цепях.

— Прекрасно, — скривился Тукуур. — Я так по ним соскучился. Может, нарядишь и меня факельщиком? Вы ведь достаточно одежды притащили из Цитадели!

— Извини, — мотнула головой Илана. — Я не настолько тебе доверяю. Хватит и того, что твой шар будет у одного из провожатых.

**

Отдав распоряжения охранникам, заговорщица спустилась по приставной лестнице на широкую площадку. Её тело требовало движения. Если бы не груз мыслей, Илана смело прыгнула бы в люк, как это делали древесные люди, но тревога о будущем могла нарушить её координацию. Мысли её были далеко от этого места, среди отмелей и поросших мангровыми кустарниками островов дельты Великой Реки, где ждали приказа экипажи тридцати лодок, начинённых порохом и горючей смолой. Подниматься к Бириистэну и напасть на суда, стоящие на рейде? Илана была уверена, что предупреждённый Улан Баиром командир орденской флотилии приготовился к этому шагу. Нужно было отменить приказ и дожидаться флотилии там, где лодки оставались сейчас. Но Великая Река широка, и в дельте множество рукавов. Пойдёт ли флотилия по самому глубокому из них, или разделит силы? Успеют ли все огненные лодки собраться там, где нужно? Следует ли пропустить быстроходные сампаны и атаковать только океанские джонки? Перед мысленным взором заговорщицы одна за другой появлялись картины боя. Вот мелкие суда флотилии напарываются на укрытые в зелени лодки бунтовщиков и связывают их боем. Гибнут сами, но спасают большие корабли. Вот лодкам удаётся переждать проход авангарда, но часть джонок выбирает другое русло, и потери Ордена оказываются слишком малы. Вот гибнут большие джонки, охваченные огнём, но оказывается, что командир посадил солдат на мелкие суда, и их достаточно, чтобы вернуть Ордену остров Гэрэл... Илана много дала бы,

чтобы лично руководить боем, но это было невозможно. Ей оставалось надеяться только на почтовых птиц и опыт капитанов огненных кораблей. Этот опыт — понимала она — в любом случае полезнее, чем все её теоретические знания.

Захваченная образами грядущей битвы, заговорщица почти не заметила, как ноги принесли её на широкую ветку дерева долголетия. Эта ветка торчала из кроны словно рука, в безмолвной тоске протянутая в сторону океана. Солнечным днём с неё отлично просматривалась бескрайняя зелёно-голубая гладь с чёрной кляксой острова Гэрэл у самого горизонта. Сейчас же, посреди ночи, не было никакой разницы между морем подлинным и морем листвы, густым покровом скрывающей болотистый берег. Только внизу, у самых ног Иланы, виднелась узкая полоска песка, освещённая сторожевыми кострами. Несколько минутами раньше от неё отчалила длинная лодка ночного патруля. Отчалила, чтобы больше не вернуться, но об этом знали только Илана и Высокий Пятый. Через два часа, когда гребцы не вернуться к началу следующей стражи, поднимется тревога. Тогда ей придётся поступить так же, как отец: обвинить пропавших часовых в пособничестве сбежавшему пленнику и надеяться, что атаман Дарга клонет на приманку.

План был слаб, и чем дальше думала о нём заговорщица, тем яснее это становилось. Почему она решила, что Дарга лично бросится в погоню? Если даже Тукуур не преувеличил свою важность для Ордена, у атамана должны были найтись не слишком умные, но преданные и исполнительные люди для того, чтобы вернуть беглеца обратно или проводить в нужное место. Немного утешало то, что Дарге придётся отослать прочь часть своей немногочисленной команды. Да и миссия Тукуура была важна сама по себе.

В любом случае, все приказы были отданы. Илана толкнула знатока церемоний словно камень с горы, и теперь оставалось только проводить взглядом тучу снега и пыли, поднятую лавиной. Позже она узнает о последствиях. Сейчас же пора было выкинуть юношу из головы, но одна деталь не давала заговорщице покоя. Кого или что почувствовал Тукуур на берегу залива? Он явно не врал. Илана хорошо запомнила, как знаток церемоний затравленно оглядывался, не пытаясь даже отряхнуть с рук мокрый песок. Тогда она подумала, что конвоир слишком сильно толкнул его, но ночной допрос расставил всё на места.

Илана досадливо поморщилась. Она была слишком сосредоточена на своём плане, чтобы расспросить Тукуура подробнее. Девушка ещё раз провела перед мысленным взором рассказ знатока церемоний. Было ли в нём ещё что-то, что ускользнуло от её внимания? С берега принесло запах горящего костра или жаровни. Жаровня! Обрывок бумаги с надписью. Она отбросила это как досужую болтовню, но теперь вдруг вспомнила праздник Дозорных и разговор с отцом. "Прошное более не является тайной", — именно такими словами предупредил её отца о Дамдине жрец с острова Гэрэл, которого, выходит, действительно звали Унэг — Лис. Если этот Унэг не был ни человеком отца, ни слугой Ордена, значит, в деле была замешана третья сила. Сила, о которой Илана не имела ни малейшего понятия, которую она едва не упустила из виду. Не лучшее начало...

Далёкий выстрел прервал ход мыслей дочери плавильщика. Она выпрямилась, держась за молодые ветви. Ещё один выстрел разорвал ночную тишину, вслед за ним над озером прокатился тревожный вой одного из часовых. Илана поднесла к губам бронзовый свисток. Прежде, чем она успела подать сигнал тревоги, часовые на берегу отозвались на призыв своего товарища. Ударило ещё несколько выстрелов, но в темноте невозможно было понять, стреляют ли бойцы в кого-то или в воздух, чтобы поднять побольше шума. На несколько мгновений всё стихло, но затем в лесной чаще за спиной заговорщицы прогремел взрыв, а

прямо из воды залива на берег начали выскакивать тёмные фигуры.

— Хамелеоны! — закричал кто-то из часовых.

Новый игрок вступил в партию, смешав все камни Иланы. Девушка яростно прошипела старинное ругательство. Как можно было быть такой недалёковидной? Годы мира позволили жителям джунглей забыть о призрачно-белых ладьях и безносых воинах с холодными осьминожьими глазами, но жестокий враг всё время был рядом. Его незримое присутствие нависало над побережьем словно угроза гигантской приливной волны. Как само море, люди волн приносили дары, переправляли товары и манили рассказами о невиданных странах только для того, чтобы проглотить без следа самых безрассудных моряков. Кто знает, сколько тех, кого считали жертвами бури, на самом деле погибло от руки хамелеонов?

В своих водах — и об этом Илана и её друзья не имели право забывать — люди волн терпели только Орден. Не кто-нибудь, а именно Стражи сумели как-то договориться с людьми волн, сделать их союзниками Смотрящего-в-ночь в войне против Толона и подчинённых ему городов. Нет, люди волн не сражались бок о бок с армией Дракона или братьями Ордена, но они разоряли побережье ровно до тех пор, пока его жители не приняли власть горцев. Когда же гордый Толон пал, свирепые пираты как по мановению волшебной палочки превратились в мирных купцов.

Теперь же они открыто выступили против врагов Ордена, а взрыв и крики в тылу ясно говорили, что предатели в лагере ждали этого момента. Заговорщица на мгновение прикрыла глаза, давая себе время оценить обстановку. Нападение с фронта, от берега, было очевидным, но первые выстрелы раздались с дальнего левого края лагеря. Там из лесного озера вытекала судоходная река, связывающая лагерь с океаном. Там же лодка должна была забрать Тукуура, но это в данный момент было лишней подробностью. На правом краю лагеря пока всё было тихо, но если враг стремился не просто напугать, а разгромить повстанцев, ему стоило ударить с обоих флангов.

Это казалось очевидным. Мохнатые увереннее всего чувствуют себя в лесу. Они не стали бы контратаковать чтобы сбросить пловцов-хамелеонов в воду, где те обладают полной свободой манёвра. Заманить в лес — вот первая мысль командира-островитянина. Поэтому хамелеоны руками предателей поставили огневой заслон в тылу, оставив мохнатым два направления — вправо и влево. Лесные люди — дневные существа, ночная атака собьёт их с толку. Часть будет прорываться в одном направлении, часть — в другом. Отряд, атакующий от берега, разрежет их на две половины. Те, кто наступает с флангов... Или, скорее, не наступает, а ждёт на границе реликтовой рощи, где мохнатым придётся спуститься с гигантских деревьев на землю. Если бы она была командиром хамелеонов, поступила бы именно так.

Илана набрала в лёгкие воздух и изо всех сил дунула в свисток. Пронзительная трель сигнала "все ко мне" быстро затихла в густой листве, но её подхватили те из бойцов, кто оказался поблизости. Не переставая свистеть, дочь плавильщика побежала по широкой ветке прочь от берега, к центру лагеря. Её план был прост — собрать как можно больше бойцов и обрушиться на правофланговый отряд хамелеонов. Прорвать заслон и уходить в джунгли, где противник побоится их преследовать. Потом можно попытаться отбить лагерь, но сейчас, в темноте и хаосе, не зная численности врага, принять бой было бы самоубийством.

Но для того, чтобы план удался, вести детей Громовержца в бой должен был их старый командир. Поэтому, как только вокруг Иланы собрался небольшой отряд мохнатых воинов, она повела их туда, где стоял командный шатёр Высокого Пятого. Несколько раз они

натыкались на тройки и четвёрки хамелеонов, беззвучно скользившие среди ветвей. Увидев крупный отряд, враги тут же спасались бегством, но их путь отмечало достаточно трупов, чтобы Илана изменила свой взгляд на их тактику. Люди волн хуже мохнатых лазали по деревьям, но отлично видели в темноте. Пользуясь этим, они не дожидались, пока Дети Грома спустятся на землю, а решительно вторгались на их территорию, охотясь на одиночек, чтобы раздуть панику.

То и дело из густой листвы прилетали метательные дротики, а иногда даже звучали мушкетные выстрелы. То один, то другой из окружавших Илану воинов падал, сражённый незримой рукой, но она продолжала вести отряд вперёд, не давая противнику отвлечь её бесплодной погоней. Упорство дочери плавильщика дало результат. Всё больше одиночек и мелких отрядов прибывало к её группе, и врагам становилось всё труднее оставаться незамеченными. Одну группу хамелеонов бойцы Иланы застали врасплох. В короткой схватке погибли трое врагов и один сын Грома. Одного из хамелеонов удалось оглушить и связать.

Когда Илана и её бойцы добрались до основного лагеря, их взглядам открылась мрачная картина. Подвесные мостики, соединявшие гигантские стволы, были обрезаны. К дальнему краю лагеря уже подобрался огонь со стороны подождённого склада, где хранились остатки смолы и селитры для огненных лодок. Пламя разгорелось столь жарко, что даже сырая листва и обросшие мхом стволы деревьев не могли ему противостоять.

Полтора десятка пиратов и островных воинов собралось на площадках и мостиках возле хижины Высокого Пятого. Укрываясь за плетнями и досками, они вели беспорядочный огонь по ветвям соседних деревьев, где заняли позиции мушкетёры хамелеонов. Те отвечали редко, но с гораздо большей точностью. Внизу большой отряд копьеносцев дожидался когда у детей Громовержца закончится порох.

Отряд Иланы обрушился им на головы словно град перезревших яблок. Ошеломлённые внезапной атакой, хамелеоны смешались и отступили. Этой передышки хватило защитникам лагеря чтобы спуститься со своего ствола и присоединиться к товарищам. Среди них был и Высокий Пятый — перепачканный кровью, со сломанной рукой, но живой. Быстро, чтобы не потерять инициативу, он повторил своим воинам приказы Иланы, даже не особо задумываясь над ними.

Потом, обдумывая ход боя, дочь плавильщика пришла к выводу, что именно эта готовность старого островитянина передать власть и спасла детей Громовержца от неминуемой гибели. Не теряя времени оба отряда устремились на северо-запад, в обход огненной завесы, собирая по пути одиночек и мелкие группы. Когда воины Иланы столкнулись с западным отрядом хамелеонов, их уже было достаточно, чтобы противник, не выдержав натиска, дрогнул и откатился к реке, открыв отступающим путь в глубину джунглей. Согласно канонам военной науки дети Громовержца потерпели поражение, оставив врагу поле боя и укреплённый лагерь. Но Илана сохранила армию, и теперь могла нанести ответный удар. Осталось только решить, куда он будет направлен.

"Можно забыть о перехвате флотилии", — нервно сплела она пальцы над картой.

Высокий Пятый хмуро надул щёчные мешки, баюкая раненую руку. Они расположились на болотистой полянке, спиной к охранникам и пленному хамелеону. Толку от пленника было мало — он только таращился на Илану своими жуткими осминожьими глазами да кривил губы в усмешке, которая казалась одновременно презрительной и обречённой. Хамелеон не понимал или делал вид, что не понимает ни язык Удела Духов, ни языки

островитян. Возможно, пытка смогла бы развязать ему язык, но на это не было ни сил, ни времени. К тому же, со стороны противника было бы очень грамотным ходом послать в бой солдат, которые при всём желании не смогут выболтать планы своих командиров. Кто-то, конечно, договаривался с предателями, и с этим кем-то очень хотелось бы поговорить по душам. Но он был далеко, а картина, которую успела сложить в уме Илана, рассыпалась. Она ожидала, что предателями окажутся люди Дарги, но на Высокого Пятого напал со спины его собственный помощник, а один из людей атамана не раздумывая бросился на помощь. Возле порохового склада и у подвесных мостов дежурило поровну тех и других.

Дочь плавильщика покачала головой. Она снова не знала, кому доверять, и это угнетало.

"Мы понесли большие потери, а наш враг очень силён у воды", — продолжила она. — "Уверена, что огненные лодки уже на дне Великой Реки, а если нет, то это вопрос времени. Нам придётся уходить вглубь материка, и нам нужны новые бойцы. Поэтому мы ударим сюда".

Она ткнула пальцем в глухой лес недалеко от Баянгола. Островитянин вопросительно хрюкнул.

"Баянгольские васанговые плантации. Люди и деньги в одном месте".

"Ты уверена?" — осторожно пошевелил мохнатый командир пальцами здоровой руки. — "Это на руку Ордену".

"Да, потеря баянгольских плантаций поставит двор в зависимость от древесины с островов. Это действительно на руку Ордену, который, если верить Тукууру, и стоял за твоим восстанием. И мы постараемся, чтобы именно это донесли Прозорливому", — она криво усмехнулась. — "Постараемся, чтобы он увидел это сам. Мы нападём на Баянгол, когда правитель будет в городе. Страх заставит его действовать. А если нам улыбнётся удача, Смотрящий-в-ночь и добрая половина его наместников окажутся у нас в руках!"

**

Тукуур пришёл в себя на заросшей папоротником поляне. В зарослях мерно кряхтели лягушки, вдали пронзительно и печально перекликались совы.

— Мы оторвались? Или бой закончился? — хрипло спросил шаман у своего спутника.

Кряжистый человек с широким мясистым лицом и длинными, слипшимися от крови и болотной жижи, усами пытался раскурить деревянную трубку. Услышав вопрос, он неопределённо пожал плечами.

Тукуур закрыл глаза и попытался почувствовать "щелчки" хамелеонов, но тело гудело от боли и усталости, мешая сосредоточиться. Сдавшись, шаман расстегнул окровавленный мундир, чтобы осмотреть наиболее болезненные места. На груди и животе темнело несколько крупных синяков, из небольшого пореза сочилась кровь, но в остальном он был цел и практически невредим. Вшитые в кафтан стальные пластинки и нагрудная бляха спасли ему жизнь.

— Повезло, — хмыкнул усатый. — Но если и дальше будешь драться как лесной кот, везение закончится.

Тукуур устало облокотился на ствол дерева, пытаясь восстановить в памяти события этой ночи.

Заговорщики явно спешили. Не дав шаману прийти в себя после сна и допроса, мохнатые воины Иланы заставили его выпить горьковатый сок каменного яблока и

выволокли его из хижины словно мешок риса. Ночь была тёплой, но промокший армейский кафтан снова лип к телу, и место жара быстро занял неприятный лёгкий озноб. Повиснув между небом и землёй в крепких руках конвоиров, Тукуур успел несколько раз пожалеть, что оставил на острове лёгкий дорожный халат. Пытаясь прогнать глупую мысль, шаман всматривался в темноту, но расплывчатые тени подвесных мостиков, протянутых между гигантскими стволами, мало что могли рассказать ему о лагере беглых рабов-островитян, называвших себя Дети́ми Громовержца. Он даже не понимал, в какую сторону его несут, пока ленивый плеск волн не разбудил в его сердце смутную тревогу.

Охранники вынесли его на берег большого лесного озера. Мангровые деревья в этом месте подступали почти вплотную к воде, но в паре сотен шагов левее песчаный пляж изгибался полумесяцем, и в самом широком его месте горели костры и виднелись силуэты часовых. Знаток церемоний искал глазами колёсную барку, но она, вероятно, уже подвозила к острову Гэрэл новую партию бойцов. Тихий плеск вёсел заставил шамана вздрогнуть и резко повернуть голову. Резкая боль пронзила плечи, шею и затылок, и Тукуур стиснул зубы, чтобы не зашипеть.

Длинная долблёная лодка медленно приближалась со стороны пляжа. Двое людей сидели на вёслах, мохнатый островитянин правил. Один из конвоиров едва слышно заурчал. Для уха лесного человека этот звук явно был громким и отчётливым, поскольку пирога тут же повернула к берегу. Волны ласково лизали тёмный песок, лунная дорожка искрилась за кормой лодки. Всё вокруг было воплощённой метафорой мира и покоя из классических поэм, но Тукуур снова почувствовал, как сотни невидимых игл впиваются в его плечи.

— Они здесь! — громко прошептал он.

Охранник раздражённо крикнул. В тот же миг какой-то морской зверь, длинный и гибкий, стремительно вылетел из воды и таранным ударом вышиб из лодки рулевого. Шаман успел разглядеть заострённые плавники вроде дельфиновых и странный бахромчатый хвост. Гребцы бросили вёсла и схватились за мушкеты. Там, где скрылись под водой охотник и его жертва, на поверхность вырвалось несколько крупных пузырей, и всё будто бы стихло, но Тукуур всё ещё ощущал как перекликаются под водой неведомые твари. Их беззвучные голоса царапали разум знатока церемоний как будто рядом кто-то скрёб кинжалом по камню.

— Стреляйте! По левому борту! — закричал он, не заботясь о маскировке.

Один из бойцов разрядил наугад свой мушкет, и вода тут же забурлила. На границе лунной дорожки вынырнула похожая на человеческую фигура, сжимающая в руке дротик с плоским наконечником. Кожа морского воина была иссиня-чёрной как ночная вода, лысая голова блестела в лунном свете. Хамелеон отточенным движением метнул дротик в гребца с заряженным мушкетом, но тот успел пригнуться и выстрелить. Боевой пловец вскрикнул и скрылся под водой.

— Хамелеоны! — заорал стрелок.

Один из воинов-островитян, сопровождавших Тукуура, протяжно завыв, из леса и с песчаного пляжа отозвались голоса людей и мохнатых. Шаман только успел подумать, что поднятый шум должен спугнуть врагов, как где-то в глубине лагеря прогремел взрыв. Ночная тишина рассыпалась словно брошенный с крыши кувшин. Лес наполнился треском выстрелов, звоном стали, криками часовых и беззвучной перекличкой нападающих. Знаток церемоний почувствовал её за несколько мгновений до того, как тройка хамелеонов налетела на его охранников со спины. Предупреждённый его вскриком, рослый воин-

островитянин успел увернуться от дротика и разозлить своего противнику голову тяжёлым стальным посохом. Его товарищ был не столь расторопен. Тукуур запомнил как с глухим чавканьем вонзилось в грудь второго конвоира метательное копье. Он успел разглядеть гравировку на плоском бронзовом наконечнике и слегка серебрящееся в свете луны древко. После этого мир разбился на осколки так же, как до этого тишина, и эти осколки смешались в памяти как цветные стёклышки в калейдоскопе.

Шаман не помнил, где в хаосе битвы подобрал костяной кинжал в виде акульего плавника, или когда успел сорвать с убитого конвоира холщовую сумку со своим шаром. Он то карабкался по лианам вслед за мохнатым воином, то бежал по земле впереди него, уводя их от скоплений врагов. Иногда они вылетали прямо на дерущихся, порой обращая в бегство не ожидавших этого врагов, порой едва ускользая от них. Находили и теряли союзников. Перескакивали с ветки на ветку как пятнистые белки и переползали топкие поляны как жабы. Неизменно было только направление — вглубь джунглей, прочь от воды, где их ждала только смерть, грациозная и беспощадная.

Тукуур не помнил, в какой момент мохнатого охранника заменил усатый незнакомец. Что он там говорил про лесного кота? Шаман плохо представлял себя дерущимся хоть как-нибудь, но на ноже и кафтане было куда больше крови, чем могло вылиться из его собственных ран. Возможно, дух Дамдина вёл его в бою, а, может быть, память берегла кровавые подробности для следующего ночного кошмара.

— Я почти не учился фехтованию, — рассеянно пробормотал шаман. — Моим оружием должна была стать кисть для письма, а доспехами — свод законов.

— Что же привело судейского в стан разбойников? — с ироничной ухмылкой спросил воин. — Хотя постой... Ты — тот, кого они привезли с острова! Человек Улагай Дамдина!

Знарок церемоний пожал плечами в свою очередь. Он не был рад, что его узнали, но отпираться — значит признать вину, которой, может, и нет.

— Просто человек, — устало ответил он. — Который вляпался в скверную историю.

Усатый ветеран ухмыльнулся ещё шире и подмигнул Тукууру.

— Хитрая бестия был Дамдин, — с явным удовольствием пробасил он. — И помощников подбирал таких же.

— Его правда пули не брали? — решил подыграть воину шаман.

— Брали, — крикнул усатый, затягиваясь. — Да стрелки боялись. Больно везучий был. И отчаянный.

Воин выпустил несколько колец дыма и спросил уже другим, угрюмым голосом: — Как он умер?

Кем бы ни был незнакомый воин, как бы на самом деле не относился к Дамдину и его помощникам, Тукуур рассудил, что от такой правды вреда не будет.

— На приёме у бириистэнского законоучителя Дамдина попытались отравить синей киноварью. А когда он стал над ними смеяться, зарезали обсидиановым кинжалом.

— Синяя киноварь и горное стекло, — покачал головой ветеран. — Боялись, значит. Но не думал, что старый волк так быстро потеряет хватку. Кто это сделал?

— Один из телохранителей Токты, — уклончиво ответил шаман. — Его почти сразу же застрелили. То ли орденский, то ли хорист... Каждая из сторон считала, что Дамдин служит другой.

— А сам-то ты как думал? За кого он? — дружелюбно спросил усатый воин.

Тукуур напрягся, но ещё раз пожал плечами.

— Тогда мне думать не положено было, — как можно безразличнее промямлил он. — А теперь, вроде бы, уже и незачем.

Ветеран одобрительно кивнул. Вероятно, он и не ожидал прямого ответа на опасный вопрос, а потому задал следующий:

— Куда теперь?

— Это зависит от того, чем кончился бой, — осторожно ответил шаман.

— Неужели? — поднял брови воин. — Мне показалось, что ты старался оказаться подальше от лагеря. Если это не так, значит, твои ноги умнее тебя, парень. Око Тайфуна сказало своё веское слово, и даже те мохнатые, что поумнее, не будут с ним спорить.

Взгляд шамана упал на лезвие костяного кинжала, где был вырезан стилизованный водоворот, из центра которого глядел глаз с изогнутым зрачком как у каракатицы. Раньше он встречал такие только на затейливых шкатулках в виде раковин, которые продавали в дорогих лавках на городской площади.

— Око Тайфуна? — переспросил он, указав на знак. — Что-то вроде нашей "Медовой Лозы"?

— Можно и так сказать, — усатый добродушно усмехнулся, но глаза его стали настороженными. — Око Тайфуна держит всю морскую торговлю в этой части света. Те, кто с ними дружит, не боятся ни штормов, ни штиля. Хамелеоны проведут их грузы между рифами и отмелями, а за хорошую долю — даже по дну морскому. Но если ты их враг — держись подальше от берега. И если Око заявляет, что оно не радо восстанию людей леса, значит, каждый честный пират и наёмник должен держаться от этого дела подальше.

— Тогда подамся куда-нибудь, где всем плевать, кто я такой, — устало ответил шаман. — В Толон, например. Устроюсь счетоводом на мануфактуру, или что-нибудь в этом роде.

— Толон манит людей как масляная лампа ночных мотыльков, — проворчал ветеран. — А потом отрывает им крылья. Подумай об этом. Если что, у меня есть пара более интересных вариантов. Но не буду навязываться. В любом случае, нам пока что по пути, а там посмотрим.

— Если так, сочту за честь узнать Ваше имя, нохор, — церемонно произнёс знаток церемоний, которого немного утомила фамильярность пожилого воина.

— Аман Дарга, — ответил тот. — А как величать Вас, юноша?

Тукуур задумался. После всего, что случилось в Бириистэне, он совсем не хотел называть незнакомцу подлинное имя. Как же назвать себя? На память пришла табличка "зеркала души", доставшаяся ему вместе с кафтаном от жреца духов войны с острова Гэрэл. Написанное на ней имя — имя небесного покровителя Тукуура — шаман вспомнил бы даже проснувшись от тяжёлого сна. А родовое имя пришло из подорожной Темир Буги.

— Бэргэн Унэг, — после секундной паузы сказал он. — Из Бэргэнов телембинских.

Море постепенно отступало, обнажая заросшую склизкими водорослями тропу, петлявшую между прибрежных валунов. Бойцы Холома нервно перешёптывались, поглядывая на небо. Тяжёлые тучи скрывали луну и звёзды, начинал накрапывать дождь, грозящий перерасти в муссонный ливень. Это было и хорошо, и плохо. Густая темнота скрывала островное ополчение от глаз захватчиков, но большинство людей в отряде были портовыми носильщиками и грузчиками, редко покидавшими деревню. Только сам Холом,

старший страж Ринчен и трое охотников знали тропу так хорошо, что могли пройти по ней на ощупь. Юному стражу пришлось выстроить людей длинной цепью, расставив знатоков местности через равные промежутки.

Улан Холлом бросил последний взгляд на вершину скалы, где прятались за стенами Цитадели пираты. Оттуда не доносилось ни окрика, ни выстрела, хотя прямо сейчас переодетые солдатами женщины под началом факельщика Доржа должны были сооружать на горных тропах баррикады. Страж приказал им расположиться в мёртвой зоне крепостных орудий и разжечь костры, чтобы отвлечь внимание гарнизона. Холлом надеялся, что пираты предпочтут дожидаться подкрепления и раздавить "осаждающих" между молотом десанта и наковальной стен. Если бы защитники Цитадели решились на вылазку, план стража мог оказаться под угрозой.

— За мной! — вполголоса приказал Холлом. — Не растягиваться!

Стоявший за ним ополченец положил левую руку на его плечо. Дождавшись, когда все будут готовы, страж ступил на тропу. Он шёл медленно, то и дело отбрасывая с дороги мелкие камни и комки водорослей. Жидкая грязь липла к плетёным подошвам сандалий, делая их ещё более скользкими. Время от времени кто-то падал, и колонна останавливалась, а сердце Холлома сжималось от напряжения. Шорох осыпи или стук выпавшей из чьих-то рук остроги казался ему оглушительным грохотом, способным поднять на ноги весь остров. К счастью, крепость всё ещё молчала, и даже крупные чайки продолжали дремать на высоких утёсах.

Дождь усиливался, мутные потоки воды наполняли небольшие расселины и стекали в море, то и дело пересекая тропу. На горизонте сверкнула лиловая молния, изогнутая и ветвистая как засохшее дерево. В её свете Холлом на мгновение увидел расчищенную от камней скальную площадку и распахнутый зев пещеры, к которой они шли. Чтобы добраться до неё, оставалось спуститься по галечной осыпи на поросшее тиной мелководе и пересечь небольшой заливчик, бредя по колено в воде.

— Стой! — приказал страж.

Его команда, повторённая на разные лады, негромким эхом прокатилась по цепи.

— Отсюда спускайтесь по одному, — сказал он шедшему позади крестьянину. — Ждите, пока идущий впереди спустится к воде. Спустились — ударьте по воде, чтобы следующий слышал плеск. Идите вдоль берега налево до входа в пещеру. Понял? Повтори всё следующему. Я спускаюсь.

Он уже говорил всё это перед тем, как вывести людей на тропу, но понимал, что ополченцы тут же забудут всё от напряжения и страха. Убедившись, что крестьянин не переврал его слова, Улан Холлом осторожно ступил на гальку. Камни то и дело предательски шатались под ногами, самые мелкие с тихим шорохом скатывались вниз. Страж старался не потревожить булыжники побольше, чтобы бойцы не приняли плеск от них за сигнал спускаться. Под конец он едва не скатился со склона, но сумел удержать равновесие.

Достигнув воды, Холлом с облегчением ополоснул усталые ноги, отошёл подальше от места спуска и с силой хлопнул ладонью по воде. Наверху послышалась возня и шорох гальки. Страж поспешил к пещере, надеясь, что бойцы не умудрятся уронить на него камень. Дождь снова утих, но вода уже прибывала, и Холлом беспокоился. Если его ополченцы не успеют собраться у пещеры до того, как она снова наполнится водой, придётся отбирать самых выносливых из них и нырять. Страж был уверен, что преодолеет затопленный участок, но его бойцы могли растеряться и запаниковать, а наверху каждый из них будет на счету. О

том, чтобы ждать на скалах дневного отлива, не хотелось даже думать.

Добравшись до жерла пещеры, Улан Холом медленно пошёл вдоль стены, касаясь её ладонью на уровне своей груди. Нащупав вбитое в стену железное кольцо, страж вставил в него заготовленный факел. Сняв с шеи промасленный мешочек с трупом и огнивом, он с пятой попытки высек огонь. Возле самого входа пещера была обычной — округлые обточенные морем стены, покрытый морским мусором песчаный пол. Но в дальнем конце, куда едва доставал свет факела, в глубь скалы уходил рукотворный коридор с гладкими стенами и потолком. Страж помнил, что там, в глубине, коридор ветвился на множество проходов, из которых обитатели цитадели смогли исследовать до конца только один.

Холом вытащил из-за пояса свои веера и прислушался. Он понимал, что хлипкое оружие вряд ли поможет ему в бою с древним боевым зверем вроде напавших на деревню крабов, но с веерами в руках было спокойнее. В коридоре было тихо, только где-то далеко капала с потолка вода. Наконец, от входа послышался всплеск и приглушённое проклятие. Двое вооружённых копьями грузчиков вошли в пещеру, испуганно озираясь. Холом ободряюще кивнул им, хотя и у него от напряжения сводило живот. Площадка перед входом уже покрылась водой, мелкие волны то и дело лизали пол пещеры. Страж глубоко вдохнул и начал разминать мышцы, стараясь не думать о прибывающей воде.

Когда, наконец, отряд собрался у входа, вода доходила до пояса. Не обошлось и без потерь. Один боец подвернул лодыжку на камнях, другой сорвался со скалы и упал на третьего. Ещё двое потеряли оружие. Оставив раненых там, куда не доходила высокая вода и распределив их оружие между оставшимися, отряд начал пробираться по узкому коридору. Здесь только двое могли идти в ряд, но зато можно было, наконец, зажечь факелы и видеть друг друга. В стенах то и дело открывались арки боковых проходов, из которых веяло солью и гниющими водорослями, или, наоборот, грозовой свежестью. Иногда коридор делился на несколько неотличимых друг от друга рукавов. Холом не раз проходил этот путь будучи воспитанником Цитадели, но сейчас всё было неуловимо иначе. Браслет незримых вериг стягивал его запястье безжизненным кожаным ремнём. Он больше не излучал согревающую волю и силу Ордена, а вот коридоры стали враждебными. Они словно обрели свою злую волю, и теперь каждый изгиб полированных стен сбивал с толку, каждый поворот дышал угрозой. Если бы не тайные схемы-подсказки, грубо нацарапанные в трудных местах стражами-исследователями, Холом давно потерялся бы в этом лабиринте.

Некоторые из проходов были наглухо завалены камнями, и в одном месте из-за такой преграды доносились противные скребущие звуки. Услышав их, ополченцы умолкли и остановились, сжимая пики дрожащими руками.

— Если там эти твари, надо уходить! — свистящим шёпотом сказал один из охотников. — Против них копьё — что тростинка!

Страж горько усмехнулся. Он готовился к панике, и рассчитал время почти без запаса.

— Куда уходить? — насмешливо спросил он охотника. — Не помните, что вход в пещеру уже под водой? Теперь только вперёд! Если полезут твари, мы берем их на себя! Так что прекратить разговоры и шире шаг!

"Давно надо было завалить и другие коридоры", — зло проворчал он про себя. — "Было бы меньше проблем".

Несмотря на увещевания Холома, крестьяне едва не разбежались, когда увидели панцирь первого краба. Стражу пришлось подбежать к нему и пнуть, молясь про себя Стальному Фениксу, чтобы чудовище не ожило. Краб не пошевелился. Что бы мастера не

сделали с сердцем маяка, это убило древних слуг. По крайней мере, тех, которые оказались поблизости.

Впереди забрезжил призрачный свет. Холом зашагал быстрее, стремясь снова увидеть сердце маяка, но, когда коридор резко оборвался, юный страж застыл, пошатнувшись, как от удара. Чья-то безжалостная рука осквернила святыню его детства, превратив сияющее Древо в груды тусклых обломков, а великолепный Звёздный Шатёр в мрачную пещеру, давящую своей чернотой. Только дрожащие отблески факелов выхватывали из неё фрагменты потускневшей мозаики. В их неверном свете глубокая бирюза листвы казалась зелёной плесенью, а серебро звёзд — тусклой чешуёй выброшенной на берег рыбы. Только странные вкрапления в глубине надтреснутой колонны-ствола угрожающе мерцали сине-фиолетовым светом.

Улан Холом медленно пошёл вперёд, чувствуя, как с глухим хрустом рассыпаются под его ногами осколки Древа. Крестьяне сгрудились у входа, встревоженно переговариваясь.

— Не вглядывайтесь в колонну! — сухо, как выстрел, прозвучал из-за спины голос брата Ринчена. — Она рождает призраков.

— С каких пор? — сдавленно спросил Холом.

Старший брат промолчал, недовольно приносиваясь.

— Кровь! — проворчал он. — И ещё что-то.

Незнакомый резкий запах напоминал про горящий фосфор, раздавленных муравьёв и утиный помёт, но не был ни тем, ни другим, ни третьим. Холом осмотрелся в поисках его источника, и увидел округлый саркофаг, похожий на кокон, подвешенный к одному из изогнутых корней ствола-колонны. Страж помнил, что в дни его детства мастера не разрешали приближаться к саркофагу, но тогда он был пуст и открыт. Сейчас же круглое отверстие в верхней его части словно заросло стеклянистой массой, но огромный обломок ветви Древа, обрушившись из-под потолка пещеры, раздробил боковую стенку. Из отверстия сочилась густая маслянистая жидкость, а рядом в луже этой субстанции лежал человеческий скелет.

Холом осторожно приблизился, стараясь не вступить в жижу, и поднёс факел к костям. Скелет явно вынесло из саркофага потоком жидкости, сломав несколько костей об острые края. Он был миниатюрным и хрупким, возможно — женским. Присмотревшись, Холом с удивлением обнаружил на его черепе полосу похожих на чешуйки наростов. Некоторые из них были похожи на капельки аквамарина, другие — на серебряную чешую, и вместе они складывались в некое подобие изогнутого венца вроде того, что был изображён на маске Морь Эрдэни. Чуть поодаль лежала какая-то бесформенная грудка. Приблизившись, Улан Холом понял, что это одежда мастера цитадели. Разлившаяся жидкость из саркофага добралась до одного из рукавов кафтана, выбелив ткань. Тела мастера нигде не было видно, только странные серебристые брызги покрывали пол вокруг.

— Брат Ринчен! — позвал страж. — Взгляните!

— Я тоже... нашёл, — сдавленным голосом отозвался старший брат.

Холому даже показалось, будто невозмутимый страж вот-вот заплачет, но тот взял себя в руки.

— наших мастеров, — угрюмо добавил он.

Улан Холом нашёл взглядом сгорбленный силуэт Ринчена и быстро подошёл к нему. На полу пещеры, рядом с непонятно как оказавшейся здесь пушкой, окружённые разбитыми панцирями крабов, лежали изрубленные тела наставников Цитадели. Первого взгляда на них

хватило юному стражу, чтобы понять, почему незримые вериги утратили свою силу. Мастер Южук, его учитель и поводырь в мире духов, был мёртв. Закрыв глаза, Холлом поклонился павшим и произнёс строки, сами по себе родившиеся в его сердце:

*Ржавый якорь на дне
Как спасёт свой корабль от бури
Страж без наставника?*

— Мастер-наставник, первый свеченосец, мастер-судья, первый звездочёт, мастер-кастелян, — бормотал Ринчен, узнавая погибших. — Почти весь капитул здесь.

— Мастер-факельщик в Бириистэне... — задумчиво произнёс Холлом. — Значит, там может быть только мастер-книгохранитель.

— Где это "там"? — вскинулся старший страж.

Улан Холлом молча указал факелом в сторону саркофага. Оба стража подошли к скелету, остановившись на берегу маслянистой лужи.

— Это она, — удивлённо сказал Ринчен. — Видишь эти чешуйки на лбу? Последний раз видел такие... Даже не вспомню, когда. Но что она делает здесь? Это же безумие — привести перерождающуюся колдунью в место силы!

— Очевидно, её привёл тот, кого пропустили привратники, — мрачно ответил Холлом, указав на груды одежды.

— Мастер-книгохранитель поддался чарам?! Невозможно!

— Или не поддался, — пожал плечами юный страж. — Переоценил себя. Может, на ней уже были вериги.

Старший брат резко мотнул головой.

— Нет и нет! Её не должно было здесь оказаться! Ни в веригах, ни, тем более, без них! Проклятье! Не удивительно, что вся древняя нечисть острова вылезла на поверхность! О чём они только думали?!

— Тише, — нервно оборвал его Холлом. — Не обрушьте нам на головы остатки Древа!

Ринчен хмуро кивнул.

— Ты прав, брат Холлом. Мы должны идти. Отбить наш дом, выжить и вернуться, чтобы предать мёртвых заслуженному огню и разгадать эту проклятую шараду.

Стражи поспешили вернуться к отряду. Снова выстроив людей цепью, они провели их вдоль стены пещеры к каменной лестнице, широким полукругом опоясывавшей стену подземного святилища. Истёртые и выщербленные каменные ступени странным образом приглушали эхо шагов, а тени идущих кривлялись со стен, корчась в причудливом танце, словно дикие духи, не покорившиеся воле Последнего Судьи. Холлом испытал облегчение, когда отряд преодолел последний пролёт и вошёл в длинную анфиладу полукруглых залов, оставив большую пещеру позади. Здесь тоже валялись в беспорядке разбитые крабы и ненадолго ожившие статуи воинов с львиными головами, но уже не было того чувства отвратительной неправильности происходящего, которое не давало стражу ясно мыслить в храме Древа и нижних коридорах. В некоторых из комнат-шатров они находили тела павших защитников Цитадели, и тогда Холлом и его боевые братья неизменно приветствовали их быстрым поклоном, мысленно обещая отомстить за их смерть.

Наконец, страж почувствовал на лице дыхание холодного ветра. Казавшаяся

бесконечной цепь одинаковых залов оборвалась, но вместо широкого пролома в стене перед стражем открылась только узкая щель, в которой виднелся кусочек ночного неба. Как и опасался Холлом, открытый проход в недра земли пугал захватчиков, и те решили завалить его камнем. Валун прилегал неплотно, но в оставшуюся щель кто-то додумался вставить остов разбитого краба. Как видно, пираты решили удостовериться, что тварь в неё не проходит а, значит, другая такая же наружу не вылезет.

Оглядев свой отряд, Холлом выбрал самого крепкого ополченца и приказал ему толкнуть краба копьём. Панцирь с тихим скрежетом поддался, но страж быстро остановил бойца. Он боялся, что краб вывалится наружу с грохотом и потревожит гарнизон. Мысленно проклиная себя за то, что не додумался взять с собой несколько мотков верёвки, Холлом заставил нескольких бойцов раздеться и скрутить из своих накидок и набедренных повязок что-то вроде каната.

— Теперь плавно! — громко прошептал он. — На счёт раз!

Трое силачей упёрлись копьями в панцирь, двое крепко ухватились за канат.

— Р-раз!

Панцирь со скрипом выскользнул из щели и натянул канат, едва не вырвав его из рук бойцов. Один из узлов затрещал и начал развязываться.

— Затравливай! Плавнее!

Краб с глухим стуком упал на плиты внутреннего двора, и Холлом замер. Минуты напряжённого ожидания тянулись бесконечно долго, но снаружи не послышалось ни шагов, ни окрика. Выждав достаточно, страж приказал самому худому и низкорослому из ополченцев протиснуться в щель и выбить мелкие камни, которыми был заклинен булыжник. Каждый раз, когда скребущие звуки его работы смолкали, Холлом сжимал кулаки, ожидая, что вот-вот раздастся выстрел и предсмертный крик, но им снова повезло. Ложные баррикады Холлома или, может быть, страх перед чарами Ордена, заставил пиратов отсидеться в оружейных казематах.

Наконец, большой камень поддался, и бойцы по одному пролезли в открывшийся проход. Во внутреннем дворе было темно и тихо. Утративший свет маяк нависал над кольцеобразной крепостью угрожающим сгустком черноты. По разноцветным плитам площади текли струйки воды, сливаясь в потоки там, где древние мастера сделали едва заметные глазу углубления в камне. Капли дождя барабанили по черепице крыши, похожей на чешуйчатую спину дракона. Затейливые проёмы окон казались в темноте открытыми ноздрями и пастьями неведомых чудовищ.

Не дожидаясь, пока страх проникнет в сердца вчерашних крестьян, Холлом взмахнул факелом и помчался через площадь к ближайшей двери. Она, конечно, была заперта.

— Прижаться к стене! — громко прошептал он прибежавшему следом бойцу. — Не двигаться! Передай следующему!

Оставив оторопелому ополченцу факел, страж словно ящерица взлетел по стене, цепляясь за каменные барельефы в виде морских растений и усатых карпов. Спрыгнув на изящный балкончик, он изо всех сил ударил сложенным веером по стеклу. Окно со звоном разбилось. Быстро просунув руку внутрь, Холлом провернул ручку, распахнул обе створки и запрыгнул внутрь. Он оказался в чьём-то рабочем кабинете. Во мраке виднелись силуэты письменного стола и книжных полок. Стремительно пробежав по комнате, страж выскочил в коридор. Колдовские лампы, освещавшие Цитадель с незапамятных времён, погасли вместе с маяком. Только за углом, где, как помнил страж, на первый этаж уходила узкая лестница,

горел факел. Оттуда, наконец, раздался окрик, вернее — трель племенного напева воина-островитянина. Резко сбавив темп, Улан Холом провыл-проурчал кусочек личной песни, когда-то услышанной от одного из вольноотпущенников отца. Часовой ответил недоуменным рыком и снова пропел свою мелодию, а потом, придя в себя, щёлкнул курком и выступил из-за угла. Страж резко бросился вперёд, одной рукой подбив вверх ствол огнестрельного оружия, а другой полоснув врага веером по горлу. Выстрел ушёл в потолок, а Холом с силой толкнул раненого часового на лестницу. С приглушённым всхлипом воин покатился по ступеням, а его товарищ выскочил из-за угла, держа свой огнестрельный за ствол как дубину. Страж едва увернулся от сокрушительного удара, неуклюже отмахнувшись веером. Его удар прошёл вскользь, срезав с плеча часового несколько рыжих прядей. Мохнатый воин взвыл на весь коридор и развернулся для нового удара, но Холом успел развернуться и ударил его прямо в горловой мешок. Захлебнувшись криком тревоги, мохнатый страж осел на пол.

Не теряя времени, Улан Холом слетел вниз по лестнице, перепрыгивая через ступени. Добежав до двери, за которой собрался его отряд, он сбросил на землю запиравший её брус и распахнул тяжёлые створки.

— За мной! — закричал он, не заботясь больше о тишине.

Ополченцы с нестройным рёвом ринулись за ним вглубь здания.

Холом вёл их кратчайшим путём на третий этаж, где находились оружейные казематы лицевой стороны Цитадели. Он ожидал, что немногочисленные пираты соберутся именно там, возле пушек, державших на прицеле деревню и гавань. Костры, приготовленные жёнами и дочерьми ополченцев, должны были приковать внимание захватчиков к этому направлению.

Отряд без помех преодолел лестницу, ведущую на второй этаж. Чтобы подняться на третий, нужно было пробежать половину кольцевого коридора, проходящего через всё здание. Не задумываясь, Холом повёл своих бойцов направо, через библиотеку и комнаты переписчиков. Он понимал, что книги неизбежно пострадают, но большие помещения вроде столовой и тренировочных залов дали бы огромное преимущество вооружённым огнестрельными оружием врагам.

Примерно на полпути к лестнице они наскочили на дозор пиратов. Человек-командир оторопело вытаращился на взявшееся непонятно откуда войско оборванцев, и тут же получил в грудь метко брошенной острогой. К сожалению, его бойцы не растерялись, и дали залп из ручных картечных перед тем, как обратиться в бегство. Холом едва успел отскочить за шкаф когда облако дроби, черепков и старых гвоздей, сердито жужжа, понеслось на бойцов первой шеренги. Строй смешался, люди кричали и падали, зажимая раны. Брат Ринчен свирепо ругался, пытаясь навести порядок.

— Холом! — прорычал его напарник-стрелок. — Ещё пара таких стычек, и нам крышка! А наверху, если я что-то понимаю, нас ждёт пара заряженных пушек!

— Есть идеи? — зло спросил юный страж. — Отступить уже поздно!

— Здесь в стенах каналы-воздуховоды! Если сложить хороший дымный костёр, эти крысы решат, что мы подожгли здание. Они попытаются либо выйти на улицу, либо занять оборону в гимнастических залах. Там мы их и встретим!

Холом оторопело смотрел на безымянного брата. Тот мало того, что рушил дорогой сердцу стража миф о неприступности Цитадели, так ещё и предлагал...

— Ты предлагаешь сжечь библиотеку, — потрясённо прошептал он. — Вся мудрость Цитадели...

— Достанется врагу если мы сдохнем! Очнись, младший братец, и иди до конца, раз уж заварил эту кашу!

Улан Холлом встряхнулся, сгоняя с себя оцепенение.

— Ты прав, — решительно сказал он, и прокричал ополченцам: — Сваливайте всё, что горит, в центре зала! Быстрее!

Хрупкие папирусы вспыхнули быстро, позволив пламени разгореться и охватить груды деревянных полок и разодранных фолиантов, политых лампадным маслом. Подливая его в огонь, Холлом возблагодарил Феникса за то, что древнее освещение было слишком тусклым для работы переписчиков, и им приходилось жечь свои грубые коптилки. "И, всё-таки, какое же варварство — жечь книги, не успев их даже прочесть!" — подумал он.

Погребальный костёр знаний Ордена немилосердно чадил, выедавая глаза, но проклятая кровь, подарившая стражу его способности, с рождения лишила его спасительных слёз. Именно это, а вовсе не чуткость внутреннего уха, заставила его в своё время выбрать путь ищейки-дозорного, а не воина-факельщика. Именно поэтому он дрался боевыми веерами — оружием не самым практичным, но позволявшим защитить глаза от пыли. Тихо выругавшись, Холлом вытащил из шейного кошелька пузырёк с целебным настоем и, запрокинув голову, залил в каждый глаз несколько капель. Видно, отец и впрямь любил своего своенравного сына, раз не забыл передать через брата Ринчена это лекарство.

— Всё, довольно! — хрипло крикнул страж, отвернувшись от пылающей кучи. — Отступаем к лестнице!

Ополченцы нестройной толпой устремились прочь из горящей библиотеки. Ринчен, шедший последним, закрыл за собой дверь. На какое-то время это должно было защитить их от дыма.

Дойдя до лестницы, стражи снова построили отряд в некое подобие боевого порядка и, строго запретив шуметь, повели его в полутьму гимнастических залов. Там, как и предсказывал брат-стрелок, они встретились с отчаянно кашляющими и ругающимися пиратами. Воцарился хаос. Люди выкрикивали проклятия и имена своих близких, мохнатые рычали и завывали, глухо рывкали разряженные в упор огнелюби. Дрались копьями и палками, орудийными шомполами и горящими факелами. Здоровенный островитянин схватил ростовое деревянное чучело, на котором тренируются мечники, и кружился с ним по залу, сбивая с ног своих и чужих, пока брат Ринчен не бросил ему под ноги обломок копья. Под конец сражения в зал проник ядовитый дым, и те, кому не повезло оказаться на полу, хрипели и давились кашлем, а оставшиеся на ногах норовили ткнуть их копьём на звук.

Холлом не понимал, каким образом остался жив. Несколько раз в него целились в упор, и только нелепая случайность предотвращала выстрел. Стража чуть не зашибли чучелом, едва не утопили в едком дыму, почти проткнули костяной острой, но каждый раз он оказывался быстрее. Быстрее всего на миг, недостаточный для птицы, чтобы взмахнуть крылом, но в конечном итоге именно эти мгновения и определяли, кто в конце боя останется на ногах. Бесконечные тренировки, которыми почти что истязали себя стражи, принесли результат. Благодаря им тройка боевых братьев сумела переломить ход боя. Они металась во тьме словно тени, рождённые брошенным факелом, появлялись из дыма как голодные призраки, одного за другим выбивая самых опасных противников и спасая ошалевших союзников, уже готовых обратиться в бегство. И когда догорели книги, когда смолкли крики и лязг оружия, Холлом с удивлением обнаружил, что поле битвы осталось за ними.

Стражи выиграли бой, но едва не проиграли войну. Разгадав план Холома, пираты, отступая, подожгли бочки с порохом, заготовленные в казематах третьего этажа. Взрыв проломил древние стены и разметал по двору пушки и обломки деревянных лафетов. Надежда утопить барку с подкреплением на входе в гавань развеялась как дым от сожжённых книг. Стражам оставалось только собрать всё население деревни внутри оказавшихся не столь уж неприступными стен Цитадели и ждать появления врага.

Медленно ползущие часы ожидания сводили Холома с ума. Он не давал себе отдыха, помогая защитникам крепости чинить проломы и перетаскивать боеприпасы. Они подняли решётку главных ворот и выбросили из-под неё панцири раздавленных крабов, возвели на стенах грубые укрытия от дождя, чтобы не размокал порох, попытались даже втащить на стену одну из уцелевших пушек. К сожалению, орудие оказалось слишком тяжёлым, а лестница — узкой. Когда Стальной Феникс в четвёртый раз приблизился к горизонту, догоняя уходящее Светило, силы оставили стража, и он задремал на полу дозорной башни, привалившись к резному парапету. Враг всё не появлялся, и от этого тревога Холома только усиливалась. Невзирая на то, что его тело настойчиво требовало отдыха, юный страж так и не сомкнул глаз, пока восточный край неба не окутала фиолетовая Вуаль.

Твердые шаги старшего брата вывели его из оцепенения.

— Можешь спать, — негромко произнёс Ринчен, поднявшись на башню. — Мы победили.

Холом поднял на него удивлённый взгляд. Старший брат указал рукой куда-то в сторону далёкого берега. Присмотревшись, юный страж увидел, как над водой то разгорается, то гаснет ярко-зелёный огонёк.

— Видишь зелёный огонь? — спросил старший брат. — Это союзники говорят нам: пираты не придут. Око Тайфуна решило их судьбу. Я уже распорядился разжечь костёр, чтобы и они знали о нашей победе.

Юный страж вздрогнул, услышав знакомую фразу.

— Око Тайфуна? — резко переспросил он. — Что это?

— Символ, — ответил Ринчен. — Знак проницательного ума, пребывающего в непоколебимой сосредоточенности посреди бешеной круговерти этого мира. В старые времена так называли Капитул Ордена, и наши братья из глубин до сих пор называют так свой правящий совет.

— Братья из глубин? Хамелеоны? Я думал, лишь единицы из них способны слышать голос разума. Как же ты зовёшь братьями всех этих слуг живых камней?

Старший страж негромко рассмеялся.

— Всегда удивлялся, как может столь неловкая ложь оказаться такой живучей? Знай, брат Холом, что не народ волн, а народы суши поклоняются живым камням. Хор чтит янтарные деревья Безликого, слуги Дракона боготворят его чешую. Вот настоящие живые камни, а к толстокожим морским зверям просто удачно прилипло это название.

— Значит, в самом сердце Цитадели всё это время стоял самый настоящий живой камень? — ошеломлённо спросил Холом.

— Именно так, — склонил голову Ринчен. — Вспомни: разве не испытывал ты благоговение и восторг, приближаясь к нему? Это зов твоей крови. Но незримые вериги — творение Дракона — ограждают тебя от него. Мы уравниваем одно другим, чтобы спасти хотя бы некоторых. Схожим образом мы ограждаем обычных людей, малой ложью делая запретное несуществующим. Кто захочет поклоняться злым и враждебным тварям из

моря? А подлинные живые камни скрыты в глубине наших цитаделей, недоступные взору...

— Как же тогда обелиск Дракона открыто стоит в Баянгольском святилище? — сухо прервал его юный страж. — Почему малые чешуйки беспрепятственно ходят по стране?

Старший брат нахмурился.

— Малые чешуйки в большинстве своём поддельные, но отследить их трудно. В лесах вокруг Баянгола лежит множество осколков времён Падения Звёзд. Они скрыты непроходимыми зарослями и залиты болотной водой, но охотники за редкостями вполне могут находить их и откалывать кусочки на продажу. Что же касается обелиска, мы сумели расколоть подземную его часть. Обломки перенесены в Толон под Звёздный купол, чтобы лишить силы камни Безликого, скрытые под фундаментами древних храмов. А взамен них в крипт баянгольского Святилища мы перенесли древний трон правителей Толона, тоже вырезанный из живого камня. Как я говорил, равновесие соблюдено.

Улан Холом задумчиво кивнул. Талисман, попавший к его отцу, явно был подлинной чешуйкой Дракона. Теперь юный страж знал, что полоска чешуйчатой кожи на его руке и амулет родились из одного источника. Он ещё помнил, как касание холодного тёмно-синего камня изменило что-то в веригах. Тогда вместо духовной связи с наставником страж почувствовал чей-то отстранённый, но пристальный и оценивающий взгляд. Возможно, он снова ощутил присутствие этой чуждой воли, но она уже не была безразличной к его существованию. Теперь она укутывала сердце стража плащом изматывающей тревоги, принуждая его перестать задавать вопросы и поскорее убраться из проклятого места, которое он столько лет считал своим домом. Но Холом не мог позволить себе поддаться этому.

— Кто решил использовать несколько этих частей вместо картечи, чтобы стрелять по Древу в сердце маяка? — строго спросил он.

— Мастер-книгохранитель. Мы не могли позволить колдунье прорваться к Древу и пройти через перерождение. В конце концов, план сработал. Чешуйки убили живой камень и колдунью.

— Тот самый книгохранитель, который исчез, — пробормотал Холом. — Который встречал колдунью на пристани и, вероятно, провёл её в сердце маяка.

Брат Ринчен помрачнел.

— Согласен, всё это очень подозрительно. Мы должны рассказать обо всём мастеру-факельщику после того, как он посвятит тебя в мистерии Ордена.

Холом устало прикрыл глаза. Когда-то посвящение в мистерии было мечтой его жизни, но сейчас он ощущал только суеверный ужас от того, что ему придётся ещё несколько дней провести на острове рядом с умирающим маяком.

Стратегема 8. Шаг за шагом приближаться к цели

Долгий переход через джунгли мог бы дать Тукууру возможность вырваться из бешеной круговерти событий и привести свои мысли в порядок. Сезон дождей только начался. Ещё не успела остыть земля, и ночи были достаточно тёплыми, чтобы обходиться без костра в тех случаях, когда не удавалось найти сухих веток. Широкие листья мангровых деревьев и раскидистых пальм защищали путников от ливня, а в кронах ещё оставались спелые плоды. Но даже при этом тропический лес оставался суровым и негостеприимным местом для городского жителя. Местом со своим собственным ритмом и особыми приметами, про которые шаман в лучшем случае читал в книгах. Ровные зелёные лужайки скрывали под собой гнилую трясину. В стоячих лужах путников подстерегали пиявки, на сухих холмах — огненные муравьи, а в воздухе уже начинали роиться тучи голодного гнуса. Нарядные, но смертельно ядовитые древесные лягушки то и дело бросались с ветвей в самую гущу толпящихся мошек, проглатывая за раз по десятку, а то и по сотне. Тукуур охотно порадовался бы их успеху, если бы не опасность того, что покрытые ядовитой слизью создания приземлятся ему прямо на голову.

Дождевой лес втягивал его в свой ритм, заставляя осторожно ощупывать ступнями почву, вслушиваться в жужжание насекомых, крики птиц и кряхтение жаб. Лес приковывал к себе всё внимание шамана, прогоняя из головы мысли, которые его не касались. Одно этого хватило бы, чтобы на время забыть про все заговоры Среднего мира, но, на беду Тукуура, его странная болезнь не собиралась уступать лесу власть над мыслями шамана. Порой она обостряла его чувства до болезненного предела, заставляя слышать шелест крыльев мелких птиц и хруст травы, которую он сминал своими шагами. В такие дни шаман крался по лесу как кот, обходя гнёзда шершней, уходя с дороги крупных змей и аккуратно переступая затаившихся в подлеске сколопендр. Чувствовал приближение грозы как зуд в плечах и шее. Видел танец сверкающих пылинок вокруг камней, на которых под слоем мха и грязи скрывалась древняя резьба.

В другие дни болезнь окутывала разум шамана душным туманом, бросая то в жар, то в озноб. Тукуур с трудом заставлял себя идти, то и дело давая Дарге повод досадливо цокать языком из-за поднятого шума, потревоженных насекомых или колючих семян. Порой он видел в чаще призрачный силуэт Скального лиса. Когда шаман спросил об этом своего неразговорчивого спутника, Дарга недовольно ответил, что по их следу идёт лесной кот. Это было не менее дурным признаком, чем галлюцинации. Даже один здоровый человек — слишком хлопотная добыча для кота, и то, что лесной хищник увязался за двоими, могло означать только одно. Зверь был уверен, что один из них скоро выбьется из сил. Это явно понимал и разбойник, но умение чувствовать хамелеонов делало Тукуура ценным грузом. Но чем дальше они уходили от побережья, чем больше дождливых ночей проводил шаман без сна, страдая от холода и сырости, тем больше становилась тяжесть этого груза и меньше его ценность. Даже близость волшебного шара уже не приносила знатоку церемоний такого облегчения, как в первую ночь.

Наконец, когда стало ясно, что они сумели надёжно оторваться и от морского народа, и от недобитых повстанцев, Дарга оставил шамана на сухом пригорке у корней древовидного фикуса. Он якобы решил поохотиться на белок и приказал Тукууру следить за небольшим костерком, но от затуманенного взора знатока церемоний не укрылось то, что вещевой

мешок разбойника исчез вместе с ним. Тукуур слишком устал, чтобы проклинать старого моряка, оставившего его на поживу мелким падальщикам. В конце концов, они были случайными попутчиками, не связанными друг с другом ничем кроме случая.

Устроившись в удобной нише между переплетённых корней дерева, шаман закрыл глаза, позволяя звукам леса вытеснить всё из его сознания. Где-то наверху, над плотными кронами, свежий морской ветер рвал в клочья серое одеяло облаков, позволяя Светилу дарить свою силу протянутым к небу листьям. Внизу, у корней девственного леса, его свет был почти не виден, и только радостный гомон зверей и птиц, обитающих ближе к поверхности зелёного моря, рассказывал о ясном солнечном дне, таком редком и ценном в сезон дождей. Душа Тукуура трепетала от восторга, впитывая их песни. Он хотел бы вскарабкаться по гладким ветвям подобно проворной обезьяне, расправить крылья и воспарить над согретой Светилом листвой. Поймать попутный ветер и лететь вместе с обрывками облаков над границей зелёного моря и моря подлинного, где чайки с хохотом купаются в белой пене, а потом на север, вдоль Великой Реки, к снежным пикам Барьерного хребта и дальше, над тайными ущельями, где цветут вечнозелёные рододендроны. Пронестись над сумрачной пустыней, где кружится смертоносный стальной вихрь. Увидеть своё отражение в стеклянном озере — серебряные искры в крыльях, словно вырезанных из звёздного ночного неба. Почувствовать ледяной ветер, несущий запах снега с Вершины Мира, и дальше, дальше — к зелёным оазисам и мозаичным куполам белых городов, которых не видел ни во сне, ни наяву тот, кто скорчился у извилистых корней древовидного фикуса, но которые были так хорошо знакомы тому, кто томился сейчас, скованный стеклянистой массой в сердце святилища Священной Столицы. И понимая, чьи мечты сейчас видит, тот, кто сидел у древесных корней, бессильно заплакал, проклиная свою нерасторопность.

— Почему, почему я не пришёл раньше? — прошептал Тукуур. — Как мне теперь освободить тебя, если она мертва?

Ответом шаману был тихий хруст сухих листьев. Лесной кот, его проводник в мир мёртвых, вышел на поляну, осторожно пригнувшись. Упругие мускулы перекачивались под блестящей шерстью, на которой рисунок из бурых и жёлтых полос идеально повторял игру света и тени в ветвях деревьев. Закруглённые уши с торчащими из них пучками серебристых волос нервно подрагивали, жёлтые глаза с круглыми, почти человеческими зрачками смотрели угрюмо и неприязненно. Кот надеялся убить человека во сне, точным движением сдавив его горло, но тот глядел на него и прерывисто шипел. Хищник зашипел в ответ, обнажив жёлтые клыки. Человек замер, глядя на него бессмысленным взглядом. Тогда кот решился и прыгнул, помогая себе взмахом толстого цепкого хвоста. Он перелетел через поляну быстрее чем бабочка взмахивает крыльями, и уже выпустил когти, чтобы вонзить их в жертву, но тут вспыхнул свет.

Тукуур едва успел испугаться. С отрешённым любопытством он наблюдал, как кот готовится к прыжку, и только в последний момент осознал, что острые когти нацелены ему в лицо, а удобный изгиб ствола стал смертельной ловушкой. Разум шамана застыл, а рука сама собой метнулась к сумке, где лежал светящийся шар. Потом, возвращаясь мысленно к этому случаю, Тукуур не мог понять, как ему удалось за такое короткое время открыть мешок. Возможно, верёвка уже была ослаблена, а, может быть, вмешались высшие силы. Но когда кот уже был на расстоянии укола длинным мечом, яркая вспышка озарила поляну. Зверь с испуганным визгом дёрнул хвостом, направляя свой полёт в сторону, и скрылся в густом подлеске. Шаман не увидел этого. Для него проводник в мир мёртвых лишь сменил облик, и

теперь перед знатоком церемоний вновь предстал дух Айяны. Драгоценные камни в её венце сверкали синевой как горные озёра в ясный день, а взгляд светло-серых глаз был устремлён к неведомой цели сквозь Тукуура.

— Я опоздал, — тихо повторил избранник Дракона, — и недостоин того, чтобы ты пришла за мной. Но я медлил не по злему умыслу.

Девушка опустила взгляд и её черты смягчились, но Тукуур видел, что с пальцев колдуньи сыпятся раскалённые искры.

— Он знает, — впервые заговорила она. — Ты ходишь во тьме, но со временем научишься видеть.

Тукуур никогда не встречал младшую дочь Буги, но сейчас ему казалось, что он знает этот голос с раннего детства. Или, может быть, дух соткал эти слова из его собственных воспоминаний, из ясных дней и таинственных ночей, из шелеста листвы и мерцания звёзд.

— Я — образ ключа от его оков, — мягко сказала Айяна. — Форма, которую ты наполнишь живым серебром из тайных пещер Баянгола.

Вихрь образов и слов взметнулся в душе шамана. Он хотел сказать, что заблудился в лесу и выбился из сил. Что не знает, куда идти, а компас забрал с собой Дарга. Но прежде чем он успел раскрыть рот, девушка улыбнулась, как в первом видении. Приложила палец к губам и исчезла. Только ярко сияющий шар завис над поляной, заливая её лунно-белым светом.

Через какое-то время в кустах снова послышался шорох, и на поляну выбрался Дарга с луком в руках. Он напряжённо посмотрел на шар, на шамана и снова на шар.

— Значит, это всё-таки ты, — неприязненно произнёс он. — Или не ты? Почему не отвечал на пароль? И причём здесь Дамдин, провалиться ему в Нижний мир?

Собравшись с силами, Тукуур поднялся. Светящийся шар подлетел ближе и завис над его левым плечом.

— Я думал, Вы решили продолжить путь в одиночестве, — сказал шаман, чтобы потянуть время.

— Надеялся подстрелить этого кота, — развёл руками Дарга. — И продать шкуру в деревне. Но духи судили иначе.

Если старый воин и собирался убить кота, то только после того, как хищник разделается с Тукууром. Возможно, разбойника привлекала сумка шамана. Что же, теперь он знает, что внутри, и это умерит его пыл.

— Духи судили иначе, — холодно подтвердил знаток церемоний.

— Если они дали Вам сил идти, то до Оймюра остался дневной переход, — проворчал Дарга. — Нам лучше поспешить.

Некоторое время они молча пробирались сквозь густые заросли. Волшебный светильник освещал их путь, и из-за этого Тукуур не сразу понял, что в лесу стало гораздо светлее. Яркие лучи Светила падали сквозь прорехи в листве, а потом деревья вдруг расступились, и путники оказались на широкой поляне, поросшей высокой травой, из которой выглядывали свежие пни спиленных деревьев. От поляны на северо-запад уходила ровная тропа-волок, по которой оймурские лесорубы тащили свою добычу. Следы человека взбодрили шамана, и он с новыми силами зашагал по тропе следом за Даргой, но через некоторое время тот остановился.

— Мы уже близко к цели, — хмуро заявил он. — Так что довольно водить меня за нос. Мне сказали, что нужно ждать человека, несущего отмеченный Драконом светоч. Человека с

острова. И я знаю, что среди нас был парень по имени Унэг. Да вот только он никогда не был учеником Дамдина! Так что выкладывай быстро, кто ты такой. Мои друзья сюрпризов не любят, и я тоже!

Прежнего Тукуура эти угрозы могли заставить оправдываться, но нынешний, вернувшийся от врат смерти, слушал их как шелест листьев на ветру, выхватывая только самое важное. Дарга говорил про Унэга в прошедшем времени, как будто точно знал, что тот погиб.

— Да, я чудом ускользнул из рук Ордена и клешней Древних. Только откуда Вам это известно, нохор Дарга? — холодно спросил он. — И разве, отвечая на Ваши расспросы о Дамдине, я говорил, что был как-то с ним связан?

— В лагере болтали... — растерянно пробормотал разбойник, глядя под ноги.

— Да, в лагере болтали, — кивнул шаман. — В том числе, о том, что среди повстанцев шпионы Ордена. Подумайте сами, нохор. Стали бы Вы в такой ситуации отзываться на пароль с первого раза? Или присмотрелись бы, кто Ваш попутчик?

— Присмотрелся бы, — буркнул Дарга и, развернувшись, зашагал вперёд.

Тропа расширилась. Всё чаще попадались зарубки на деревьях, обломанные и спиленные ветки, засыпанные щепками и камнями лужи. Теперь можно было не опасаться кишаших в подлеске пауков и клещей.

— Что, всё-таки, произошло на острове? — нехотя спросил старый воин.

— Все умерли, — кратко ответил шаман.

Разбойник окинул его недоверчивым взглядом. Знаток церемоний вздохнул.

— Какие-то твари вроде больших крабов перебили всех стражей, — пояснил он.

— Что стало с колдуньей? Вы видели её?

— Не выжила, — покачал головой Тукуур. — Как и другие.

— Хорошо, — прошептал Дарга.

Шаман молча отметил эти слова. Значит, Дарга не был заодно ни с колдуньей, ни с Орденом. Но тогда к каим таким "друзьям" он вёл ТУкуура.

— Почему хорошо? — отрешённо спросил шаман.

Разбойник бросил на него подозрительный взгляд.

— Вы храните истинный светоч, но не знаете, почему смерть жрицы Безликого хороша? Очень странно. Возможно, я ошибся.

— Вы называете её бога Безликим, как верный сын Дракона, но не знаете, что смерть не бывает хороша? — в тон ему отозвался Тукуур. — Смерть бывает либо справедливой, либо преступной, и лишь Последнему Судье решать, какова она.

— Нечестивцы хотели завладеть силой маяка, чтобы открыть путь новому флоту завоевателей, — мрачно пояснил Дарга. — Мы разрушили их план. Думаю, это справедливо. Теперь скажи мне, жрец Дракона: что дальше?

Знаток церемоний вздохнул. Он не доверял этому человеку едва ли не сильнее, чем тот не доверял ему. Но Тукуур чувствовал, что Дарга может быть полезен, а сила шара вселяла в него уверенность.

— Когда я принял светоч, Последний Судья коснулся моей души, — осторожно ответил он. — Я должен принести шар в тайные пещеры Баянгола, чтобы освободить Великого Дракона... из проклятой святыни, где бьются в вечном диссонансе сердца двух богов.

Незнакомая цитата пришла на ум сама собой. Дарга вздрогнул и нахмурился, услышав её.

— Ясно, — пробормотал он. — Дорогу-то знаешь?

— Если бы знал, зачем тогда проводник? — пожал плечами Тукуур.

— Конечно, — как-то торопливо ответил воин.

В его словах шаману почудилась некая неуверенность, словно он тоже, подобно Тукууру, чувствовал себя не на своём месте. Может быть, Дарга тоже выдавал себя за другого? Стоило быть с ним настороже.

— Шар-то спрячьте, — проворчал воин, снова переходя на «вы». — Иначе пол-деревни сбежится.

— Я постараюсь, — кивнул Тукуур. — Он не всегда меня слушается.

Дарга недовольно поджал губы.

— Если не сумеете вернуть его в сумку, останетесь ночевать в лесу, — буркнул он. — Не хватало ещё, чтобы крестьяне выдали нас Ордену!

Они добрались до деревни глубокой ночью. Тукуур из последних сил пытался смириться с мыслями об ещё одной бессонной ночи на сырой земле, да ещё и в опасной близости от сельских собак и стражников. Он мог бы потребовать комнату в местной гостинице, показав "зеркало души" гэрэльского жреца, но появление в такой поздний час оборванного и грязного военного чиновника, да ещё в компании разбойного вида "слуги", не могло не привлечь внимание стражи. Или даже Стражей. Оймур был слишком близко к Бириистэну, чтобы его не затронули события этой бурной недели. К тому же, шаману совсем не хотелось идти на серьёзный подлог ради душевной комнатухи и соломенного тюфяка.

К счастью, у Дарги были другие планы. Когда Тукууру удалось спрятать в сумку волшебный светильник, разбойник отвёл его в небольшую рощицу на окраине деревни, а сам направился к ближайшим домам. Через некоторое время он вернулся в сопровождении заспанного крестьянина с подвязанными грязной тряпкой волосами, в которых кое-где застряла солома. Сообщник Дарги окинул шамана хмурым взглядом, почесал шею и нехотя махнул рукой, призывая следовать за ним.

Крестьянин провёл путников к небольшому, но крепкому и чистому дому, окружённому глинобитной стеной, а со стороны леса — ещё и колючей живой изгородью. Казалось, эта двойная ограда должна была отпугивать незваных гостей из леса, но на самом деле в густых ветвях колючего кустарника специально для них была спрятана потайная калитка. Проскользнув в узкий проход, они оказались в чисто убранном дворе, посыпанном светлым речным песком.

— Ещё вечером я был тебе обязан, Старый Барсук, — проворчал хозяин дома, обращаясь к Дарге. — Но после такого, кажется, ты будешь должен мне. Твоё счастье, что факельщики были здесь позавчера и ничего не нашли.

— Ну теперь-то их тут нет, — пожал плечами разбойник. — Иначе ты бы нас и на порог не пустил.

— А если они вернуться завтра? Или послезавтра?

— Вряд ли, — покачал головой Дарга. — Им и в городе дел хватает. Но ты не переживай, мы тут надолго не задержимся.

— Хорошо бы, — буркнул хозяин.

Без всякого уважения к чинам, он дал разбойнику место на мужской половине дома, а Тукуура отправил спать в сарай, по соседству с двумя кроликами и выводком шумных цесарок. Не обращая внимания на их возню, шаман провалился в долгожданный сон.

Он проспал больше суток, не открывая глаз даже когда кто-то из домочадцев хозяина

входил, чтобы покормить кроликов. Цесарки сердито скрипели за плетёной перегородкой, и этот звук превращался для шамана то в скрежет клешни обездвиженного краба, то в скрип корабельных канатов на ветру. Сумбурные, но яркие сны пролетали один за другим, то и дело возвращаясь к странному сюжету. В нём Тукуур стоял посреди пещеры на острове Гэрэл, чувствуя, как сдавливает его тело со всех сторон стеклянистая масса. Он увяз внутри колонны как муха в янтаре, и мог лишь смотреть, как снаружи нерешительно пробираются среди обломков люди с факелами. Они что-то искали или собирали, то и дело поглядывая вверх, как будто ждали, что потолок вот-вот рухнет им на головы. Но этого так и не произошло. По крайней мере, не во сне Тукуура.

Когда шаман проснулся, волшебный шар висел у него над головой, заливая сарай тусклым светом. Руки и ноги затекли от лежания на твёрдом полу, железные пластины кафтана больно впивались в тело. Тукуур неловко встал и протянул руку к шару. Тот не сопротивлялся, позволив спрятать себя обратно в мешок. Размяв кое-как ноги, знаток церемоний выполз во двор. Дарга и хозяин дома сидели на деревянных чурбаках, покуривая длинные трубки. Рядом стоял кувшин с тростниковым квасом.

— Проснулся? — хмыкнул крестьянин. — Скидывай свое барахло да пойди, наконец, помойся! Возле цистерны найдёшь старый халат.

Пробормотав какие-то слова благодарности, шаман отправился к цистерне для дождевой воды. Она была немногим меньше, чем у него дома. Похоже, приютившая их семья была довольно зажиточной. Странно, что такие люди водились с разбойниками. Хотя, быть может, на этом и разбогатели.

Спрятавшись за цистерной, Тукуур переложил оберег Прозорливого и "зеркало души" в мешок к шару, а затем сбросил тяжёлую одежду и с наслаждением облил себя прохладной водой. Натирая тело порошком из толчёного мыльного корня, он отметил, что раны и ссадины почти зажили. Только полоски незримых вериг отличались оттенком от его собственной кожи. Присмотревшись, шаман понял, что на поверхности живых браслетов проявились чешуйки как у мелкой рыбы или ящерицы. Знаток церемоний нахмурился. Он не знал, что это может значить, а спросить было не у кого.

Хозяин действительно оставил для него старый халат и шаровары. Одежда была ветхой и давно потерявшей цвет, но лёгкой и удобной. Одевшись, Тукуур нашёл для себя третий чурбан и присоединился к остальным.

— Прошу простить меня за грубость, — проворчал хозяин. — Как понимаете, нелегко было в Вас разглядеть соратника Смотрящего-в-ночь.

— Не стоит извинений, — отмахнулся шаман. — Сейчас я сам с трудом осознаю своё место в этом мире.

— Вы опоздали к вечернему рису, но мы оставили несколько бататовых лепёшек, — уже более доброжелательно произнёс крестьянин.

Старики молча дымили пока Тукуур поглощал лепёшки, изо всех сил стараясь не походить при этом на голодного пса. Когда он закончил, хозяин налил в его пиалу мутной пузырящейся жидкости. Квас был свежим и ещё совсем не кислым, пузырьки газа приятно щипали язык.

— Мы с почтенным Гацой обсуждали Ваше положение, — сказал Дарга, выпустив изо рта несколько колечек дыма. — И состояние.

— Ясность чувств как у дикого зверя сменяется туманом и болью, верно? — проворчал хозяин дома.

Тукуур удивлённо кивнул. Он не думал, что старый воин настолько хорошо распознал, что с ним происходит.

— Шаманская болезнь, — уверенно сказал Гаца. — Давно такого не видел. Очень давно. С тех пор, пожалуй, как Орден взял власть в свои руки. Но духи не оставляют нас.

— Вам нужен наставник, — перебил его Дарга. — И не какой-нибудь ярмарочный фокусник. В обычное время я посоветовал бы совершить паломничество в священный Баянгол и просить одного из наставников принять Вас в ученики. К сожалению, в связи с Собором и визитом Прозорливого, город закрыт.

— К тому же, Стражи... — хозяин дома замаялся и поправил себя: — Нынешние Стражи редко отличают истинных шаманов от колдунов Безликого. Они боятся всех, кто проявляет необычные способности, и преследуют их. Поэтому даже священный город не был бы для Вас безопасным местом.

Тукуур снова подумал о лежащем в его мешке обереге Прозорливого. С нефритовой пластиной он сможет пройти в город и предстать перед правителем, но до этого он должен выполнить миссию Дамдина, или разузнать что-то достаточно важное, чтобы его признали учеником покойного прорицателя, а не подозрительным бродягой, не имеющим прав на оберег. Дух Айяны говорил о "живом серебре из тайных пещер Баянгола". Что бы это ни значило, в древнем городе сошлось множество нитей, притягивавших Тукуура, и он просто обязан был попасть туда.

— Может быть, какое-то из малых святилищ в окрестностях Баянгола смогло бы приютить меня? — с надеждой спросил Тукуур. — Я слышал о пещерах, где живут святые отшельники...

Лёгкая тень пробежала по лицу хозяина. Он что-то знал о пещерах, но не хотел это рассказывать точно так же, как шаман не хотел говорить о призраке Айяны. У всех троих, собравшихся за столом, не было причин доверять друг другу, ведь любой из них мог оказаться шпионом Ордена. А теперь собеседники Тукуура знали о его шаманской болезни. Или придумали её, чтобы его шантажировать — такую возможность не стоило сбрасывать со счетов.

— Мы оба давно не бывали в тех краях, — задумчиво сказал Гаца. — О таких вещах больше знает наш набожный друг Бугуш. Он служит в Речных Вратах, но иногда появляется в Могойтине.

— Вам в любом случае нужно пройти Речные Врата, чтобы попасть в округ Баянгола, — добавил Дарга, — Я мог бы пойти с Вами, до гарнизона нам по пути. Проблема только в деньгах. Я, видите ли, очень рассчитывал на шкуру лесного кота, но Ваш светоч его прогнал. Поэтому было бы справедливым, если бы Вы назвали меня своим помощником на время путешествия.

— Соскучился по казённым гостиницам? — фыркнул хозяин дома.

Тукуур вздохнул и покачал головой.

— Это слишком большой риск. Я чудом избежал ареста на острове и подозреваю, что приказ о моей поимке мог прийти с большой земли. Если так, моё имя сразу же привлечёт внимание Стражей. Нас разоблачат и бросят на съедение термитам.

— Тем лучше, — усмехнулся Гаца. — Сами знаете, какой разговор у местных властей с приезжими соратниками. Куда да зачем, да предъяви подорожную. Куда спокойнее в этом отношении быть бродячим артистом.

— Почему бы и нет, — пожал плечами разбойник. — Я могу показывать фокусы с мечом, а он сойдёт за бродячего предсказателя. Среди этой публики потерявший должность чиновник — не редкость. Кафтан, опять же, можно будет оставить. Он достаточно рваный. А стальную подбивку и нагрудную пластину продадим кузнецу — как раз деньги появятся.

— Хорошо, — быстро согласился Тукуур. — Только у меня нет ни гадальных пластин, ни кистей, ни тушечницы. Разве что волшебный шар, но, думаю, не стоит им хвастаться.

— Правильно думаете, — кивнул Дарга.

Они пробыли в селении ещё день, улаживая дела. Кузнец охотно купил стальные вкладыши по цене лома, но пластину со Скальным Лисом пускать в переплавку отказался. Тукуур был рад этому и быстро приспособил нагрудник под прорицательский гонг. На вырученные деньги удалось купить выдавшие виды гадательные пластинки из черепашьей кости, а у Гацы нашлась потёртая походная тушечница и чехол с кистями. Хозяин дома сказал, что вещи достались ему от деда, но у шамана возникло стойкое подозрение, что этот человек не всю жизнь обрабатывал землю.

Друг Дарги решил сам отвезти их в небольшую деревушку выше по реке, чтобы избежать расспросов односельчан. Ночью, погрузив в лодку скудные пожитки и немного походной еды, они отплыли. Течение у берега было не слишком сильным, и первое время Тукуур работал шестом почти наравне с Даргой, но быстро сказалась усталость и непривычка к долгой работе. Тогда его сменил Гаца, уступив место у руля своему товарищу. Шаман попытался заснуть, укрывшись старым халатом, но теснящиеся в голове мысли и сырой туман прогоняли сон. Поняв, что замерзает, знаток церемоний снова взялся за шест. Нащупывая зыбкое, покрытое корягами дно, он думал о собственном пути, полном невидимых опасностей, ведущем к непонятной цели. Что за живое серебро таится в пещерах Баянгола? Почему Айяна, жрица-колдунья Безликого, указывала путь слуге Дракона? Искупала грехи, или заманивала его в ловушку? У Тукуура было слишком мало знаний, чтобы ответить на эти вопросы. Всё, что ему оставалось — собирать разрозненные факты и сшивать их в некое подобие лоскутного одеяла. Возможно, когда-нибудь кусочки этой мозаики встанут на свои места. Пока же он толкал лодку против течения, стремящегося унести его назад на остров Гэрэл, в руки Ордена или хамелеонов. Его сердце радовалось этой метафоре — возможности плыть против течения, хоть ненадолго взять судьбу в свои руки, пусть эти руки и болели от непривычной нагрузки.

Ближе к рассвету они остановились в небольшой бухточке, где, судя по окружённым камнями кострищам, нередко отдыхали рыбаки и путешественники. Там они с Даргой разучили небольшую сценку о борьбе души с сомнением и невежеством. Старый воин пытался уколоть Тукуура мечом сомнения или набросить ему на голову грязную тряпку невежества, а шаман должен был уклоняться. К удовольствию разбойника, знаток церемоний вспомнил кое-какие навыки времён обучения в сургуле, и держался вполне сносно, хоть и не слишком изящно.

Со временем Тукуур научился выбирать, когда уклониться, а когда позволить противнику коснуться его. Он так и не стал более грациозным, но использовал это во благо, добавляя комичные взмахи руками и строя испуганные гримасы. Так они и путешествовали, зарабатывая трюками и гаданием на миску риса с овощами и проезд в лодке до следующего селения, пока не прибыли в Могойтин.

Это был небольшой городок размером как две бириистэнских ремесленных слободы, но окружённый крепким частоколом со сторожевыми башнями. В центре города на пригорке

возвышался каменный храм Четверых Заступников и просторный павильон Суда с резными колоннами и синей черепичной крышей. Но, в отличие от Бириистэна, здесь главенство Святылища не было абсолютным. Ближе к гавани стоял похожий на небольшую крепость трёхэтажный особняк. Флаги "Медовой Лозы" развевались над остроконечными башенками, обшитыми листовой медью, толстую каменную стену патрулировали охранники в серо-зелёных кафтанах. Окинув мрачными взглядами твердыню торговой компании, Тукуур и Дарга отправились на поиски чайной или таверны, в которой им бы разрешили разыграть своё представление. В сезон засухи они расположились бы прямо на рыночной площади, но сейчас в любой момент мог хлынуть ливень, и горожане старались не задерживаться на улице.

В таверне "Зеркальный карп", где путникам удалось снять комнату и договориться о выступлении, было уже достаточнолюдно. Посетители по одиночке и небольшими группами сидели за круглыми столиками у стен, коротая ненастный день за чаем с пампушками или фруктовым вином и жареной рыбой. В основном это были небогатые лавочники и мастера, но три человека выделялись из общей массы. Двое ветеранов в серых кафтанах с вышитыми на груди крокодилами неспешно раскладывали цветные камни на разлинованной доске, потягивая нагретую рисовую водку из глиняных пиал. Казалось, что одна из групп синих вот-вот попадёт в окружение, но тот, кто играл жёлтыми, не спешил делать очевидный ход. В углу у окна погрузился в тяжёлые мысли юноша чуть моложе Тукуура, одетый в узорчатый шёлковый халат. Его чай давно остыл, а блюдо с мясными шариками стояло почти нетронутым.

Тукуур и Дарга расположились за свободным столиком и заказали риса с овощами, ожидая, когда трактирщик объявит об их выступлении. Тот довольно долго возился с заказами, позволив путникам спокойно поесть, а потом ударил в небольшой гонг в виде рыбы, привлекая общее внимание.

— Уважаемые сограждане и гости! — высоким голосом провозгласил хозяин таверны. — Небо в сезон дождей навевает тоску, но сегодня знаменитый странствующий предсказатель Унэг и его друг силач Арслан порадуют Вас пантомимой о борьбе стоящей перед трудным выбором души с сомнением и невежеством! И если в главном герое пьесы Вы узнаете себя, господин Унэг поможет Вам обрести ясность видения!

Посетители отозвались вялыми хлопками. Тукуур поклонился и стал спиной к Дарге, наморщив лоб. Старый воин разминался с мечом, время от времени делая ложные выпады в сторону шамана, но тот делал вид, что не замечает его, погружённый в тяжёлые мысли. Наконец, разбойник ударил его плащом по плечу, и знаток церемоний развернулся, изобразив на лице ужас. Танец начался. Тукуур уклонялся неуклюже, но уверенно, краем глаза отмечая, что военные оторвались от битвы камней, и даже богатый юноша смотрит на актеров широко открытыми глазами. Время от времени посетители одобрительно гудели, отмечая особо удачный выпад. Когда шаман ловким движением выхватил у Дарги платок неведения и набросил его на голову самому воину, они захлопали куда энергичнее, чем в начале. Путники снова поклонились. Они оказались рядом со столиком солдат.

— Чтоб мне лопнуть! — с улыбкой воскликнул один из них. — Это же Аман Дарга! Где же твой корабль, дружище?

— Здравствуй, Бугуш! — проворчал разбойник. — Давно не виделись!

— Садитесь, выпейте с нами, да расскажите, как докатились до такой жизни! — весело сказал второй солдат.

— Я не откажусь, — хмыкнул Дарга и выразительно посмотрел на Тукуура, — а тебе ещё работать.

Шаман понимающе кивнул и вернулся за свой столик. Как он и ожидал, юноша в шелковом халате порывисто встал и занял место напротив. Знаток церемоний заметил, что его волосы подвязаны белой траурной лентой.

— Я хочу спросить духов о благополучном исходе дела, — напряжённо сказал он.

Тукуур молча достал гадательные пластины и разложил их на три стопки — начало, путь и цель. Существовало множество способов гадания, но все они требовали подготовки и информации, которой люди не спешили делиться с бродячим прорицателем. Оставался один, в котором главную роль играл сам вопрошающий.

— Я ничего не знаю, — тихо произнёс шаман ритуальную фразу. — Духи ничего не знают. Ты знаешь всё. Спрашивай, и они помогут тебе увидеть глубины собственного сердца.

Юноша вздохнул, прикрыл глаза и наугад вытащил пластину из первой стопки. Тукуур нахмурился, читая вырезанный на кости символ.

— Знак "крепостных ворот". В начале пути Вас ждёт препятствие, достаточно серьёзное, но не непреодолимое.

Молодой человек кивнул собственным мыслям и вытащил вторую пластину. Шаман помрачнел ещё сильнее.

— "Тоги". Путь будет изнуряюще трудным и смертельно опасным.

Стиснув побелевшие губы, юноша вытащил третью. На ней легко взмывал в небо Лазурный Дракон. Тукуур вздохнул.

— "Суд". Если Ваш замысел справедлив, он окончится успехом.

Его собеседник решительно сжал кулаки и встал.

— Благодарю Вас, мастер Унэг, — с поклоном произнёс он.

Положив перед Тукууром несколько крупных васанговых дощечек и небольшую жемчужину, странный клиент быстрым шагом вышел из таверны. Ожидая, пока кто-нибудь ещё решится прибегнуть к его услугам, шаман приоткрыл заклеенное матовой бумагой окно и выглянул на улицу. Так он увидел первую часть своего предсказания. Трое ожидали юношу на противоположной стороне улицы. Похожий на хорька человек с узким лицом и жидкими усами в коричневой одежде приказчика и двое дюжих охранников "Медовой лозы" с длинными бамбуковыми дубинами. Они быстро обступили свою жертву, отрезая ей пути отступления.

— Это ты, пёсья башка, распускал слухи про господина управляющего?! — зло спросил приказчик.

Молодой человек бросил на него полный ненависти взгляд. Не дожидаясь ответа, один из охранников с силой ударил его в лицо. Юноша упал в грязь, и все трое принялись избивать его, осыпая грязной бранью. Тукуур почувствовал, как закипает. Это был не его город и не его дело, но уже второй раз на его глазах люди, облечённые властью, пытались без суда убить человека. Недолго поколебавшись, он решительным жестом прицепил на грудь пластину со Скальным Лисом и выскочил на улицу.

— Отставить! — гаркнул шаман, приблизившись к охранникам.

Те удивлённо обернулись. Сердце Тукуура бешено колотилось, но он заставил себя окинуть людей "Медовой лозы" холодным взглядом.

— По какому праву вы избиваете человека среди бела дня?

— Он вор и клеветник! — прошипел приказчик. — А тебе что за дело? Кто ты такой?

— А на кого я похож, баранья задница?! — прорычал шаман. — Забыл цвета армии Прозорливого?!

Охранники угрожающе подняли дубинки, но приказчик замялся, поглядывая за спину Тукуура.

— Это гражданское дело, нохор, — проскрипел он. — Военных оно не касается!

— Тогда где ленивые свиньи, называющие себя добдобами? — не уступал знаток церемоний. — Если этот человек преступник, он должен предстать перед судом, а не умереть в грязи!

— Мудрейший наставник сейчас не в городе...

— И что?! Кот из дома — мыши в пляс? Или вас кто-то назначил стражниками в его отсутствие?

— Нохор, Вы здесь — человек новый, — процедил приказчик. — Я уверяю, Вы не хотите участвовать в этой грязной истории.

— Это мне решать! — бросил Тукуур.

Приказчик недовольно дёрнул плечами и махнул своим людям.

— Уходим! Успеем ещё раздавить этого клопа!

Шаман проводил их взглядом, и только тогда разрешил себе обернуться. У дверей таверны в свободных позах стояли Дарга и два его товарища. Тот, которого звали Бугуш, одобрительно кивнул.

— Хороший спектакль, — тихо сказал он. — Даже лучше предыдущего.

Тукуур подошёл к пострадавшему. Тот был жив, но без сознания. Осторожно ощупав его в поисках переломов, шаман снова посмотрел на товарищей. За их спинами из дверей таверны несмело выглядывали горожане.

— Кто этот человек и где он живёт? — строго спросил знаток церемоний. — Его следует немедленно отнести домой и вызвать врача.

— Это молодой господин Вакиш Бадма, торговец шёлком с улицы Прядильщиков, — отозвался один из мастеровых. — Но если он в ссоре с господином управляющим...

— То никто из вас не хочет ему помогать, — хмуро закончил Бугуш. — Ладно, отвезём купца сами, а то с добрых горожан станется бросить раненого в канаве!

Погрузив купца в тележку для овощей, оставленную кем-то возле таверны, Тукуур и его спутники двинулись прочь от пристаней. Прохожие боязливо косились на них и спешили перейти на другую сторону улицы. Один раз, недалеко от святилища, им повстречалась двойка добдобов. Знаток церемоний внутренне напрягся, ожидая вопросов, но стражники решили не связываться с военными и свернули в ближайший проулок. Похоже, Могойтин жил между молотом гарнизона Речных Врат и наковальней компании "Медовая лоза". Тукуур вздохнул. Совсем иной он представлял свою страну под мудрым правлением Смотрящего-в-ночь.

Миновав святилище и рыночную площадь, путники свернули на широкую, но короткую улицу, где стояло несколько обветшалых домов с лавками в передней части. На одной из них висела вывеска с изображением бабочки и попугая. Подпись гласила "Шёлковые плантации семьи Вакиш". Лавка выглядела заброшенной, но, когда Тукуур и его товарищи приблизились, из неё тут же выскочил слуга в потёртой шёлковой куртке с эмблемой дома Вакиш на груди и спине.

— Молодой господин! — вскричал он. — Ох, беда-то какая! Что же теперь с нами будет?

— Успокойся! — строго приказал Тукуур. — Твой хозяин жив. Помоги нам занести его внутрь и позови управляющего!

Аман Дарга хмуро покачал головой.

— Нет. Мы сделали всё, что могли. Дальше — работа врача. — он повернулся к слуге. — Предупреди управляющего, что Бадму избили люди "Медовой лозы". Надеюсь, он придумает, где спрятать купца на случай, если они вернутся.

— Идёмте, — кивнул Бугуш. — Управляющий и его прислужники получают по заслугам. Но не сейчас.

— Это уж точно, — фыркнул Дарга. — Пока "Медовая лоза" держит город и наместник у них вместо табуретки, этому не бывать. Думаю, нужно уносить ноги, пока тот приказчик не поднял шум.

— Признаю, я поступил безрассудно, — сдержанно ответил шаман. — Но я отдал четырежды по четыре года постижению путей Последнего Судьи не для того, чтобы мириться с беззаконием этого мира!

— Я верю, что приставы Последнего Суда придут к управляющему ещё при жизни, — хмуро сказал Бугуш. — Но сейчас пора возвращаться в Речные Врата. Полагаю, вы оба не откажетесь составить нам компанию?

Четверо путников спустились к пристаням по кратчайшей дороге и, к удивлению Тукуура, никто не пытался им помешать. Он был уверен, что люди "Медовой лозы" заинтересуются дерзким офицером в штопаном кафтане и быстро выяснят, что ещё за пару мгновений до стычки он называл себя бродячим прорицателем. С другой стороны, его претензию на воинский чин молчаливо поддержали подлинные солдаты гарнизона Речных Врат, а торговцы компании слишком сильно зависели от доброй воли коменданта. Похоже, на этот раз управляющему придётся пойти официальным путём, подав жалобу выше по реке, а за время волокиты вполне можно и улизнуть из крепости.

— Что они не поделили? — на ходу спросил Тукуур у Бугуша. — Управляющий с этим купцом?

— Шелковичные плантации, — охотно ответил тот. — Личинки управляющего заразились заморской плесенью, вот он и отнимает имущество у конкурентов. Отец этого Бадмы очень удачно влез в том году в долги, а долги в Могойтине — дело такое. Если дружишь с «Лозой», за тебя вступятся. А если перешёл им дорогу — жди в гости добдобов. Говорят, местный наставник присудил старику продать не только плантации, но и старшую дочь в долговое рабство. А сын, похоже, задумал мстить. Что же, если не помрёт от побоев, может, и добьётся успеха. Помолимся за него Фениксу когда приплывём в Речные Врата!

Небольшая лодка ждала их у старого, потемневшего от плесени причала. От множества рыбацких посудин вокруг её отличала только надпись на борту "собственность армии Прозорливого". Чуть поодаль готовилась к отплытию барка "Медовой лозы". Тукуур с досадой подумал, что даже при полной загрузке десятивёрсельная махина легко обгонит на реке их лёгкий челн. Следовало заранее подумать о том, как избежать ареста.

— Нохор Бугуш, в Речных Вратах ещё стоит полусотня "Снежных Барсов"? — спросил он старшего воина, когда лодка заскользила вдоль берега.

— Люди этого столичного индюка Цэрэна? Думаю, они ушли в Баянгол с флотилией временного правителя Бириистэна. Кто-то, может, и остался присматривать. Зачем они тебе?

Задумавшись, Тукуур едва не сказал, что Цэрэн мог бы подтвердить его имя и

полномочия, но вовремя одёрнул себя.

— Мне не стоило бы им попадаться, — уклончиво ответил он. — Если вдруг управляющий захочет на меня жаловаться...

— Сомневаюсь. Для него мы вроде мухи — пожужжали и улетели. Из-за такого не принято переворачивать дом. Я не думаю даже, что люди "Медовой лозы" действовали по его приказу. Скорее, хотели проявить не слишком уместное рвение. Сам управляющий предпочитает сохранять в Могойтине видимость порядка, чтобы продвигать на должности своих друзей. И это возвращает нас к справедливости Среднего мира. Ты можешь знать наизусть все законы и ритуалы, но без связей дальше тебе не продвинуться. Раз за разом заросший сорной травой путь Последнего Судьи будет задавать тебе безмолвный вопрос.

Бугуш выжидательно посмотрел на Тукуура, желая, чтобы тот сам закончил его фразу. Шаман склонил голову, признавая правоту воина. Когда-то он гордился тем, что стал одним из четвёрки лучших учеников только благодаря своим знаниям, но потом узнал, что наверх его тянула невидимая поддержка Темир Буги. Собственный же отец Тукуура своей праведностью не нажил ничего кроме седых волос и мелкой должности на краю страны. Наставники сургуля, которые должны были быть образцом для юного знатока церемоний, оказались интриганами и заговорщиками. Многомудрый законоучитель — ленивым сибаритом, а посланник самого Прозорливого — циничным авантюристом, использующим власть для достижения собственных целей. Управляющий "Медовой лозы", подмявший под себя небольшой город, завершал эту галерею парадных портретов. Знаток церемоний хорошо понимал, о чём говорит Бугуш, но к огромному своему стыду не мог разделить его праведного гнева. Ведь Тукуур и сам стремился к исполнению личных целей. Стать на сторону Прозорливого и победить. Или, всё-таки, освободить из оков Дракона? Что скорее спасёт его родителей — чудо или земная власть? И может ли он, ставя семью выше государства, называть себя соратником Прозорливого? Эти вопросы жгли сердце шамана, но он понимал, что Бугуш ожидает от него других слов, и вряд ли оценит откровенность.

— Сегодняшний день спросил меня: кто осудит судей? — нехотя ответил Тукуур. — Но я напомнил себе, что Лазурный Дракон увидит их души на Последнем Суде.

— Это было нелегко, верно? — хмыкнул воин. — Нас учат смиряться и ждать загробной жизни, но наши небесные покровители — не бесплотные призраки, неспособные действовать в Среднем мире. Они хорошо знают, что суд хорош вовремя. Чем скорее будет наказан преступник, тем меньше жертв. Почему же большинство не видит высшего суда при жизни? Подумай над этим.

С этими словами Бугуш встал и сменил на вёслах своего товарища, давая понять, что разговор окончен. Тукуур уставился на речную гладь, пытаясь сложить имеющиеся у него обрывки информации. Судя по разговорам, Дарга, два его товарища и землевладелец из Оймюра принадлежали к радикальной секте приверженцев Лазурного Дракона. О подводных течениях в своей вере Тукуур знал даже меньше, чем о делах слуг Безликого. Сектантами, как и колдунами, занимались Стражи, которые считали молчание лучшим лекарством от ересей, но все их усилия не могли превратить первобытный лес веры в ухоженный сад. Секты жили, передавая из уст в уста свою историю, уходящую корнями во времена до Падения Звёзд. "Наши покровители — не бесплотные призраки". Что хотел этим сказать Бугуш? В сургуле Тукуура учили, что Лазурный Дракон отдал правосудие с Средним миром в руки Смотрящего-в-ночь и его соратников. Сектанты явно считали иначе. Верили ли они, что стражники Дракона перерождаются в Среднем мире так же, как это делает

Прозорливый? Считали ли они себя воплощёнными приставами Последнего Суда? Или, быть может, во время своих странствий эти люди встречали необычных существ вроде крабов с острова Гэрэл, только носящих знаки Лазурного Дракона? Шаман вспомнил кощунственные речи человека из Оймура. "Стражи не отличают истинных шаманов от колдунов Безликого", — сказал он. Если бы кто-то сказал Тукууру такое год назад, он назвал бы такого человека глупцом. Стражи хранили чистоту веры и гармонию государства — это знал каждый. Но теперь, став врагом Ордена, шаман понял, как мало знает об этой организации, её целях и источнике её привилегий. Знал же он ровно то, что Стражи замыслили зло против Смотрящего-в-ночь. Могла ли их жажда власти простираться дальше и выше? На это у Тукуура пока не было ответа.

В тот самый час, когда Дарга и Тукуур вышли из дома торговца шёлком, быстроходный сампан под флагом Ордена Стражей бросил якорь в гавани Бириистэна. Стоя на носу корабля, Улан Холом рассматривал родной город, цепким взглядом отмечая изменения. Форт на краю бухты походил на раздавленный муравейник. Балки и стропила торчали вкривь и вкось из осыпавшихся стен, а вокруг суетились рабочие и солдаты. Разрушений было больше, чем помнил Холом, а, значит, городские бунтовщики всё-таки попытались устроить орденской флотилии горячий приём. Об этом говорили и корпуса трёх океанских джонок, ради которых из сухих доков вытащили, наконец, полусгнившие останки кораблей старого флота Смотрящего-в-ночь. В остальном город выглядел таким же, каким оставил его Холом, но неуловимое чувство подсказывало, что внутренне он изменился, как изменился и сам страж. Они оба — город и человек — пережили пожар и убийства, и стали жёстче, в чём-то решительнее, в чем-то — наоборот. Они оба знали, что бой можно выиграть, но в нём же легко и погибнуть.

На острове Гэрэл это ощущалось особенно остро, как будто сами стены древнего маяка шептали стражу, как близко он был к гибели. Одно неверное движение, один неучтённый противник, одна неудачная идея — и его история закончилась бы ещё там. Чтобы заглушить этот голос, Холом с головой ушёл в расследование, но не продвинулся в нём ни на шаг. Возможно, улики лежали у стража на виду, но он слишком мало знал, чтобы разглядеть их, а другие не спешили ему помогать. Жители деревни оплакивали своих погибших, брат Ринчен выдавал апатию за медитацию, его напарник-арбалетчик то охотился на морских птиц, то тренировался до изнеможения. Все они погрузились в свои занятия без остатка, боясь остаться наедине с молчаливой неприязнью стен Цитадели. Холом не осознавал этого и тихо злился на товарищей, копаясь в картотеке книгохранителя или бродя с факелом по разгромленной пещере в сердце маяка. Когда корабль "Медовой лозы" привез ему и Ринчену приказ вернуться в Бириистэн, юный страж почувствовал себя узником, выпущенным на свободу.

Сейчас, глядя на разрушенный форт и обгорелые склады, Холом почувствовал, как эйфория снова уступает место глухой тревоге. Поправив широкополую чиновничью шляпу, он ступил на сходню. Небо снова затянуло тучами, и крупные капли дождя время от времени падали в воду, выбивая из неё брызги поменьше. Факельщики, ожидавшие Холома и Ринчена на берегу, мрачно кутались в травяные накидки. Их офицер в алой лакированной шляпе шагнул вперёд.

— Мастер-факельщик приказывает вам прибыть немедленно, — сухо заявил он. — Он ждёт в тронном зале Святилища.

"Он называется "павильон Созерцания", — мысленно поправил факельщика Холом. Два мира юного стража, остров Гэрэл и Бириистэн, наконец, встретились, и это рождало чувство странной дисгармонии. Пристроившись, как велел протокол, слева-сзади от старшего брата Ринчена, Холом последовал за офицером факельщиков. Солдаты Ордена топали следом, и страж никак не мог отделаться от ощущения, что его снова конвоируют в темницу.

За время отсутствия Улан Холома Орден прочно обосновался в Бириистэне. Его знамёна реяли над городской управой и старым фортом, у всех правительственных зданий виднелись группы солдат в чёрно-красных кафтанах. Даже патрулями городской стражи, которых стало едва ли не вдвое больше, командовали орденские братья. Охрана ворот Святилища теперь состояла сплошь из факельщиков, вооружённых пиками и огнелюями, и эта охрана остановила процессию, потребовав пароль. Холом сжал губы. Для Бириистэна наступили беспокойные времена, и видеть это было неприятно, но ещё неприятнее было осознавать, как сильно нервничают обычно расслабленные и самоуверенные солдаты с острова Гэрэл.

Зал Созерцания почти не изменился. Тот же полумрак, аромат благовоний и гранёные колонны, стоящие на спинах каменных черепках. Только на дельфиньем троне вместо законоучителя сидел мастер-факельщик Дэндэв — грузный широкоплечий мужчина с красным одутловатым лицом, обрамлённым редкой седеющей бородой. Справа от него на обшитом алой парчой пуфе устроился человек, чей облик составлял мастеру полную противоположность. Он был высок, бледен и настолько худ, что казался измождённым. Свободное серебристое одеяние незнакомца струилось объёмными складками, похожими на морскую рябь, но всё равно висело на нём, как на вешалке. Подойдя ближе, Холом понял, что у незнакомца совсем нет носа, только две узкие вертикальные ноздри, которые плотно закрывались после каждого вдоха и выдоха, как у тюленя. Лысую голову покрывали затейливые татуировки, среди которых выделялся ярко-зелёный человеческий глаз, выглядывающий из центра водоворота. Два настоящих глаза человека волн были бледно-серебристыми со странными изогнутыми зрачками как у осьминога или каракатицы. На коленях хамелеон держал что-то вроде большой золочёной раковины.

— Это те самые люди, которые сохранили время и жизни моим воинам? — спросил он у мастера Дэндэва, не раскрывая рта.

Монотонный резонирующий голос исходил из странной раковины, и на него накладывались быстрые щелчки. Они могли показаться пискom летучей мыши, но Холом с удивлением понял, что чувствует их не ушами, а кожей головы, плеч и предплечий. Подлинный голос хамелеона был явно сродни волшебной грозе, которую страж чувствовал в сердцах колдунов, но никто из них не умел столь виртуозно управлять его ритмом.

— Да, посол, — проворчал старый факельщик. — Как я уже говорил, храбрецов у меня достаточно, а вот люди, способные думать — на вес золота!

Узкие глазки мастера сердито уставились на Улан Холома.

— На что ты надеялся, нападая на крепость во главе кучки крестьян? На воздаяние в Верхнем мире? — резко бросил он.

Юный страж поспешно опустил на колени и четырежды коснулся лбом пола.

— Нет, почтенный наставник, — ответил он, подняв голову. — Я не думал об этом.

— Может быть, ты боялся мучений мира Нижнего?

— Нет, наставник. Всё, чего я боялся — отдать вверенных мне людей в руки разбойников и пиратов. Обречь их на рабство и бесславную гибель.

— Думаешь, многие из них видят разницу между славной гибелью и бесславной? — скривил мясистые губы старый наставник.

— Об этом я тоже не думал.

— О чём же ты думал, юноша, если думал вообще?

— Дав пиратам укрепиться в Цитадели, мы потеряли бы на то, чтобы их выгнать, время, корабли и обученных воинов. А наши враги, пожалуй, растеряли бы свой страх. Вот какие мысли не давали мне покоя, почтенный наставник.

Мастер-факельщик хмуρο кивнул.

— Не лишено логики. Возможно, из тебя, всё-таки, будет толк. Но твои шансы на победу, даже с поддержкой брата Ринчена, были невысоки.

— Да, почтенный наставник, — снова поклонившись, ответил Холом. — Теперь я понимаю это и сожалею о своём безрассудстве.

— Выжили и не возгордились. Хорошо, — пробубнила раковина посла.

— Возможно, — поморщился Дэндэв. — Ринчен! Рассказывай, что случилось на острове, что вы видели и что сделали!

Старший страж коротко кивнул и начал доклад. Он рассказал о хитрости Улан Баира, который убедил ближайшего ученика предателя Буги лично отвезти Холома и Тукуура на остров, якобы для того, чтобы колдунья освободила их от вериг и привлекла на свою сторону. Благодаря этому Максар оказался во власти Ордена, а городские заговорщики лишились одного из ключевых руководителей. Продолжил дракой на лодке, нападением черепахи и гибелью Тукуура и, наконец, нашествием крабов. Речь Ринчена была плавной и связной, но чем дальше, тем чаще старший брат упускал детали или даже перетолковывал события.

— Таким образом, предосторожность мастера-книгохранителя позволила уничтожить колдунью и остановить её древних слуг, — закончил он.

Сердце Холома сжала холодная рука тревоги. Неужели никому вокруг нельзя верить? Тот самый Ринчен, который с гневом обвинял книгохранителя в халатности, теперь делал вид, что всё прошло как задумано! И, судя по спокойному до самоуверенности тону, он ничуть не боялся, что Холом опровергнет его слова. Юный страж сжал зубы и опустил глаза, пытаясь запереть в сердце изумлённое негодование, но оно не укрылось от посла хамелеонов.

— Полагаю, у юноши есть важные дополнения к докладу, — раздался монотонный голос раковины.

Мастер-факельщик вопросительно хмыкнул. Брат Ринчен удивлённо посмотрел на Холома.

— С позволения почтенного наставника, старший брат не упомянул, что мы не обнаружили тела мастера-книгохранителя, — осторожно произнёс Холом. — Только одежду, которая, как и пол вокруг, была покрыта странными серебряными брызгами. Также старший брат не сказал, что находил странным то, что мастер-факельщик провёл колдунью в сердце маяка. Я также предполагаю, что именно мастера-книгохранителя, одетого в военный кафтан, могли увезти с острова пираты.

К удивлению Холома, Дэндэв не отмахнулся от его слов, а встревоженно переглянулся с хамелеоном и устремил тяжёлый взгляд на Ринчена.

— Это правда, брат Ринчен? Пропавшее тело и серебряные брызги? — прорычал он.

Старший страж неуверенно кивнул.

— Почему ты скрыл это? — раковина заговорила быстрее, выдавая волнение посла.

Ринчен задумался и покачал головой.

— Я... не могу найти достаточных причин, почтенные, — растерянно ответил он. — Я опустил эти детали как маловажные, но сам вижу, что это не так.

Недоумение старшего брата казалось искренним. В этот момент Холом понял, что не он один подвергся на острове нападению на разум, но другие, похоже, этого не осознали. Поэтому, хотя никто не приказывал ему говорить, юный страж рискнул нарушением этикета.

— На острове я ощущал давление враждебной воли, — быстро сказал он.

Мастер-факельщик грозно нахмурился, но кивнул.

— Продолжай.

— Само место как будто бы не желало, чтобы мы поняли, что произошло на самом деле. Старший брат открыл мне, что сияющее дерево было живым камнем, слугой Безликого, а дарованные Драконом незримые вериги всё это время защищали нас от его влияния. Но мастер-книгохранитель поразил ствол картечью из подлинных чешуй Дракона...

Холом резко умолк, поразившись своим кошунственным мыслям. Ведь если чешуйки Дракона подчинили себе волю живого камня, значит, это сам Лазурный Дракон препятствовал следствию. Воля Последнего Судьи подавляла разум Холома и Ринчена. Книгохранитель же следовал этой воле, которая, неизбежно, включала и гибель мастеров Прибрежной Цитадели. Страж тряхнул головой, вспоминая прикосновение чешуйки-талисмана. Ощущение холодного оценивающего взгляда до сих пор преследовало его во сне. Холом растерянно посмотрел на мастера и посла. Они молча ждали.

— Старший брат сказал мне... — нерешительно произнёс он. — Что чешуйки Дракона — тоже живые камни. Значит ли это... — он запнулся, лихорадочно подбирая слова, — что нет разницы?

"Между Драконом и Безликим", — он так и не решился завершить богохульную фразу.

Посол внимательно посмотрел на него осьминожьими глазами и медленно кивнул.

— Юноша стоит на пороге, — сказал он Дэндэву. — Остаётся только открыть ему дверь.

Тот тяжело вздохнул.

— Пора, увы. Это всегда тяжело. Слушай же внимательно, брат Холом, ибо такова мудрость Ордена, извлечённая подобно крупицам золотого песка из тысячелетних наслоений грязи и ила.

Голос факельщика стал грустным и торжественным, когда он начал читать по памяти нараспев:

Нет ни Верхнего мира, ни Нижнего, ни Среднего.

Лишь пустота и в ней великие странники.

Знающие короткие пути между звёзд.

Уподобь их великим Драконам, ибо полёт их быстрее молнии.

Уподобь морским черепахам, ибо панцирь их крепок настолько, что на нём и внутри него рождаются и гибнут великие царства.

Уподобь китам, ибо их песни наполняют пустоту.

Мы — лишь малые рачки, вцепившиеся в их чешую, и век наш бесконечно короток.

Наши судьбы безразличны великим, и их безразличие для нас — благо.
Ибо когда мы нужны им, они собирают нас, перелетая от звезды к звезде.
Изменяют нас, делая способными слышать их песни.
Очаровывают и заставляют служить себе
В бесконечных полостях своих тел,
Наполненных ослепительным светом или таящих гибельный мрак,
Изнурительную жару или пронизывающий холод,
Сообразно скрытым возможностям каждого.
Там мы трудимся и служим пищей друг другу.
Всё время бесконечного путешествия между далёких звёзд.
Это и называют муками Нижнего мира
Те, кто сохраняет способность мыслить,
Вырвавшись на поверхность в то короткое время
Пока странник дремлет греясь в лучах новой звезды.
Что в малом, то и в великом, что внизу, то и вверху.
Как среди нас есть охотник и добыча, хищник и жертва,
То же и среди звёздных странников.
И когда сражаются гиганты, кто станет считать муравьёв?
Жрецы и пророки древнего мира, кого сделал способными слышать себя
Странник, на теле которого мы пребывали,
Говорили, что нет равного ему в мудрости и силе,
Враги же его мелки и подлы как жалящая исподтишка змея.
Но тот, кто напал на него, смог нанести такую рану,
Что содрогнулись стены бесконечных пещер,
И многие, жившие в них, погибли.
Мы оказались удачливы.
Ибо тот, кто нёс нас на себе,
Остановился, чтобы восстановить силы,
Не в бескрайней тьме между звёзд
И не вблизи опаляющих лучей одной из них,
Но в таком месте, где некоторые из нас могли выжить.
Там мы вышли на поверхность и копошились как блохи
На трупe мёртвого льва,
Дрожа от страха при мысли о том, что напавший вернётся.
Но жизнь наша коротка, а память ещё короче.
Ожидание тянулось веками, и мы обживали новый мир.
Наиболее мудрые из нас с затаённой тоской смотрели в будущее,
Сражаясь с безумцами, желающими его ускорить,
И с теми, кто хотел вернуться в прошлое.
Мы знали, что наш золотой век наступил
И поклялись хранить его пока не иссякнут наши силы,
Хоть и это было безумием своего рода.
Но настал день, когда древний ужас вернулся, чтобы завершить начатое.
Мы, поклявшиеся друг другу в верности,
Ставшие названными братьями, чтобы хранить память,

Выковали меч, напоённый силой звёзд,
Чтобы встретить чудовище во всеоружии.
Прикрываясь луной, словно щитом,
Мы поразили его в самое сердце.
И в смертных судорогах враг растерзал луну,
Усыпав землю обломками камня и плоти.
Так мы получили новую отсрочку,
Но вернулись к тому, с чего начали.
Помни мудрость Ордена и будь чутким.
Тогда услышишь, как бьются в недрах земли два сердца,
И биение их затихает, но эхо его
Предвестником безумия звучит в умах способных мыслить
И в сердцах ведомых чувствами.
Тогда бей без жалости, и это и будет жалостью
К тем, кто, обезумев от зова чудовищ,
Стремится вернуть их к жизни, и к тем, несомненно,
Кто надеется на тебя, страшась возвращения
Странников пустоты.

Слова мастера-факельщика лились подобно реке, прокладывая новое русло в картине мира юного стража, но не переворачивая её. О чём-то он давно догадывался, что-то слышал краем уха. Теперь эти разрозненные кусочки мозаики стали на свои места. Осталось лишь сделать выводы и шагнуть — вперёд или назад. Но для этого он всё ещё знал недостаточно.

- Значит, это правда, — тихо сказал Холом. — То, что написано в "Следах на снегу". Мы враждуем с приверженцами обоих богов. Пророками, увенчанными и янтарём, и аквамаринном.

— Верно, — склонил голову посол. — Но сложилось так, что слуги Дракона призвали нас на помощь в трудную минуту и сделали своими союзниками. Поэтому со жрецами Безликого мы враждовали открыто, а слуг Дракона тайно увлекали прочь от древних и тёмных ритуалов, стараясь заменить их дисциплиной ума и надёжными знаниями о мире.

— Неполными знаниями.

— Наша беда и боль. Скажи меньше, и оставишь их незащитными. Скажи больше, и любопытство погубит их. Мы постоянно ищем тех, кто достоин знать. Теперь ты принадлежишь к их числу.

— Вы говорите "мы враждовали". Что изменилось?

— Это очевидно. Последователей Безликого почти не осталось, последних объединил и разгромил твой отец. Но пока наше внимание было занято ими, слуги Дракона крепили, раскидывали сети, растревляли в людях тоску по старым временам. Теперь они — наш главный противник.

Холом вновь вспомнил таинственного "вербовщика", передавшего человеку отца драконий амулет. Хотя Ринчен говорил об искателях сокровищ и контрабандистах, чешуйка Дракона была слишком искусно обработана. Она выглядела не грубой поделкой, а драгоценной реликвией, достойной хранилищ священного города.

— Речь идёт о бунтовской секте, или эти люди действуют по благословию наставников Баянгола? — уточнил он.

— Наставники Баянгола хитры, — вздохнул мастер Дэндэв. — Они почти одурачили нас сладкими речами, внедряя в Орден шпионов. Но больше нельзя отрицать очевидное. Баянгол стал язвой, которую можно только вырезать. Его жрецы почти готовы выступить, подняв на знамёна властолюбие Прозорливого. Но мы тоже не сидели сложа руки. Работа твоего отца, все эти планы внутри планов — это острый нож, направленный в сердце священного города. Но клинок оказался тронут ржавчиной.

— Мягко сказано, — поморщился Холом. — Предатель в самом сердце острова Гэрэл! И, судя по вашей реакции, этот случай не первый? Что означают пустая одежда и серебряные капли вокруг?

— Не первый, — подтвердил Дэндэв. — Старший факельщик в Нарыне, предыдущий наставник Улюнского святилища, третий гранильщик баянгольского сургуля, старший служитель библиотеки Звёздного Купола в Толоне. Все они исчезли, оставив одежду, покрытую серебристыми пятнами. Каждый из них перед исчезновением совершил неожиданный поступок, повредивший нашим планам. Этими исчезновениями, как положено ему по должности, занимался мастер-книгохранитель. Ты осматривал его кабинет. Можешь вспомнить что-то необычное?

— Нет, — устало покачал головой страж. — Ничего, за что мог бы зацепиться глаз. Но книгохранитель был человеком глубоких и разносторонних знаний. Ему ничего не стоило так зашифровать свои тайны, что я не понял бы, на что смотрю. Не говоря уже о том, что меня мучила бессонница, а другие братья не захотели помочь, — он бросил укоризненный взгляд на Ринчена.

— Жаль, что я торопил твоего отца с отбытием на Собор, — проворчал Дэндэв. — Они с книгохранителем были довольно дружны и обменивались письмами. Возможно, Улан Баир смог бы рассказать нам больше.

Сердце Холома болезненно сжалось. Уже второй раз, распутывая клубок заговоров и преступлений, он наткнулся на нить, ведущую к его отцу. Неужели злая судьба всё-таки сведёт их на поле боя? Или, быть может, за действиями Баира стоит идея ещё более величественная, чем та, которую открыл юному стражу мастер-факельщик?

— Возможно, у нас дома найдутся письма, проливающие свет на это дело, — с затаённой грустью сказал Холом. — Если же нет, я прошу разрешения отправиться за отцом в Баянгол и расспросить его. По пути я мог бы также выяснить подробности исчезновения улюнского наставника.

Мастер Дэндэв склонил голову и снял с пояса серебряную пластину-оберег.

— С моим благословением, действуй. Брат Ринчен последует за тобой и поможет словом и делом.

Холом поклонился и хотел уже уйти, но любопытство пересилило вежливость.

— Наставник, чего, всё-таки, хотела добиться колдунья на острове? Кроме гибели капитула?

Факельщик угрюмо промолчал, но посол одобрительно улыбнулся.

— Мы полагаем, что она собиралась превратиться в Проводника.

Юный страж склонил голову, не ожидая пояснений, но хамелеон продолжил:

— У каждого живого камня, будь то шерсть Безликого или чешуя Дракона, есть свой радиус действия. За его пределами природа ведёт себя непредсказуемо, а у вашего вида

мутится рассудок. Поэтому, чтобы привести людей отсюда в Фэнбию, Дар Алам или Страну Огней, необходим Проводник. Тот, кто слышит зов камней даже на большом расстоянии. Когда глубинный страж уничтожил флот фэнбийцев у Черепаших островов, это был тяжёлый удар для слуг Безликого. Потеря ещё одного Проводника, возможно, заставит их отступить и направить свои усилия на какие-то другие земли. Эту битву мы — и вы — выиграли.

Холом жадно впитывал имена дальних стран, о которых до сих пор даже не слышал. Ответ на один вопрос порождал тысячу других, но страж понимал, что у щедрости посла есть предел. Оставалось только делать выводы из обрывков сведений и оговорок. "У вашего вида мутится рассудок" — вот почему пропадали корабли. У хамелеонов, как видно, не мутится, и потому они уверенно держат торговую монополию и намерены держать её впредь, помогая Ордену уничтожать колдунов, которые могли бы стать Проводниками. Да, эту битву хамелеоны выиграли. Что же до людей, в этом Холом уже не был так уверен.

Илана с сомнением слушала песнь разведчика. После нападения хамелеонов она даже в самой обычной ситуации старалась разглядеть возможность для западни, а здесь это слово напрашивалось само собой. По словам воодушевлённого воина, Могойтин как спелый плод только и ждал, чтобы его сорвали. Наставник городского святилища уплыл на Собор, забрав с собой большую часть стражи. Вслед за ним два дня назад отправился управляющий "Медовой Лозы". В городе осталось не больше десятка стражников и примерно столько же охранников компании. Против трёхсот умелых бойцов у них не было ни единого шанса, но не стражники беспокоили Илану. Могойтин имел собственное святилище и собственного Стража, а, значит, и птичник с почтовыми вака. До Речных Врат — три или четыре часа полёта по прямой, от гарнизона обратно — от полутора до двух суток сплава вниз по реке. А в городе придётся задержаться, чтобы пополнить запасы еды и оружия. Может даже, чтобы принять новых сторонников, если рассказ разведчика — правда.

"Повтори ещё раз, как ты добыл эти сведения", — жестами попросил воина Высокий Пятый. Он уже слышал весь рассказ, но для спокойствия соратницы был готов выслушать его ещё раз.

"Недалеко от города есть большой термитник. Там мы застали троих охранников "Медовой лозы". Они как раз бросили насекомым какого-то человека и спорили как быстро его разделают. Мы помогли им узнать это на собственном опыте. Один, в обмен на быструю смерть, рассказал всё о городе и указал тайный проход за частокол. Ночью двое моих бойцов проникли в город через эту дыру и убедились, что рассказ, большей частью, правдив".

Илана сглотнула, борясь с тошнотой. Жестокий мир войны и пыток всё ещё был для неё чужим. У него была своя логика и свои законы, и теперь девушка чувствовала себя камнем, подхваченным лавиной. На город придётся напасть, чем бы это не грозило, потому что воины устали и проголодались. Им нужна была победа после разгрома на берегу океана, нужны были еда и оружие вместо брошенных в старом лагере. Даже вымушгрованных солдат Прозорливого нелегко было бы провести мимо Могойттина, а повстанцы-островитяне просто взбунтуются.

"Почему вы не спасли жертву этих троих?" — спросила она, чтобы дать выход своему раздражению. — "Он мог оказаться полезен".

Островитянин пожал плечами.

"Умный не спорит с термитами за добычу".

С этим ответом оставалось только смириться. Коротким жестом поблагодарив разведчика, Илана повернулась к Высокому Пятому.

"Нападём ночью. Два небольших отряда войдут в город через пролом. Первый подойдёт к воротам, второй я поведу к башне Стража. Там пригодится тот бочонок горючей смеси, что у нас остался. Когда загорится башня, первый отряд нападёт на караульных и откроет ворота частокола. Если Громовержец будет к нам благосклонен, в эту ночь не будет дождя, и Страж не успеет отправить птицу в гарнизон. После этого атакуем Святилище и торговый пост "Медовой лозы". Главное — не дать местным затопить лодки. Они нужны, чтобы переправиться через реку".

Это была ещё одна причина, по которой они не могли пройти мимо Могойтина. Баянгольские плантации лежали на другом берегу Великой реки, и нужно было переправляться — либо здесь, либо выше Речных Врат. Илана склонялась ко второму варианту, но для этого сначала нужно было пересечь правый рукав Реки, более узкий, но и более быстрый. К тому же, поселения на его берегу встречались куда реже, и пришлось бы рубить плоты. К сожалению, для такого манёвра её армия была слишком измотана.

Заговорщица горько улыбнулась. Она продолжала называть повстанцев "своей" армией, хотя всё её влияние на это пёстрое войско ограничивалось дружбой с Высоким Пятым. Чтобы изменить это, ей нужен был свой отряд, и бой за Могойтин давал такую возможность. Но, несмотря на все доводы "за", Илану не оставляло дурное предчувствие.

Могойтин стоял на пологом холме, окружённом джунглями. Высокая стена из заострённых брёвен обнимала его полукольцом, начинаясь и заканчиваясь на берегу реки. В этой части страны река была самой надёжной дорогой. По ней отправлялись товары вниз в Бириистэн или вверх к Речным Вратам, она же связывала город с небольшими посёлками, где жили рыбаки и охотники. Единственная дорога по суше уводила от Могойтина к северу, где выращивали шелковичные деревья. С южной же стороны расползались мангровые топи, из которых могли вылезти разве что крокодилы, поэтому на южном участке стены дозорных вышек было меньше, и джунгли кое-где подходили почти вплотную к частоколу. На одном из таких участков и был проделан в деревянной ограде узкий лаз, которым пользовались контрабандисты, воры и, как оказалось, верные слуги "отцов города", когда нужно было тихо избавиться от врагов или неприятных секретов.

Как и стоило ожидать, в южной части города, страдавшей от зловонных испарений с болота, стояли самые бедные дома, многие из которых давно были заброшены. Добдобы здесь не появлялись, а обитатели трущоб с наступлением темноты забивались в свои норы как пугливые лисы. Но, раз уж этот путь был известен "Медовой лозе", стоило предположить, что за лазом приглядывают. Поэтому первая тройка воинов, едва протиснувшись в щель, сразу же вскарабкалась на тростниковую крышу ближайшей лачуги. Город спал. Никто не пытался напасть на них или убежать, чтобы предупредить стражу Святилища. Старший тройки негромко ухнул, и оставшиеся бойцы полезли из норы как потревоженные термиты.

Оказавшись внутри частокола Илана быстро огляделась. Ночь была сухой и ветреной, через разрывы в облаках проглядывала чёрно-серебряная громада Царь-камня и фиолетовое мерцание Вуали. Тени лачуг корчились в этом прерывистом свете, то разрастаясь, то съёживаясь. Тревожным красным глазом горел факел на ближайшей сторожевой вышке, от

Святилища ему подмигивал такой же глаз на пятиярусной башне городского Стража. Если кто-то и сторожил проход, он затаился, а Илана не могла себе позволить обыскивать лачуги.

Два отряда быстро двинулись вверх по узкому переулку. Как только лачуги сменились домами побогаче, часть бойцов рассыпалась по крышам: здесь уже можно было не бояться, что хлипкая кровля провалится, увлекая за собой незадачливого верхолаза. Благодаря этому повстанцы вовремя заметили и обошли ночной патруль. Два добдоба направлялись к реке, стуча в свою колотушку. Хотя воины Иланы легко могли справиться с патрулём, поднимать шум раньше времени не хотелось. На полпути к башне отряды безмолвно разделились. Все приказы были давно отданы, и оставалось только катиться вместе с лавиной, надеясь, что удача повернётся к тебе лицом.

Наконец, они вышли на небольшую площадь. Башня стояла посредине, её черная лаковая черепица и выкрашенные красным столбы и балки напоминали одеяние слуг Ордена. Два факельщика дежурили у входа. Они схватились за меч-рогатины, но коротко свиснули стрелы, и часовые с хриплыми вскриками повалились в пыль. Счёт пошёл на мгновения. Мохнатые воины рванулись к башне, волоча за собой бочонок с горючей смесью. Они успели дважды плеснуть густой жижей на деревянные стены, когда окно третьего яруса распахнулось, и городской Страж обрушился им на головы хищной тенью. Он прыгал и вертелся, уклоняясь от клинков и когтей и больно жала в ответ тонким посеребрённым мечом с горящими на клинке древними письменами. Вонзаясь в чью-то плоть, меч глухо щёлкал, и раненый воин выгибался дугой, охваченный жестокой судорогой. Четверо дымящихся тел лежали у ног Стража, когда Илана наконец сумела подловить его и разрядить в незащищённый бок ручной огнеплюй. Страж рухнул, кашляя кровью. Теперь, когда девушка могла рассмотреть его, брат Ордена оказался немолодым обрюзгшим человеком, чей нос покраснел от излишней любви к вину. Казалось невероятным, что он едва не обратил в бегство десятков рослых островитян.

"Неужели", — подумала Илана, — "В бою их действительно ведут гневные духи Великих предков?"

Но времени на раздумья не было. Уже слышались крики и хлопали окна. Кто-то из горожан запирали двери на тяжёлые засовы, кто-то наоборот выбежал на улицу, чтобы звать стражу. Илана вырвала из ослабевших рук орденского фехтовальщика древний меч и, указав остриём на разлитую жидкость, нажала потайную кнопку. Раздался сухой треск, с острия посыпались искры и горючий состав вспыхнул дымным оранжевым пламенем. Подоспевшие лучники схватили бочонок и начали выплёскивать маслянистую жижу на стены башни. Скоро вся постройка пылала.

"К воротам?" — проорчал один из бойцов.

Илана сплела пальцы в жесте отрицания и указала на стену Святилища. Если сведения разведчика верны, сейчас внутри один или два добдоба. Но если внутри храмовой ограды соберутся горожане, оружия там хватит ещё на два-три десятка. А горожане уже подтягивались на площадь. Какой-то купец или чиновник вывел из переулка отряд вооружённых слуг, но стрелы островитян заставили их отступить. Не дожидаясь, пока защитников города станет больше, Илана помчалась к Святилищу, увлекая за собой бойцов.

Храмы и павильоны по древнему обычаю были окружены каменной стеной, украшенной мозаичными картинами. К счастью, в захолустье вроде Могойтина эта стена была чуть выше человеческого роста, и мохнатые воины легко взобрались на неё, становясь друг другу на плечи. Они втащили Илану наверх в тот момент, когда из-за алтаря Стального Феникса

послышался удар тревожного барабана. Оставив двоих бойцов охранять ворота, дочь плавильщика бросилась на звук.

Боевой барабан диаметром чуть меньше человеческого роста стоял на возвышении из утрамбованной земли. Это была самая высокая точка в городе, и эхо ударов достигало самых отдалённых кварталов. Плечистый стражник изо всех сил бил по натянутой коже длинной колотушкой. Его товарищ стоял у подножия насыпи с заряженным огнеп्लюем. Когда повстанцы выскочили из-за павильона, он нажал на спуск. Облако раскалённой картечи с визгом разлетелось из конусовидного ствола. Илана почувствовала как ей ожгло руку. Бежавший рядом воин коротко взвыл и рухнул. Добдоб бросил огнеплюю и выдернул из земли меч-рогатину, но лучники-островитяне быстро утыкали его стрелами. Такая же участь постигла и барабанщика.

За стеной слышался людской гомон и крики. Кто-то призывал ломать ворота Святилища, и это обрадовало заговорщицу. Хуже будет когда они поймут, что стену довольно легко перелезть. Она поднялась на возвышение и посмотрела на город. Башня Стража ярко полыхала, заливая улицы красно-оранжевым светом. Со всех сторон к ней тянулись ручейки огня поменьше — факелов и фонариков в руках разъярённых горожан. Сколько людей живёт в Могойтине? Пять-шесть сотен? Вполне достаточно, чтобы задавить её отряд, если бой у ворот затянется.

Несмотря на внезапность нападения и ночное время горожане соображали быстро. Вскоре над стеной показались верхушки лестниц и головы смельчаков. Стрелы на какое-то время угасили их пыл, но их запас подходил к концу, а нападавшие быстро поняли, что стрелков мало.

— Смелей, ребята! Их меньше десятка! — завопил кто-то, и ещё дюжина голов показалась над стеной.

Понимая, что вшестером стену им не удержать, Илана отвела своих воинов к воротам храма Феникса. Она предпочла бы удерживать пороховой склад — прочное каменное строение, до половины заглублённое в грунт. Увы, его дверь была заперта и опечатана, а ключи хранились у того, кто сейчас исполнял обязанности градоначальника.

Горожане ворвались в Святилище. Большинство из них было вооружено палками и пращами, но командовал толпой человек в кафтане младшего чиновника, и за его спиной собрался десяток слуг с мечами и огнеплюями. Когда над головой снова засвистела картечь, бойцы Иланы захлопнули массивные двери храма и заложили их брусом. Сквозь щели им было слышно, как люди совещаются, дозволит ли Феникс ломать двери своего храма, или стоит подождать, пока разбойники сами вылезут наружу от голода. Дочь плавильщика решила, что удача покинула её, когда насмешки осаждающих сменились проклятиями. Затрещали выстрелы мушкетов, зазвенела сталь. Дождавшись, пока стихнут команды и крики ужаса, Илана и её бойцы покинули храм.

Город пылал. То здесь, то там слышались выстрелы, крики людей и животных, звук ломающегося дерева и бьющегося стекла. Сначала Илана решила, что огонь перекинулся с башни Стража на ближайшие крыши, но прямо на её глазах огни вспыхнули ещё в трёх местах, находящихся далеко друг от друга. Сильный ветер быстро разносил огонь, несмотря на сезон дождей и пропитанные сыростью стены. Дерево чадило, но горело, а быстрее всего вспыхивали тростниковые крыши бедняцких лачуг. Илана в ужасе смотрела на смерть и разрушение, которые она сама принесла в этот маленький город. В этот момент она поняла, сколь сильно заблуждались её толонские друзья. Для них повстанцы-островитяне были чем-

то вроде меча, который можно подобрать, замахнуться на врага, и так же быстро спрятать в ножны, когда нет нужды в кровопролитии. Но армия жила по другим законам. Даже прославленный полководец Стальное Сердце, влюблённый в дочь последнего из правителей Толона, был вынужден отдать город на разграбление своим солдатам, а то были Снежные Барсы и Стальные Крокодилы — цвет столичной гвардии, послушные и дисциплинированные бойцы. Илана же просто выпустила из гробницы мстительного духа, и теперь пожинала плоды своей недалёковидности. Сжав кулаки от бессильной ярости, она отправилась искать в этом хаосе Высокого Пятого.

Командир повстанцев стоял на крыше богатого дома в нескольких кварталах от пристаней и наблюдал, как уцелевшие охранники "Медовой Лозы" и выжившие горожане укрепляют ворота торгового поста — каменного особняка, похожего на небольшую крепость. Рядом с Высоким Пятым собралась горстка телохранителей, но ни младших командиров, ни других бойцов не было видно.

— О чём думают твои люди?! — гневно спросила Илана, не потрудившись даже перейти на язык жестов.

"Дети Громовержца впервые принесли его гнев на земли безволосых", — спокойно ответил старый островитянин. — "Я не смог бы остановить их даже если бы захотел".

— Но ты хочешь, — прошипела девушка, не давая ему отвернуться. — Потому что уже сейчас зарево этого пожарища видят в Речных Вратах, а к следующему вечеру на реке будут стоять огневые джонки Стальных Крокодилов и расстреливать твоих воинов из пушек! Так что постарайся передать им, чтобы завязывали с грабежами...

Один из телохранителей насмешливо хрюкнул.

"Зачем ты носишься с этой безволосой, вождь? Видишь же, что её сердце не с нами!"

Высокий Пятый коротким жестом велел ему замолчать.

"Пока что её советы разумны. Идёмте. Пока те, в особняке, не опомнились, нужно увести лодки на дальний край гавани. Не будем тратить время на этих крыс. Потом начнём собирать припасы и перевозить на другую сторону. Когда гнев Громовержца утихнет в сердцах его детей, мы будем готовы уйти".

Стратегема 9. Скрывать за улыбкой кинжал

Тукуур и его спутники увидели дым на третий день после отплытия из Могойтина. Ещё через два часа вниз по реке пронеслась успевшая уже обогнать их ладья управляющего. Самоназванный правитель не собирался оставлять свой город в беде.

— Проклятие, — проворчал Бугуш. — Он был почти у нас в руках. Теперь придётся возвращаться к наставнику только с дурными вестями.

— Значит, вы всё-таки отправитесь к наставнику? — заинтересованно спросил Дарга.

— Конечно! Он должен знать, что кто-то поджжёт Могойтин, и теперь можно не ждать ни Бацака, ни его дани!

"Управляющий "Лозы" платит дань главарю секты?" — удивился про себя Тукуур, но тут же обругал себя за глупость. Торговец вёз в Срединную Цитадель долю выручки, причитающуюся Ордену, а разбойники, конечно же, намеревались перехватить её где-нибудь между Речными Вратами и Баянголом. Впрочем, гораздо больше шамана интересовало, кто и зачем поджжёт злополучный городок. Конечно, это мог быть обыкновенный пожар, ведь в сезон дождей все начинают греться жаровнями. Всего месяц назад Тукуур посчитал бы это наиболее вероятным объяснением, но сейчас во всём ощущались предзнаменования большой войны.

— Как много людей было у Детей Грома? — спросил он у Дарги.

— Чуть больше четырёх сотен только в лагере, — ответил тот, быстро поняв, куда клонит шаман. — Они вполне могли сохранить достаточно, чтобы напасть на Могойтин. Вот только с какой целью? Ограбить или закрепиться?

— В любом случае, нужно поднимать гарнизон! — решительно заявил Бугуш.

Тукуур нахмурился. Илана говорила, что повстанцы — союзники Прозорливого в его борьбе с Орденом. Но значит ли это, что он должен позволить им разорять свою страну? Тем более, что шаман не знал, жива ли дочь плавильщика, или восставшими островитянами уже руководит кто-то другой, гораздо менее разборчивый в целях.

— Ещё одна плохая новость для вашего наставника, кем бы он ни был, — мрачно проворчал он.

— Нужно добавить хотя бы одну хорошую, — небрежно заметил Дарга. — Например, что среди нас есть хранитель светоча, слышавший Зов Дракона.

Сектанты напряжённо уставились на Тукуура. Шаман хотел было опустить взгляд, как делал, услышав незаслуженную похвалу, но одёрнул себя. Не то время, не то место, не те люди. Недовольно сжав губы, он развязал горловину сумки. Волшебный шар выпорхнул на свет, мягкое мерцание серебристых прожилок оттеняло иссиня-чёрную каплю в его сердцевине. Выражения лиц Бугуша и его товарища непостижимым образом стали благоговейными, оставаясь при этом подозрительными.

— Ты доверяешь этому парню, Дарга? — медленно спросил старший из воинов. — Я слышал, что люди Ордена способны подчинять светочи своей воле.

— Вы говорили, что человек может увидеть свою душу и стать на путь исправления, — быстро сказал знаток церемоний, не дожидаясь ответа Дарги. — Если это не просто слова, я хочу пройти испытание.

Дарга многозначительно хмыкнул. Сектанты переглянулись.

— Это называется двойным испытанием, юноша, — сказал, наконец, второй, чьего

имени Тукуур не знал. — Две пещеры. Одна — скользкая яма, полная змей. В другой обитает серебряный зверь, видящий глубины твоего сердца. Если ты достоин, он будет твоим небесным защитником. Если нет, он заберёт твою жизнь и в твоём обличье постарается исправить зло, что ты причинил. Подумай хорошенько, прежде чем решаться на такое!

"Я — форма ключа, которую ты наполнишь живым серебром..." — вспомнил шаман слова призрака. Обычный человек сказал бы, что шансы Тукуура близки к нулю. Но если не голос Дракона вёл его до сих пор, то не стоило и надеяться преуспеть в этом безнадёжном деле. Выступить на стороне Прозорливого и победить. Если он узнает тайну пещер Баянгола то сможет хотя бы начать свой путь рядом со Смотрящим-в-ночь.

— Милость Дракона — беспристрастный суд, — твёрдо ответил он ритуальной фразой, и с облегчением увидел, как смягчились черты Бугуша и его товарища.

Они налегли на вёсла, не задавая больше вопросов, и, когда Светило только начало клониться к горизонту, прибыли в Речные Врата. Это было ещё одно чудо старого мира. Может быть, не настолько древнее, как столичное Святилище или маяк на острове Гэрэл, речное укрепление было построено ещё при первых правителях Толона, задолго до того, как ушёл проповедовать горным племенам Смотрящий-в-ночь. В том месте Великая река делилась на два рукава, рассечённая вырастающими из мягкой земли гранитными утёсами. А там, где поток воды ещё был единым целым, соединял два берега огромный мост с колоннами в виде древесных стволов, между которыми преграждали путь кораблям тяжёлые кованые решётки. По приказу коменданта эти решётки можно было поднять с помощью хитроумного механизма из множества шестерён, пружин и противовесов, чтобы пропустить нужный корабль во внутренние земли Удела Духов. Оба конца моста защищали круглые каменные крепости, словно два ведра, прицепленные к коромыслу. Над главными башнями крепостей и над пролётами моста полоскались на ветру флаги Прозорливого и полковые знамёна гарнизона — жёлтые, с разинувшим пасть крокодилем.

Бугуш направил лодку к правой крепости, где у причалов сушились лодки гарнизона. Обменявшись паролем и отзывом с караулом, воины провели лодку под самой маленькой из решёток и пристали к берегу с внутренней стороны моста. Невдалеке покачивались на якорях две военные джонки. Оставив Тукуура и Даргу в тесном караульном помещении, Бугуш отправился с докладом к своему командиру. Оставшись в душной комнате с пятёркой скучающих солдат, шаман нервничал, опасаясь, что гарнизонное начальство захочет его допросить, а то и обыскать. Но стража сменилась, а путниками так никто и не заинтересовался, а к началу следующей стражи где-то наверху грянул выстрел из пушки и боевые раковины затрубили сбор. Крепостной двор загудел от топота ног и перемежающихся руганью приказов. Половину стражников как ветром сдуло из караулки. Когда знаток церемоний начал опасаться, что в суматохе про них забыли, в комнату вошёл Бугуш.

— Мы отчаливаем, дальше сами — коротко бросил он, протягивая Дарге листок бумаги и что-то вроде костяной пуговицы. — Попутную лодку ищи на левом берегу. На мосту покажешь бумажку, вас пропустят. Оберег отдашь в Улоне садовнику Святилища. Он расскажет, что дальше.

Часовой на мосту подозрительно оглядел одетых в полувоенное платье путников, бегло просмотрел бумагу и буркнул:

— Ждите!

Тукуур почувствовал дрожь в коленях и ступнях. "Странно, неужели я настолько боюсь быть пойманным?" — подумал он, но вдруг понял, что это сама земля дрожит от того, что

соударяются зубьями шестерни приводного механизма. С того места, где остановил их часовой, не было видно, как ползёт вверх решётка, и только вымпелы на мачтах огневых джонок указывали на то, что корабли вышли из бухты на середину реки. Только когда они прошли под мостом и решётка опустилась за ними, часовой разрешил путникам взойти на мост.

Полотно гигантского сооружения позволяло свободно разойтись трём запряжённым буйволами повозкам. В затёртую сандалиями поверхность давно въелась грязь, но поручни и фигурные навершия колонн до сих пор были белыми и гладкими, словно вылепленными из каолиновой глины и запечёнными в гигантской печи. Через равные промежутки в парапете моста древними мастерами были сделаны овальные проёмы, через которые сейчас грозно глядели бронзовые жерла пушек. Украдкой заглянув через плечо канониров, Тукуур увидел, как военные джонки, развернув прямоугольные паруса, устремились по левому рукаву реки на помощь всё ещё дымящемуся Могойтину.

На левом берегу путники почти без приключений сумели прибиться к пассажирам колёсного сампана, направлявшегося в Улюн, хотя это и стоило им почти всех денег. Глядя, как пара буйволов вращает тяжёлый ворот гребного колеса, Тукуур пытался привести в порядок свои мысли, но они упорно уплывали вдаль. В начале пути некоторые пассажиры просили его погадать или написать прошение небесным защитникам, но постепенно и эти просьбы сошли на нет. В конце концов, шаман поддался дорожной апатии и днями любовался бликами на воде, причудливыми корнями деревьев и разноцветными птицами, обитающими в их кронах. А вот Дарга по мере приближения к цели становился всё более напряжённым и угрюмым. Только в последний день, когда дома Улюна показались из-за излучины реки, разбойник снова стал спокойным и собранным как прежде.

Улюн оказался непримечательной деревней чуть больше Оймура. Здешнее "святилище" состояло из крытого алтаря Последнего Судьи, дома наставника и гимнастического павильона, где тренировались храмовые стражники. Когда сампан подошёл к пристани, Светило уже касалось верхушек деревьев, и Тукуур легко согласился с предложением Дарги идти к садовнику на следующее утро. Быстро найдя единственный трактир, путники договорились о ночлеге, а потом устроились на террасе, заказав риса и маринованных побегов тростника.

— И кувшин фруктового вина, — добавил воин.

— Простите, нохор, вина сейчас нет, — виновато развёл руками трактирщик. — Зато есть свежий тростниковый квас, из молодых стеблей!

— Вот и отлично, — улыбнулся Тукуур. — Люблю держать голову трезвой!

— Нет, так дело не пойдёт! — фыркнул Дарга. — Ты, если хочешь, пей свою бражку, а я поищу чего покрепче! Кто у вас тут вином торгует?

— Есть большая лавка почтенного Багулы, сразу за Святилищем. А ещё кривой Галан вино делает, у него покислее, но и подешевле! — охотно ответил трактирщик.

Воин хмуро кивнул и вышел. Шаман неторопливо доел свой рис, выпил три пиалы кваса, полюбовался закатом и, наконец, отправился в свою комнатку. Дарги всё не было. Когда Тукуур уже начал тревожиться, разбойник вернулся, недовольный и без вина.

— Таких цен я даже в Толоне не видел! — проворчал он и завалился спать.

Тукуур последовал его примеру, но сон не шёл. Сказывалось волнение перед завтрашним делом, да и богатырский храп Дарги изрядно мешал. Чтобы справиться со всем этим, шаман начал про себя читать короткие мантры и прочёл их не меньше нескольких

сотен перед тем, как провалиться в быстрый и беспокойный сон.

Проснулся знаток церемоний рано, но его спутник был уже на ногах. Умывшись и наскоро перекусив, они отправились в Святилище. Перед самым входом Дарга решительно протянул шаману костяную бляшку. На одной её стороне был грубо вырезан свернувшийся кольцом дракон, на другой — весы и палаческий топор.

— Садовник не знает ни меня, ни тебя, так что говори с ним сам, раз уж решил сунуть голову в логово лунного тигра — проворчал воин.

— А был другой выбор? — спросил Тукуур.

— Может быть, и был бы, если бы ты дал мне убалтывать старых друзей! Но теперь его нет, и говорить об этом нечего.

К удивлению знатока церемоний, добдоб у ворот Святилища кивнул Дарге как знакомому и махнул рукой в сторону дома наставника.

— Вчера спрашивал у него, когда здесь бывает садовник, — неохотно пояснил воин. — А то бы вышло, что совсем зря пёрся в такую даль.

Когда они подошли к павильону, пожилой человек с обритой на отшельнический манер головой как раз заканчивал поливать небольшое деревце. Увидев посетителей, он поднялся и отряхнул руки.

— Чем я могу помочь вам, доблестные соратники? — вежливо спросил он.

— Вы — хранитель священного сада? — уточнил Тукуур.

Служитель молча склонил голову. Шаман протянул ему костяную бляшку.

— Я взыскую испытания. Бугуш из Речных Врат прислал меня к вам.

— Но ведь вы уже прошли испытание, став соратником Прозорливого, — ответил садовник, не пытаясь взять амулет. — Или я ошибаюсь?

Знаток церемоний неловко застыл, держа бляшку в протянутой руке. Казалось, садовник смотрит сквозь него. Или так оно и было? Тукуур обернулся. За его спиной стояло пятеро храмовых стражников, тихо вышедших из павильона. А рядом с ними, словно командир, стоял Аман Дарга, и на его указательном пальце сверкал серебряный перстень.

— Старый лис делает вид, что не при чём! — прорычал он. — Но он лжёт! Десятник, оба этих человека — члены опасной секты. Именем Ордена Стражей, арестуйте их немедленно!

Тукуур сжал зубы и развязал горловину мешка. Дарга ослабил и требовательно протянул руку. Один из добдобов быстро вложил в неё знакомый шаману серебристый жезл. Двое других растерянно и даже как-то вопросительно глядели на садовника. Вероятно, они тоже были членами опасной секты и не знали теперь, заступиться за собрата и выдать себя, или подыграть мнимому Стражу и сохранить инкогнито. Знаток церемоний избавил их от мук выбора. Нарочито спокойно он запустил руку в мешок и достал оттуда не волшебную сферу, как того ожидал Дарга, а "зеркало души" и нефритовый оберег Прозорливого.

— Я — избранный сосуд, хранящий силу и мудрость Смотрящего-в-ночь! — торжественно произнёс он слова, услышанные когда-то от Дамдина. — Человек же, желающий вами командовать — не Страж, а бунтовщик и разбойник, участник нападения на Прибрежную Цитадель! Серебряный перстень, снятый с тела члена капитула, ему совсем не по чину!

Торжествующая ухмылка на лице воина сменилась гримасой ярости. Он вскинул жезл, но сельские стражники неожиданно споро взяли его в кольцо, ошестинившись мечами и дубинками.

— Моё слово против его слова! — прохрипел Дарга.

Тукуур покачал головой.

— Подельники этого человека на прошлой неделе напали на Могойтин. Уверен, у коменданта Речных Врат найдутся пленники, которые его опознают. Я в вашем распоряжении, пока это не случится.

— Мы можем проверить всё быстрее, — неожиданно вступил в беседу садовник. — Носитель серебряного перстня должен знать, как звучит первая мудрость Ордена.

— Я не стану говорить этого мирянину! — возмутился воин.

— Тогда скажи брату, — спокойно ответил старик, сложив пальцы в сложном жесте.

Дарга вытаращился на него.

— Будь ты проклят, отступник! — только и сказал он.

Садовник вздохнул, и двое добдобов быстро ударили воина под колени, а третий добавил дубиной по голове. Дарга упал, выронив жезл.

— Думаю, все понимают, что первая мудрость Ордена звучит совсем по-другому, — тихо сказал старик. — Свяжите его и посадите в темницу!

Шаман оторопело смотрел, как стражники уносят связанного разбойника. Наконец, на поляне перед павильоном остались только он и садовник.

— Вы — брат Ордена? — с опаской спросил Тукуур.

— Нет, — покачал головой старик. — Но я видел тайны братьев, отражённые в зеркале Вещего Зверя. Они не прошли испытания. Надеюсь, для Вас исход будет другим. А теперь примиритесь с собой и готовьтесь. Завтра я отведу Вас к пещере.

Всю ночь и утро шёл дождь. Когда хранитель сада привёл Тукуура, усталого и грязного, в большой грот посреди леса, он хлынул вовсю, серебряной завесой отделяя углубление в скале от остального мира. Шаман видел в этом множество символов. Водяной полог отделял священное пространство от обыденного, прошлую жизнь от будущей. Для него не осталось пути назад, только вперёд, в пещеры, глядящие на него подобно глазницам черепа. Лишь когда Тукуур пройдет испытание расступится серебряная завеса, чтобы он, обретший новую силу, смог вернуть себе внешний мир. И возвращать его — понимал шаман — придётся с боем.

Привыкнув к полумраку грота, знаток церемоний с удивлением увидел троих стражников и связанного Даргу. Разбойник мрачно взглянул на вновь прибывших и сплюнул себе под ноги.

— Один просил об испытании, но двоим придётся его пройти, — провозгласил старый садовник. — Того, кто не хочет быть здесь, я спрашиваю: почему ты предал нас?

На этот вопрос можно было ответить как угодно. Промолчать, пожать плечами, плюнуть ещё раз. Но Дарга зло произнёс:

— Потому что вы безумцы, разрушающие основы общества, кровавыми жертвами пробуждающие от сна древний ужас. Пытаетесь снова загнать нас в рабство живым камням, но вам не убить человеческий разум!

Старик холодно усмехнулся.

— Разум — тонкая рябь на поверхности океана страстей. Когда мудрость духов озаряет его, разум красиво сверкает подобно лунной дорожке, но его склонность к самолюбованию смехотворна.

Он немного помолчал и добавил:

— Слова сказаны. Теперь выбирай: — правая или левая?

Тукуур прислушался. Монотонно шелестели капли дождя, но в их шорох вплеталась тихая мелодия, пробуждающая в сердце полузабытую тоску, и доносилась она из левой пещеры.

— Правая карает, левая милует, — тихо пробормотал он.

Дарга расхохотался, и внезапно рванулся из рук стражников, устремившись к хранителю сада, но тот плавным движением ушёл с его пути. Разбойник споткнулся, но чудом сохранил равновесие. Добдобы метнулись к нему, заслоня старика, и тогда воин, как разъярённый носорог всем весом врезался в ближайшего стражника. Оба противника, сцепившись, прокатились по земле в направлении правой пещеры. На самом её пороге стражник отпустил Даргу и пинком отправил его внутрь. Раздался отчаянный вопль, затем глухой удар и всплеск. Всё стихло.

— Проклятие, — с чувством сказал садовник. — Воистину, есть время соблюсти ритуал, и есть время обойтись без него!

— Нужно скорее его выгнать! — выпалил Тукуур. — Если поспешим, то змеи...

— Кроме змей там ещё очень глубоко, — с сожалением ответил старик. — Он наверняка расшибся, и рисковать своими людьми я не намерен. Аман Дарга сделал свой выбор, хотя, видит Судья, я очень хотел бы, чтобы он был другим. Теперь ступай ты.

В пещере было темно и сыро. С ячеистого известкового потолка капала вода. Извилистый коридор уходил всё дальше вглубь скалы, и вскоре свет пасмурного дня остался позади. Теперь Тукуур слышал только звук падающих капель и тихую мелодию впереди. Он брёл в темноте, осторожно нащупывая ступнями песчаную тропинку между камнями и скальными выростами. Каждый шаг по неровной тропе напоминал, как много глаза значат для равновесия. Потом появился запах, горьковато-пряный, как в аптеке или в доме лекаря. И, наконец, свет вернулся. Теперь он был нежно-серебристым, как сияние Стального Феникса или Царь-камня в ночном небе. Свет сочился из трещин, собирался серебристыми лужицами в углублениях, стекал по едва заметным желобкам вперёд и вниз. Стены внезапно расступились, и шаман оказался на берегу подземного озера, наполненного сияющей жидкостью, похожей на ртуть. Плоский камень нависал над озёрной гладью как причал без колонн, и возле него тропа обрывалась. Тукуур склонился над серебряной жидкостью, но не увидел в ней ничего — ни своего отражения, ни стен пещеры.

Тихий шорох песка заставил его обернуться. Зверь стоял на краю камня, загораживая путь назад. Он был похож на скульптуру крупной лесной кошки, отлитую из той же серебряной субстанции, только загустевшей и сохраняющей форму. Чёрные глаза с светящимися зрачками-звёздочками казались кусочками ночного неба. Тукуур заворожённо смотрел на посланника Последнего Судьи. Он был уверен, что не видел в своей жизни ничего прекраснее. Благоговейный восторг охватил шамана, и только в далёком и тёмном уголке сознания надтреснутым колокольчиком билась мысль, что перед ним стоит сама Смерть.

Тукуур сам не понял, как развязал шнурки своей сумки, выпустив наружу волшебную сферу. Шар тут же засиял, впитывая свечение пруда. Серебряная кошка легко коснулась его головой, и тут же расплылась. Серебристый смерч взметнулся к потолку, закручиваясь причудливой спиралью, и из него появилась Айяна. Девушка мягко улыбнулась и коснулась лба шаман благословляющим жестом. Сладкая тоска охватила знатока церемоний, и он даже не почувствовал, как потерял равновесие, и рухнул в сияющий пруд.

Страх смерти острым клинком пронзил сердце шамана. Он отчаянно забарахтался, но

дна не было, а вязкая жидкость не отпускала. Гнев, обида, отчаяние — всё смешалось внутри Тукуура в большой липкий ком, а затем укатилось, оставив только смертельную усталость. И тогда, смирившись с окончанием пути, знаток церемоний понял, что может дышать. Он висел в пустоте, слыша, как бьётся его сердце в такт чарующей мелодии озера. Эта песнь казалась простой и незатейливой как свист тростниковой дудки, но постепенно Тукуур начал различать переливы и обертона, а потом и другие мелодии, прилетавшие издалека. Их источники были разбросаны по джунглям вокруг Баянгола, и Тукуур понял, что это подобно камертонам звучат осколки Драконьей Лады, до сих пор оплакивая гибель целого во время Падения Звёзд. Слух шамана становился всё острее, улавливая тончайшие оттенки звуков. Он впитывал беззвучный шелест подземных вод, тяжёлый скрежет медленно ползущих гор, гул Великого Океана, и во всём этом для него мало помалу проступило биение двух гигантских сердец, исполненных ненависти друг к другу. Две непостижимых воли боролись за право не владеть, но быть этим миром, а другие, не менее холодные и чуждые, следили за схваткой из тьмы, готовясь добить победителя. Оглушённый чудовищной истиной, разум Тукуура метнулся прочь. На какое-то время шаман потерял себя, а когда вновь нашёл, то обнаружил, что сидит на берегу озера, отчаянно вцепившись в холодную шкуру серебряной кошки.

Почувствовав, что шаман пришёл в сознание, зверь мягко встряхнулся и пошёл к выходу, освещая путь. Оглушённый и сбитый с толку человек побрёл за ним, то и дело натываясь на скальные выступы и сталагмиты. У выхода из пещеры яркий свет ударил в лицо Тукууру, и тот болезненно заморгал, прогоняя слёзы. Казалось странным, что здесь, снаружи, ничего не поменялось, и даже стражники ждали его появления почти в тех же позах. Только ярко сияющий шар над головой и мягко ступающая рядом кошка не оставляли сомнений, что всё, случившееся с шаманом в пещере, было на самом деле.

— Достоин! — торжественно объявил садовник.

Стражники опустили на колени, как не делали даже при виде оберега Прозорливого, но Тукуур едва заметил это.

— Я рад, что Вы признали меня, наставник, — устало обратился он к старику. — Надеюсь, теперь Вы ответите на мои вопросы.

— Конечно, — ответил тот, не пытаясь отказываться от титула. — У нас их друг к другу накопилось немало. Но сначала подкрепим силы.

Наставник провёл Тукуура по крутой тропе на самую вершину скального уступа, возвышавшегося над лесом подобно дозорной башне. Отсюда была видна мутно-зелёная лента Великой реки и хижины Улюна словно рассыпанная горсть тыквенных семечек на её берегу. Почти на самом краю обрыва стоял небольшой шалаш, предлагая грубое, но надёжное укрытие от дождя и ветра. Когда глава секты и знаток церемоний расположились на тростниковых циновках, стражники достали из сумок твёрдый дорожный хлеб, вяленое мясо и немного свежих фруктов. Один из них сбегал за водой и приготовил ароматный травяной настой. На какое-то время шаман позволил себе сосредоточиться на еде, но безмолвный взгляд серебряной кошки не давал ему забыть о течении времени. Поэтому, как только появилась возможность, он спросил старика, указывая на светящийся шар:

— Что это?

— Своего рода куколка, — с готовностью ответил наставник.

Тукуур вздрогнул, вспомнив знание, рождённое в глубине пещеры.

— Весь этот мир — своего рода куколка, верно? — мрачно процедил он. — Куколка гусеницы, укушенной осой-наездником. И теперь битва воли и энергий решает, кто

вылупится из скорлупы — жук или оса.

— Достойная метафора, — склонил голову старик. — Лазурно-зелёная оса спасает лес от многих скверных паразитов. Вы правы. Ныне время ожидания, неопределённости и страха. Слышащие зов осы или жука или, если угодно, Дракона и Безликого, совершают подвиги, чтобы приблизить победу своих покровителей. Люди Ордена же пытаются продлить агонию, не ведая, что хищники и падальщики Пустоты уже сползаются, чтобы полакомиться содержимым кокона.

— Воистину счастье для человека — не знать всего этого! — в сердцах воскликнул шаман.

— Орден тоже считает неведение благом, — брезгливо поморщился наставник.

— Я сказал "счастье", не "благо", — Тукуур взмахнул рукой в жесте отрицания. — Орден Стражей прячет голову в песок, надеясь "что-нибудь придумать". Но человеческий век, которым они располагают, недопустимо короток.

— Что Вы собираетесь делать, узнав всё это? — напряжённо спросил глава секты.

— Совершать подвиги во славу того, кто меня призвал, — пожал плечами шаман. — Это безумие видится мне самым лёгким из возможных. И в нём я прошу — хотя мог бы требовать — Вашей помощи. Ваших знаний.

Хранитель священного сада почтительно сложил руки в жесте покорности.

— Тогда вернёмся к началу, — с облегчением сказал Тукуур. — К шару.

— Что он для Вас? — ответил вопросом на вопрос наставник. — Что он хранит, о чём говорит Вам?

— Воспоминание о девушке, жрице Безликого, погибшей на острове Гэрэл. Но в видениях она называет себя ключом от оков Дракона. Как такое возможно?

— Как неожиданно, — задумчиво и невпопад ответил старик, — услышать развязку истории, начало которой я сам помогал писать. Прошу Вас, расскажите мне больше! Был ли на острове бой? Как туда попали Вы? И как услышали зов Дракона?

— Хорошо, — кивнул шаман, — если Вы расскажете свою часть.

И начал рассказ. Старик слушал его с таким неподдельным участием, что Тукуур незаметно для себя выдал ему многое из того, что скрыл от Иланы. Теперь шаман мог не стесняясь рассказывать о видениях и чудесах, произошедших с ним, ведь его собеседник и сам заходил за грань обыденного мира. Когда он закончил, наставник какое-то время молчал, погружившись в раздумья.

— Вы должны знать, — заговорил он наконец, — что обе цели, к которым Вы стремитесь, связаны между собой. Видение, посетившее Вас у алтаря в Бириистэне, без сомнения указывает на Святилище в столице Прозорливого. Именно там внутри сияющего древа Безликого томится в плену Упавшая Звезда, самый большой осколок Дракона в нашей стране.

— Проклятая святыня, где бьются в вечном диссонансе сердца двух богов, — пробормотал Тукуур.

— Так говорится в "Следах на снегу", летописи Ордена. Вы читали её?

Шаман неопределённо качнул головой, и хранитель сада не стал настаивать на ответе.

— Святилище заперто со времён Тринадцатого Смотрящего-в-ночь. В "Следах" написано об этом. Слуги Ордена убили Тринадцатого, и с тех пор никто не мог войти внутрь. Нынешний Прозорливый стремится войти внутрь, ведь это даст крепкую основу для его власти. Никто не сможет оспорить, что он — действительно воплощение Смотрящего-в-

ночь. Хранители традиций и стоящий за ними Орден будут бессильны. Конечно, Стражи не могут допустить такого.

— Значит, для этого Прозорливому нужна была Айяна? — догадался шаман. — Чтобы распечатать древнее Святилище?

— Верно, — кивнул старик. — Улагай Дамдин пообещал, что колдунья сможет открыть вход. Он даже не скрывал, что выведал или купил эту тайну у кого-то из членов орденского Капитула. Но подумайте, мог ли один из предводителей Ордена, каким бы жадным и развращённым он ни был, дать Дамдину в руки фитиль от бочки с порохом, лежащей прямо под собственным тронем?

— Ему позволили узнать это, — согласился Тукуур. — Но, вероятно, Дамдин их чем-то шантажировал, иначе зачем от него избавляться? Прорицатель был достаточно удобным курьером.

— Возможно, они решили, что Вы будете удобнее. Что лучше: своенравный и опытный придворный шантажист или молодой провинциал, порабощённый веригами? Но Последний Судья опередил их, вложив Вам в руки частицу собственной чешуи. Она открыла Ваш ум для Его слов, и оковы Ордена стали инструментом Его воли. Его рука перенесла Вас на острог Гэрэл и позволила занять место погибшего жреца Унэга. Так план Ордена рухнул, а наш оказался спасён.

— Значит, у Вас тоже был план?

— Остриё заговора направлено не только против Прозорливого. Орден Стражей готовится сокрушить древний Баянгол, растоптать его тайны и подменить бездонную глубину нашей веры своей мелкой рассудочностью. Вы должны были чувствовать это в сургуле. Вас заставляли заучивать ритуалы, не объясняя их смысл. Копаться в числах и черепаших панцирях, не задумываясь о сути вселенной. Наконец, Вы сдали экзамен и получили деревяшку, названную "зеркалом души". Какое отражение можно увидеть в куске дерева? Бесполезная вещь, название, лишённое смысла! Вы когда-нибудь задумывались, как оно появилось?

— Кто стремится быть слугой Последнего Судьи, да будет введён в место тайны, и там увидит отражение собственной души и узнает свой путь, — быстро прочёл по памяти знаток церемоний. — Идущий по пути справедливости обретёт там бессмертного наставника...

Его глаза вдруг асширились, а на губах заиграла изумлённая улыбка.

— Это ведь точное описание того, через что я прошёл! — воскликнул он и, посмотрев на серебряную кошку спросил: — Это ведь она? Она — подлинное зеркало моей души?

Хранитель сада с улыбкой кивнул.

— Теперь Вы — подлинный служитель Последнего Суда.

— Тогда расскажите мне, что случилось на острове, — попросил Тукуур.

— Приверженцы Безликого стремились довести Темир Айяну до острова Гэрэл и там принести в жертву, чтобы разбудить маяк и указать путь своим союзникам из-за моря. Они не знали, что это сам Орден руками Улан Баира ведёт их к гибели. А братья Ордена не знали, что их мастер-книгохранитель попал в наши руки. Мы заставили его заглянуть в зеркало своей души. В отличие от Вас, испытание он не прошёл, и Вещий Зверь занял его место. Это он поразил живой камень в сердце маяка картечью из драконьей чешуи. Поэтому трансформация колдуньи прервалась, а сама она получила шанс на искупление и возвращение в мир живых.

Тукуур резко подался вперёд, напряжённо глядя в глаза собеседнику.

— Возвращение? — взволнованно переспросил он.

— Этот светоч, — старик указал на сияющий шар, — это зерно в зерне. Оболочка его содержит все знания, необходимые живому камню столичного Святилища, чтобы воссоздать того, кого принесли в жертву. Это живая память об Айяне и её память, в которой хранится Песнь Входа — ключ к древнему Святилищу. Принесите шар к сияющему дереву в сердце Святилища, и он растворится в глубине колонны. Запустит процесс возрождения и одновременно высвободит ядро, сгусток сущности Лазурного Дракона. И это внутреннее семя прорастёт и разрушит защитный кокон, который дерево создало вокруг одного из самых больших осколков плоти Дракона, упавших на поверхность нашего мира.

Узкая остроносая байдарка посла хамелеонов резала волны реки, почти не взбивая пену. Сидя в своём углублении, Улан Холом кутался в травяную накидку и смотрел, как мимо проносятся раскидистые деревья и заросли цветущего кустарника. Изредка из воды показывались спины странных морских зверей, пристёгнутых к лодке хитроумной упряжью. Со звуком раздражённого зевка они втягивали воздух и снова уходили на глубину. Сработанная из похожего на кость материала байдарка почти ничего не весила, и морские чудища могли тащить её почти целый день, не выказывая признаков усталости. К сожалению, в лодке было всего пять мест, и одно из них занимал хамелеон-возница. Посол предложил в награду за освобождение острова доставить Холома, Ринчена и ещё двоих факельщиков в Речные Врата за четыре дня вместо обычной недели, и юный страж с радостью согласился. Он чувствовал, что в предстоящем расследовании очень важна скорость.

У скорости была и обратная сторона. Пить и есть приходилось очень экономно, чтобы не слишком часто делать остановки, а холодный дождь хлестал прямо в лицо. Но стремительный темп позволил отряду Холома прибыть в Могойтин немногим позже солдат гарнизона. Когда стражи причалили к берегу, бой уже закончился, и ливень смывал с улиц кровь и пепел, гоня красно-чёрные потоки с вершины храмового холма к речным пристаням.

— Вы опоздали, — хмуро бросил им офицер "Стальных Крокодилов", рослый детина в перепачканном сажей жёлто-зелёном кафтане с пришитыми к плечам перьями сотенного командира.

— К победе или к поражению? — небрежно отозвался брат Ринчен.

На лице военного было написано всё, что он думает об орденских шутниках, но он ответил достаточно вежливо.

— Пожалуй, ни к тому, ни к другому. Мы успели ухватить врага за хвост, но он сбросил его, как ящерица. Основные силы ушли на тот берег, а в лесу нам с проклятыми островитянами не тягаться. Но до полусотни мятежников удалось запереть в городе, и к вечеру их головы украсят городскую стену. Надеюсь, это охладит пыл тех, кто захочет повторить их "подвиг".

— Вам удалось выведать их следующую цель? — спросил Холом.

Сотник мрачно покачал головой.

— У них умный главарь. Рядовым оборванцам ничего не сообщает. Некоторые клялись, будто он хочет осадить Баянгол, но такая крепость мятежникам не по зубам. Их осталось около двух с половиной сотен, а в священном городе даже в обычное время стояли две сотни

Совиных Масок, и это не считая городской стражи и ополчения. Теперь ещё добавилась сотня Снежных Барсов и три десятка Сокольников. Этого вполне хватит, чтобы держать укрепления против втрое большего количества оборванцев.

— Не стоит недооценивать этих мятежников, — покачал головой страж. — Они весьма неплохо обучены и умеют пользоваться огнеплюями. На острове Гэрэл мы имели несчастье в этом убедиться.

— В любом случае, для штурма крупного города нужна артиллерия и прочие осадные механизмы, которых у них нет. Я больше боюсь, что они примутся грабить мелкие посёлки по обе стороны реки, и нам придётся расплыть силы... Впрочем, какое вам дело до наших проблем?

Всё же, несмотря на плохо скрываемую неприязнь военных к братьям Ордена, комендант Речных Врат по просьбе Холома отправил в Баянгол птицу с предупреждением, и даже дал ему в сопровождение четверых солдат под началом неразговорчивого оружейника по имени Бугуш.

— Он сам улюнский, будет вам проводником, — проворчал комендант, недовольно поглядывая на реквизированную Холомом лодку.

В Речных Вратах стражам пришлось отпустить хамелеона-возничего с его байдаркой и остаток пути проделать по старинке — на вёслах и под парусом, когда позволял ветер. Путь до Улюна занял шесть дней и прошёл без приключений, но юный страж всю дорогу ощущал смутное беспокойство.

Сам посёлок Холому не понравился. Он был тихим и аккуратным, но в то же время ветхим и запущенным. Рядом с белёными хижинами разрастались дичающие сады, стремясь воссоединиться с подбирающимися к околице Улюна джунглями. У крылечек грелись на солнце старики, по грязным улочкам носились стайки их внуков, но среднего поколения — ровесников Холома и людей на десять-пятнадцать лет старше его — видно не было. Некому было чинить ветшающие крыши, обновлять резьбу на колоннах Святилища, подрезать деревья и отвоёвывать землю у джунглей. Мануфактуры Толона и Баянгола вытянули из посёлка самых крепких и способных так же, как паук высасывает жизненные соки из мухи, оставляя лишь высохшую оболочку. Только гостиница выделялась на этом фоне яркими ставнями и дорогой черепицей. Купеческим караванам из Бириистэна и Нарына нужно было где-то отдыхать по пути в торговое сердце Удела Духов. Холом был уверен, что только их деньги и удерживают посёлок в мире живых.

Возможно, для местных жизнь Улюна выглядела совершенно иначе, но прошлый наставник этого места исчез тем же пугающим образом, что и мастер-книгохранитель Прибрежной Цитадели, и это окрашивало суждения Холома в мрачные тона. Обшарпанное Святилище и глухая враждебность временного начальника храмовой стражи не улучшили этого впечатления.

— Не знаю, кто Вам наплёл эти небылицы, но хор, — раздражённо ответил командир добдобов на вопрос об обстоятельствах смерти наставника. — Да, под конец жизни многомудрый Очир стал несколько рассеянным. В конце концов, он пошёл в лес собирать травы и не вернулся. Ни тела, ни одежды его не нашли, так что о каких-то там серебряных брызгах и говорить нечего. Мномудрый Манас мог бы Вам это подтвердить, но законоучитель священного города призвал его для участия в Соборе. Если Вы, всё же, настаиваете на каких-то мистических тайнах, возможно, Вам стоит тоже отправиться туда. Несомненно, среди великих богословов найдётся кто-то, кто не пожалеет для Ордена своего

учёного времени!

— Я заметил, что в штате Вашего весьма небольшого Святилища есть хранитель священного сада, — зашёл страж с другой стороны. — Почему же, в таком случае, многомудрый Очир сам собирал травы?

— Кто ему запретит? — пожал плечами стражник. — Любил это дело, вот и собирал. И нам запрещал за ним увязываться. Портим, говорил, всю красоту своим шумом и топаньем.

— Непростительное легкомыслие, — проворчал Холом.

— Моё дело — блюсти порядок и выполнять приказы, нохор! — недовольно отозвался начальник добдобов.

— Допустим, — процедил страж, порядком утомлённый грубостью стражника. — Сколько человек многомудрый Манас забрал с собой в Баянгол?

— Только двоих, нохор. Ему повезло: из Речных Врат как раз поднималась барка, полная Снежных Барсов. Лучшей охраны не придумаешь.

— Почему, в таком случае, вас здесь только четверо?

По спискам стражников должно было быть десять. В Баянгол с наставником уплыл постоянный начальник стражи и его деньщик. Значит, из оставшихся недоставало ровно половины, и среди недостающих был человек по имени Аюка — давний осведомитель Ордена, который и отправил злополучное донесение о необычной смерти наставника Очира. Но спрашивать про Аюку прямо значило выдать своего агента.

— Четверых я послал охотиться на лесного кота, — неохотно ответил стражник. — Повадился, скотина, на околицах промышлять. У двух человек птицу передушил, а у третьего — ещё и ребёнка задрал, который пытался его из курятника выгнать. Хитрый гад и крупный. Думаю, бойцы не раньше послезавтра вернутся, и добро, если все.

От этих слов у Холома неприятно заныло предплечье в том месте, откуда не так давно мастер-факельщик снял браслет Незримых Вериг. Если кто-то раскрыл Аюку, охота была верным способом от него избавиться. Без свидетеля же у Стража не было никакой возможности разоблачить напористую ложь командира добдобов.

— Что же, подождём, — вздохнул он. — Я вот ещё что хотел спросить, уже просто из любопытства. Говорят, когда-то в Улюне жила колдунья-знахарка, которую проезжий воин отбил у братьев Ордена и увёз куда-то. Вы что-нибудь слышали о таком?

— Ну, это дело древнее, — слегка расслабился стражник. — Ещё при позапрошлом наставнике было. Может, кто-то из стариков помнит. К примеру, отец содержателя гостиницы.

Когда Холом вышел из тренировочного павильона, успевший уже порядком надоесть дождь прекратился. В просвет между тучами заглядывало умытое и нарядное Светило, и под его лучами от земли поднимался удушливый пар. На дорожке, ведущей к алтарю Дракона, стоял обритый налысо пожилой мужчина в коричневом кафтане младшего служителя и вытирал со лба пот. Увидев орденского офицера, он поспешно надел старую чиновничью шляпу и почтительно поклонился. Погружённый в свои мысли Холом быстро кивнул ему и прошёл мимо. Что-то в облике старого служителя показалось стражу подозрительным, но когда он обернулся, чтобы рассмотреть старика, тот уже скрылся за цветущими кустами.

В скверном расположении духа юный страж вернулся в гостиницу. Там его уже ждал Ринчен, переодетый писарем. По легенде, придуманной ещё до Речных Врат, Холом собирался в связи с гибелью наставника провести ревизию улюнского архива. Ринчен и ещё один факельщик, чтобы не привлекать внимание, оделись писарями и спрятали оружие в

дорожных сумках. Конечно, знай начальник стражи, что кроме четверых меланхолических солдат с Холомом прибыли трое опытных бойцов Ордена, он не осмелился бы открыто дерзить, но возможность усыпить бдительность убийц стоила и больших неудобств.

— Эта пёсья башка держится так, как будто у него численный перевес, — задумчиво пробормотал Ринчен, выслушав рассказ Холома. — Возможно, он знает что-то, чего не знаем мы. Нужно быть настороже и не лезть раньше времени в драку. Завтра я попытаюсь что-то разнюхать в архиве, а ты, пожалуй, и правда поговори с отцом трактирщика. Старики часто обмениваются слухами за чаем да игрой в кости и битвы живых камней.

Холом нашёл старика уже под вечер. Тот стоял во внутреннем дворике и выговаривал что-то долговязому мальчишке с недовольным, испачканным тушью лицом.

— Сил моих нет это терпеть, дедушка! — услышал страж раздражённый ответ парня. — Всё трижды взвесь, пересчитай, запиши, ещё раз взвесь... Из-за мешка сухарей на днях всю голову мне проел. Постояльцы кувшин стащили — трагедия! Аж с кулаками полез, как будто не кувшин, а невесту у него увели, а я недосмотрел! Кувшин ему милей родного брата... Уйду я отсюда, дед. В армию наймусь или на фабрику... Вот прямо завтра и уйду!

— И кому ты завтра будешь нужен, Алгыс? — беззлобно усмехнулся старик. — Подумай, ради благих духов, головой! Не в городе ли братец твой стал скрягой, каких свет не видывал? А ты туда же собрался.

— Так не уживёмся же, — вздохнул Алгыс.

— Говорю тебе: терпи. Смотри, как он счёт ведёт, как письма пишет. Когда тебе писать приказывает, не увиливай. Если будешь грамоту знать, то даже в армию пойдешь — будешь там как господин офицер, — старик взглядом указал на Холома, — планы составлять, а не вилами рис грузить, как твой дед.

Поняв, что страж не просто проходил мимо, старый трактирщик низко поклонился.

— Простите, что заставил Вас слушать нашу перебранку, нохор. Чем могу Вам служить?

— Наставление молодых — дело, угодное духам, — улыбнулся Холом. — Да и хотел я безделицу. Старший над стражниками сказал, что Вы могли знать знахарку по имени Аси, которая жила здесь около тридцати лет назад.

— Аси... Аси, — старик задумчиво пожевал губами. — Нет, знахарку по-другому звали. Может, девчонку, дочку её, звали Аси? Ту, которую военный шаман умыкнул?

— Да, верно, — кивнул страж. — В Речных Вратах говорили, что воину тому и тридцати не было, а он здесь восемь факельщиков одолел. Так и сказали: разжирели вы в своём Ордене, и ни на что не годитесь. Вот я и хотел узнать у очевидца, как на самом деле было.

Старик помолчал, не до конца обманутый беззаботным тоном Холома, и осторожно ответил:

— Ваш собеседник приврал, конечно, нохор. Но, не в обиду священному Ордену, шаману тридцати и правда не было, и двоих братьев он уложил. А добдобы местные, что им помогали, хотели дом знахарки с другой стороны обойти, да напоролись на улей диких пчёл и, как бы сказать, неорганизованно отступили. Сам-то я этого не видел, но вскоре после этого приехал из города военный прорицатель и бранил стражников перед всем селом, а под конец приказал всыпать им по пятнадцать палок каждому. Из-за этого случая и наставника-то прогнали, и стал вместо него господин Очир, да примет его Дракон в своих чертогах.

— Говорят, с его смертью тоже дело нечисто? — будто невзначай спросил юный страж.

— Разное говорят, нохор, — покачал головой старик. — Только если бы и правда было нечисто, сразу бы приехали какие-нибудь большие чиновники расследовать.

— Так может, те двое затем и приезжали, — вставил парень.

— Какие двое? — насторожился Холом.

Старик бросил на внука недовольный взгляд.

— Когда-нибудь язык тебя до беды доведёт, Алгыс, — вздохнул он. — Но раз сболтнул, так выкладывай.

— Четыре дня назад заехали в гостиницу двое, сказались бродячими артистами, — затараторил мальчишка. — Один — силач разбойного вида, в куртке клёпаной и с мечом. Другой — бродячий прорицатель, худой как жердь, но халат у него воинский. Узор ещё на обшлагах интересный — вроде лианы какой-то или водоросли вьющейся. Никогда такого не видел. Думаю, он с побережья. Говор у него такой, примерно, как у Вас.

Холом почувствовал, как его сердце забилось чаще. Это не могло быть простым совпадением. Узор в виде лианы — медовой лозы — носили только шаманы святилищ, построенных одноимённой торговой компанией. А воинский храм среди них был только один — на острове Гэрэл. Неужели ему снова удалось напасть на след человека, которого увезли из Прибрежной Цитадели бунтовщики?

— Так вот, этот, который силач, расспрашивал про садовника, который в Святилище цветы высаживает. Я забеспокоился и решил с раннего утра старика предупредить. Он, даром что шаман, к нам, простым людям, по-доброму всегда относился, а тут какие-то бродяги. Но с утра меня брат задержал, и, когда я в Святилище появился, там уже эти двое были. Сначала худой что-то у садовника спрашивал, а силач в сторонке стоял. Потом стражники подтянулись, и мне спокойнее стало. Уж они-то садовника в обиду не дадут. Но потом — странное дело — силач руку поднял, а на пальце у него крупный перстень серебряный. И, вроде бы, нашим же стражникам велит садовника арестовать и худого типа в придачу. А худой в ответ из сумки белую табличку достал да как завопит: я, говорит, кувшин, полный сил, и ещё какую-то околесицу, я не разобрал. Тогда стражники силача повалили и уволокли, а на следующий день все в лес ушли. И только садовник из лесу-то и вернулся.

Страж огромным усилием воли заставил себя улыбнуться и поблагодарить парня за удивительный рассказ. Дав Алгысу несколько клеймёных дощечек "за бдительность", он поспешно вернулся в комнату и некоторое время сидел на кровати, пытаясь упорядочить бешено скачущие мысли. "Я — избранный сосуд, хранящий силу Смотрящего-в-ночь" — вот что говорил худой человек в воинском кафтане. Неудивительно, что парень не разобрал архаичного языка старых молитв и придворных церемоний. Но если "белая табличка" действительно была нефритовым оберегом Прозорливого, а худой прорицатель — человеком с острова Гэрэл, человеком, говор которого был таким же, как у Холома, то... Вывод был невероятен, но после всего пережитого страж не мог от него отмахнуться. Всё это значило, что Айсин Тукуур остался жив. И три дня назад он приказал стражникам арестовать агента или брата Ордена, действовавшего от имени кого-то из мастеров.

— Главное, что эта скотина начальник стражи ни словом об этом не обмолвился! — сердито бросил Ринчен, когда Холом пересказал ему слова сына трактирщика. — Всё, хватит церемониться! Завтра до рассвета возьмём солдат и арестуем всю эту шайку-лейку вместе с хранителем сада и алтарными служками!

Но плану этому не суждено было воплотиться в жизнь. Утром Святилище оказалось пустым. Алтарный служитель, которого солдаты вытащили из постели, лепетал, что начальник стражи пошёл к логову лесного кота искать своих людей.

— И где их теперь искать? — гневно прорычал Холом.

— Он говорил про три холма, господин, но я не знаю, где это...

— Я знаю, — неожиданно заявил солдат по имени Бугуш. — Есть такое место. Там хорошие гроты, коты в таких любят селиться. Могу отвести.

— Отлично! — кивнул страж. — Выступаем немедленно! Писарь Ринчен! Вы с помощником ждите нас в гостинице!

Старший брат поклонился, но сплёл пальцы в жесте "я буду рядом".

Улан Холом был почти уверен, что его ведут в западню. Родившийся в Улюне Бугуш был первым кандидатом на роль сообщника местных бандитов. Он вполне мог подслушать рассказ Алгыса и предупредить остальных. Но это значило, что паренёк и впрямь может скоро уйти из деревни, только не в город, а в мир мёртвых. Эта мысль заставляла стража двигаться вперёд, а приятная тяжесть древнего меча-разрядника, способного одним касанием поразить врага, дарила надежду на успех. Три таких же меча были у Ринчена и двух факельщиков, которые сейчас бесшумными тенями следовали за отрядом.

Долгий и утомительный путь закончился в каменистом овраге, зажатом между трёх холмов, обрывавшихся в него каменистыми осыпями. "Идеальное место для засады", — подумал Холом. Решив дать факельщикам больше времени, он скомандовал привал. В лесу пели птицы, на дне оврага журчал тонкий ручей, но нервное напряжение не давало насладиться коротким мгновением хорошей погоды. Наскоро перекусив, солдаты тщательно осмотрели огнеплюи, протёрли затравочные полки сухой ветошью и насыпали на них сухой порох. Нужно было торопиться: в сезон дождей солнечные часы редки и коротки, а ливень быстро превратит огнеплюи в дубинки. Холом обнажил меч и повёл солдат по дну оврага. То и дело им попадались ниши и углубления в каменистых стенах, но пока ни одно из них не было достаточно большим, чтобы приютить лесного кота. Наконец, овраг закончился небольшой полянкой. Впереди громоздилась каменистая осыпь, и над ней — вход в пещеру.

Как только Холом вышел на открытое место, Бугуш резко отпрыгнул в сторону, прижавшись к скальному выступу. Ожидавший засады страж метнулся за ним и, уйдя от удара прикладом, резко ткнул предателя рукоятью меча под дых. Звякнула подшитая под кафтан стальная пластина. Солдат оскалился и с силой толкнул Холома в грудь. Поскользнувшись на сыпучих камнях, страж замахал руками и отскочил назад, на открытое пространство. Но из зарослей на вершинах холмов не прилетело ни стрелы, ни пули. Грубо выругавшись, Бугуш вскинул огнеплюю. Холом змеёй метнулся к нему и нанёс быстрый укол в плечо. Меч щёлкнул. Рот предателя открылся в беззвучном вопле, тело выгнулось дугой и рухнуло на камни. Остальные солдаты оторопело смотрели на происходящее. Наверху зашелестела листва, и из кустов вышел Ринчен, подняв руку в жесте "всё в порядке".

— Здесь было пятеро лучников! — крикнул он. — Одного взяли живым!

Страж облегчённо вздохнул, но только он успел подумать, что история с котом была лишь прикрытием для грязных дел бандитов, как послышался рык и скрежет. Из жерла пещеры, разбрасывая камни, выскочило то, что братья Ордена привыкли называть "бронзовой жужелицей". Размером эта тварь была больше овцы, но меньше водного буйвола. Некогда блестящий зелёно-оранжевый панцирь покрывали трещины, вмятины и засохшая грязь. Подвижные ноги заканчивались, к удивлению Холома, колёсами, широкими и толстыми, отлитыми из чего-то вроде твёрдого каучука. Из-под панциря на стража и солдат гневно глядел единственный уцелевший глаз, горящий алым пламенем. Остальные тварь, очевидно, потеряла в каком-то бою, и теперь неловко ёрзала, стараясь держаться к людям зрячей стороной.

— Не смотрите ей в глаза! — крикнул Холом.

Он сам прикрылся от слепящего взгляда жужелицы рукавом, жалея, что держит в руках меч, а не привычный веер. Солдаты попятились, оцетинившись стволами огенплюев, но, несмотря на почти осязаемый страх, остались на месте. Боевое чудовище заворчало. Приподняв надкрылки, оно выдвинуло ещё одну пару конечностей. Одна из них заканчивалась клешней, вторая — конусом с множеством зубьев. Прямо за голову из спины жужелицы вылезла какая-то трубка, похожая на ствол мушкета. Что бы это ни было, на памяти Ордена твари никогда не пускали его в ход. Возможно, в древнем огнеплюе давно закончились пули, или это вообще было не оружие. Холом сильнее опасался клешни, которой жужелица легко ломала кости.

Осторожно смещаясь в сторону незрячего глаза, страж негромко запел древнюю мантру. Их заучивали наизусть, тщательно выпевая звуки забытого языка. Одна — для жужелиц, другая — для фарфоровых львов, третья — для огненных стрекоз... Иногда, если чудовище проснулось случайно, древние слова помогали снова погрузить его в сон. Но если страж сильно фальшивил или злая воля колдуна направляла древнего зверя, мантры были бесполезны. Как, например, сейчас.

Чудовище зажужжало и рванулось вперёд. Холом чудом увернулся от лязгнувшей над ухом клешни. Солдаты прыгнули в стороны как перепуганные лягушки, но один из них оказался недостаточно быстр. Жужелица врезалась в него на полном ходу, смяв и отбросив к каменной стене. Не пытаясь добить раненого, она тут же развернулась и бросилась на Холома, словно понимая, кто из людей представляет наибольшую угрозу. Страж высоко подпрыгнул, ухватился за торчащий из склона корень и ткнул мечом в панцирь чудовища. Меч щёлкнул, но смертоносный разряд не причинил жужелице никакого вреда. Один из солдат прицелился и выстрелил, метя в глаз, но чудовище резко выпрямило ноги, привстав на высоту половины человеческого роста. Картечь прошла мимо. Не дожидаясь возмездия, солдат бросил огнеплюй и помчался прочь. Его товарищ тоже попытался прицелиться, но поймал жгучий взгляд жужелицы и вскрикнул от боли, закрыв глаза руками. Чудовище вновь развернулось к Холому, но тут один из стражей спрыгнул с холма точно ей на спину и вонзил меч между надкрылками. Сверкнула искра. Жужелица конвульсивно дёрнулась, но тут же встряхнула надкрыльями. Факельщик потерял равновесие, а чудовище ухватило его клешней и с отвратительным хрустом впечатало в камень. Боец хрипло каркнул и затих.

С гневным кличем Холом рванулся вперёд и нанёс укол в светящийся глаз, вложив в удар всю инерцию тела. Глаз треснул и задымился, чудовище завертелось на месте, хаотично размахивая конечностями. Шипастый конус вскользь задел бок стража, легко разорвал кафтан и оставил несколько болезненных ссадин. Едва не выронив меч, Холом откатился от чудовища. Теперь оно могло ориентироваться только на звук.

Ринчен и его напарник уже спустились с холма, и теперь трое стражей старались издавать как можно больше шума, не давая чудовищу выбрать одну цель. Жужелица поёрзала на месте, но в конце концов развернулась в сторону Холома. Брат Ринчен бесшумно соскользнул осыпи на ровную поверхность. Холом проскрёб мечом по камню, привлекая внимание чудовища, а Ринчен в несколько прыжков подлетел к жужелице и вогнал меч точно между пластиной, прикрывающей голову, и надкрылками. Сверкнула вспышка, похожая на удар молнии. Из-под панциря боевого зверя полилась густая оранжевая жидкость и повалил жирный дым. Жужелица ещё несколько раз конвульсивно дёрнулась и осела на землю.

Не теряя времени, тройка стражей бросилась к пещере. Это оказался глухой грот с исцарапанными стенами, полный обломков камня. У дальней его стены стоял на четвереньках лысый человек, выглядевший так, как будто это он только что сражался с четвёркой стражей. Когда его выволокли на солнце, Холом сразу узнал улюнского садовника.

— Вы арестованы, — хрипло произнёс он, глядя в лицо пленнику. — По обвинению в мятеже, подстрекательстве и убийстве наставника Очира. Это карается медленной смертью. Но она может стать быстрее, если Вы расскажете нам, где сейчас Айсин Тукуур — человек, называющий себя посланником Прозорливого!

Хранитель сада дерзко усмехнулся.

— Разве такие люди рассказывают простым служителям о своих планах?

— Говори, подлый змей! — рявкнул Ринчен. — Или мы будем тереть тебя об ту шпуковину, — он указал на шипастый конус жужелицы, — пока кожа не слезет!

Мятежный шаман покачал головой.

— Ответ ведь очевиден! Где Прозорливый, там и его тень. Могли бы и сами догадаться.

— Баянгол, — устало выдохнул Холом. — У него два дня форы минимум.

— В посёлке его не видели, — проворчал Ринчен. — Возможно, он идёт по суше. Значит, если поторопимся, можем попасть в город раньше и схватить его у ворот.

Улан Холом с сомнением покачал головой, но не стал возражать.

— Свяжите предателя, — приказал он оставшимся в живых солдатам. — Мы возвращаемся в Улюн.

Когда, уже затемно, они добрались до посёлка, стражей ждало неприятно известие. Кто-то украл их лодку и затопил её посреди реки. Теперь о том, чтобы обогнать Тукуура, не могло быть и речи.

Васанговые плантации оказались ещё более лёгкой целью, чем ожидала Илана. Последним, чего ожидала местная охрана, было организованное нападение извне, да ещё и со стороны диких джунглей. Поэтому когда мохнатые воины в буквальном смысле посыпались на головы надсмотрщикам, те быстро впали в панику и почти не оказали сопротивления. Гораздо труднее оказалось объяснить не менее испуганным заключённым, почему им следует покинуть свои бараки, взять в руки оружие и присоединиться к детям Громовержца. Всё-таки, васанговые плантации Прозорливого не были каторгой для опасных преступников: таким опасно было доверять основу государственной казны. В основном здесь трудились земледельцы и ремесленники, приговорённые к принудительным работам за долги. Труд их был изнурительным, но привычным, еда — вполне сносной, а змей и муравьёв по мере сил истребляла охрана. Поэтому Илана быстро поняла, что мохматым воинам придётся взять на себя функции перебитой охраны, иначе рабы не только разбегутся, но и расскажут о нападении мятежников первым встреченным солдатам.

Так, вместо того, чтобы получить подкрепление, повстанцы оказались впряжены в телегу без колёс, которую и хотелось бы бросить, но груз слишком опасен. Младшие командиры островитян не уставали при каждом удобном случае напоминать Высокому Пятому, что именно благодаря советам безволосой женщины они оказались в такой ситуации. Пока они ещё не обвиняли Илану в предательстве, но она не сомневалась, что

дойдёт и до этого. И поэтому дочь плавильщика лихорадочно искала пути решения проблемы, старательно заталкивая в тёмные глубины рассудка очевидные, но мерзкие решения вроде "перебить узников вслед за надсмотрщиками" или "использовать их при штурме вместо живого щита". К счастью, в этом у неё появился неожиданный союзник.

Проповедник был ещё не стар, но уже и не молод. Он происходил из рода дарханов — свободных мастеров, чей труд до прихода горцев считался неприкосновенным. Поэтому, когда речь заходила о шаманах Смотрящего-в-ночь, в его глазах загоралась ненависть, а в голосе звучала сталь.

— Драконьи жрецы Баянгола твердят о справедливости и взаимопомощи! — зло говорил он. — Но стоит вам оказаться у них в долгу, и они без колебания продадут ваши дома и ваших жён, а вас самих отправят валить деревья посреди болота! Они нащёптывают Прозорливому лживые речи, побуждая его возводить алтари духам в таких местах, где некому приносить им жертвы. Больше алтарей — больше жрецов, и они-то готовы ехать в глушь, если приношения продолжают литься рекой. Но довольны ли этим духи? Рис гниёт на полях и шелкопряды гибнут от болезней — вот их ответ! И, если не вырвать Прозорливого из когтей этих советчиков, будут и худшие кары. Поэтому не думайте, что сможете вернуться к прошлой жизни, если будете тихи и послушны! Вы ждали, когда закончатся дни заключения, а дождались прихода мятежников, и они взяли вас в плен! Но если будете ждать дальше, дождётесь и возвращения захватчиков из-за моря! Хотите вы или нет, настало время великих перемен, и перед вами лишь один выбор: быть их вестниками или их жертвами! Поэтому на вашем месте я бы взял оружие, которое вам предлагают. Оно сейчас уж точно не будет лишним! И я бы пошёл и встряхнул ложных наставников с заплывшими жиром сердцами. Потому что, если не показать им предел терпения народа, они будут считать, что его нет, и не успокоятся, пока не выжмут вас досуха!

Если бы этот человек умел только говорить, от него отмахнулись бы, как от назойливой мухи, а то и избили бы, чтобы не портил настроение. Но проповедник показал себя искусным лесорубом, и всегда готов был помочь советом или делом. К тому же, он не боялся обращаться к Высокому Пятому с требованиями от имени заключённых, и командир повстанцев счёл за благо некоторые из них удовлетворять. Постепенно вокруг дархана начали собираться сторонники, а настроения в лагере под влиянием его речей стали меняться в нужную повстанцам сторону. Поэтому, когда осада Баянгола снова стала обсуждаемым вопросом, никто не удивился тому, что проповедника пригласили на военный совет.

— Даже если бы все заключённые стали на вашу сторону, и даже если бы они были обученными солдатами, этого всё равно недостаточно для штурма городских укреплений, — хмуро заявил он. — Осада же ничего не даст, если не перекрыть подвоз продовольствия по реке, а без флота этого сделать не удастся. К счастью, есть другая возможность. Вы все знаете про священные катакомбы, где, по словам жрецов, обитают божественные защитники Баянгола. Долгое время жрецы боялись туда заходить, опасаясь гнева защитников. Но когда при Двадцатом воплощении Смотрящего-в-ночь в Баянгол пришёл Орден, чёрным братьям удалось что-то сделать с туннелями. Теперь ими нередко пользуются контрабандисты, и я сам знаю несколько входов, расположенных вне городских стен. Тоннели ведут в подземную часть главного храма Святилища. Если мы попадём туда в первый день Собора, то сможем захватить в плен всю верхушку страны!

— Хорошая идея, — признала Илана. — Но для того, чтобы предприятие закончилось

успехом, нам нужно отвлечь внимание городского гарнизона. Поэтому я предлагаю вырезать из дерева подобия пушек, покрасить их чёрной краской, а затем подступить к городу боевым порядком и начать строить осадный лагерь.

"Думаешь, они не заметят, что наши пушки не стреляют?" — состроил недоверчивую гримасу Высокий Пятый.

— Если подорвать средний пороховой заряд в большой бочке, это очень похоже на пушечный выстрел. Разложить дымные костры рядом с пушками тоже ничего не стоит. На первое время это введёт их в заблуждение, а когда они поймут, в чём дело, уже будет поздно.

"Или мы все погибнем"

— А если не рискнём, то тоже погибнем, только позже. И до этой, медленной гибели, будем заниматься простым разбоем, убеждая самих себя, что всё ещё сражаемся за отмену рабства и независимость островов!

"У меня дурное предчувствие", — резкими жестами показал Высокий Пятый. — "Но, к сожалению, ты всё равно права. Если не рискнуть сейчас, народы волн и полей быстро загонят нас в ловушку. Встретим же их, как подобает воинам, лицом к лицу!".

— Рада, что ты согласен. Осталось решить только одну задачу: как угадать день, в который откроется Собор?

— Я мог бы пробраться в город заранее, — предложил проповедник. — У меня есть пара знакомых среди служителей Святилища. Они укажут нужный день, а я подам знак.

Стратегема 10. Пожертвовать сливой чтобы спасти персик

Древний Баянгол, город каменных храмов и многоступенчатых алтарей, был немногим больше Бириистэна, но его ремесленные предместья разрослись далеко за пределы старых стен. Взбивали пену сотни водяных колёс, приводя в движение механические лесопилки и ткацкие станки. Дымили пока ещё редкие трубы паровых топков, гремели паровые молоты, вращались прокатные станы. Мануфактуры обрастали лачугами и бараками, обзаводились собственными стенами и казармами стражи. У причалов выстраивались вереницы барж. Из далёких орхонских копей везли каменный уголь, с побережья — соль и шёлк. Вверх и вниз по реке уходили барки, гружёные свежими досками, резной мебелью, изящными статуэтками и разнообразной утварью. Ценные породы дерева были основой богатства Баянгола, и появление на границе леса осадного лагеря мятежников не на шутку встревожило городских купцов и промышленников. Их делегаты осаждали законоучителя, требуя как можно скорее уничтожить бунтовщиков, но принявший командование столичный генерал Дарсен Тагар осторожничал. Пусть денежные мешки и обещали помощь своих наёмников, но у противника были пушки, и Тагар не сомневался, что после первого же залпа картечью добрая половина его армии попросту разбежится. Если даже вышколенные Снежные Барсы и фанатичные Совиные Маски потеряли былую хватку от долгого безделья, то про не нюхавшее порошу городское ополчение и говорить не приходилось. Поэтому генерал ждал пока из Толона и Сякюсэна не подойдут крепкие армейские тумены, в тайне надеясь, что скука и угроза дизентерии толкнут мятежников на заведомо проигрышный штурм.

Это напряжённое ожидание, от которого изнывал весь город, изматывало Айсин Тукуура сильнее тяжёлого пути. В закопченном рабочем предместье среди сотен спешащих по своим делам людей шаман чувствовал себя случайной букашкой, на свою беду попавшей в муравейник. Хотя он был среди людей своего языка и своей веры, им не было никакого дела до его бед и стремлений.

Каморка в безликой гостинице была душной и тесной. Порой фабричный дым проникал в неё, жала глаза и мешая шаману изучать подаренные улюнским садовником книги. Днём грохот тяжёлых молотов разносился над кварталами, тихим звоном отдаваясь в ушах после захода солнца, а ночью биение двух чудовищных сердец врывается во сны Тукуура, порой заставляя его просыпаться в холодном поту. Глядя на угрюмые толпы, с утра тянущиеся из лачуг в ворота фабрики, а вечером обратно, он чувствовал тоскливую безысходность, которая в своё время побудила безымянного наставника Ордена Стражей написать грустные строки: "Мы — лишь малые рачки, вцепившиеся в их чешую, и век наш бесконечно короток. Наши судьбы безразличны великим, и их безразличие для нас — благо".

Но порой подобно тихому напеву проникала в сердце знатока церемоний тяга к неизведанному, и тогда он шёл к воротам Священного Города, чтобы узнать у чёрно-серебряных часовых в совиных масках, нет ли для него письма из Святилица, а потом бродил по тесным улицам предместья, нередко пользуясь своим чиновничьим видом, чтобы поглазеть на причудливый танец коленчатых валов, зубчатых колец и ременных передач, скрытых в стенах фабричных корпусов. В такие моменты он остро чувствовал, что где-то рядом, невидимая для людей, скользит по крышам и навесам серебряная кошка, жадно

впитывая картины, звуки, запахи и голоса. Она исчезла из лодки за день до того, как появились на горизонте дымящие трубы и изогнутые крыши храмов, и сердце Тукуура сжалось от мысли, что их совместный путь окончен. Но потом, светлой лунной ночью он увидел на соседней крыше знакомый силуэт и почувствовал утраченную было решимость.

Стражник, провожавший Тукуура от самого Улюна, снова появился в гостинице на пятый день после прибытия в город. Он казался ещё более усталым, чем шаман, хотя жил всё это время в особняке законоучителя посреди зелёных садов старого города. Зайдя в комнату знатока церемоний, он бросил на кровать объёмистый матерчатый свёрток, залпом выпил две чашки крепкого чая, и только тогда заговорил о деле.

— Есть хорошая новость. Законоучитель, мудрейший Бэлиг, нашёл хороший момент, чтобы доложить о тебе Прозорливому. Тебя примут, но будь осторожен. Похоже, генерал Дарсен Тагар, правая рука правителя, недолго любил твоего наставника Дамдина. Он сразу предположил, что ты самозванец и шпион. К счастью, сотник Цэрэн из Барсов тебя запомнил. "Если этот парень выжил, с ним стоит поговорить. А если это не он, пусть пеняет на себя". Так он сказал. Вторая проблема: твой враг Улан Баир прибыл сюда одним из первых, и уже успел втереться в доверие к Прозорливому. Скорее всего, в день открытия Собора его назовут новым законоучителем Бириистэна. Думай теперь, что с этим делать.

"Плохо, что у меня нет никакого опыта в дворцовых интригах", — подумал Тукуур, но не позволил себе сказать этого вслух. Человек, назвавшийся посланником Прозорливого, не имел права показывать своих колебаний.

— Здесь кафтан и совиная маска, — продолжил проводник, указывая на свёрток. — Иди через Свечные ворота. Завтрашний пароль "алый карп". Дальше всё время прямо и вверх, пока не упрёшься в ворота главного Святилища. Там пароль "ледяной панцирь". У караульных спросишь оружейного наставника Сундуя. Дальше он проведёт.

Тукуур молча кивнул. Ему не нравилось, что проводник не собирается идти с ним, но у каждого здесь были свои секреты, и на разгадывание их не хватило бы и двух жизней. Стражник заставил Тукуура повторить маршрут и пароли, а потом ушёл так же быстро, как и появился.

Светило едва проползло половину неба, и у шамана оставалось ещё пол-дня и целая ночь, чтобы придумать, как переиграть Улан Баира. Но сердце ныло от страха за родителей, а в голове гудел кузнечный молот, и умные мысли наотрез отказывались селиться в таком негостеприимном месте. Чтобы хоть как-то отвлечься, знаток церемоний сходил в баню при доме внутренней гармонии, привёл в порядок свои скудные пожитки, без аппетита поужинал и попытался раньше лечь спать, но сон не шёл. Некоторое время поворочавшись, Тукуур встал и принялся расхаживать по комнате, постепенно замедляя дыхание. Он пересёк тесную комнатку не меньше двух сотен раз, когда за его спиной тихо скрипнула дверь, ведущая на небольшой балкончик. Шаман резко развернулся.

На мгновение ему показалось, что стена, дверь и освещённый факелами город за ней — лишь плоская картина, нарисованная на холсте крупными мазками кисти. И в этой картине, ровно посреди дверного проёма была вырезана дыра в форме человека, сквозь которую просвечивало усыпанное звёздами ночное небо. Но тень шагнула в комнату, и Тукуур понял, что перед ним невысокий человек в форменной одежде Совиных Масок — свободных шароварах и короткой чёрной куртке с капюшоном. Маска с чеканными перьями и серебряное шитьё на куртке искрились при ходьбе. Тукуур бросил нервный взгляд в угол комнаты. Изогнутый солдатский меч с расширяющимся к концу лезвием, с которым учил его

работать проводник, лежал на сундуке у окна, гораздо ближе к незнакомцу, чем к своему хозяину. Гордо выпрямившись, знаток церемоний открыл рот для вопроса, но ночной гость быстрым движением стянул маску и капюшон. Белые волосы рассыпались по плечам. Перед Тукууром стояла девушка, точь в точь похожая на Айяну из видений. Только серебряные чешуйки на лбу и висках были маленькими и едва заметными, а глаза — бездонно-сапфировыми с яркими звёздами-зрачками. Такими же, как у серебряной кошки.

— Кто ты? — запоздало спросил шаман.

Этот вопрос уже не требовал ответа, но девушка почти по-птичьи склонила голову набок, удивлённо глядя на Тукуура.

— Искра жизни, рождённая в пожаре Падения Звёзд, — помолчав, произнесла она. — Стремление к познанию, ставшее песней. Очарование тайны и радость разгадки. Десять тысяч вещей и ни одна из них. Как ты сам ответил бы на такой вопрос?

— Не знаю, — растерянно ответил шаман.

Он думал о том, что никогда не слышал голоса настоящей Айяны. О том, что посланница Дракона произносит знакомые ему слова в непривычном ритме, как будто накладывает свою речь на ту грустную и чарующую мелодию, которую он слышал в пещере. О том, что рад этому визиту, хотя, возможно, ему следовало бы бояться. О чём угодно, кроме ответа на вопрос.

— Видишь? — тихо сказала она. — Ты меняешься быстрее, чем успеваешь придумать ответ. В этом мы похожи, как и в наших чувствах. Нам обоим неуютно здесь, мы оба боимся.

— Не думал, что ты можешь чего-то бояться.

— Здесь родственные искры, великое множество, но все они истощены болезнью, не слышат, не отвечают. Яд изливается из сердца, некогда дарившего жизнь. Чуждая музыка угнетает меня, притупляет мысли, лишает рассудка, не даёт приблизиться...

Голос посланницы ослабел, превратившись в едва различимый шёпот. Она поёжилась, обхватив себя руками за плечи. Тукуур порывисто шагнул вперёд, но замер, на мгновение испугавшись взгляда бездонных глаз.

— Я помогу, если это в моей власти, — решительно сказал он.

— Проведи меня в сердце старого храма, — попросила девушка. — Не дай враждебной воле отшвырнуть меня прочь. Может быть, тогда я пойму, как исцелить этот город.

Тукуур нахмурился, обдумывая возможности и последствия.

— Тогда и ты помоги мне, — сказал он. — Здесь Улан Баир, мой враг, человек Ордена Стражей. Мои родители в его власти, и он использует это, чтобы раздавить меня как кусок глины. Но он прибыл сюда давно а, значит, не может знать, что произошло на острове Гэрэл. Ты сможешь сохранить этот образ, стать в точности как девушка из шара?

Посланница Дракона моргнула, и её глаза стали светлыми, серо-зелёными как у домового сыча на свету. Только блики в зрачках до сих пор казались шаману светом далёких звёзд.

— Я помогу тебе убедить Стража, что его план сработал, — теперь в её голосе появились резкие рубленые интонации толонского диалекта. — Помогу заставить его раскрыться в глазах твоего правителя. Приведи меня к нему и скажи, что выполнил задание Дамдина. Так будет быстрее.

— Сможешь ли ты открыть Прозорливому древнее Святилище? Если нет, я не хочу ему лгать.

— Время неопределённости, время ожидания, время древних печатей подходит к концу.

Твой правитель увидит оголённый нерв Безликого, если таково твоё стремление.

Тукуур кивнул и, помолчав, спросил:

— Старый наставник сказал, что та, чей образ ты носишь, может ожить, если мы дойдём до конца. Это так?

На миг глаза посланницы снова потемнели, выдавая напряжённую работу мысли.

— Скажи, почему ты этого хочешь, — попросила она.

Вопрос застал шамана врасплох. До сих пор он не задумывался об этом, следуя зову безотчётной тоски. Теперь же он почувствовал себя в силах разобрать это чувство на части и пристально рассмотреть каждую из них. Вначале он лишь хотел вернуть Илане пропавшую сестру, отплатить добром за спасение с острова Гэрэл. Потом, постепенно, он перенёс на девушку из видений те чувства, которые предпочла не заметить её сестра. Но это был тупик, ведь для Айяны — теперь он понимал это ясно — его образ навсегда будет связан со смертью и заточением в глубине волшебного шара.

— Я думал, что о ней тоскует моё сердце, — ответил Тукуур, — но это было лишь эхо печали упавших звёзд. Теперь мне просто кажется справедливым исправить злодеяние пославших её на смерть.

— Если бы так легко было отменить плод злодеяний, разве осталась бы работа для судей? — грустно ответила посланница Дракона. — Я не хочу тебе лгать. Твой светоч несёт... слепок духа, извлечённый в момент агонии.

Девушка говорила быстро и плавно, но время от времени неправильно ставила ударения. Видя, как мерцают при этом зрачки посланницы, Тукуур вдруг осознал, насколько тщательно она подбирает слова, и насколько её мысль быстрее человеческой. Это понимание пугало.

— Нерв Безликого в сердце маяка был повреждён, обессилен прорастающими в него осколками Дракона, — продолжила посланница. — Преображение Айяны стало невозможным ещё до того, как она попала на остров. Но посланница Хора не смогла понять это, и всё равно шагнула в купель, ставшую для неё могилой.

— Как могло случиться, что обученная жрица Безликого не почувствовала опасность? — недоверчиво спросил Тукуур. — Даже я, не зная ничего о природе маяка, понял, что он сломан Орденом!

— Ей прижили вериги. Ты помнишь, что это такое.

— Я — простой человек, — покачал головой шаман. — Но способности колдуньи должны были только усилиться. Разве не для этого использует их Орден? Чтобы слабейшие, которые присягнули Стражам, могли на равных бороться с сильными?

— Напротив, — посланница быстро сплела пальцы в жесте отрицания. — Вериги — дар моего народа. Они дают силу и способности тем, кто не имел их вовсе. Позволяют услышать зов Дракона тем, чья кровь не отравлена дыханием Безликого. Но тела слуг Безликого не принимают их, борются с ними. Айяна пережила связь куда тяжелее, чем ты. Её сознание рвалось на части между музыкой её бога, волей Ордена и зовом Дракона. Всё это отразилось в светоче.

Знаток церемоний вспомнил растерянность и злость в напеве светящегося шара. Похоже, серебряная кошка говорила правду.

— Но что тогда с моими видениями? В них Айяна не казалась безумной!

Посланница совсем по-человечески вздохнула.

— Не оболочка, а ядро светоча обращалось к тебе в видениях. Зерно жизни и воли

Дракона, стремящееся соединиться с целым. И это стремление в твоём сознании обрело близкий и понятный образ.

— Значит, наставник солгал, — устало пробормотал Тукуур.

— Возможно, внутри семьи ты привык к искренности, но к наставнику пришёл под чужим именем, — напомнила девушка.

Шаман сложил руки в знак принятия, но разочарование не исчезло из его голоса.

— Я понимаю его мотивы. Эти слова должны были помочь мне усерднее стремиться к цели, здесь и сейчас. Но в далёкой перспективе ложь разобщает нас, обессиливает, мешает двигаться вперёд... — он умолк, нахмурившись, а потом быстро спросил: — Или нет никакой далёкой перспективы? Что будет, когда я принесу свечок в древнее Святилище? Что находится внутри?

— Колонна из живого камня, подобная той, что ты видел на острове Гэрэл. И в ней, как песчинка в теле жемчужной устрицы, самая большая из Упавших Звёзд. Внешняя оболочка свечка позволит тебе войти в Святилище, не потревожив древних охранников. Погрузи шар в колонну, и его ядро прорастёт, чтобы разрушить защитную оболочку, созданную Безликим вокруг осколка Дракона. Тогда Святилище станет ярким маяком во мраке неведения, и способные ясно услышат волю Дракона, а прочим откроется путь в земли, ранее недоступные человеку.

— Недоступные почему?

— Потому, что люди не могут жить там, куда не достигает свет живых камней.

Тукуур болезненно сощурился и потёр виски.

— В сургуле прилежно изучал священные книги, — растерянно сказал он. — Их язык был тяжёл и непонятен, и многие места невозможно было понять без пояснений наших учителей. Я слушал их, и мне казалось, что мои духовные глаза раскрылись. Но затем я услышал голос Дракона, и узнал, что Он томится в плену. Теперь ты называешь Его осколок... Или осколок Его ладьи — живым камнем. Именем, которым мы привыкли проклинать. Твои речи похожи и непохожи на слова мудрецов Ордена, к которым мне позволил прикоснуться улюнский наставник. И теперь я совершенно сбит с толку, полностью погружён в тот самый мрак неведения. Прошу тебя, выведи меня на свет!

Посланница Дракона медленно кивнула, но, вместо того, чтобы сесть, как подобает наставнику, неожиданно протянула шаману руку. Её пальцы были сухими и прохладными, и Тукуур ощутил лёгкое покалывание в своей ладони. Следуя за девушкой на балкон, он подумал, что посланница поняла его слова буквально. Но, указав, на далёкие звёзды, она тихо сказала:

— Мы — соратники Последнего Судьи, неустанно смотрящего в ночь. Все мы ходим во тьме, все стараемся разглядеть и запомнить скрытое. Спрашивай, но не думай, будто я свободна от неведения.

— Существуют ли Три Мира, или Орден правильно учит, будто их нет?

Посланница Дракона мягко улыбнулась, одобряя вопрос шамана.

— Меня учили, что всё сущее непрерывно и подчиняется единому всеобъемлющему закону, но для существ с ограниченным набором органов чувств проявления этого закона кажутся столь различными, что они говорят о многих мирах. До прихода посланников Дракона люди и другие народы томилась в утробе Безликого в таких условиях, которые едва позволяли им выживать. Выйдя на поверхность, они не без оснований сочли её другим миром.

Тукууру казалось, что он понимает слова посланницы, но для того, чтобы проверить это, у него не было правильных вопросов. Поэтому шаман ухватился за то, что было знакомым.

— Значит, Четверо существовали? — спросил он. — Какими они были?

— Мой народ чтит Первопроходцев как героев, и помнит множество имён, но люди, действительно, знали из них лишь четверых. Я могу сказать лишь, что они были несравненно мудрее и талантливее меня. К сожалению, в моём поколении некому сравниться с ними.

— Почему ты говоришь так, будто Четверо умерли? — удивился Тукуур.

— Приставы Последнего Судьи бессмертны лишь пока Он един. Падение Звёзд уравнило наши народы. Теперь в положенный срок моя память угаснет, а тело растворится в непрерывности сущего.

В священных книгах Тукуура говорилось, что Падение Звёзд было воплощением гнева Дракона. Но слова серебряной кошки едва ли не подтверждали правдивость орденской летописи. Неужели люди действительно сумели причинить вред Последнему Судье?

— Как же Великий Дракон допустил такое? — только и смог спросить он.

Девушка тяжело оперлась на перила. Её лицо оставалось безмятежным, но глаза снова превратились в отражения звёздного неба.

— Когда Первопроходцы дали людям и другим пленникам Безликого силу сопротивляться его воле и укрываться от света его камней, многие из освобождённых стали их друзьями и приняли мудрость Дракона. Но нашлись и те, кому ненавистна была сама мысль о подчинении кому-либо. Они наблюдали за сражениями пророков Безликого и слуг Дракона, изредка помогая то одной, то другой стороне. Когда же верных осталось мало, эти наёмники уничтожили всех, до кого смогли дотянуться.

— Летописец Ордена назвал это "истреблением", верно?

— Да. Истребление. И становление царства царств. Жестокого государства, в котором народы сами загнали себя в условия, немногим лучше Нижнего Мира. Они непрерывно трудились и тысячами умирали словно термиты в мрачных ульях из камня и стали. Посмотри вокруг!

Посланница показала на фабричные трубы, из которых до сих пор шёл подсвеченный красным дым.

— То, что ты видишь здесь — бледная тень царства царств. Под властью того, что позже станет Орденом Стражей люди и другие существа отравили воду и воздух своими нечистотами, одержимые идеей дать отпор Дракону и своими силами достичь звёзд. В первом они преуспели. Та луна, которую вы называете ложным именем одного из Первопроходцев — это выгоревший остов чудовищного оружия. Этим Звёздным Мечом люди разрубили на части тело Дракона и надеялись, что изменённая ими луна защитит мир от падения Его осколков. Но для того, чтобы уничтожить жизнь, волю и дух Последнего Судьи, недостаточно разбить его тело.

— Звёздный Меч и Лунный Щит, — вспомнил шаман слова орденской летописи. — Значит, это правда.

Перед внутренним взором знатока церемоний вновь встала ужасающая истина, открывшаяся ему в пещере.

— Они сопротивлялись, — с затаённым страхом произнёс он, — потому, что, как и я, узнали природу Осы-наездника. Поняли для чего Дракон пришёл в мир.

— И предположили худшее, — согласилась посланница. — Решили, что их мир-странник будет выпотрошен личинками осы и превратится в высушенную кожицу,

трепещущую на ветру. Но каждая метафора, как бы они ни была хороша, остаётся метафорой. Мой странник — не оса, ваш — не гусеница. Их воли, их природы сражаются на уровне, недоступном и, зачастую, неощутимом для населяющих их тела существ.

— Страх не нуждается в ощущениях, — тихо отозвался Тукуур. — Он сам порождает их, заставляя людей убивать себя и других. Как это делает Орден.

— Орден Стражей выбрал страх и назвал его своей мудростью, — убеждённо сказала посланница. — Прошу тебя, не повторяй их ошибки.

Шаман задумчиво кивнул. Похоже, безымянный хронист Ордена писал правду, и его расплывчатые слова следовало понимать буквально. Или это Тукуур цеплялся за новые образы, не успев распрощаться со старыми?

— В наших книгах сказано, что в дождь из падающих звёзд превратилась лодка, созданная из плоти Дракона. Ты говоришь, что бы расколот он сам. Как это понимать?

— Для моего народа тело Дракона было небесной лодкой или парящим в пустоте дворцом. Но оно оставалось телом Дракона. Так же, как панцирь Безликого стал домом для вас.

— Почему их зовут Странниками?

— Потому, что в непрерывности сущего ничто не находится в покое. Быстро ли, медленно ли, всё движется — от мельчайшей пылинки до огромной звёзды. Мчитесь сквозь пустоту Светило твоего мира, плывёт за ним и вокруг него Безликий. От звезды к звезде шествовал во тьме Дракон, пока не оборвался его путь.

— Значит, всё-таки правы были древние мудрецы, которые писали, что Светило — шар во тьме, и наш мир кружится вокруг него? Как же тогда...

Посланница снова улыбнулась, упреждая его вопрос.

— Представь два связанных цепью ядра, вылетевших из пушки, и жука на одном из них. Оба ядра хаотично вращаются, но жуку кажется, что его ядро неподвижно, а второе вращается вокруг него.

Тукуур открыл было рот, но девушка покачала головой.

— Уже поздно. Не пытайся задать все вопросы за один раз.

Шаман послушно умолк, но, когда они уже вернулись в комнату, понял, что забыл что-то очень важное.

— В одном из видений мне явился белый город с мозаичными куполами, — несмело произнёс он. — Он существует?

— Это место называется Дар Алам, Врата Мира, — мягко сказала посланница, и в её голосе вновь зазвучал старинный напев.

Тогда, вопреки здравому смыслу, который пытался напомнить шаману, что он даже не знает, что за существо стоит перед ним, Тукуур произнёс:

— Я хотел бы открыть его тайны вместе с тобой.

— Это хорошее стремление, — с грустной улыбкой ответила девушка. — Мне нравится его ритм.

Она подошла и коснулась лба шамана благословляющим жестом. Он почувствовал, как рвутся нити нервного напряжения и усталость обволакивает его подобно водам сияющего озера.

— Теперь спи, — прошептала посланница. — И пусть дорога сновидений приведёт тебя к мечте.

Комната закружилась вокруг Тукуура и он закрыл глаза, а когда снова открыл их, то

увидел чужие созвездия над бескрайним морем серебристого песка.

Проснулся знаток церемоний от сырости и запаха гари. Сквозь открытую дверь балкона в комнату заползал туман, смешанный с угольным дымом кузнечной мануфактуры. Тукуур едва не решил, что ему всё привиделось, но, поднявшись, увидел посланницу Дракона, замершую у перил балкона подобно гвардейцу-охраннику Смотрящего-в-ночь. Она безмолвно смотрела на окутанный туманом город пока шаман плескал себе в лицо холодной водой и натягивал чёрно-серебряную форму храмового стража. Наконец, когда лицо Тукуура скрылось под маской его пернатого тѣзки, посланница по-военному резко развернулась и приложила сжатый кулак к груди.

Они молча спустились на первый этаж, немало напугав содержателя гостиницы, и вышли на окутанную прогорклым туманом улицу. Всё вокруг казалось зыбким и призрачным, будто сам город со страхом думал о том, как изменит его наступающий день. К удивлению Тукуура, у Свечных ворот их встретили отчаянно зевающие фабричные охранники, которые даже не потребовали у двоих Совиных Масок пароль. Удручённо подумав, что дисциплина в осаждённой крепости никуда не годится, шаман зашагал вверх по вымощенному брусчаткой склону холма, пока из тумана не вынырнула каменная стена Святилища с выложенными на ней цветной смальтой изображениями духов воды в виде гребенчатых тритонов и крупных лягушек. Массивные ворота, украшенные оскаленной мордой лесного кота, были наглухо заперты. У неприметной боковой дверцы стоял похожий в своей маске на статую гневного духа часовой.

— Ледяной панцирь! — негромко сказал ему Тукуур.

— Тает под солнцем, — глухо отозвался часовой и трижды постучал в калитку.

Дверца распахнулась, и путники вошли в полутёмное помещение, где отдыхали и точили мечи пятеро стражников.

— Откуда такие? — недовольно окликнул их старший. — Зачем здесь? Кто командир?

— Из кузнечной слободы! — бодро доложил шаман. — К оружейному наставнику Сундую!

— Вот оно что, — процедил стражник и махнул куда-то в темноту коридора — Третья дверь налево.

В освещённой коптящими факелами комнатухе их ждали трое гвардейцев с вышитыми на кафтанах головами снежных барсов. Шаман сразу узнал плечистого офицера с щеголевато подкрученными тонкими усами.

— Нохор Цэрэн! — приветствовал он гвардейца, сняв маску. — Рад видеть Вас в добром здравии.

— Билгор Тукуур, — напряжённо кивнул офицер. — Кто это с Вами?

— Та, кого он обещал привести, — ответила ему посланница, снимая капюшон и маску.

Гвардейский сотник прищурился, разглядывая бледное лицо девушки.

— Будем надеяться, — буркнул он, и снова обратился к шаману: — Помнится, мудрейший Дамдин поручил Вам свой болотный огонь?

— Верно. Он до сих пор со мной, — соврал Тукуур, развязав горловину сумки.

Его шар был меньше и с тёмной каплей в сердцевине, но, к счастью, в Уделе Духов было не так много приручённых огней, чтобы кто-то заподозрил возможность подмены.

— Признаюсь, я бы предпочёл, чтобы Вы его потеряли, — проворчал Цэрэн. — Помня, чем кончил бириистэнский законоучитель, я бы не подпустил вас с этой штукой к Прозорливому и на сто шагов. Но решать это буду не я, а генерал Тагар. Идѣмте!

Начинался седьмой день осады, и Дарсен Тагар с самого утра был в скверном расположении духа. Его раздражали вечный шелест опостылевшего дождя, влажная духота комнат, медлительность подкреплений и ритуальные маски придворных. В этом змеином гнезде все носили маски. Охранники у дверей, прислужники в храме, помощники законоучителя и наставники сургуля. С этой напастью ничего не смог поделаться даже всемогущий Орден, и Тагару оставалось только смириться с тем, что под любой из чеканных личин может скрываться убийца. Конечно, он не был бы командующим гвардией, если бы не придумал, как использовать ситуацию к своей выгоде. Генерал сразу же настоял на том, чтобы Смотрящий-в-ночь появлялся на публике в серебряной маске, подобающей пророку Дракона. Когда все к этому привыкли, Джал Канур отдал свой церемониальный наряд подходящему по комплекции гвардейцу, а сам спрятался под совиной маской простого стражника. Теперь Прозорливый не без удовольствия наблюдал, как царедворцы лебезят перед его телохранителем. Это было удобно, и со временем могло даже войти в привычку, но сейчас генерал Тагар был рад, что ученик недоброй памяти прорицателя Дамдина и его спутница явились к нему без масок. Не то чтобы это давало возможность читать их потаённые мысли, но генералу было приятно для разнообразия видеть лица своих собеседников. Пожалуй, ему даже более-менее нравились эти лица. Но вот их рассказ не нравился совершенно.

Как он предполагал с самого начала, вся эта история с колдуньей и ключами от древнего Святилища имела только одну цель — смерть Джал Канура. Скорее всего, вероломный змей Дамдин прекрасно знал об этом, но надеялся переиграть своих "партнёров" из Ордена, за что и поплатился жизнью.

— Как мне знать, что вы действительно бежали с острова Гэрэл? — хмуро спросил он, когда ученик прорицателя умолк. — Может быть, вы рассказываете всё это по приказу мастеров капитула! Пожалуй, мне стоило бы казнить вас прямо сейчас, из чистой предосторожности.

Молодой чиновник молчал. Он явно считал, что командующий не решится навлечь на себя гнев Прозорливого, убив живой ключ от древнего Святилища. Это тоже раздражало генерала. Ещё больше его раздражало то, что щенок был прав.

— Конечно, я не могу упустить возможность раскрыть весь план Ордена, — проворчал генерал Тагар. — Поэтому вам позволят предстать перед неустанно Смотрящим-в-ночь. При этом будут присутствовать высшие сановники, в том числе — Улан Баир. Вы дадите ему понять, что хотите побеседовать наедине. Затем покажете перстень, который, по вашим словам, отобрали у его агента. Наконец, попросите дальнейших инструкций. Не сомневайтесь, что каждое слово станет мне известно. Обманите меня, и я позабочусь, чтобы вашу казнь растянули самое меньшее на месяц. Всё ясно?

Ученик Дамдина и его спутница по-военному приложили к груди кулаки. Одобрительно хмыкнув, генерал приказал своему адъютанту отвести их к павильону Алмазного Спокойствия.

Когда посетители ушли, Тагар достал из ящика стола увеличительное стекло и осторожно развернул тонкий свиток, который этим утром принёс из Толона крупный серый вака. Сякюсэньский тысяченачальник докладывал, что так и не дождался толонских джонок.

Поэтому его тумен совершил тяжёлый переход через джунгли только для того, чтобы обнаружить, что все корабли реквизированы бойцами Ордена. Толонский капитул отправил вместе с солдатами гарнизона семьсот факельщиков якобы для того, чтобы ускорить разгром мятежников. Стражи попытались отправить сякюсэнцев обратно, но держащий нос по ветру командир занял толонскую крепость и отправил гонцов по Дороге Дракона на случай сюрпризов со стороны Ледяной Цитадели. Теперь он обещал принять любое наказание за самовольные действия и запрашивал указаний командующего.

В зависимости от того, как развернутся события, тысяченачальнику светило либо двести палок, либо повышение на два ранга, но сейчас Тагару было некогда об этом думать. Письмо сякюсэнца подтверждало слова Айсин Тукуура: Орден Стражей готовил переворот, и произойти он должен был здесь, в Баянголе. Отсутствие аналогичного донесения от толонского тысяченачальника недвусмысленно подсказывало, что толонский тумен полон людей Ордена, и надеяться на него не стоит. Можно было призвать на помощь Стальных Крокодилов, но это значило отдать Речные Врата хамелеонам или факельщикам с острова Гэрэл. В такой ситуации попытка разогнать мятежников своими силами уже не казалась плохой идеей.

Пообещав себе обсудить это с баянгольским законоучителем сразу после полуденной церемонии, генерал отправился к павильону, где Прозорливый должен был принимать своего посланника.

Подлинный правитель был уже там, подставной тянул время. Ученик Дамдина и его спутница стояли на коленях у самого входа, ожидая его прибытия. Осматривая придирчивым взглядом ряды стражников, генерал заметил, как колдунья что-то прошептала молодому чиновнику, едва заметным жестом указав в сторону каменной громады старого храма Последнего Судьи. Девушка благоразумно прикрыла белые волосы капюшоном. "Правда всё равно вскроется, и тогда без неприятностей не обойтись", — подумал Тагар. На подвижном лице Тукуура отразилась тревога, а вот выражение его спутницы генерал вообще не смог понять. Оно было каким-то не совсем человеческим, что ли. Недовольно сжав губы, Дарсен Тагар бросил выразительный взгляд на командира лучников-Сокольников. Тот едва заметно кивнул. Стоит молодому шаману или его спутнице сделать резкое движение, и оба тут же станут похожи на ежей. Пусть короткие луки Сокольников выглядели архаичным церемониальным оружием, в замкнутом пространстве павильона они превосходили огнестрельное по скорости и точности стрельбы едва ли не на порядок.

Наконец, раздался удар гонга, и в зал вступили законоучители и наставники провинциальных святилищ, а за ними, кутаясь в шёлковый лазурный плащ, расшитый крупным жемчугом, вошёл подставной правитель. Он величаво сел на трон, и всё множество чиновников и слуг распостёрлось на полу. Запела серебряная свирель, а потом снова забил гонг, и придворные начали подниматься, слыша число ударов, равное своему рангу. В конце на коленях остались только Тукуур и его спутница. Знаток церемоний обеими руками поднял над головой нефритовую пластину, ожидая разрешения говорить. Смотрящий-в-ночь взмахнул руками в благословляющем жесте, наполнив зал нежным перезвоном серебряных бубенцов.

— Ничтожный слуга возвращает священный оберег, сохранивший ему жизнь от множества злых мыслей и дел и позволивший исполнить волю неустанно Смотрящего-в-ночь, — нараспев произнёс молодой шаман.

Генерал отметил, что юноша вполне прилично владеет ритуальным языком и держится

для провинциала весьма уверенно. "Он Бэргэн по матери", — вспомнил Дарсен Тагар. Когда-то этот род был известен в столице, но его звезда быстро закатилась. Тагар едва заметно поморщился. Амбициозные юнцы из бывших редко отличались чувством меры. Впрочем, пока что у этого котёнка были не слишком крепкие когти.

Повинуясь движению руки правителя, один из гвардейцев забрал у Тукуура пластину и передал её генералу. Дарсен Тагар почтительно приблизился к трону и опустился на колени, протягивая пластину Смотрящему-в-ночь. Вернее, одному из своих младших командиров, но думать об этом не стоило, чтобы ненароком не выдать секрет неловким движением.

— Не всякий сосуд способен вместить и удержать Нашу волю и силу, — негромко ответил подложный правитель. — И тот, что оказался достоин, должен быть отполирован, покрыт драгоценной глазурью и выставлен на почётном месте. Поэтому Мы принимаем под Своё покровительство тебя, Айсин Тукуур, отныне знаток церемоний шестого ранга, и свидетельствуем, что долгий путь к Нам воистину огранил тебя словно резец мастера-ювелира. Дабы талант твой обретал новые грани, Мы помещаем тебя под опеку мудрейшего Ган Бэлига, законоучителя священного Баянгола. Чти его как отца и повинуйся как наставнику. Мы также принимаем под Своё покровительство Темир Айяну как живой залог возвращения Нашего священного наследия. В благополучный час она отомкнёт для Нас врата древнего Святилища, дабы Мы и достойнейшие из наших соратников могли принести дары и прошения живому лику Последнего Судьи. Ныне же Нашей силой Мы избавляем её от губительных последствий грехов её отца Темир Буги и ложных учителей, едва не приведших её своим нерадением к ужасному концу.

— Примите дары Прозорливого с благоговением и радостью, и не забывайте его благодарений, — грозно провозгласил генерал Тагар.

Ученик Дамдина и его спутница поклонились до земли. Правитель знаком приказал говорить законоучителю.

— Милостью и силой Последнего Судьи, я, недостойный хранитель Его алтаря, ставлю Айсин Тукуура судебным прорицателем первой сотни Совиных Масок, о чём ему ныне же будет выдано новое "зеркало души". Я поручаю его заботам Темир Айяну, как названную младшую сестру.

— Да будет так, — прогудел генерал.

Ему вторил раскатистый удар гонга. Все снова повалились ниц, а, когда поднялись, Смотрящего-в-ночь уже не было на троне. Сановники начали расходиться, выстраиваясь колонной по два. Дарсен Тагар пристроился рядом с баянгольским законоучителем, краем глаза заметив, как Тукуур раскланивается с Улан Баиром, вероятно, принимая от него поздравления.

— А, генерал! Рад Вас видеть! — пропыхтел дородный жрец Дракона, снимая клювастую маску Феникса. — Только в Вашем обществе у меня появляется предлог снять эту железяку! Как там наши подкрепления?

— Вынужден Вас огорчить, — покачал головой Тагар. — Вместо отборных двух тысяч к нам идёт одна и ещё семьсот орденских факельщиков.

— Тоже неплохо! — пожал плечами толстяк.

— Предпочитаю свои силы, — хмыкнул генерал и жестом предложил собеседнику свернуть на тенистую тропинку.

Убедившись, что за ними никто не увязался, он вполголоса продолжил:

— У меня есть основания полагать, что Орден хочет одним махом покончить с

правлением Двадцать Второго и вашей автономией.

Лицо Ган Бэлига осталось непроницаемым, но Тагар почувствовал, как тот сбросил ещё одну маску — безобидного тьюфяка.

— Предлагаете атаковать повстанцев и готовить город к нападению с реки? Или строить круговую оборону? — быстро спросил законоучитель.

— Я выбрал бы второй вариант, но в городе тоже что-то зреет. Нам вполне могут ударить в спину.

— Никаких подробностей?

— Пока никаких, — проворчал Тагар. — Милостью Дракона, к вечеру будут.

— Милостью Дракона, — молитвенно повторил законоучитель.

— Сколько могут выставить Ваши фабриканты?

— Шесть сотен. В каждой семь стальных десятков и три огненных. У Совиных Масок огнеплющиков и алебардистов поровну. Итого, восемь сотен. Знать бы ещё, с кем мы воюем...

— Ваш новый ученик Тукуур предположил, что это те же повстанцы, что сожгли Могойтин. Бунтари-островитяне. Но он говорил, что у их вожака не больше трёх сотен, а в лагере собрался почти целый тумен.

— Думаете, им тоже помогает Орден?

— Придётся это выяснить на своей шкуре, — с горечью ответил Тагар. — Иначе нас зажмут в клещи и раздавят как земляной орех.

— Больше всего я опасаясь пушек, — пробормотал законоучитель. — Но они всю эту неделю молчат. Значит, экономят ядра или порох. Можно попробовать вытащить за стены несколько наших и посмотреть, хватит ли у них сил и способностей для дуэли канониров. Но не раньше завтрашней церемонии. После неё я смогу сказать солдатам, что Последний Судья благословляет их на битву. Это поднимет боевой дух.

Генерал согласно кивнул.

— Гвардия будет с вами.

— Это тоже поднимет боевой дух, — благодарно улыбнулся законоучитель. — Я прикажу своим командирам беспрекословно выполнять Ваши приказы.

— Отлично. Через два часа пусть явятся ко мне для доклада.

После совещания с командирами Дарсен Тагар снова обошёл стены, выявляя слабые места в обороне. За подготовкой к сражению он едва заметил, как Светило приблизилось к закату.

Когда Тагар вернулся в свой кабинет, его уже ждал щуплый человечек с неприметным лицом.

— Мой генерал, — поклонился он.

— Билгор Дагва, — почтительным кивком приветствовал своего лучшего шпиона командующий гвардией.

— Они говорили не дольше десяти минут. Юноша сделал все, как Вы приказывали.

— Что сказал Баир?

— Пусть колдунья убедит Прозорливого после церемонии спуститься в подземную часть храма, — повторяя интонации бириистэнского чиновника ответил шпион. — Там для него приготовлен трон из жёлтого камня. Когда Прозорливый приблизится к нему, Айяна должна провозгласить: "Трон слышит шаги Просвещённого, рождённого править нами во веки". Это всё.

— Трон из жёлтого камня, — пробормотал генерал. — Странно.

— Трон великих жрецов Безликого, правивших в Толоне, был по преданиям вырезан из живого янтаря, поющего Священную Песнь, — подсказал наставник шпионов. — Слова, которые должна произнести колдунья — формула благословения на царство толонских правителей.

— Значит, Ордену как-то удалось пронести трон — реликвию Безликого или её копию в святая святых культа Дракона, — помрачнел Тагар. — Это разозлит фанатиков, как и слова колдуни. Но почему Стражи решили, что Прозорливый не поймёт, что за кресло ему предлагают? Он тщательно изучал исторические труды, в том числе — уцелевшие летописи Толона.

— Полагаю, среди храмовых стражников и служек будут подстрекатели Ордена, которые постараются подбить остальных на бунт. Они хотят убить Прозорливого руками жрецов Дракона, чтобы потом на законных основаниях захватить и разграбить Баянгол. Кого-то из придворных, несомненно, спасут и представят как свидетелей.

— Что же, рабочий план, — угрюмо кивнул генерал. — Не хуже многих. Конечно, я уверен, что Прозорливый распознает ловушку с первого взгляда, но предупредить его — мой долг. Вы хорошо поработали, билгор Дагва.

— Спасибо, мой генерал. Но это ещё не всё. Айяна — не та, за кого себя выдаёт.

Дарсен Тагар резко поднял голову, впившись напряжённым взглядом в лицо шпиона.

— Поясните, — сухо потребовал он.

— Как я уже Вам докладывал, мне удалось привлечь на свою сторону одного из факельщиков Ордена.

— Шантажом, насколько я помню, — поморщился командующий гвардией.

— Благодаря этому я узнал, — невозмутимо продолжил Дагва, — что чуть больше часа назад Улан Баир встретился в башне наставника Стражей с тремя братьями Ордена, среди которых был родной сын Баира...

На Баянгол уже опускались сумерки, когда лодка Улан Холома ткнулась носом в причал, отмеченный знаком Ордена Стражей. Двое факельщиков-часовых тут же наставили на пассажиров механические самострелы, а третий поднял повыше масляный фонарь, освещая их лица.

— Суши вёсла! — скомандовал он. — Руки на виду! Кто такие?

Холом поднял руки, развернув ладони к себе, чтобы было хорошо видно бронзовый перстень.

— Свеченосец Прибрежной цитадели Улан Холом, брат-дознаватель Агван Ринчен, старший факельщик Менгу, — перечислил он. — Сопровождаем опасного преступника. Мы должны как можно скорее видеть наставника городских Стражей.

— Улан Холом? — переспросил начальник караула. — Вы — родственник временного законоучителя Улан Баира?

— Его сын, — кивнул страж.

— Тогда он сможет подтвердить Вашу личность. Следуйте за мной, не касайтесь оружия!

— У вас что, появились случаи подделки "зеркал души"? — поинтересовался Ринчен.

— В вашей деревне, где все всех знают, это наверняка бесполезно, — насмешливо отозвался часовой. — Но здесь живёт больше двухсот тысяч человек. Случается всякое.

Сарказм караульного совсем не понравился Холому. Если даже городская спесь легко размывает орденское братство, что говорить о более серьёзных противоречиях?

Баянгольские Стражи провели новоприбывших и их пленника вверх по вымощенной крупной галькой тропе. Эта часть берега принадлежала Святилищу, и здесь не было ни домов, ни складов. Только красиво подстриженные кустарники и фруктовые деревья укрепляли склон, увенчанный каменной стеной. За этой стеной возвышалась четырёхъярусная каменная башня — оплот Ордена в древнем городе. На самом верхнем этаже по старинному обычаю размещались клетки с почтовыми птицами, ниже — покои и кабинет наставника.

Вопреки опасениям Холома, путников не стали мариновать в караулке или трапезной, а сразу провели на третий этаж. В уютной библиотеке за массивным письменным столом их ждал Улан Баир собственной персоной. Увидев сына и его спутников, он с радушной улыбкой поднялся из-за стола.

— В добрый час, в добрый час, дорогие друзья! Совсем скоро прорастёт зерно, которое и вы удобряли и поливали. Тогда я с удовольствием выслушаю из первых уст рассказ о том, как всё прошло на острове Гэрэл... Но постойте, кого это вы привели?

Почти забытый всеми главарь драконьей секты язвительно фыркнул.

— А я-то думал, что твоё обращение относилось и ко мне, билгор Баир! Такова, значит, твоя добрая память!

Холом пристально посмотрел на отца. На лице старого чиновника отразилась работа мысли, но и только. Какая часть того, что скрывается в этом уме, просочится наружу? Что это будет, правда или ложь?

— Билгор Гурбан? — неуверенно спросил Баир.

Сектант с довольной усмешкой кивнул.

— Значит, помнишь ещё свои школьные годы? Тем меньше оправданий твоей грубости!

— Мы вместе учились, Гурбан, это так, — спокойно признал старый сановник. — Но это не делает тебя моим другом. Особенно если мы с тобой оказались по разные стороны закона.

— По разные, несомненно, — хмыкнул Гурбан. — Но кто по какую, вот вопрос! Мы вместе несли неусыпную стражу у Священного Когтя, вместе приносили вечные обеты Последнему Судье, вместе радовались крупичам мудрости, которые прорастали в наших сердцах. А потом твой Орден нашёл способ усыпить духов-защитников города. Это ведь ты подсказал им, верно? Кто бы мог подумать, что Улан Баир, такой ревностный и самоотверженный, способен на это? Даже я не думал. До последнего верил, что ты с нами, пока не услышал твоё имя от одного юноши из Бириистэна...

— Юноши, значит? Его имя было не Тукуур?

— Возможно, и так. Возможно, из него выйдет лучший избранник Дракона, чем из тебя, Баир!

Бириистэнский законоучитель весело улыбнулся.

— Ах, Гурбан, Гурбан! Значит, ты так и не научился разбираться в людях! Этот "избранник" связан незримыми веригами по рукам и ногам! Воля Ордена ведёт его и его колдунью, и уже завтра они помогут нам покончить, наконец, с твоим мрачным культом!

Глава секты горестно покачал головой.

— Неужели это было в тебе с самого начала, Баир? Как ты мог так измениться?

— Ты взыскуешь мудрости, Гурбан? — раздражённо ответил Улан Баир. — Так вот тебе мудрость. Для голодной бездны, в которую ты зачарованно глядишь, ты — лишь чумная блоха, предназначение которой — заразить как можно больше других блох своим безумием. Тогда добыча хищника пустоты, наконец, сдохнет, и послужит пищей его личинкам...

— Отец! — прервал его Холом, и голос его прозвенел как выкрик дикого вака.

— Что такое? — нахмурился Баир.

— С Тукууром не может быть никакой колдуньи, — сдавленным голосом произнёс юный страж. — Я видел её кости на острове. Она мертва так же, как весь капитул Прибрежной Цитадели кроме мастера-факельщика. Кто бы ни был... Что бы ни было сейчас вместе с Тукууром, оно нам не друг и не слуга.

— Ты уверен? — ошарашенно спросил его отец.

— Тукуур покинул остров Гэрэл вместе с пиратами-островитянами. Среди них не было женщины.

Улан Баир закрыл глаза и медленно вдохнул.

— Тела мастера-книгохранителя не нашли, — добавил брат Ринчен. — Только одежду и серебряные брызги на ней и вокруг.

— Да укроет нас пустота! — прошептал старый сановник.

— Ты знаешь, что это, правда, Баир? — проскрипел пленник. — Вещий Зверь приходит и уходит по воле Дракона, и смертным его не одолеть!

— Это мы ещё посмотрим, — холодно ответил Улан Баир, и крикнул погромче: — Охрана!

Зашаркали плетёные сандалии, и в библиотеку вошли трое знакомых Холому часовых.

— В клетку его! — приказал чиновник, указывая на Гурбана. — Глаз не спускать!

Стражи отсалютовали и вышли, подгоняя пленника пинками. Баир повернулся к сыну.

— С тебя сняли вериги? — деловито спросил он.

Холом кивнул.

— Отлично! — бросил Баир, но тут же по его лицу пробежала тень. — Нет, не отлично. Завтра тебе придётся нелегко. Не пожелал бы такого врагу, тем более своему сыну. Но так вышло, что в тебе течёт кровь толонских жрецов, и тебя трон узнает. Попробует защитить. Это ослабит и замедлит Зверя, и тогда мы сможем его убить. В конце концов, мы уже сражались с чем-то подобным, когда внесли трон в проклятые катакомбы. И оружие наше осталось там, осталось наготове. Мы всё ещё можем победить, и наша победа в твоих руках.

— Ваш сын во главе горстки крестьян отбил у пиратов остров Гэрэл, — уверенно произнёс брат Ринчен. — И я сочту за честь ещё раз стать с ним плечом к плечу!

— Как и я с Вами, старший брат, — с чувством ответил Холом. — И с тобой, отец. Я рад, что зря подозревал тебя.

— Если бы ты меня не раскрыл, — улыбнулся Баир, — я бы, пожалуй, расстроился. Это значило бы, что мои уроки прошли зря. Но не будем терять времени! Нам многое нужно успеть к завтрашнему утру.

— Конечно, — кивнул Холом. — Но я должен знать, с чем столкнусь. Что это за зверь? Наставники не говорили о таком!

Баир тяжело вздохнул.

— Долгое время мы считали, что они остались в прошлом. В толонских сказках про кошек-оборотней, рождённых из лунного света, которые очаровывают неосторожных

путников, выпивают их жизнь и забирают себе их лица. Или в священных книгах жрецов Дракона.

— Четвёрка посланников, — догадался Холом, и прочитал наизусть: — Укрывшись в неприступной крепости, владыка Нижнего мира погрузился в целебный сон, приказав живым камням бдительно стеречь пределы своего царства. Не знал он, что в пылу сражения уже проникли в бесконечные пещеры бесстрашные посланники. Был первый среди них подобен могучему фениксу, выкованному из лучшей стали. Другой же хитростью подобен лису, речи же его звонки как серебро. И третий, чьё сердце прозрачно как чистая вода, а натиск сокрушителен как бросок крокодила. Четвертый же повелевал молниями...

— Верно. Они — обитатели и слуги хищника пустоты, которого люди царства царств поразили Звёздным Мечом, а нынешние почитают под именем Дракона. Его шпионы и миссионеры, способные выживать в тяжелейших условиях. Они пережили Падение Звёзд, и вместе с обломками Дракона попали сюда, в наш мир. К счастью, они, как и мы, разнятся по силе и способностям. Никого, подобного древней Четвёрке, мы не встречали.

— Они правда вывели народы из Нижнего Мира? Или священные книги лгут? — спросил Холом.

— Мы были нужны им, — кивнул его отец. — Поэтому нам дали возможность осознать своё рабство. И за короткое время, которое было нам подарено, мы успели построить воздушные дворцы, лунный щит и звёздный меч. А потом их хозяин вернулся, чтобы завершить начатое, и вот, мы снова пресмыкаемся в грязи, но мечта о небе живёт в наших сердцах. Не позволим же слугам хищника растоптать её!

Генерал нервно барабанил по рукояти меча, слушая рассказ своего шпиона. Неужели он начинает терять хватку? Или козни Ордена и угроза мятежников настолько сильно приковали к себе внимание Тагара, что он проглядел опасность со стороны укрытых ритуальными масками вроде-бы-союзников? Что задумали жрецы Дракона? Не хотят ли они воспользоваться хаосом орденского бунта чтобы подменить Прозорливого этой кошкой-оборотнем?

— Немедленно отправьте людей из особой десятки! — прорычал Дарсен Тагар. — Пусть возьмут усыпляющие жезлы. Приведите ко мне оборотня и этого Тукуура! Если не получится взять живьём — убить!

— В этом нет необходимости, мой генерал, — невозмутимо ответил наставник шпионов.

Генерал побагровел от гнева, но тут же побледнел и схватился за меч, когда черты Дагвы поплыли как нагретый воск. На мгновение его тело превратилось в зеркало, в котором отразилось растерянное лицо Тагара. Зеркальная поверхность пошла рябью, и на ней проступили черты беловолосой колдуньи, но кожа девушки так и осталась серебряной, а глаза — бездонными колодцами в звёздное небо.

— Ты! — выплюнул Тагар, оправившись от шока. — Что ты сделала с Дагвой?!

— На Вашей службе он часто обходился без сна, — холодно ответила посланница Дракона. — Сейчас навёрстывает упущенное.

— Я так легко не дамся! — прошипел генерал, вытаскивая меч.

Посланница подняла руку в жесте примирения.

— Успокойтесь, нохор Тагар! Меня вполне устраивает Ваш правитель и Вы как его правая рука. Своим появлением я только подчёркиваю тяжесть ситуации.

— Тяжесть ситуации мне хорошо известна, — процедил генерал, сместившись так, чтобы между ним и вещим зверем оказался письменный стол.

Тагар не рассчитывал, что это поможет, но рефлексы требовали действия. Статуя девушки из живого серебра не сдвинулась с места, но жест примирения мгновенно превратился в жест отрицания.

— Среди слуг и солдат законоучителя куда больше шпионов Ордена, чем он решается признать, — заявил оборотень. — Кто-то изнутри города подаёт сигналы мятежникам. Вооружённые новым знанием Стражи готовы поменять свой план. Ваш мастер-шпион от переутомления начал забывать важные детали и, в конце концов, выдал себя. Хорошо, что мне, а не Ордену. Вы всё ещё уверены, что понимаете тяжесть ситуации?

Вопрос, с какой стати генерал должен верить этому существу, просился на язык, но Тагар отбросил его. Вещий зверь мог придумать сотню причин или не снизойти до ответа. В любом случае, генерал мог полагаться только на собственное чутьё. А оно с опозданием подсказывало, что драться с существом из священных книг прямо посреди баянгольского Святилища — плохая идея.

— Что Вы предлагаете? — как можно спокойнее спросил Тагар.

Кожа посланницы окрасилась в привычные цвета. Не обращая внимания на то, что генерал так и не спрятал меч, она спокойно подошла к столу и провела пальцем по столешнице, оставляя слабо светящийся серебряный след. Генералу хватило беглого взгляда, чтобы понять, что посланница рисует схему городских укреплений.

— До этого момента Орден не сомневался в своей победе. Вероятно, они рассчитывали повести мятежников на штурм города одновременно с убийством Прозорливого. Я полагаю, среди городских стражников есть предатели, готовые открыть мятежникам ворота, как минимум, нескольких фабричных кварталов. Беспорядки в городе свяжут Вам руки до подхода подкреплений из Толона...

— Которые почти наполовину состоят из факельщиков, — мрачно ввернул генерал. — Это мне известно. Но вы говорите "до этого момента". Вы считаете себя способной изменить ход сражения?

— Вы должны знать легенду о бессмертных защитниках Баянгола, — произнесла девушка, опершись рукой на стол.

— Старые сказки, — пожал плечами Дарсен Тагар. — В некоторых говорится, что сам Дракон явится на помощь городу в трудную минуту. Такое же рассказывали про Толон. И где теперь жрецы Безликого и их защитники? В главном храме Безликого теперь библиотека Ордена, а трон правителя-жреца, как оказалось, перенесён сюда. Немыслимое святотатство! И что, где гнев Дракона?

— Он здесь, — тихо ответила посланница.

Она подняла руку, и Тагар увидел на мраморной столешнице оплавленный отпечаток ладони.

— Я — пристав Последнего Суда, — неожиданно властно произнесла девушка. — Я веду следствие и оглашаю приговор. Я могу убить живой камень реликвии Безликого и пробудить защитников ото сна.

— То есть, это трон усыпляет защитников? — уточнил генерал.

— Да. Орден давно открыл, что осколки Дракона и живой янтарь Безликого подавляют

друг друга. Поэтому Стражи размещали реликвии Дракона в храмах Безликого и наоборот.

— Почему легендарные защитники не помешали им? — недоверчиво спросил Тагар.

— Не думайте, что они не пытались. Вспомните слова Улан Баира.

— Орден использовал некое "оружие". Какое именно?

— Стражи называют его "душа пламени". Это осколок эпохи царства царств. Выглядит как стальной цилиндр, насаженный на длинное древко. Цилиндр витым шнуром соединён с большим ящиком. Расчёт — три человека. Стрелок и два носильщика. Момент выстрела не виден глазу, но тот, кто окажется перед цилиндром, почувствует сильный жар и через несколько мгновений сварится изнутри.

— Опасная вещь, — проворчал генерал. — А паника, которую она поднимет, ещё опаснее. Если перерубить шнур, орудие выйдет из строя?

— Верно, — кивнула посланница. — Но спешить с этим нельзя. "Душа пламени" может убить меня, но она же способна разрушить трон. Нам нужно, чтобы эти два события произошли одновременно.

— Я не ослышался? — нахмурился Дарсен Тагар. — Мы должны дождаться, пока Вас убьют?

— Рядом с троном, — с нечеловеческим спокойствием подтвердила девушка.

— Не то, чтобы я был против, — криво усмехнулся Тагар, — но кто тогда откроет Прозорливому древнее Святилище?

— Генерал, — холодно отозвалась девушка, — если вы проиграете сегодня, будет уже некому и незачем его открывать. Но если победите, Айсин Тукуур вполне справится без меня. Он же сможет направить защитников, когда они проснутся. Так что постарайтесь не потерять его в бою.

Генерал устало потёр лоб. Ситуация нравилась ему всё меньше и меньше.

— Почему Вы настаиваете на своей смерти?

— Оружие нарушит структуру трона. Но только моя кровь завершит начатое. Поэтому я прошу Вас: если это не смогут сделать Стражи, на спуск должен нажать кто-то из Ваших людей. Сделайте так, чтобы Тукуур не узнал об этом, — на мгновение в её голосе промелькнуло что-то похожее на заботу. — К сожалению, он уже начал привязываться. Если моя смерть сделает его Вашим врагом... — она выразительно качнула головой.

Дарсен Тагар раздражённо побарабанил пальцами по эфесу меча. После этих слов Тукуур начал представляться ему чем-то вроде пороховой бомбы, которую нужно как можно скорее метнуть во врага, надеясь, что осколки заденут не слишком много своих. Здравый смысл подсказывал, что "решение" посланницы дрянное. Стоило бы увезти Прозорливого из города, а самому дать бой на стенах и посмотреть, чья возьмёт. Но он также понимал, что пробуждение защитников, чем бы они ни были, даст власти Джал Канура то самое мистическое измерение, к которому Прозорливый так стремился. И, прекрасно понимая, каким будет решение правителя Удела Духов, Дарсен Тагар нехотя произнёс:

— Я не имею права единолично отдавать такие приказы. Ждите меня здесь. Я принесу Ваш план на суд Смотрящего-в-ночь.

Теперь, когда раскрыта причина болезни, поразившей защитников города, все три ума вещего зверя напряжённо работали над её устранением. Ослабевший от долгой спячки

координирующий ум с трудом оттягивал на себя ресурсы тела, чтобы оценить силу и способности живого камня, который люди называют тронем жрецов Толона. Ему активно мешал настороженный ум. Он настойчиво твердил, что интенсивность ультрафиолетового излучения растёт, в атмосфере слишком много соединений серы и азота, и неплохо бы перестроить оболочку. Настороженный ум привык командовать. Долгие годы именно он спасал их от смерти в чужом и враждебном мире, полном хищников, паразитов, ядов и опасных излучений. Ценой этого выживания было не просто варварство, а дикость, допервобытное состояние голодного хищника, ненавистное координирующему уму. Но что им оставалось, если от прекрасного и мудрого Хранителя, бережно носившего их на своём теле, осталась груда осколков, рассеянных по всей этой планете? Голос того, кого убийцы называли Драконом, превратился в крик, а потом в едва различимый шёпот, и теперь ослабленный и поглупевший координирующий ум, отрезанный от коллективной памяти народа, даже не был уверен, что понимает этот шёпот правильно. Но близость древнего врага давала координирующему понятную цель, и он вцепился в эту цель, как вцеплялось когда-то его тело в добычу. Со вновь обретенной силой он отдавал приказы, и с радостью ощущал, как уступают его напору звериные инстинкты ума настороженного, а их грубые требования превращаются в советы, как и должно быть.

Чего он не ожидал, так это сопротивления отзывчивого ума. Этот вспомогательный центр, созданный для общения с разумными аборигенами, должен был провести в забвении ещё больше времени, чем координирующий ум. Вопреки этому, он оказался вполне развит, и даже пытался оспаривать приоритет принятия решений. Вероятно, в своих блужданиях вокруг пещеры, скрывавшей в своих недрах осколок-капсулу, принесшую их в этот мир, настороженный ум неоднократно наткнулся на людей и самостоятельно пробуждал отзывчивый ум, пренебрегая координирующим. И отзывчивый ум пытался исцелить своё одиночество общением с существами, которые и были причиной этого одиночества. С убийцами, расколовшими тело Хранителя, уничтожившими память поколений, обречёнными осколками его народа на скитания в чужом мире. Координирующий ум не мог понять, как эти несуразные существа могли стать причиной такой катастрофы. По сравнению с тем, на что был способен разум этого живого мира, который местные именовали Безликим, "звёздный меч" аборигенов казался обглоданной берцовой костью, зажатой в кулаке обезьяны. Но он разбил тело Дракона, как грязная дубина разбивает драгоценный фарфор. Перечеркнул все усилия Первопроходцев, которые смогли обойти все защиты Безликого и отравить его разум, сделав живой мир безвольной добычей Дракона, готовой принять его волю.

"И, всё же", — возражает отзывчивый ум, — "Первопроходцы делали ставку на пленников Безликого. Прилагали усилия, чтобы защитить их умы от воздействия живых камней. Воспитывали тех, кто принял мудрость Хранителя. Имеем ли мы право не следовать их примеру, особенно сейчас, когда нас осталось так мало? Теперь только люди и другие народы этого мира могут собрать осколки Дракона и помочь ему возродиться в теле Безликого. Возродиться и размножиться, и наполнить великую Пустоту!"

Любому из этих аборигенов слова отзывчивого могут показаться безупречными, но для координирующего ума это набор туземных лозунгов. Отзывчивый ум очарован — очарована, она уже настроилась на эту концепцию — чужаками и их миром не меньше, чем те очарованы безошибочно подобранной формой. Она кропотливо изменяет структуру так, чтобы движения были естественны и приятны для окружения, колебания воздуха — слова — привлекали внимание и дарили надежду, изменения поля создавали гармонию. Старается

передать крупицы своих знаний человеку по имени Тукуур, с которым срослись питомцы-связные. Дряхлые, измождённые существа, отравленные кровью людей, сильно изменённых Безликим. Это было попросту опасно. Питомцы едва справлялись с основной задачей — делали человека способным осмыслять изменения электромагнитного поля. Они не могли подстраховать отзывчивый ум в случае, если он сболтнёт лишнего. К счастью, невысокий уровень развития общества мешал аборигену задавать вопросы, выходящие за пределы его священных текстов. К тому же, он уже попал в эволюционную ловушку и был готов влюбиться в посланницу Дракона до боли в сердце и остекленевшего взгляда. В другой ситуации это можно было использовать. Но сейчас неприлично разросшийся отзывчивый ум вполне мог скопировать это состояние для достижения полного резонанса.

Координирующий ум понимал, что им всем нужен врач. Увы, фатальное невезение помешало вещему зверю встретить даже тех сородичей, которые, как оказалось, были поблизости. Того, кто в образе мастера-книгохранителя создавал условия для рождения светоча-зерна. Или того, кто подменил предыдущего улюнского наставника. Впрочем, кто знает, не были ли и они безумцами с доминирующим отзывчивым мозгом? Такая возможность помогла вещему зверю принять неизбежность конца. Он выполнит свою задачу, простую и понятную. Победит разум трона. Сохранит тех людей, кто готов принести светоч-зерно в место назначения. Удерживая эту цель, координирующий ум подчиняет ей работу двух других центров, в то же время давая им больше простора для непосредственного контакта со средой.

Настороженный ум сосредотачивается на очертаниях объектов в отражённом свете, как того требует ум отзывчивый, но даже это не мешает ему ощущать искажение поля. Трон тоже чувствует их приближение и сосредотачивает волю, чтобы сделать поле максимально некомфортным, отпугнуть, помутить сознание. Приходится давать ещё больше свободы отзывчивому уму, и тот делится спокойствием и радостью от своего резонанса.

Она читает сочувствие и поддержку на лице Тукуура, чувствует грозную уверенность гвардейцев, решительную собранность их генерала. Люди не боятся. Отчасти потому, что не чувствуют и трети того, что обрушивается на них трон. Эта удивительная глухота к воздействию собственного Странника поражает. Как мало времени им понадобилось, чтобы научиться воспринимать активность волокон-передатчиков воли Безликого как фоновый шум, подобный плеску воды за окном хижины рыбака! Почему этот Странник не правил их так же, как обтачивал её народ Дракон, добиваясь тончайшего согласия воли и максимальной изменчивости тел? Вместо этого Безликий втягивал в себя всех, до кого мог дотянуться, вероятно, разбивая вдребезги их прошлую среду обитания. Он ставил на них странные эксперименты, неизменно сохраняя исходные дикие линии. Что это было? Лень, глупость, небрежность? Или, всё-таки, глубокий расчёт? Её народ не допускал этой мысли, пока не случилось Падение Звёзд.

Процессия приблизилась к зданию, похожему на замшелую скалу, где люди поклонялись четверым Первопроходцам и их Страннику. Вернее, Странице. Если бы люди знали больше, они называли бы её не Драконом, а Осой-наездником, как сделал это Тукуур, удивительно быстро проникнув в суть вещей. Первопроходцы выполнили свою задачу, найдя ключ к сердцам людей и других существ, населявших Безликого. Но когда Оса явилась, чтобы впрыснуть эссенцию своей жизни в тело ослабленного врага, эти самые люди, уже давно оторванные от воли своего хозяина, нанесли сокрушительный удар. Может, в этом и был смысл? Нет нужды заставлять народы защищать среду обитания, к которой они

привыкли. Они прекрасно делают это сами.

Чёрные стражники с совиных масках выстроились у входа. Среди них были явные враги — их выдавали дрожащие связи-паутинки, рождённые питомцами-связными. Ещё один дар её народа, обращённый против него. Кажется, люди называли эту связь "незримыми веригами", подчёркивая её тяжесть. Они просто не знали, насколько тяжела она была для питомцев, которых Орден неизменно приживлял только тем, в чьей крови сохранялась живая пыль — наследие экспериментов Безликого. Если бы не борьба питомцев, эта пыль проросла бы на лбах и висках людей серебряной и янтарной чешуёй, возвещая рождение новых пророков планетарного разума. Но Орден препятствовал этому, сливая враждебные организмы с упорством ребёнка, понявшего, что огонь можно потушить водой, но ещё не знающего об опасности горячего пара.

Посланница невольно замедлила шаг, почувствовав враждебность храмовых стражей и стоящего за ними трона. Тукуур ободряюще сжал её руку. Гвардейцы выстроились в две шеренги, на время отгородив процессию от стражников. Затем все они, чиновники, жрецы и солдаты, вошли под мрачный свод старого здания, в котором таилась вековая сырость. Где-то на периферии сознания промелькнуло предупреждение настороженного ума. Грибок, разросшийся на каменных стенах, почти готов был выбросить в воздух ядовитые споры. Внутренний сторож советовал преобразиться, но в этом совсем не было нужды. К чему тратить силы, если всё скоро закончится? "Слишком скоро", — почти по-человечески подумала она, — "неудачно, несправедливо, отвратительно скоро".

Под звуки свирелей и гонгов процессия прошла мимо статуй и большого квадратного алтаря и остановилась перед широкой лестницей, ведущей в подземный храм. Перед лицом угрожающей городу опасности Смотрящий-в-ночь пожелал возжечь благовония перед подлинным когтем Дракона, которым, по древней легенде, поразил Безликого в сердце Стальной Феникс. Легенда помоложе гласила, что Коготь хранится в сердце священного Баянгола. Посланница знала, что обе легенды имеют пренебрежимо малую связь с действительностью.

Служители налегли на рычаги воротов, и тяжёлые каменные блоки разъехались в разные стороны, пропуская жрецов и сановников с святая святых. Но когда от пропитанной фосфором нити вспыхнули закреплённые на колоннах факелы, все ошеломлённо замерли. В центре зала среди безжизненно-матовых обломков священного обелиска возвышался причудливый трон из сияющего жёлтого камня. Он напоминал коралловый риф или переплетение древесных корней, взломавших скальную толщу и вросших глубоко в сердце баянгольского холма. На троне сидел человек в струящихся белых одеждах. Медленно оглядев присутствующих, он звонко расхохотался.

— Кто надумил вас, глупцы, привести сюда жрицу Певца Пустоты? Теперь вам не спрятаться от ярости духов Толона!

— Святотатство! — завопил кто-то. — Злые чары! Смерть колдунье!

Голос провокатора оборвался сдавленным воплем, когда стоявший рядом гвардеец ткнул его под дых рукоятью меча. Всего на мгновение воцарилась тишина, и в ней громко разнёсся голос Айсин Тукуура.

— Почему это дух Толона говорит с приморским акцентом, да ещё таким знакомым голосом? Друг Холом, слезай оттуда и не смущай сердца верующих!

Человек на троне открыл рот для ответа, но вперёд выступил правитель Удела Духов, быстро стряхнувший с себя оцепенение.

— Барсы! — громко приказал он. — Арестовать подстрекателя!

Но прежде чем гвардейцы достали мечи, Улан Баир ловкой ящерицей скользнул к Прозорливому и вонзил кинжал в просвет между драконьей маской и посеребрённым нагрудником. Правитель захрипел и медленно осел на землю, а Баир помчался вперёд, в ожившую темноту между колонн, из которой выступили чёрно-алые факельщики Ордена Стражей.

— Ни с места! — скомандовал их командир. — Бросайте оружие или разделите судьбу тирана!

Последним усилием раненый сорвал с себя драконью маску, и удивлённым сановникам предстало усатое лицо сотника Цэрэна.

— Проклятье! — прошипел наставник Стражей. — Это не правитель!

— Ко мне, соратники! — заревел генерал Тагар, подняв меч. — Смерть бунтовщикам!

Не дожидаясь его слов, гвардейцы-лучники спустили тетивы, выцеливая стражей-стрелков. Воцарился хаос. Снежные Барсы сшиблись с факельщиками, одетые жрецами солдаты — со Стражами в форме Совиных Масок. Кто-то из жрецов и придворных проталкивался к выходу, кто-то размахивал парадным оружием, прорубая себе путь в гущу сражения.

Настороженный ум завопил от страха, но координирующий тут же подавил его хаотичные импульсы, оставив только расчёт и скорость реакции. Прирученный человек пытался сражаться рядом. Он не струсил, и это было хорошо, но он не был приучен к бою, и в сражении был скорее обузой. Приходилось то и дело уклоняться от его неуклюжих движений, но, тем не менее, они продвигались к трону. Слева налетел замотанный в чёрное стражник, явно посчитавший невооружённую женщину лёгкой мишенью. Ошибка. Подавившись кровью, нападавший упал, его плохо сбалансированный меч теперь оттягивал левую руку посланницы. Настороженный ум с удовольствием превратил бы всю конечность в куда более удобное орудие, но форма всё ещё имела значение.

Постепенно вражеские бойцы начали сторониться их, но всё сильнее давила на разум злоба трона, и в какой-то момент стало ясно, что враги сражаются лучше. Теперь они теснили гвардейцев по всему храму, подбадривая себя воодушевлёнными кличами. Казалось, победа уже на их стороне, когда картина боя резко изменилась.

Оглушительный взрыв разрушил дальнюю стену подземного храма, и в пролом с воем и улюлюканьем полезли покрытые рыжей шерстью существа. Они бросались на своих и чужих, не разбирая стороны в драке, но их появление сломало тактику факельщиков. Бойцы Ордена развернулись к новой угрозе, освободив посланнице путь к трону и сидящему на нём человеку, но болезнетворные флюиды создания Безликого не давали ей сдвинуться с места. Девушка оглянулась на Тукуура. Её спутник стоял, тяжело опершись на меч. Он пытался принять удар на себя, но слишком много решительной злобы было в сердце его соперника. Шаман тяжело перевёл дух и с обречённой тоской посмотрел на волны мохнатых воинов, но вдруг его взгляд стал резким и собранным.

— Илана! — прокричал он во тьму.

Посланница обернулась, и увидела в рядах рыжих существ девушку в солдатском кафтане. В карих глазах воительницы застыли изумление и вопрос. Обрывки чужой памяти подсказывали, что это — сестра той, чью форму принял вещей зверь. И, лихорадочно подбирая правильную реакцию, посланница подняла руку в жесте приветствия, а потом указала на трон.

Рыжий воин, стоявший рядом с Иланой, с ужасающим рыком рванулся вперёд и смахнул ошалевшего Холома с сидения. Противники покатались по земле. Злая воля Безликого ослабла и, ловя за хвост ускользающий миг, координирующий ум передал управление настороженному, отправив тело в недоступный человеку прыжок. Посланница врезалась в живой камень с металлическим звоном, а потом накатила тёплая и душная волна. Несколько человек дико закричали в унисон с настороженным умом, который тут же пришлось отсечь. В его угасающих импульсах до координирующего ума докатывалось понимание того, как рвётся в ключья поле, возмущённое "душой пламени", как рушится защитная оболочка и трещит от жара ненавистный трон. Превратив оставшуюся волю в движение, зверь направил собственную материю в эти трещины, изгоняя остатки враждебной жизни, выжигая корень болезни дотла. И только когда не осталось иных тканей кроме его собственных, координирующий ум позволил себе осознать, что всё то время, пока сохранялась форма, отзывчивый ум упорно трудился, подбирая нужные слова для своего человека. Кажется, ей это удалось.

Бесконечные коридоры, казавшиеся гибридом муравейника и пчелиного улья, неожиданно привели Илану и её бойцов в гущу сражения. Она замерла на пороге полутёмного зала, пытаясь разобраться, что происходит. В неверном свете факелов сверкали мечи, кинжалы и палицы. Смешались мундиры чёрно-красные, жёлто-серые и чёрно-серебряные. Посреди всего этого хаоса возвышался причудливый сталагмит или, может быть, скульптура из светящегося янтарно-жёлтого камня. Она была похожа на низкорослое дерево, лишённое листьев, выросшее прямо из толщи скалы. В переплетении ветвей, словно защищающий гнездо аист, застыл в неудобной позе человек в белых одеждах. Он даже не обернулся на звук взрыва, как будто не мог оторвать взгляда от двух воинов, напряжённо замерших в десятке шагов от него. Они стояли чуть наклонившись вперёд, опираясь на мечи, как будто ледяной горный буран бросал им в лица комья снега. Островитяне с яростным рёвом ринулись вперёд, и один из воинов поднял голову.

— Илана! — крикнул он, салютуя мечом.

Дочь плавильщика с удивлением поняла, что видит перед собой Тукуура. А рядом с ним, повзрослевшая, но ещё узнаваемая, стояла Айяна. Младшая сестра, которую она уже дважды успела оплакать и мысленно похоронить. Что это? Галлюцинация? Колдовство? Или шаман солгал Илане о том, что видел на острове? Но зачем? Эти вопросы вихрем пронеслись в голове девушки, но времени отвечать на них не было. Мохнатые воины словно жёлтый ручей влились в бушующий поток битвы, и тот поглотил их без остатка. Кто-то из врагов выстрелил в Илану, но стрела прошла мимо. А Айяна подняла руку в приветственном жесте и умоляюще указала на человека в белом, чья воля не давала ей двигаться. И пока Илана пыталась осознать, как она по одному жесту поняла ситуацию, Высокий Пятый, в ком всегда было больше действия, чем сомнений, яростно заревел и бросился вперёд. Он смахнул человека-аиста с его янтарного дерева как тряпичную куклу и ударил об пол, но тот оказался ловким, как кошка. Извернувшись, он ткнул Высокого Пятого кинжалом и попытался вырваться, но островитянин только зарычал и ещё крепче сжал его в медвежьих объятиях. Засмотревшись на их поединок, Илана не заметила, как Айяна оказалась рядом с янтарным кустом. А потом произошло что-то странное. Несколько человек, стоявших между Айяной и

тёмной нишей в стене подземного храма вдруг закричали от боли и рухнули, захлёбываясь кровью. Ветви дерева померкли и начали трескаться, а младшая сестра Иланы покачнулась, ухватившись за каменные выросты.

Бросив быстрый взгляд в сторону ниши, Илана увидела, как в её тени трое орденских бойцов возятся с каким-то странным устройством. Выхватив трофейный меч, дочь плавильщика бросилась к ним, инстинктивно двигаясь по дуге. А с другой стороны зала по такой же дуге бежали к неизвестному оружию три гвардейца во главе с плечистым военным чиновником в расшитом золотом генеральском кафтане. Несколько орденских солдат бросилось им наперерез. Зазвенели мечи, а бойцы в нише продолжали колдовать над своим механизмом, используя каждое мгновение, которое покупали им своими жизнями братья по оружию.

Илана набросилась на них из тени подобно разъярённому ворону, защищающему птенца. Заметивший её в последний момент стрелок попытался навести на девушку палку с закреплённой на конце стальной болванкой, но Илана извернулась и одним взмахом трофейного смерть-меча перерубила толстый витой шнур, соединявший палку с тяжёлым, выкрашенным в болотный цвет ящиком. Яркая жёлто-зелёная вспышка ослепила девушку и её врагов. Не останавливаясь, Илана рубанула мечом наугад, удерживая потайную кнопку. Раздался треск и болезненный вскрик. Один из солдат упал, а ящик загудел и выплюнул облачко искр. Не желая искушать судьбу, два других противника бросились прочь. Последовав их примеру, Илана помчалась дальше. Гвардейцы, которых она заметила раньше, уже лежали на каменном полу. Генерал ожесточённо рубился с высоким Стражем. Воин был явно сильнее, но брат Ордена превосходил его в ловкости. Он ускользал от сокрушительных ударов генерала, выжидая, когда тот начнёт выдыхаться. Услышав топот Иланы за своей спиной, Страж стремительно отступил в сторону, подставляя девушку под очередной удар генерала. Но воин, неловко крутанувшись, направил свой клинок в сторону, а Илана припав на одно колено, уколола Стража в икру. Если бы в её руках был обычный клинок, рана была бы не страшнее комариного укуса, а ответный удар слуги Ордена лишил бы девушку головы. Но захваченный в Могойтине колдовской клинок тихо зажужжал, выпуская таящуюся в нём смертельную энергию. Страж содрогнулся, едва не выпустив меч. Воспользовавшись этой заминкой, генерал рубанул его наотмашь своим палахом.

Быстро кивнув друг другу, генерал и Илана повернулись к странному дереву и увидели то, что долго ещё будет являться им в кошмарных снах. Айсин Тукуур стоял на коленях у почерневшего трона — с этого ракурса назначение дерева стало очевидным — удерживая в объятиях тело Айяны, но оно буквально утекало сквозь пальцы шамана как нагретая восковая фигура. Знатоки церемоний не шевелились, пока от неё не осталась лишь лужица серебристой жидкости. Но когда осмелевшие бойцы Ордена бросились к нему с воинственным кличем, шаман молча встал и отряхнул руки. Серебряные капли сорвались с его пальцев, превратились на лету в тончайшие иглы и пронзили воинов насквозь. А потом катакомбы загудели, как встревоженный улей.

Из похожих на пчелиные соты отверстий в потолке смертоносным дождём посыпались треугольные лезвия. Они изменяли направление полёта, закручиваясь вокруг зала подобно прозрачному телу огромной змеи. Илана в ужасе замерла, глядя как сверкающий поток без разбора пожирает тела бойцов. Казалось, это кольцо вот-вот сомкнётся, не оставив в подземном храме никого живого, но затем Тукуур с усилием взмахнул руками и вытянул их в сторону пролома, проделанного подрывниками Иланы. И поток лезвий скользнул в

отверстие, сливаясь с такими же потоками, пришедшими из дальних коридоров, устремляясь прочь за стены города. Только десяток летающих лезвий всё ещё кружился вокруг Тукуура, который стоял с закрытыми глазами, вцепившись в потемневшие ветви трона. В серебристом свете смертоносных снарядов было видно, как катятся по застывшему лицу шамана крупные капли пота.

— Гнев Дракона пал на головы нечестивых! — провозгласил пришедший в себя генерал. — Покайтесь, выжившие! Может быть, вы будете прощены!

Шёпот множества голосов пронёсся по залу. Кто-то молился, кто-то плакал, кто-то рвал на себе одежду или волосы. Многие солдаты Ордена бросили мечи, но были и такие, кто попытался заколоться или сбежать. Мохнатые бойцы растерянно сгрудились вокруг Высокого Пятого. Двое младших командиров держали за руки человека в белом, в котором Илана узнала Холома.

— Вы совершили чудовищную ошибку, — громко и отчётливо сказал пленник.

— Это Вы совершили ошибку, — возразил генерал, — которая будет стоить Вам жизни. Холом посмотрел на него с гневом и болью.

— Да, это я повесил Тукууру на грудь проклятую чешуйку Дракона. Я создал чудовище. Но вы, ставшие на его сторону, разрушили будущее своих детей, и детей их детей.

Илана бросила взгляд на впавшего в транс Тукуура. Она не знала, какого духа шаман только что выпустил из Нижнего Мира, но пророчество Холома казалось очень правдоподобным. По крайней мере, её восстание подошло к концу. Вряд ли кто-то в лагере уцелел.

— Это ведь ваши люди сожгли Могойтин? — прозвучал вопрос генерала.

Дочь плавильщика с запозданием поняла, что воин обращается к ней. Значит, не удастся сделать вид, что они пришли на помощь победителю. Илана глубоко вдохнула, прикидывая, как долго они продержатся против уцелевших гвардейцев и лезвий Тукуура. Как быстро шаман сможет вернуть сюда свой стальной вихрь? Она начала медленно пятиться к остальным островитянам, обречённо поднимая меч в верхнюю защитную позицию. Но когда продолжение боя казалось неизбежным, раздался надтреснутый голос Тукуура.

— Не разбрасывайтесь союзниками, нохор Тагар, — произнёс шаман, открыв глаза.

— Надеюсь, с лагерем мятежников покончено, билгор Тукуур? — ворчливо спросил генерал, скрывая страх за недовольством.

Шаман устало вытер лицо рукавом. Все видели, как дрожат его руки, но сверкающие клинки продолжали неумолимый хоровод вокруг знатока церемоний, свидетельствуя о его новой силе.

— Лагерь, — хрипло сказал Тукуур. — Башня Стражей. Пристани. Всё очищено. Скорее мы вступим в бой с толонской флотилией.

— Толонской флотилией? — ахнул кто-то.

— На ней армия Срединной Цитадели Ордена, — мрачно пояснил генерал, и добавил: — Не думал, что Ваша сила простирается так далеко, билгор Тукуур.

— Я теперь пристав Последнего Суда, — с явным усилием ответил шаман. — И не успокоюсь, пока враги правосудия не обратятся в пыль.

— Что на счёт этих врагов? — Дарсен Тагар махнул рукой в сторону Иланы и мохнатых.

— Они Вам нужны. Мохнатые — чтобы сражаться с хамелеонами за острова. Илана — чтобы открыть Святилище.

— Посланица сказала, что Вы справитесь сами, — нахмурился генерал. — Она

солгала?

— Я зашёл слишком далеко, — покачал головой шаман. — Дом Безликого увидит во мне врага и не откроет двери.

— Что же, хорошо, — буркнул генерал. — Я боялся, что Вы станете просить и за того, чей отец поднял руку на Прозорливого.

— Я хотел бы, — выдохнул Тукуур. — Но слишком велик риск, что он совершит в столице то же, что я совершил здесь. Выпустит слуг Безликого, охраняющих Святилище.

— Хорошо, что твои родители не видят, чем ты стал, друг Тукуур, — горько сказал Холом.

— Молчать! — рявкнул Тагар. — Ты одел тогу правителей Толона и повторишь их судьбу!

— Медленная смерть? — криво усмехнулся юный Страж. — Вот, значит, как...

— Этому не бывать! — изменившимся голосом каркнул знаток церемоний.

Хоровод лезвий ускорился, слившись в единое кольцо, а потом что-то сверкнуло в воздухе, и Холом медленно осел на пол.

— Прозорливый этого не одобрит, билгор Тукуур! — угрожающе произнёс генерал.

— Я — пристав Последнего Суда, — ледяным тоном повторил шаман. — Я веду следствие и оглашаю приговор. Если Прозорливый недоволен, пусть призовёт на мою голову суд Дракона. Но пока я прокладываю для него путь в Священную столицу, и не советую мне мешать!

Тукуур сел на трон и закрыл глаза. Летающие лезвия продолжали бешено вращаться, окутывая его сверкающим облаком.

Прозорливый принял Илану вечером в просторной библиотеке, которую уступил ему баянгольский законоучитель. Кроме них в комнате никого не было, как будто Прозорливый безоговорочно доверял недавней бунтовщице, или, гораздо вероятнее, мог в любой момент призвать себе на помощь духов-защитников с их летающими клинками. Хотя этой встречей Илана была обязана Тукууру, её не покидало ощущение, что правитель видел в ней возможность создания ещё одного полюса власти, уравнивающего влияние жрецов и военных.

— Ваши толонские друзья — кабинетные теоретики, хотя некоторые их предложения мне нравятся, — заявил Смотрящий-в-ночь, пристально глядя девушке в глаза. — Например, восстановить сословие дарханов и перевести в него чиновников ведомства внешней гармонии. Или каждые четыре года, в день смены первоэлемента, переводить моих соратников на новое место службы, оценивая их работу повышением или снижением ранга. Или вот, тоже неплохое: ввести должность цензора общественных работ, надзирающего за условиями труда должников, переданных в услужение частным лицам. Как думаете?

— Я перевела бы в сословие дарханов и ведомство внутренней гармонии, — ответила Илана, стараясь сохранить спокойный и доверительный тон беседы, хотя и чувствовала, что гладь этого озера скрывает острые камни. — В духовных канонах есть мудрость, но в них также много такого, что не способствует исцелению больных.

— Боюсь, Ваши коллеги не согласятся с этим, — усмехнулся Смотрящий-в-ночь. — Ведь что, если не божественный авторитет, заставит пациентов безоговорочно следовать их

предписаниям?

— С этим трудно поспорить. К сожалению, божественный авторитет туманит голову слабым людям, заставляя их чувствовать себя непогрешимыми, — резче, чем следовало бы, ответила девушка.

— Действительно, — безучастно произнёс правитель, но продолжение беседы подсказало, что его задело её слова: — Всё утро я взвешивал Ваши поступки, пытаюсь уравновесить награду и наказание. Вы переломили ход боя и спасли жизнь моему другу Тагару. Но Ваши люди сожгли мой город, и этого нельзя забывать.

Илана молча ждала продолжения, склонив голову не ниже, чем полагалось по этикету.

— Как я уже говорил, Ваши друзья смотрят на мир через окно кабинета. Нравятся мне их идеи или нет, я не могу позволить таким людям управлять государством. Вы — другое дело. Вы показали, что способны и целить, и разрушать. Вы знаете цену неправильных решений...

«Вы, ставшие на его сторону, разрушили будущее своих детей, и детей их детей!» — прозвучали в голове девушки отчаянные слова Холома, и её сердце впервые с начала этой беседы болезненно сжалось.

— Тукуур сказал, что вы способны распечатать столичное Святилище, и я верю, что Вы это сделаете. Но я хочу, чтобы после этого Вы стали моей посланницей в Толоне. Там Вы сможете проверить на практике идеи своих друзей. Те которые докажут свою ценность, будут постепенно распространены на всю страну.

Смотрящий-в-ночь снова выжидающе посмотрел на свою собеседницу, оценивая её реакцию.

— Это и награда, и наказание, повелитель, — она намеренно произнесла фразу на толонский манер, чтобы обойтись без частицы «мой».

— Конечно, — невозмутимо ответил правитель. — Некоторые из Ваших друзей, несомненно, возненавидят Вас за это. Как и некоторые фанатики Безликого. Вы ведь из рода правителей Толона по матери, верно? Поэтому другие с радостью станут под Ваши знамёна. В конце концов, от Вас будет зависеть, будет ли это в большей степени наградой или наказанием. Но я хочу, чтобы вы знали: самой возможностью этого выбора Вы обязаны моему соратнику Тукууру. Плохая примета, знаете ли — открывать новую эпоху правления, не дав верному слуге выплатить долг.

Илана молчала, погрузившись в тяжёлые раздумья. Смотрящий-в-ночь не торопил её. Пока не торопил. Он давал ей возможность воплотить в жизнь свои идеи, но многие сказали бы, что такая возможность, полученная из руки тирана, не стоит ничего.

— Я — врач, — наконец, сказала она. — Одна из тех, кто пытается лечить даже в грязной темнице закованными в цепи руками. Но если Вы хотите, чтобы от лечения был толк, комната должна быть чистой, а руки лекаря — свободными.

Правитель поморщился.

— Красивые слова, но как я могу дать Вам то, чего не имею сам? Да, Ваши руки будут связаны. Верный человек, которого я обязан вознаградить должностью толонского законоучителя, будет бороться с Вами за власть. Как и сякюсэнский тысяченачальник, которого я поставлю над армиями побережья. Как и Ваши пока неизвестные враги. Но мои руки так же связаны войной и грядущим голодом. Думаете, Толон грязная камера? Вся эта страна — грязная камера, которую не уберёт никто кроме нас самих!

— По крайней мере, остановите проклятые стройки и... — она чуть замешкалась, но

преодолела себя — верните лесным людям острова. Вам это всё равно ничего не будет стоить!

Смотрящий-в-ночь устало вздохнул.

— Знал, что Вы это скажете. Это воспримут как проявление слабости, без сомнения. Но Вы правы. Острова больше не принадлежат мне, а стройки уже дали всё, что могли дать. Так и быть. Я издам эти указы. Более того, я прикажу освободить рабов-островитян по всей стране, если они присягнут мне в верности и будут сражаться вместе с моими армиями против Ордена.

— И распустите компанию «Медовая лоза».

— Ещё одно слово, и я переведу лично Вас в сословие торговцев! — фыркнул правитель.

Илана горько усмехнулась.

— Всего-то?

— Скажу Вам честно, — вновь доверительным тоном произнёс Прозорливый. — После того, что здесь произошло, мне будет очень нелегко найти помощников, у которых в моём присутствии не дрожат колени и не заплетается язык. Поэтому я не грожу Вам казнью, а терпеливо спрашиваю ещё раз: вы примете мой оберег?

Отказаться сейчас означало выбрать смерть. Но, хотя Илану глубоко поразило отчаяние Холома и его казнь, она не верила, что с падением Ордена для народа Удела Духов не осталось будущего. И если не принять волю Прозорливого сейчас, не будет даже возможности это проверить.

— Бремя Дракона — порядок, милость Его — справедливый суд, — произнесла она ритуальную фразу, принимая нефритовую пластину из рук Смотрящего-в-ночь.

«Я слежу за тобой», — мысленно повторила она слова мохнатого каторжника. — «И, если ты лжёшь, моё время настанет».

Горький пепел победы

Ледяная Цитадель, самая древняя твердыня Ордена Стражей, пала за три дня. Стоя на гребне закопчённой стены, сложенной из обсидиановых блоков, Айсин Тукуур угрюмо глядел, как во внутренний двор верхом на каменном льве въезжает генерал Тагар. Гладкое белое тело волшебного зверя, покрытое затейливыми голубыми узорами, напоминало хрупкую фарфоровую статуэтку, но шаман знал, что оно крепче стали. С тех пор, как на древнем Святилище засиял звёздный огонь, древние боевые звери вновь стали послушны людям, и всё больше их выходило из лесов, чтобы присоединиться к победоносной армии Лазурного Дракона.

Возвращение Смотрящего-в-ночь в горную столицу не было похоже на триумфальное шествие, но, благодаря предусмотрительности сякюсэнского тысяченачальника и командиров крепостей на перевалах, не стало оно и ожесточённой схваткой. Вести о баянгольском разгроме достигли Ледяной Цитадели слишком поздно, чтобы Стражи успели перехватить кортеж Прозорливого, да и Изумрудное Плато мало походило на заросшее джунглями побережье. Изрезанные оврагами и ущельями альпийские луга давали простор и укрытие, а верные правителю горцы-проводники знали, как обмануть соглядатаев Ордена. И пусть привыкшим к роскоши и покою наместникам прибрежных городов тяжело давались ночёвки в войлочных юртах, им всем придавало сил ожидание чуда. Впервые за девять воплощений Смотрящий-в-ночь намеревался войти в древнее Святилище, чтобы говорить с Драконом лицом к лицу.

В тот день Тукуур так и не решился вступить под своды рукотворной скалы. Стоя на стене внутреннего города в том самом месте, где когда-то Дарсен Тагар любовался закатом, шаман смотрел в подзорную трубу, как раскрываются узорчатые двери перед Иланой. Расчёт знатока церемоний оказался верен. Святилище узнало древнюю кровь жрецов Толона, а голос светоча заставил его двери открыться. С замиранием сердца Айсин Тукуур глядел, как тоненькой струйкой вползает в ворота свита Прозорливого. Он мог лишь воображать великолепие сияющих коридоров. Рисовать в уме, как растворяется в янтарной колонне шар-светоч, и из его сапфировой сердцевины появляется росток. Как этот росток пронзает тело колонны, встречается с оплавленной громадой Упавшей Звезды, и слепящий свет нерва Безликого меркнет. Глубокая синева заполняет колонну, и в ней, как в небе после заката, одна за другой зажигаются незнакомые звёзды.

Потом, слушая рассказы других, шаман мог удивляться точности своих мыслей, но воображаемое не становилось реальным. Он не видел картины. Но в тот момент, когда рухнули оковы Дракона, Тукуур и его соратники услышали Голос. Голос, дарящий надежду, зовущий к новым открытиям и новым битвам. Одним своим звуком вознаграждающий верных и карающий нечестивых. И когда от Голоса осталось лишь эхо, три сотни Совиных Масок, две сотни Снежных Барсов и сотня Сокольников, не сговариваясь и не ожидая приказа выступили на штурм Ледяной Цитадели. Их вёл на священную битву сам Последний Судья, и Тукуур, Его верный пристав, шёл во главе колонны. Он не чувствовал ни страха, ни жалости — только цель. Голос Дракона согревал сердца его воинов, а души врагов наполнял леденящим ужасом.

Теперь в сердце Айсин Тукуура осталась только звенящая пустота и смертельная усталость. Вместо того, чтобы спешить навстречу командующему, он тупо разглядывал

тонкий порез на правом плече. Пустычная рана, из которой едва сочилась кровь. Но короткий меч, которым её нанесли, сиял янтарным светом Безликого, и он лишил жизни обоих питомцев-связных так же бесповоротно, как сам Тукуур меньше месяца назад убил Улан Холома.

"Знайте, что вы разрушили будущее своих детей, и детей их детей".

Тукуур тряхнул головой и медленно побрёл вниз по ступеням, осторожно касаясь правой ладонью гладкой стены. Дарсен Тагар уже спешился, его лев пронзал шамана взглядом льдисто-голубых глаз.

— Прорицатель, — приветствовал шамана генерал.

— Нохор Тагар, — слабым голосом отозвался преемник Улагай Дамдина.

Обновлённое Светило вставало из-за спины командующего. Тукуур зажмурился, подставив утренним лучам измождённое лицо.

— Всё самоуправствуете, прорицатель, — доброжелательно усмехнулся Дарсен Тагар. — Как Вы там говорили? Не успокойтесь, пока не повергнете в пыль врагов справедливости? Могли бы ради приличия дождаться приказа!

— Простите, командующий, — устало ответил шаман. — Я слышал Голос, как и все эти воины. Если бы я промедлил, они ушли бы без меня.

Генерал рассмеялся.

— Вы меня удивили, прорицатель! Ожидал от Вас чего угодно кроме извинений! Ведь, как говорится, победителей не судят! Такой короткий срок, такие малые потери... Как Вам удалось?

"Тогда Святилище станет ярким маяком во мраке неведения, и способные ясно услышат волю Дракона, а прочим откроется путь в земли, ранее недоступные человеку".

— Всё просто, нохор Тагар. Они тоже слышали Голос и восстали. Ученики против мастеров, солдаты против офицеров. Когда мы пришли к стенам крепости, она уже горела. Нам осталось только довершить начатое. Это крах Ордена, генерал. Я ждал, что восстанут скованные незримыми веригами, но Голос Дракона оказался намного громче. Намного, намного громче...

Шаман умолк, погрузившись в раздумья.

— Могло ли это коснуться хамелеонов? — спросил Тагар.

— Пути народа волн мне неизвестны, — покачал головой Тукуур.

— В любом случае, — воодушевлённо сказал генерал, — это поможет нам вернуть утраченные земли! Я уверен, билгэ Илана сможет к середине засухи освободить Бириистэн. Она ведь обещала спасти Ваших родителей из рук Ордена!

"Хорошо, что твои родители не видят, чем ты стал..."

— Я... буду молиться за её успех, — пробормотал знаток церемоний.

— Сыновняя почтительность творит чудеса, билгор Тукуур! — ободряюще воскликнул Тагар. — Посмотрите, как много Вы сделали: сокрушили Орден, дали нам слышать волю Дракона... И всё из любви к родителям! Просто невероятно!

Тукуур молча смотрел на командующего гвардией, недоумевающая, куда делся суровый, вечно недовольный, не скупящийся на едкий сарказм Дарсен Тагар. Неужели Голос преобразил его так же, как факельщиков Ордена? Или, вдруг догадался шаман, генерал попросту боится его, человека, приведшего в движение колесо истории. Колдуна, повелевающего смертоносными клинками. Командира, за три дня спалившего дотла неприступную Ледяную Цитадель. Ведь только сам шаман понимал, что он — всего лишь

щепка, попавшая в бурный поток, от которой теперь не зависит ровным счётом ничего. Для приближённых Прозорливого он был человеком, вернувшим страну в эпоху легенд. Подлинным избранником и пророком Дракона, который в любой момент мог бросить вызов власти Смотрящего-в-ночь. Тукуур был опасен, и поэтому ему дружелюбно, на грани подобострастия, улыбались в лицо, лихорадочно соображая, где взять подходящий кинжал. Жизнь Дамдина оборвало горное стекло. Что убьёт его преемника? Синяя киноварь? Смерть-меч? Полсотни бочек пороха? Может, Тукуура сдержит шёлковый шнур, готовый в любой момент сдавить горло его отца или матери?

"Всё из любви к родителям", — повторил про себя Тукуур, сдерживая горький смех. Перед его глазами сами собой всплыли строки орденской летописи:

Мы вернулись к тому, с чего начали,
В стенах крепости, сложенной изо льда,
Рядом с проклятой святыней,
Где бьются в вечном диссонансе сердца двух богов.

Его жизнь описала полный круг и вернулась в исходную точку. Неужели он должен будет повторить всё это, теряя друзей и врагов, знакомых и незнакомых? Или, всё же, есть выход? Шаман снова вспомнил тёплую ночь в Баянголе, далёкие звёзды над головой и голос посланницы. "Пусть дорога сновидений приведёт тебя к мечте".

— Дар Алам, Врата Мира, — едва слышно прошептал он.

— Что, простите? — нахмурился генерал.

Прежний Дарсен Тагар на мгновение вынырнул из-за слащавой маски, словно черепаха из покрытого ряской озера. Вынырнул, вдохнул, и спрятался обратно.

— Сегодня Голос вдохновляет нас, и мы думаем, что победили, — громче ответил Тукуур. — Но это не так. Мы только выбрали сторону, но почти ничего не знаем о других сторонах. Кто наши враги и есть ли у нас друзья? Как устроен этот мир? Чего нам бояться и к чему готовиться? Орден уничтожил все записи, которые могли бы нам помочь, а переписанные им священные книги бесполезны.

Командующий гвардией удивлённо посмотрел на прорицателя. Похоже, он рано записал Тукуура в обширную когорту мистиков, способных думать только о древних тайнах.

— Я полагал, что, услышав подобные слова из моих уст, Вы назвали бы их ересью, — проворчал он. — И вот, вы произносите их сами. Я не дерзну осуждать избранника Дракона, и поэтому спрашиваю: что Вы предлагаете?

— Перед пробуждением духов в Баянголе посланница открыла мне тайну. Каждый осколок Дракона или нерв Безликого в определённом смысле подобен свече. Там, куда достигает их свет, могут жить люди. Вне этого круга выживают только хамелеоны и, возможно, какие-то существа, о которых они нам не рассказывают. Разрушив оковы Дракона в Святилище мы позволили его осколку сиять так, что это видно даже человеческому взгляду.

— Значит, сделав свет ярче, мы расширили круг, — быстро понял генерал.

— Верно. Теперь появляется шанс, что этот круг сомкнётся с другим кругом. И раз уж Святилище стоит на западной границе Удела Духов, нам следует искать точку пересечения на западе, за Гребнем Дракона. Я буду просить у Прозорливого разрешения отправиться в экспедицию. Перейдя через горы, мы, как минимум, откроем пригодные для жизни области

размером чуть меньше нашей страны. Если же нам повезёт...

Взгляд прорицателя затуманился, и на его губах промелькнула грустная улыбка.

— Вы не просто оцениваете шансы, — догадался генерал. — Вы хотите найти что-то определённое.

Улыбка Тукуура стала ярче.

— Белый город с мозаичными куполами, — тихо ответил он. — Последний подарок посланницы. Имя, которое сохраняет мой рассудок во сне. Дар Алам.

Глоссарий

Безликий — уничижительное имя древнего божества, которому полонялись люди Толона и подчинённых ему городов до завоевания этих земель Смотрящим-в-ночь. Сами Толонцы называют его Великим Певцом. Ассоциируется с культурами священных деревьев, охоты и плодородия.

Билгор — горск. «мудрец», вежливое обращение к гражданскому шаману-чиновнику.

Великий Дракон, он же Лазурный Дракон, Последний Судья — божество жителей Баянгола и горцев Изумрудного Плато, вечный враг Безликого. В мифологии горцев повелевает ледниками и снегопадами, устанавливая времена года и даря своим почитателям мягкую зиму и обилие воды летом. Под влиянием проповедника из Баянгола, известного как Тринадцатый Смотрящий-в-ночь, приобрёл черты покровителя государственной власти и судьбы загробного мира.

Васанг — лиственное растение со смолистой древесиной, из которой изготавливают ритуальные благовония, лекарства. Дымом васанговых лучин окуривают коконы шелкопрядов, чтобы защитить их от паразитов. Из-за большой ценности дощечки из васанговой древесины с клеймом Смотрящего-в-ночь выполняют роль монет. Клеймение дощечек является привилегией баянгольского Святилища. Самовольное выращивание и ввоз дикорастущего васанга с островов караются смертью.

Вака — крупные птицы с разноцветным оперением и большими клювами, которыми они разгрызают твёрдые семена. Прекрасно ориентируются на местности и привязываются к месту постоянного гнездовья, благодаря чему хороши в качестве почтовых птиц.

Гранильщики — учителя в школах шаманов-чиновников, преподающие «дисциплины мудрости», т. е. науки, не связанные с войной.

Громовержец — гневный покровитель воинов в пантеоне мохнатых островитян. После завоевания островов Смотрящим-в-ночь был введен в пантеон Удела Духов. По легендам островитян, Громовержец с грохотом колотит своей алмазной палицей по облакам, выбивая из них дождь. Богословы Прозорливого смогли увязать это с краткой строчкой «четвёртый же повелевал молниями», назвав Громовержца одним из четырёх Посланников Дракона.

Добдобы — храмовые стражи, следящие также за общественным порядком в подчинённом их Святилищу городе. Подчиняются духовному наставнику Святилища.

Добан — раскидистое дерево, дающее хорошую тень. Часто используется в декоративных целях.

Законоучитель — правитель провинции, духовный наставник главного Святилища и глава школы чиновников.

Залгиур — мера длины, примерно равная длине средней фаланги указательного пальца — 1 китайский цунь или 3,3 сантиметра.

Звёздный Купол — главный храм Толона, превращённый Орденом в библиотеку и хранилище редкостей. Иногда также именуется Срединной Цитаделью.

Зеркало души — пластина из дерева, кости, металла или поделочного камня (в зависимости от ранга чиновника), на которой испытанный властями мастер вырезает портрет и краткую информацию о владельце — имя, ранг, титул и должность чиновника. Является основным документом, подтверждающим личность и полномочия соратника Прозорливого. Дополнительные знаки власти — перстни и обреги — не действительны без

предъявления «зеркала души». Название восходит к трудному для понимания пассажи «Воли Дракона»: «Кто стремится быть слугой Последнего Судьи, да будет введён в место тайны, и там увидит отражение собственной души и узнает свой путь. Идущий по пути справедливости обретёт там бессмертного наставника...»

Избранники Дракона — четыре выпускника школы шаманов-чиновников (по числу Посланников Дракона и сторон света), набравших высшие баллы на экзамене. Такие люди становятся на ранг выше своих соучеников и направляются для службы в столицы других провинций. Прочие ученики могут выбрать город или посёлок собственной провинции, но не свой родной город. Служить в своём городе могут только чиновники, удержанные в чрезвычайном порядке наместником провинции. Обычно право удержания применяется во время осады или эпидемии при критической нехватке кадров.

Кабкабы — деревянная подошва-платформа, которую в сезон дождей подвязывают к плетёным сандалиям, чтобы не промочить ноги.

Книгохранитель — служитель Ордена Стражей, обученный обращению с древними манускриптами и другими носителями информации. Не следует путать с *мастером-книгохранителем* — членом совета Цитадели, ответственным за соблюдение тайны, разведку и обучение новых братьев Ордена.

Незримые вериги — симбионты человека, похожие на полосу чешуйчатой кожи. Способны срастаться с телом человека, объединяясь с его нервной системой. Образуют устойчивые пары. Если пару разделить между двумя людьми, можно добиться эмоциональной и волевой связи между ними. Используются Орденом для контроля и индоктринации воспитанников, их существование сохраняется Стражами в строгой тайне.

Нохор — горск. «воин», вежливое обращение к военному шаману-чиновнику.

Орден Стражей — военно-политическая организация, традиции которой уходят в эпоху до Падения Звёзд. Став в удачный момент опорой власти Прозорливого, Орден быстро взял на себя функции просвещения и вероучительного надзора, искореняя как приверженцев культа Безликого, так и недовольных его усилением жрецов Дракона. Романтический ореол защитников народа от колдовства и древних боевых чудовищ дал Ордену немало сторонников среди жителей джунглей и нагорья.

Островитяне, также мохнатые, народ листвы — человекоподобные обитатели ближнего архипелага. Покрыты рыжей шерстью, отлично лазают по деревьям. Лица широкие, безволосые, с развитыми щёчными мешками. Есть также горловой мешок, с помощью которого островитяне издают сложные трели для общения на расстоянии. При близком общении предпочитают язык жестов. После захвата островов многие мохнатые попали в рабство к людям. Некоторые из новых хозяев сумели заслужить уважение и преданность этих существ. Телохранители-вольноотпущенники, преданные новой человеческой семье, нередко встречаются в городах побережья.

Пернатый бегун — крупная нелетающая птица, которую используют в курьерской почте. С лёгким наездником на ровной дороге птица может поддерживать скорость до 80 км/ч в течение почти трёх часов.

Плавильщики — учителя в школах шаманов-чиновников, преподающие «дисциплины доблести», т. е. боевые искусства, тактику и военные прорицания.

Соратники — сокращённое от «соратники Прозорливого», общее название шаманов-чиновников Удела Духов.

Сургуль — школа для шаманов-чиновников. Учителя школ и их программы регулярно проверяются Орденом Стражей.

Таванг — лекарственное растение, порошок листьев которого оказывает тонизирующее действие на организм и обостряет чувства.

Факельщики — боевое крыло Ордена Стражей. Дисциплинированные бойцы, помогающие испытанным братьям проводить дознание и сражаться с боевыми чудовищами.

Хамелеоны — разговорное название похожих на людей разумных существ, способных надолго задерживать дыхание под водой. В этом им помогают кожистые заслонки, закрывающие ноздри между вдохом и выдохом, как у тюленей. Люди волн высокие, худые, лишённые волос, с перепонками между пальцев. Их кожа способна менять цвет, подстраиваясь под окружающую местность, отсюда и название.

Цитадели — укреплённые опорные пункты Ордена Стражей, где проходят подготовку его воспитанники. Всего цитаделей три — Ледяная в горах недалеко от столицы, Срединная в Толоне и Прибрежная на острове Гэрэл.

Шаманы — чиновники Прозорливого называют себя так по старой традиции, хотя давно представляют собой институционализированное жречество, отправляющее множество сложных ритуалов, действенность которых не зависит от личности исполнителя. Те, кто настаивает на личном общении с духами, усилиями Ордена получили клеймо опасных радикалов. Те, кто общается с ними на деле, рискуют привлечь внимание факельщиков.

Яган — струнный инструмент, подобный цитре или гуциню.

Пять четвёрок

(наименования лет по группам первоэлементов):

Земля: Мышь, Свинья, Буйвол, Бегун.

Огонь: Обезьяна, Лис, Тигр, Вака.

Металл: Броненосец, Панголин, Крокодил, Феникс.

Воздух: Белка-летяга, Шерстокрыл, Стрекоза, Сокол.

Вода: Дельфин, Черепаха, Краб, Чайка.

Кратко о государственном устройстве

Удел Духов на первый взгляд кажется теократической монархией, во главе которой стоит окружённая ореолом мифов фигура Смотрящего-в-ночь — великого шамана, избранника духов. Однако формально правителем Удела является Великий Лазурный Дракон — повелитель Верхнего Мира, самый могущественный из благих духов-защитников людей. Смотрящий-в-ночь обладает полнотой власти на земле лишь постольку, поскольку с ним говорит Дракон. Способности Жамцена, первого Смотрящего-в-ночь, согласно преданиям, были настолько очевидными и впечатляющими, что ни у кого не возникало сомнений и разногласий. Но перед смертью Жамцен пообещал возвращаться из мира духов «до тех пор, пока люди не станут в мудрости равны духам». Искать ребёнка, в котором он воплотится, Первый завещал троим ближайшим соратникам. Им же он сообщил тайные признаки, которыми они должны руководствоваться.

По причинам, которые остаются предметом теологических споров, со времени Жамцена ни один из шаманов не мог явным образом установить контакт с тем Миром Духов, о котором говорил Первый. Всё, что было у троих старших соратников (со временем они получили титулы «хранители заветов» и «три украшения престола») — довольно туманный перечень качеств, записанный со слов умирающего. От избытка честности или как результат политического расчёта, трое советников сразу же заявили о своём несовершенстве и способности ошибаться. Это дало им пространство для манёвра.

Хранители заветов находят ребёнка, обладающего нужными качествами. Они интерпретируют список Первого в силу своей мудрости. Они же обучают ребёнка и готовят его к роли правителя. Формально он будет обладать полнотой власти как воплощение Жамцена. Фактически же, если он захочет кардинально изменить что-то в устройстве страны или пойдёт против Хранителей, они тут же публично объявят о том, что ошиблись и свергнут «лже-шамана».

Шаманы, говорящие от имени младших духов, слуг и союзников Дракона, называются соратниками Прозорливого и помогают ему в управлении государством. Закон позволяет любому человеку пройти обучение в сургуле — школе для шаманов-чиновников. На практике только достаточно богатые или хорошо образованные родители могут подготовить своих детей ко вступительным экзаменам и привезти их в столицу своей провинции.

Ученики сургуля на третьем году обучения выбирают путь. На пути доблести наставники, именуемые плавильщиками, готовят будущих офицеров армии Дракона. Те, кто выбрал этот путь, могут стать оружейными наставниками (специалистами по тактике и применению вооружений) или военными прорицателями (логистика, снабжение, планирование сражений). На пути мудрости учителя-гранильщики готовят гражданских чиновников. Идущие по нему становятся знатоками церемоний (ритуалы, история, законы духовные и светские, суд и следствие), внешней гармонии (архитектура, финансы, инженерное дело) или внутренней гармонии (медицина).

Кандидатов в шаманы тщательно проверяют воинствующие монахи из Ордена Стражей, призванные защищать страну от древних боевых чудовищ и колдунов, способных их пробуждать. Если ребёнок проявляет колдовские способности, но искренне верит Смотрящему-в-ночь, ему могут разрешить обучение, но после выпускного экзамена он обязан присоединиться к Ордену. Многие знатные шаманы сами выявляют такие признаки у

своих детей и заранее отдают их в цитадели Ордена на воспитание.

Больше книг на сайте - Knigoed.net